
Google

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

Die Mutter

Roman von Maxim Gorki

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

МАТЬ

Второе изданіе

BERLIN

Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren

J. Ladyschnikow

1908

DRUCK DER SPAMERSCHEN BUCHDRUCKEREI
IN LEIPZIG

М. ГОРЬКІЙ

МАТЬ

[redacted]

Часть первая.

I.

Каждый день надъ рабочей слободкой, въ дымномъ, масляномъ воздухѣ, дрожалъ и ревѣлъ фабричный гудокъ, и, послушные зову силы пара, изъ маленькихъ сѣрыхъ домовъ суетливо выбѣгали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успѣвшіе освѣжить сномъ свои мускулы. Въ холодномъ сумракѣ они шли по узкой, немощеной улицѣ къ высокимъ каменнымъ клѣткамъ фабрики, а она съ равнодушной увѣренностью ждала ихъ, освѣщая людямъ грязную дорогу десятками своихъ жирныхъ, квадратныхъ глазъ. Грязь чмокала подъ ногами, насмѣшливо сожалѣя о чемъ-то. Раздавались хриплыя восклицанія сонныхъ голосовъ, раздражительная ругань зло рвала воздухъ, а встрѣчу людямъ плыли глухіе звуки — тяжелая возня машинъ, недовольное ворчаніе пара. Угрюмо и строго маячили высокія черныя трубы, поднимаясь надъ слободкой, точно толстыя палки.

Вечеромъ, когда садилось солнце и на стеклахъ домовъ устало блестѣли его красные лучи, фабрика выкидывала людей изъ своихъ каменныхъ нѣдръ, словно отработанный шлакъ, и они снова шли по улицамъ, закопченые, съ черными лицами, распространяя въ воздухѣ липкій запахъ машиннаго масла и блестя голодными зубами. Теперь въ ихъ голосахъ звучало оживленіе и даже радость — на сегодня кончилась каторга труда, дома ждалъ ужинъ и отдыхъ.

День былъ проглоченъ фабрикой, машины высосали изъ мускуловъ людей столько силы, сколько имъ было нужно. День былъ безслѣдно вычеркнутъ изъ жизни, человѣкъ сдѣлалъ еще шагъ къ своей могилѣ, но онъ видѣлъ близко передъ собой наслажденіе отдыха, радости дымнаго кабака и — былъ доволенъ.

По праздникамъ спали часовъ до десяти, потомъ, люди солидные и женатые, одѣвались въ свое лучшее платье и шли слушать обѣдню, попутно ругая молодежь за ея равнодушіе къ церкви. Изъ церкви возвращались домой, ѣли пироги и снова ложились спать — до вечера.

Усталость, накопленная годами, лишала людей аппетита, и для того, чтобы ѣсть, много пили, раздражая безсильный желудокъ острыми ожогами водки.

Вечеромъ лѣниво гуляли по улицамъ, и тотъ, кто имѣлъ галоши, надѣвалъ ихъ, если даже было сухо, а имѣя дождевой зонтикъ, носилъ его съ собой, хотя-бы свѣтило солнце.

Встрѣчаясь другъ съ другомъ говорили о фабрикѣ, о машинахъ, ругали мастеровъ, — говорили и думали только о томъ, что было связано съ работой. Одинокія искры неумѣлой, безсильной мысли едва мерцали въ скучномъ однообразіи дней. Возвращаясь домой ссорились съ женами и часто били ихъ, не щадя кулаковъ. Молодежь сидѣла въ трактирахъ или устраивала вечеринки другъ у друга, играла на гармоникахъ, пѣла похабныя, некрасивыя пѣсни, танцовала, сквернословила и пила. Истомленные трудомъ люди пьянѣли быстро, и во всѣхъ грудяхъ пробуждалось непонятное, болѣзненное раздраженіе. Оно требовало выхода. И цѣпко хватаясь за каждую возможность разрядить это тревожное чувство, люди изъ-за пустяковъ бросались другъ на друга съ ѣдкимъ озлобленіемъ звѣрей. Возникали кровавыя драки. Порою онѣ кончались тяжкими увѣчьями, изрѣдка — убійствами.

Въ отношеніяхъ людей всего больше было чувства подстерегающей злобы, и оно было такое-же застарѣлое, какъ и неизлѣчимая усталость мускуловъ. Люди рождались съ

этою болѣзнью души, наслѣдуя ее отъ отцовъ, и она черною тѣнью сопровождала ихъ до могилы, побуждая въ теченіе жизни къ ряду поступковъ, отвратительныхъ своей безцѣльной жестокостью.

По праздникамъ молодежь являлась домой поздно ночью въ разорванной одеждѣ, въ грязи и пыли, съ разбитыми лицами, злорадно хвастаясь нанесенными товарищамъ ударами, или оскорбленная ими, въ гнѣвѣ или слезахъ обиды, пьяная и жалкая, несчастная и противная. Иногда парней приводили домой матери, отцы. Они отыскивали ихъ гдѣ-нибудь на улицѣ или въ кабакахъ безчувственно пьяными, скверно ругали, били кулаками мягкія, разжиженныя водкой тѣла дѣтей, потомъ болѣе или менѣе заботливо укладывали ихъ спать, чтобы рано утромъ, когда въ воздухѣ темнымъ ручьемъ потечетъ сердитый ревъ гудка, разбудить ихъ для работы.

Ругали и били дѣтей тяжело, но, въ тоже время, пьянство и драки молодежи казались старикамъ вполнѣ законнымъ явленіемъ — когда отцы были молоды, они тоже пили и дрались, ихъ тоже били матери и отцы. Жизнь всегда была такова — она ровно и медленно текла куда-то мутнымъ потокомъ годы и годы и вся была связана крѣпкими, давними привычками думать и дѣлать одно и тоже изо дня въ день. И, казалось, никто не имѣлъ времени, ни желанія попытаться измѣнить ее.

Изрѣдка въ слободку приходили откуда-то посторонніе люди. Сначала они обращали на себя вниманіе просто тѣмъ, что были чужіе, затѣмъ возбуждали къ себѣ легкій, внѣшній интересъ разсказами о мѣстахъ, гдѣ они работали, потомъ новизна стиралась съ нихъ, къ нимъ привыкали, и они становились незамѣтными. Изъ ихъ разсказовъ было ясно: жизнь рабочаго вездѣ одинакова. А если это такъ — о чемъ-же разговаривать?

Но иногда нѣкоторые изъ нихъ говорили что-то чужое, неслыханное въ слободкѣ. Съ ними не спорили, но слушали ихъ странныя рѣчи недовѣрчиво. Эти рѣчи у однихъ воз-

буждали слѣпое раздраженіе, у другихъ смутную тревогу, третьихъ безпокоила легкая тѣнь надежды на что-то неясное, и они начинали больше пить, чтобы изгнать ненужную, мѣшающую тревогу.

Замѣтивъ въ чужомъ необычное, слобожане долго не могли забыть ему это и относились къ человѣку, непохожему на нихъ, съ безотчетнымъ опасеніемъ. Они точно боялись, что человѣкъ броситъ въ жизнь что-нибудь такое, что нарушитъ ея уныло правильный ходъ, хотя тяжелый, но спокойный. Люди привыкли, чтобы жизнь давила ихъ всегда съ одинаковой силой и, не ожидая никакихъ измѣненій къ лучшему, они считали всѣ измѣненія способными только увеличить гнеть.

И отъ людей, которые говорили новое — слобожане молча сторонились. Тогда эти люди исчезали, снова уходя куда-то, а оставаясь на фабрикѣ, они жили всторонѣ, если не умѣли слиться въ одно цѣлое съ одно образной массой слобожанъ . . .

Поживъ такой жизнью лѣтъ пятьдесятъ — человѣкъ умиралъ.

II.

Такъ жилъ и слесарь Михаилъ Власовъ, человѣкъ угрюмый, съ маленькими глазами, которые смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей подозрительно, съ нехорошей усмѣшкой. Онъ былъ лучшимъ слесаремъ на фабрикѣ и первымъ силачемъ въ слободкѣ. Но онъ держался съ начальствомъ грубо и поэтому зарабатывалъ мало, каждый праздникъ кого-нибудь избивалъ, и всѣ его не любили, боялись. Его тоже пробовали бить и не однажды, но безуспѣшно. Когда Власовъ видѣлъ, что на него идутъ люди, онъ хваталъ въ руки камень, доску, кусокъ желѣза и, широко разставивъ ноги, молча ожидалъ враговъ. Лицо его, заросшее отъ глазъ до шеи черной бородой, и волосатыя руки внушали всѣмъ страхъ. Особенно боялись его глазъ, — маленькіе и острые, они сверлили людей точно стальные буравчики, и каждый, кто встрѣ-

чался съ ихъ взглядомъ, чувствовалъ передъ собой дикую силу, недоступную страху, готовую бить безпощадно.

— Ну, расходись, сволочь! — глухо говорилъ онъ. Сквозь густые волосы на его лицѣ страшно сверкали крупные, желтые зубы. Люди расходились, ругая его трусливо воющей руганью.

— Сволочь! — кратко говорилъ онъ вслѣдъ имъ, и глаза его блестѣли острой, какъ шило, усмѣшкой. Потомъ, держа голову вызывающе прямо, онъ шелъ слѣдомъ за ними и порою вызывалъ:

— Ну, кто смерти хочетъ?

Никто не хотѣлъ.

Говорилъ онъ мало и »сволочь« — было его любимое слово. Имъ онъ называлъ начальство фабрики и полицію, съ нимъ онъ обращался къ женѣ.

— Ты, сволочь, не видишь — штаны разорвались!

Когда Павлу, сыну его, было четырнадцать лѣтъ — Власову захотѣлось оттаскать его за волосы еще разъ. Но Павелъ взялъ въ руки тяжелый молотокъ и кратко сказалъ:

— Не тронь . . .

— Чего? — спросилъ отецъ, надвигаясь на высокую и тонкую фигуру сына, какъ тѣнь на березу.

— Будетъ! — сказалъ Павелъ. — Больше я не дамся . . .

И широко раскрывъ глаза, онъ взмахнулъ молоткомъ.

Отецъ посмотрѣлъ на него, спряталъ за спину свои мохнатыя руки и, усмѣхаясь, проговорилъ:

— Ладно . . .

Потомъ тяжело вздохнулъ и добавилъ:

— Эхъ ты, сволочь. . . .

Вскорѣ послѣ этого онъ сказалъ женѣ:

— Денегъ съ меня больше не спрашивай . . . тебя и Пашка прокормитъ . . .

— А ты все пропивать будешь? — осмѣлилась она спросить его.

Онъ, ударивъ кулакомъ по столу, заявилъ:

— Не твое дѣло . . . сволочь! Я любовницу заведу . . .

Любовницы онъ не завелъ, но съ того времени почти два года, вплоть до смерти своей, не замѣчалъ сына и не говорилъ съ нимъ.

Была у него собака, такая-же большая и мохнатая, какъ самъ онъ. Она каждый день провожала его на фабрику и каждый вечеръ ждала его у воротъ. По праздникамъ Власовъ отправлялся ходить по кабакамъ. Ходилъ онъ молча и, точно желая найти кого-то, царапалъ своими глазами лица людей. И собака весь день ходила за нимъ, опустивъ большой, пышный хвостъ. Возвращаясь домой пьяный, онъ садился ужинать и кормилъ собаку изъ своей чашки. Онъ ее не билъ, не ругалъ и не ласкалъ никогда. Послѣ ужина онъ сбрасывалъ посуду со стола на полъ, если жена не успѣвала во время убрать ее, ставилъ передъ собой бутылку водки и, опираясь спиной о стѣну, глухимъ голосомъ, наводившимъ тоску, вылъ пѣсню, широко открывая ротъ и закрывъ глаза. Заунывные, некрасивые звуки путались въ его усахъ, сбивая съ нихъ хлѣбныя крошки, слесарь расправлялъ волосы бороды и усовъ толстыми пальцами и — пѣлъ. Слова пѣсни были какія-то непонятныя, растянутыя, мелодія напоминала о зимнемъ воѣ волковъ. Пѣлъ онъ до поры, пока въ бутылкѣ была водка, а потомъ валился бокомъ на лавку или опускалъ голову на столъ и такъ спалъ до гудка. Собака лежала рядомъ съ нимъ.

Умеръ онъ отъ грыжи и умиралъ долго. Дней пять, весь почернѣвшій, онъ ворочался на постели, плотно закрывъ глаза, и скрипѣлъ зубами. Иногда говорилъ женѣ:

— Дай мышьяку . . . отрави . . .

Она приводила доктора, онъ велѣлъ поставить Михаилу припарки, но сказалъ, что необходима операція, и больного нужно сегодня-же везти въ больницу.

— Пошелъ къ черту . . . я самъ умру . . . сволочь! — сказалъ Михаилъ.

А когда докторъ ушелъ и жена со слезами стала уговаривать его согласиться на операцію, онъ сжалъ кулакъ и, погразивъ ей, заявилъ:

— Не смѣй . . . выздоровлю — тебѣ хуже будетъ!

Онъ умеръ утромъ, въ тѣ минуты, когда гудокъ звалъ на работу. Въ гробу лежалъ съ открытымъ ртомъ, но брови у него были сердито нахмурены. Хоронили его жена, сынъ, собака, старый пьяница и воръ Данило Вѣсовщиковъ, прогнанный съ фабрики, и нѣсколько слободскихъ нищихъ. Жена плакала тихо и немного, Павелъ не плакалъ. Слобожане, встрѣчая на улицѣ гробъ, останавливались и крестясь говорили другъ другу:

— Чай, Палагея-то рада-радешенька, что померъ онъ . . .

Нѣкоторые поправляли:

— Не померъ, а — издохъ . . .

Когда гробъ зарыли, — люди ушли, а собака осталась и, сидя на свѣжей землѣ, долго и молча нюхала могилу. Черезъ нѣсколько дней кто-то убилъ ее . . .

III.

Спустя недѣли двѣ послѣ смерти отца, въ воскресенье, Павелъ Власовъ пришелъ домой сильно пьяный. Качаясь, онъ пролѣзъ въ передній уголъ и, ударивъ кулакомъ по столу, какъ это дѣлалъ отецъ, крикнулъ матери:

— Ужинать! . .

Мать подошла къ нему, сѣла рядомъ и обняла сына, притягивая голову его къ себѣ на грудь. Онъ, упираясь рукой въ плечо ей, сопротивлялся и кричалъ:

— Мамаша . . . живо! . .

— Дурачекъ ты! — печально и ласково сказала мать, одолѣвая его сопротивленіе.

— И я — курить буду . . . дай мнѣ отцову трубку . . . — тяжело двигая непослушнымъ языкомъ, бормоталъ Павелъ.

Онъ напился впервые. Водка ослабила его тѣло, но не погасила сознанія, и въ головѣ стучалъ вопросъ:

— Пьянъ? . . Пьянъ? . .

Его смущали ласки матери и трогала печаль въ ея глазахъ. Хотѣлось плакать и, чтобы подавить это желаніе, онъ старался притвориться болѣе пьянымъ чѣмъ былъ.

А мать гладила рукой его потные, спутанные волосы и тихо говорила:

— Не надо-бы этого тебѣ . . .

Его начало тошнить. Послѣ бурнаго припадка рвоты мать уложила его въ постель, накрывъ блѣдный лобъ мокрымъ полотенцемъ. Онъ немного отрезвѣлъ, но все подъ нимъ и вокругъ него волнообразно качалось, у него отяжелѣли вѣки и, ощущая во рту скверный горькій вкусъ, онъ смотрѣлъ сквозь рѣсницы на большое лицо матери и безсвязно думалъ:

— Видно рано еще мнѣ . . . другіе пьютъ и — ничего . . . а меня тошнитъ . . .

Откуда-то издали доносился мягкій голосъ матери:

— Какимъ кормильцемъ ты будешь мнѣ, если пить начнешь . . .

Плотно закрывъ глаза, онъ сказалъ:

— Всѣ пьютъ . . .

Мать тяжело вздохнула. Онъ былъ правъ. Она сама знала, что кромѣ кабака людямъ негдѣ почерпнуть радости, кромѣ водки нѣтъ у нихъ наслажденія. Но, всетаки, сказала:

— А ты — не пей! За тебя, сколько надо, отецъ выпилъ . . . И меня онъ намучилъ довольно . . . такъ ужъ ты-бы пожалѣлъ мать, а?

Слушая печальныя, мягкія слова, Павелъ вспоминалъ, что при жизни отца мать была незамѣтна въ домѣ, молчалива и всегда жила въ тревожномъ ожиданіи побоевъ. Избѣгая встрѣчъ съ отцомъ, онъ мало бывалъ дома послѣднее время, отвыкъ отъ матери и теперь, постепенно трезвѣя, пристально смотрѣлъ на нее.

Была она высокая, немного сутулая, ея грузное тѣло, разбитое долгой работой и побоями мужа, двигалось безшумно и какъ-то бокомъ, точно она всегда боялась задѣть за что-то. Широкое, овальное лицо, изрѣзанное морщинами и одутловатое, освѣщалось темными глазами, тревожно-грустными, какъ у большинства женщинъ въ слободкѣ. Надъ правой бровью былъ глубокій шрамъ, онъ немного подни-

малъ бровь кверху, казалось, что и правое ухо у нея выше, и это придавало ея лицу такое выраженіе, какъ будто она всегда пугливо прислушивалась . . . Въ густыхъ, темныхъ волосахъ блестѣли сѣдыя пряди, точно знаки тяжелыхъ ударовъ . . . Вся она была мягкая, печальная, покорная . . .

И по щекамъ ея медленно текли слезы.

— Подожди, не плачь! — тихо попросилъ сынъ. — Дай мнѣ испить.

— Я тебѣ со льдомъ принесу воды . . .

Но когда она воротилась, онъ уже заснулъ. Она постояла надъ нимъ съ минуту, стараясь дышать не громко, ковшъ въ ея рукѣ дрожалъ, и ледъ тихо бился о жесть. Потомъ, поставивъ ковшъ на столъ, она опустилась на колѣни передъ образами и молча начала молиться. Въ стекла оконъ бились звуки темной, пьяной жизни. Во тьмѣ и сырости осенняго вечера визжала гармоника, кто-то громко пѣлъ пѣсню, кто-то ругался скверными, гнилыми словами, и тревожно звучали раздраженные, усталые голоса женщинъ . . .

Жизнь въ маленькомъ домѣ Власовыхъ потекла однообразно, но болѣе тихо и спокойно, чѣмъ прежде и нѣсколько иначе, чѣмъ вездѣ въ слободѣ. Домъ ихъ стоялъ на краю слободы, у невысокаго, но крутого спуска къ болоту. Треть дома занимала кухня и отгороженная отъ нея тонкой, не доходящей до потолка переборкой маленькая комнатка, въ которой спала мать. А остальныя двѣ трети представляли собой квадратную комнату съ двумя окнами; въ одномъ углу ея стояла кровать Павла, въ переднемъ — столъ и двѣ лавки. Нѣсколько стульевъ, комодъ для бѣлья, на немъ маленькое зеркало, сундукъ съ платьемъ, часы на стѣнѣ и двѣ иконы въ углу — вотъ и все.

Павелъ старался жить какъ всѣ. Онъ сдѣлалъ все, что надо молодому парню: купилъ себѣ гармонику, рубашку съ накрахмаленной грудью, яркій галстухъ, галоши, трость и внѣшне сталъ такой-же, какъ всѣ подростки его лѣтъ. Ходилъ на вечеринки, выучился танцовать кадриль и польку, по праздникамъ возвращался домой выпивши и всегда

сильно страдалъ отъ водки. На утро болѣла голова, мучила изжога, лицо было блѣдное, скучное.

Однажды мать спросила его:

— Ну, что, весело тебѣ было вчера?

Онъ отвѣтилъ съ угрюмымъ раздраженіемъ:

— Тоска зеленая! . . Всѣ какъ машины . . . Я лучше удить рыбу буду . . . или — куплю себѣ ружье.

Работалъ онъ усердно, безъ прогуловъ и штрафовъ, былъ молчаливъ, и голубые, большіе, какъ у матери его, глаза смотрѣли недовольно . . . Онъ не купилъ себѣ ружья и не сталъ удить рыбу, но замѣтно сталъ уклоняться съ торной дороги для всѣхъ: все рѣже посѣщалъ вечеринки и хотя по праздникамъ куда-то уходилъ, но возвращался трезвый. Мать незамѣтно, но зорко слѣдила за нимъ и видѣла, что смуглое лицо сына становится все острѣе, глаза смотрятъ все болѣе серьезно и губы его сжались странно строго. Казалось, онъ всегда молча сердится на что-то или его сосетъ болѣзнь. Раньше къ нему заходили товарищи, теперь, не заставая его дома, они перестали являться. Матери было пріятно видѣть, что сынъ ея становится непохожимъ на фабричную молодежь, но когда она замѣтила, что онъ сосредоточенно и упрямо выплываетъ куда-то далеко всторону изъ темнаго потока однотонной жизни — это вызвало въ душѣ ея чувство смутнаго опасенія.

Онъ началъ приносить съ собой книги и сначала старался читать ихъ незамѣтно, а прочитавъ, куда-то пряталъ. Иногда онъ выписывалъ изъ книжекъ что-то на отдѣльную бумажку и тоже пряталъ ее . . .

— Ты, можетъ, нездоровъ, Павлуша? — спрашивала она его иногда.

— Нѣтъ, я здоровъ! — отвѣчалъ онъ.

— Худой ты очень! — вздохнувъ говорила мать.

Онъ молчалъ.

Говорили они мало и мало видѣли другъ друга. Утромъ онъ молча пилъ чай и уходилъ на работу, въ полдень являлся обѣдать, за столомъ перекидывались незначительными сло-

вами, и снова онъ исчезалъ вплоть до вечера. А вечеромъ онъ тщательно умывался, ужиналъ и послѣ долго читалъ свои книги. По праздникамъ уходилъ съ утра, возвращался поздно ночью. Она знала, что онъ ходитъ въ городъ, бываетъ тамъ въ театрѣ, но къ нему изъ города никто не являлся. Ей казалось, что съ теченіемъ времени сынъ говорилъ все меньше и, въ тоже время, она замѣчала, что порою, и все чаще, онъ употреблялъ какія-то новыя слова, непонятныя ей, а привычныя для нея, грубыя и рѣзкія выраженія — выпадаютъ изъ его рѣчи. Въ поведеніи его явилось много мелочей, обращавшихъ на себя вниманія: онъ бросилъ щегольство, сталъ больше заботиться о чистотѣ тѣла и платья, двигался свободнѣе, ловчѣе и, становясь наружно проще, мягче, возбуждалъ у матери тревожное вниманіе къ себѣ. И въ его отношеніи къ матери было что-то новое: онъ иногда подметалъ полъ въ комнатѣ, самъ убиралъ по праздникамъ свою постель и, вообще, незамѣтно, старался облегчить ея трудъ. Никто не дѣлалъ этого въ слободѣ...

Однажды онъ принесъ и повѣсилъ на стѣнку картину — трое людей разговаривая шли куда-то легко и бодро.

— Это воскресшій Христосъ идетъ въ Эммаусъ! — объяснилъ ей Павелъ.

Матери понравилась картина, но она подумала:

— Христа почитаешь, а въ церковь не ходишь...

Потомъ на стѣнахъ явилось еще нѣсколько картинъ, и все больше становилось книгъ на полкѣ, красиво сдѣланной Павлу товарищемъ столяромъ. Комната приняла пріятный видъ.

Онъ говорилъ ей »вы« и называлъ ее »мамаша«, но иногда, вдругъ, обращался къ ней съ короткими словами:

— Ты, мать, пожалуйста, не безпокойся, я поздно ворочусь домой...

Ей это нравилось, въ его словахъ она чувствовала что-то серьезное и крѣпкое.

Но росла ея тревога. Не становясь отъ времени яснѣе, она все болѣе остро щекотала сердце предчувствіемъ чего-

то необычнаго. Порою у матери являлось легкое недовольство сыномъ, и она думала:

— Всѣ люди — какъ люди, а онъ — какъ монахъ . . . Ужъ очень строгъ . . . не по годамъ это . . .

Иногда она думала:

— Можетъ онъ тамъ дѣвицу себѣ завелъ какую нибудь?

Но возня съ дѣвицами требуетъ денегъ, а онъ отдавалъ ей свой заработокъ почти весь.

Такъ шли недѣли, мѣсяцы и незамѣтно прошло два года странной, молчаливой жизни, полной смутныхъ думъ и опасеній, все возраставшихъ.

IV.

Однажды послѣ ужина Павелъ опустилъ занавѣску на окнѣ, сѣлъ въ уголъ и сталъ читать, повѣсивъ на стѣнку надъ своей головой жестяную лампу. Мать убрала посуду и, выйдя изъ кухни, осторожно подошла къ нему. Онъ поднялъ голову и вопросительно взглянулъ ей въ лицо.

— Ничего, Паша, это я такъ! . . — поспѣшно сказала она и ушла, смущенно двигая бровями. Но, постоявъ среди кухни съ минуту неподвижно, задумчивая и озабоченная, она чисто вымыла руки и снова вышла къ сыну.

— Хочу я спросить тебя, — тихонько сказала она, — что ты все читаешь?

Онъ сложилъ книжку.

— Ты сядь, мамаша . . .

Мать грузно опустилась рядомъ съ нимъ и выпрямилась, насторожилась, ожидая чего-то важнаго.

Не глядя на нее, негромко, и почему-то очень сурово, Павелъ заговорилъ:

— Я читаю запрещенныя книги. Ихъ запрещаютъ читать потому, что онѣ говорятъ правду о нашей, о рабочей жизни . . . Онѣ печатаются тихонько, тайно и если ихъ у меня найдутъ — меня посадятъ въ тюрьму . . . въ тюрьму за то, что я хочу знать правду . . . Поняла?

Ей вдругъ стало трудно дышать. Широко открывъ глаза, она смотрѣла на сына, и онъ казался ей новымъ, чуждымъ. У него былъ другой голосъ — ниже, гуще и звучнѣе. Онъ щипалъ пальцами тонкіе, пушистые усы и странно, исподлобья смотрѣлъ куда-то въ уголъ. Ей стало страшно за сына и жалко его.

— Зачѣмъ-же ты это, Паша? — проговорила она.

Онъ поднялъ голову, взглянулъ на нее и негромко, спокойно отвѣтилъ:

— Хочу знать правду.

Голосъ его звучалъ тихо, но твердо, глаза блестѣли упрямо. Она сердцемъ поняла, что сынъ ея обрекъ себя навсегда чему-то тайному и страшному. Всегда и все въ жизни казалось ей неизбѣжнымъ, она привыкла подчиняться не думая и теперь только заплакала тихонько, не находя словъ въ сердцѣ, сжатомъ горемъ и тоской.

— Не плачь! — говорилъ Павелъ ласково и тихо, а ей казалось, что онъ прощается.

— Подумай, какою жизнью мы живемъ? Вотъ тебѣ сорокъ лѣтъ, — а развѣ ты жила? Отецъ тебя билъ . . . я теперь понимаю, что онъ на твоихъ бокахъ вымѣщалъ свое горе... горе своей жизни... оно давило его, а онъ не понималъ — откуда оно. Онъ работалъ тридцать лѣтъ, началъ работать, когда вся фабрика помѣщалась въ двухъ корпусахъ, а теперь вотъ ихъ — семь!.. Фабрики ростутъ, а люди умираютъ въ работѣ на нихъ...

Она слушала его со страхомъ и жадностью. Глаза у него горѣли красиво и свѣтло, опираясь грудью на столъ, онъ подвинулся ближе къ матери и говорилъ ей прямо въ лицо, мокрое отъ слезъ, свою первую рѣчь о правдѣ, понятой имъ. Со всею силой юности и жаромъ ученика, гордаго своими знаніями, свято вѣрующаго въ ихъ истину, онъ говорилъ о томъ, что было ясно для него и говорилъ не столько для матери, сколько провѣряя самого себя. Порою онъ останавливался, не находя словъ, и тогда видѣлъ передъ собой огорченное лицо, на которомъ тускло блестѣли затуманенные

слезами, добрые глаза. Они смотрѣли со страхомъ, съ недоумѣніемъ. Ему было жалко мать, онъ начиналъ говорить снова, но уже о ней, о ея жизни.

— Какія радости ты знала? — спрашивалъ онъ. — Чѣмъ ты можешь помянуть прожитое?

Она слушала и печально качала головой, чувствуя что-то новое, невѣдомое ей, скорбное и радостное, и оно мягко ласкало ея наболѣвшее сердце. Такія рѣчи о себѣ, о своей жизни она слышала впервые, и онѣ будили въ ней давно уснувшія, неясныя думы, тихо раздували угасшія чувства смутнаго недовольства жизнью — думы и чувства дальней молодости. Она говорила о жизни съ подругами, говорила подолгу, обо всемъ, но всѣ, и она сама, только жаловались, никто не объяснялъ — почему жизнь такъ тяжела и трудна... А вотъ теперь передъ нею сидитъ ея сынъ, и то, что говорятъ о ней его глаза, лицо, слова — все это задѣваетъ за сердце, наполняя его чувствомъ гордости за сына, который вѣрно понялъ жизнь своей матери, правду говоритъ ей о ея страданіяхъ, жалѣетъ ее.

Матерей — не жалѣютъ.

Она это знала. Она не понимала того, что Павелъ говорилъ не о ней, но все, что говорилъ онъ о ея женской жизни — была горькая, знакомая правда. Поэтому ей казалось, что каждое слово его полно правды, и въ груди у нея тихо трепеталъ клубокъ ощущеній, все болѣе согрѣвавшій ее незнакомой лаской.

— Что-же ты хочешь дѣлать? — спросила она, перебивая его рѣчь.

— Учиться, а потомъ — учить другихъ. Намъ, рабочимъ, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять — отчего жизнь такъ тяжела для насъ.

Ей было сладко видѣть, что его голубые глаза, всегда серьезные и строгіе, теперь горѣли такъ мягко и освѣщали въ немъ что-то рѣдкое для нея. На ея губахъ играла довольная, тихая улыбка, хотя въ морщинахъ щекъ еще дрожали слезы. Въ ней колебалось двойственное чувство гор-

дости сыномъ, который хочетъ всѣмъ людямъ добра, жалѣетъ всѣхъ, видитъ горе жизни и, въ тоже время, она не могла забыть о его молодости и о томъ, что онъ говоритъ не такъ, какъ всѣ, что онъ одинъ рѣшилъ вступить въ споръ съ этой привычной для всѣхъ и для нея жизнью... Ей хотѣлось сказать ему:

— Милый, что ты можешь сдѣлать? Сомнутъ тебя... пропадешь!

Но она боялась помѣшать себѣ любоваться сыномъ, который, вдругъ, открылся передъ нею такимъ новымъ, умнымъ... и немного чужимъ для нея.

Павелъ видѣлъ улыбку на губахъ матери, вниманіе на лицѣ, любовь въ ея глазахъ, ему казалось, что онъ заставилъ ее понять свою правду, и юная гордость силою слова возвышала его вѣру въ себя. Охваченный возбужденіемъ, онъ все говорилъ, то усмѣхаясь, то хмуря брови, порою въ его словахъ звучала ненависть, и когда мать слышала ея звенящія, жесткія слова, она, пугаясь, качала головой и тихо спрашивала сына:

— Такъ-ли, Паша?

— Такъ! — отвѣчалъ онъ твердо и крѣпко. И разсказывалъ ей о людяхъ, которые желая добра народу, сѣяли въ немъ правду, а за это враги жизни ловили ихъ, какъ звѣрей, сажали въ тюрьмы, посылали на каторгу...

— Я такихъ людей видѣлъ! — горячо воскликнулъ онъ. — Это лучшіе люди на землѣ!

Въ ней эти люди возбуждали страхъ, и она хотѣла спросить сына:

— Такъ-ли, Паша?

Но ие рѣшалась и, замирая, слушала разсказы о людяхъ, непонятныхъ ей, научившихъ ея сына говорить и думать столь опасно для него. Наконецъ она сказала ему:

— Скоро свѣтать будетъ... легъ-бы ты, уснулъ!.. Вѣдь на работу идти...

— Да, я сейчасъ лягу! — согласился онъ. И, наклонясь къ ней, спросилъ:

— Поняла ты меня?

— Поняла! — вздохнувъ отвѣтила она. Изъ глазъ ея снова покатились слезы и, всхлипнувъ, она добавила: — Пропадешь ты!

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, потомъ сказалъ:

— Ну, вотъ, ты теперь знаешь, что я дѣлаю, куда хожу... я тебѣ все сказалъ! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь — не мѣшай мнѣ!..

— Голубчикъ ты мой! — воскликнула она. — Можетъ лучше-бы для меня не знать ничего!

Онъ взялъ ея руку и крѣпко стиснулъ въ своихъ.

Ее потрясло слово »мать«, сказанное имъ съ горячей силой, и это пожатіе руки, новое и странное.

— Ничего я не буду дѣлать! — прерывающимся голосомъ сказала она. — Только береги ты себя... береги!

Не зная чего нужно беречься, она тоскливо прибавила:

— Худѣешь ты все...

И обнявъ его крѣпкое, стройное тѣло ласкающимъ теплымъ взглядомъ, заговорила торопливо и тихо:

— Богъ съ тобой! Живи, какъ хочешь, не буду я тебѣ мѣшать. Только объ одномъ прошу — не говори съ людьми безъ страха! Опасаться надо людей — ненавидятъ всѣ другъ друга! Живутъ жадностью, живутъ завистью. Всѣ рады зло сдѣлать... Какъ начнешь ты ихъ обличать, да судить — возненавидятъ они тебя, погубятъ!

Сынъ стоялъ въ дверяхъ, слушая тоскливую рѣчь, а когда мать кончила, онъ улыбаясь сказалъ:

— Люди плохи, да... Но когда я узналъ, что на свѣтѣ есть правда — люди стали лучше!..

Онъ снова улыбнулся и продолжалъ:

— Самъ не понимаю, какъ это вышло! Съ дѣтства всѣхъ боялся... сталъ подростать — началъ ненавидѣть... которыхъ за подлость, которыхъ — и не знаю за что... такъ, просто! А теперь всѣ для меня по другому встали... жалко всѣхъ, что-ли? Не могу понять... но сердце стало мягче, когда узналъ, что не всѣ виноваты въ грязи своей...

Онъ замолчалъ, точно прислушиваясь къ чему-то въ самомъ себѣ, потомъ негромко и вдумчиво сказалъ:

— Вотъ какъ дышетъ правда!

Она взглянула на него и тихо молвила:

— Опасно ты перемѣнился, о, Господи!

Когда онъ легъ и уснулъ, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла къ нему. Павелъ лежалъ кверху грудью, и на бѣлой подушкѣ четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижавъ руки къ груди, мать, босая и въ одной рубашкѣ, стояла у его постели, губы ея беззвучно двигались, а изъ глазъ медленно и ровно одна за другой текли большія, мутныя слезы . . .

V.

И снова они стали жить молча, далекіе и близкіе другъ другу.

Какъ-то разъ среди недѣли, въ праздникъ, Павелъ, уходя изъ дома, сказалъ матери:

— Въ субботу у меня соберутся люди . . .

— Какіе люди? — спросила она.

— Нѣкоторые здѣшніе . . . другіе изъ города.

— Изъ города? . . — повторила мать, качая головой, и вдругъ всхлипнула.

— Ну, зачѣмъ, мамаша? — недовольно воскликнулъ Павелъ. — О чемъ?

Она, утирая лицо фартукомъ, тихо отвѣтила:

— Не знаю . . . такъ ужъ . . .

Онъ прошелся по комнатѣ и, остановясь передъ ней, спросилъ:

— Боишься?

— Боюсь! . . — созналась она. — Эти, изъ города . . . кто ихъ знаетъ?

Онъ наклонился къ ея лицу и сердито, точно его отецъ, проговорилъ:

— Отъ страха всѣ мы и пропадаемъ! А которые командуетъ нами — они пользуются страхомъ и еще больше

запугиваютъ насъ. Пойми ты — будутъ люди бояться — будутъ гнить, вонъ какъ березы на болотѣ . . . Надо осмѣлѣть, пора!

Онъ отошелъ въ уголъ и оттуда сказалъ:

— Все равно . . . собираться у меня будутъ!

Мать тоскливо взвыла:

— Не сердись! Какъ мнѣ не бояться? Всю жизнь въ страхѣ жила . . . вся душа обросла имъ!

Негромко и мягче онъ сказалъ:

— Ты прости меня . . . иначе мнѣ нельзя!

И ушелъ.

Три дня у нея дрожало сердце, замирая каждый разъ, какъ она вспоминала, что вотъ, въ домъ придутъ чужіе люди. Она не могла себѣ представить ихъ, но ей казалось, что они — страшные. Это они указали сыну дорогу, по которой онъ идетъ . . .

Въ субботу вечеромъ Павелъ пришелъ съ фабрики, умылся, переодѣлся и, снова уходя куда-то, сказалъ, не глядя на мать:

— Придутъ — скажи, что я сейчасъ ворочусь . . . Пусть подождутъ. И, пожалуйста, не бойся . . . Люди, какъ люди.

Она безсильно опустилась на лавку. Сынъ хмуро взглянулъ на нее и предложилъ:

— Можетъ быть, ты . . . уйдешь куда-нибудь?

Это ее обидѣло. Отрицательно качнувъ головой, она сказала:

— Нѣтъ . . . все равно! Зачѣмъ-же?

Былъ конецъ ноября. Днемъ на мерзлую землю выпалъ сухой, мелкій снѣгъ, и теперь было слышно, какъ онъ скрипитъ подъ ногами уходившаго сына. Къ стекламъ окна неподвижно прислонилась густая тьма, враждебно подстерегая что-то. Мать, упираясь руками въ лавку, сидѣла и, глядя на дверь, ждала . . .

Ей казалось, что во тьмѣ со всѣхъ сторонъ къ дому осторожно крадутся, согнувшись и оглядываясь по сторо-

намъ, чужіе люди, странно одѣтые, молчаливые. Вотъ кто-то уже ходитъ вокругъ дома, шаритъ руками по стѣнѣ.

Сталъ слышенъ свистъ. Онъ извивался въ тишинѣ тонкой струйкой, печальный и мелодичный, задумчиво плуталъ въ пустынѣ тьмы, искалъ чего-то и приближался . . . И вдругъ исчезъ подъ окномъ, точно воткнувшись въ дерево стѣны.

Въ сѣняхъ зашаркали чьи-то ноги, мать вздрогнула и, напряженно поднявъ брови, встала.

Дверь отворили. Сначала въ комнату всунулась голова, въ большой, мохнатой шапкѣ, потомъ, согнувшись, медленно пролѣзло длинное тѣло, выпрямилось, не торопясь подняло правую руку и, шумно вздохнувъ, густымъ, груднымъ голосомъ сказало:

— Добрый вечеръ!

Мать молча поклонилась.

— А Павла дома еще нѣту?

Человѣкъ медленно снялъ мѣховую куртку, поднялъ одну ногу, смахнулъ шапкой снѣгъ съ сапога, потомъ тоже сдѣлалъ съ другой ногой, бросилъ шапку въ уголъ и, качаясь на длинныхъ ногахъ, пошелъ въ комнату. Подошелъ къ стулу, осмотрѣлъ его, какъ-бы убѣждаясь въ его прочности, наконецъ сѣлъ и, прикрывъ ротъ рукой, зѣвнулъ. Голова у него была правильно круглая и гладко острижена, бритыя щеки и длинные усы концами внизъ. Внимательно осмотрѣвъ комнату большими, выпуклыми глазами сѣраго цвѣта, онъ положилъ ногу на ногу и, качаясь на стулѣ, спросилъ:

— Что-жъ это ваша хата, или — нанимаете?

Мать, сидя противъ него, отвѣтила:

— Нанимаемъ . . .

— Неважная хата! — замѣтилъ онъ.

— Паша скоро придетъ, вы подождите! — тихо попросила мать.

— Да я уже и жду! — спокойно сказалъ длинный человѣкъ.

Его спокойствіе, мягкій голосъ и простота лица ободря-

ли мать. Онъ смотрѣлъ на нее открыто, доброжелательно, въ глубинѣ его прозрачныхъ глазъ играла веселая искра, а во всей фигурѣ, угловатой, сутулой, съ длинными ногами, было что-то забавное и располагающее къ нему. Одѣтъ онъ былъ въ синюю рубашку и черные шаровары, сунутые въ сапоги. Ей захотѣлось спросить его кто онъ, откуда, давно-ли знаетъ ея сына, но вдругъ онъ весь покачнулся и самъ спросилъ ее:

— Кто-жъ это лобъ пробилъ вамъ, ненько?

Спросилъ онъ ласково, съ ясной улыбкой въ глазахъ, но женщину обидѣлъ этотъ вопросъ. Она поджала губы и, помолчавъ, съ холодной вѣжливостью освѣдомилась:

— А вамъ какое дѣло до этого, батюшка мой?

Онъ мотнулся къ ней всѣмъ тѣломъ:

— Да вы не серчайте, чего-же! Я потому спросилъ, что у матери моей пріемной тоже голова была пробита, совсѣмъ вотъ такъ, какъ ваша. Ей, видите, сожитель пробилъ, сапожникъ, колодкой — разъ! Она была прачка, а онъ сапожникъ. Она уже послѣ того какъ приняла меня за сына, нашла его гдѣ-то, пьяницу, на свое великое горе . . . Билъ онъ ее, скажу вамъ! У меня со страху кожа лопалась . . .

Мать почувствовала себя обезоруженной его откровенностью и ей подумалось, что, пожалуй, Павелъ разсердится на нее за неласковый отвѣтъ этому чудаку. Виновато улыбаясь, она сказала:

— Я не разсердилась, а ужъ очень вы сразу . . . спросили. Муженекъ это угостилъ меня . . . царство ему небесное! Вы не татаринъ будете?

Человѣкъ дрыгнулъ ногами и такъ широко улыбнулся, что у него даже уши подвинулись къ затылку. Потомъ онъ серьезно сказалъ:

— Нѣтъ еще . . . не татаринъ!

— Говоръ у васъ какъ будто не русскій! — объяснила мать улыбаясь, понявъ его шутку.

— Онъ лучше русскаго! — весело кивнувъ головой сказалъ гость. — Я хохолъ изъ города Канева.

— А давно здѣсь?

— Въ городѣ жилъ около года . . . а теперь перешелъ къ вамъ на фабрику, мѣсяцъ тому назадъ. Здѣсь людей хорошихъ нашелъ — сына вашего и другихъ . . . немного! Здѣсь поживу! — говорилъ онъ, дергая усы.

Онъ ей нравился и, повинуясь желанію заплатить ему чѣмъ-нибудь за его слова о сынѣ, она предложила:

— Можетъ, чайку выпьете?

— Что-же я одинъ угощаться буду? — отвѣтилъ онъ, поднявъ плечи. — Вотъ уже когда всѣ соберутся, вы и почевствуйте . . .

Онъ напомнилъ ей объ ея страхѣ.

— Ка-бы всѣ они такіе были! — горячо пожелала она.

Снова раздались шаги въ сѣняхъ, дверь торопливо отворилась — мать снова встала. Но къ ея удивленію въ кухню вошла бѣдно и легко одѣтая дѣвушка, небольшого роста, съ простымъ лицомъ крестьянки и толстой косой свѣтлыхъ волосъ. Она тихо спросила:

— Не опоздала я?

— Да нѣтъ-же! — отвѣтилъ хохолъ, выглядывая изъ комнаты. — Пѣшкомъ?

— Конечно! Вы — мать Павла Михайловича? Здравствуйте! Меня зовутъ — Наташа . . .

— А по батюшкѣ? — спросила мать.

— Васильевна . . . А васъ?

— Пелагея Ниловна.

— Ну, вотъ, мы и знакомы . . .

— Да! — сказала мать легко вздохнувъ и съ улыбкой разсматривая дѣвушку.

Хохолъ помогалъ ей раздѣваться и спрашивалъ:

— Холодно?

— Въ полѣ — очень! Вѣтеръ . . .

Голосъ у нея былъ сочный, ясный, ротъ маленькій, пухлый, и вся она была круглая, свѣжая. Раздѣвшись, она крѣпко потерла румяныя щеки маленькими, красными отъ

холода руками и быстро прошла въ комнату, звучно топая по полу каблуками ботинокъ.

— Безъ галошъ ходитъ! — мелькнуло въ головѣ матери.

— Да-а . . . — протянула дѣвушка. — Иззябла я . . ухъ, какъ!

— А вотъ я вамъ сейчасъ самоварчикъ согрѣю! — заторопилась мать, уходя въ кухню. — Сейчасъ . . .

Ей, почему-то, казалось, что она давно знаетъ эту дѣвушку и любитъ ее хорошей, жалостливой любовью матери. Она была рада видѣть ее и, представляя себѣ синіе, немного прищуренные глаза гостьи, довольно улыбалась, прислушиваясь къ разговору въ комнатѣ.

— Вы что скучный, Находка? — спрашивала дѣвушка.

— А такъ . . . — негромко отвѣтилъ хохолъ. — У вдовы глаза хороши . . . мнѣ и подумалось, что, можетъ, у матери моей такіе-же? Я, знаете, о матери часто думаю . . . и все мнѣ кажется, что она жива.

— Вы говорили — умерла?

— То — пріемная умерла . . . А я — о родной . . . Кажется мнѣ, что она гдѣ-нибудь въ Кіевѣ милостыню собираетъ . . . И водку пьетъ . . .

— Почему?

— Да ужъ такъ! И пьяную ее полицейскіе по щекамъ бьютъ . . .

— Ахъ ты, сердечный! — подумала мать и вздохнула.

Наташа заговорила что-то быстро, горячо и негромко. Снова раздался звучный голосъ хохла.

— Э, вы еще молоды, товарищъ . . . мало вы луку ѣли! У каждаго есть мать, а люди — злы. Родить — трудно, научить человѣка добру еще труднѣе . . .

— Ишь ты! — внутренно воскликнула мать, и ей почему-то захотѣлось возразить хохлу, сказать ему, что вотъ она и рада была бы сына своего научить добру, да сама ничего не знаетъ. Но дверь неторопливо отворилась, и вошелъ Николай Вѣсовщиковъ, сынъ стараго вора Данилы, извѣстный

всей слободѣ нелюдимъ. Онъ всегда угрюмо сторонился отъ людей, и всѣ надъ нимъ издѣвались за это. Она удивленно спросила его:

— Ты . . . что, Николай?

Онъ посмотрѣлъ на мать маленькими сѣрыми глазами, вытеръ широкой ладонью рябое, скуластое лицо и, не здороваясь, глухо спросилъ:

— Павелъ дома?

— Нѣтъ.

Онъ заглянулъ въ комнату и прошелъ туда говоря:

— Здравствуйте, товарищи . . .

— Неужто и онъ? — непріязненно подумала мать и очень удивилась, видя, что Наташа протягиваетъ ему руку ласково и радостно.

Потомъ пришли двое молодыхъ парней, почти еще мальчики. Одного изъ нихъ мать знала — это былъ племянникъ стараго фабричнаго рабочаго Сизова — Федоръ, остролицый, съ высокимъ лбомъ и курчавыми волосами. Другой, гладко причесанный и скромный, былъ незнакомъ ей, но тоже не страшенъ. Наконецъ явился Павелъ и съ нимъ два молодыхъ человѣка, она знала обоихъ въ лицо, это были фабричные. Сынъ ласково сказалъ ей:

— Самоваръ поставила? Вотъ спасибо!

— Можетъ, водочки купить? — предложила она, не зная какъ выразить ему свою благодарность за что-то, чего еще не понимала.

— Нѣтъ, это лишнее! — отозвался Павелъ, раздѣваясь и дружелюбно улыбнулся ей.

Ей вдругъ показалось, что сынъ нарочно преувеличилъ опасность собранія, чтобы подшутить надъ ней.

— Вотъ это и есть — запрещенные люди? — тихонько спросила она.

— Эти самые! — отвѣтилъ Павелъ, проходя въ комнату.

— Эхъ ты! . . — проводила она его ласковымъ восклицаніемъ, а про себя снисходительно подумала: — Дитя еще!

VI.

Когда самоваръ вскипѣлъ, и она внесла его въ комнату, гости сидѣли тѣснымъ кружкомъ у стола, а Наташа съ книжкой въ рукахъ помѣстилась въ углу подъ лампой.

— Чтобы понять, отчего люди живутъ такъ плохо . . . — говорила Наташа.

— И отчего они сами такъ плохи . . . — вставилъ хохолъ.

— Нужно посмотрѣть, какъ они начали жить . . .

— Посмотрите, милые, посмотрите! — пробормотала мать, заваривая чай.

Всѣ замолчали.

— Вы что, мамаша? — спросилъ Павелъ, хмуря брови.

— Я? — Она оглянулась и, видя, что всѣ смотрять на нее, смущенно объяснила:

— Я такъ, про себя . . . поглядите, молъ!

Наташа засмѣялась, и Павелъ усмѣхнулся, а хохолъ сказалъ:

— Спасибо вамъ, ненько . . . за чай!

— Не пили, а ужъ благодарите! — отозвалась она и, взглянувъ на сына, спросила:

— Я вѣдь не помѣшаю?

Отвѣтила Наташа:

— Какъ-же вы, хозяйка дома, можете помѣшать гостямъ?

И дѣтски жалобно попросила:

— Голубушка! Дайте мнѣ скорѣе чаю! Вся трясусь . . . страшно ноги иззябли!

— Сейчасъ, сейчасъ! — торопливо воскликнула мать.

Выпивъ чашку чая, Наташа шумно вздохнула, забросила косу за плечо и начала читать большую книгу въ желтой обложкѣ, съ картинками. Мать, стараясь не шумѣть посудой, наливала стаканы и, напрягая непривычный мозгъ, вслушивалась въ плавную рѣчь дѣвушки. Ея звучный голосъ сливался съ тонкой, задумчивой пѣсней самовара, и

въ комнатѣ красивой лентой вился, трепеталъ простой и ясный разсказъ о дикихъ людяхъ, которые жили въ пещерахъ и убивали камнями звѣрей. Это было похоже на сказку, и мать нѣсколько разъ взглянула на сына, желая его спросить — что-же въ этой исторіи о дикаряхъ запретнаго? Но скоро она устала слѣдить за разсказомъ и стала разсматривать гостей, незамѣтно для сына и для нихъ.

Павелъ сидѣлъ рядомъ съ Наташей и онъ былъ красивѣе всѣхъ. Наташа низко наклонилась надъ книгой, часто поправляя сползавшіе ей на виски тонкіе вьющіеся волосы. Порою она взмахивала головой и, понизивъ голосъ, говорила что-то отъ себя, не глядя въ книгу и ласково скользя глазами по лицамъ слушателей. Хохолъ навалился широкою грудью на уголъ стола, косилъ глазами, стараясь разсмотрѣть издерганные концы усовъ. Вѣсовщиковъ сидѣлъ на стулѣ прямо, точно деревянный, упираясь ладонями въ колѣна, и его рябое лицо безъ бровей, съ тонкими губами, было неподвижно, точно маска. Не мигая узкими глазами, онъ упорно смотрѣлъ на свое лицо, отраженное въ блестящей мѣди самовара и, казалось, не дышалъ. Маленькій Ѳедя слушалъ чтеніе и беззвучно двигалъ губами, точно повторяя про себя слова книги, а его товарищъ согнулся, поставивъ локти на колѣна и подпирая скулы ладонями, задумчиво улыбался. Одинъ изъ парней, пришедшихъ съ Павломъ, былъ рыжій, кудрявый и тонкій, съ веселыми зелеными глазами, ему, должно быть, хотѣлось что-то сказать и онъ нетерпѣливо двигался; другой, свѣтловолосый и коротко остриженный, гладилъ себя ладонью по головѣ и смотрѣлъ въ полъ, лица его не было видно. Въ комнатѣ было тепло и какъ-то особенно хорошо. Мать чувствовала это особенное, до сей поры невѣдомое ей и, подъ журчаніе голоса Наташи, слитаго съ дрожащей пѣсней самовара, вспоминала шумныя вечеринки своей молодости, грубыя слова парней, отъ которыхъ всегда пахло перегорѣлой водкой, ихъ циничныя шутки. Вспоминала — и щемящее чувство жалости къ себѣ самой тихо трогало ея обиженное сердце.

Припомнилось сватовство покойника мужа. На одной изъ вечеринокъ онъ поймалъ ее въ темныхъ сѣняхъ и, прижавъ всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ, спросилъ глухо и сердито:

— Замужъ за меня пойдешь?

Ей было больно и обидно, а онъ грубо мялъ ея груди, сопѣлъ и дышалъ ей въ лицо, горячо и влажно. Она попробовала вывернуться изъ его рукъ, рванулась всторону . . .

— Куда! — зарычалъ онъ. — Ты отвѣчай мнѣ, ну?

Задыхаясь отъ стыда и обиды, она молчала.

Кто-то открылъ дверь въ сѣни, и онъ не спѣша выпустилъ ее, сказавъ:

— Въ воскресенье сваху пришлю . . .

И прислалъ.

Мать закрыла глаза, тяжело вздохнувъ.

— Мнѣ не то надо знать, какъ люди жили, а какъ надо жить! — раздался въ комнатѣ недовольный голосъ Вѣсовщикова.

— Вотъ именно! — поддержалъ его рыжій, вставая.

— Не согласенъ! — крикнулъ Федя. — Если мы должны идти впередъ — намъ нужно все знать . . .

— Вѣрно! Это вѣрно! . . — тихо сказалъ курчавый.

Вспыхнулъ оживленный споръ и засверкали слова, точно языки огня въ кострѣ. Мать не понимала о чемъ кричатъ. Всѣ лица загорѣлись румянцемъ возбужденія, но никто не злился и не говорилъ знакомыхъ ей рѣзкихъ словъ.

— Барышни стѣсняются! — рѣшила она.

Ей нравилось серьезное лицо Наташи, такъ внимательно наблюдавшей за всѣми, точно эти парни были дѣтьми для нея.

— Подождите, товарищи! — вдругъ сказала она. И всѣ они замолчали, глядя на нее.

— Правы тѣ, которые говорятъ — мы должны все знать. Намъ нужно зажечь себя самихъ свѣтомъ разума, чтобы темные люди видѣли насъ, намъ нужно на все отвѣтить честно и вѣрно. Нужно знать всю правду, всю ложь . . .

Хохолъ слушалъ и качалъ въ тактъ ея словамъ головой. Вѣсовщиковъ, рыжій и другой, приведенный Павломъ

фабричный, стояли всѣ трое тѣсной группой и почему-то не нравились матери.

Когда Наташа замолчала, всталъ Павелъ и спокойно спросилъ:

— Развѣ мы хотимъ быть только сытыми?

— Нѣтъ! — самъ себѣ отвѣтилъ онъ, твердо глядя въ сторону троихъ. — Мы хотимъ быть людьми! Мы должны показать тѣмъ, кто сидитъ на нашихъ шеяхъ и закрываетъ намъ глаза, что мы все видимъ, — мы не глупы, мы не звѣри и не только ѣсть хотимъ — мы хотимъ жить, какъ достойно людей! Мы должны показать врагамъ, что наша каторжная жизнь, которую они намъ навязали, не мѣшаетъ намъ сравняться съ ними въ умѣ, а въ духѣ — встать выше ихъ! . .

Мать слушала его слова, и въ груди ея дрожала гордость за сына — вотъ какъ онъ складно говоритъ!

— Сытыхъ, всетаки, не мало, честныхъ нѣтъ! — говорилъ хохолъ. — Мы должны построить мостикъ черезъ болото этой гніючей жизни къ будущему царству доброты сердечной, вотъ наше дѣло, товарищи!

— Пришла пора драться, такъ некогда руку лечить! — глухо возразилъ Вѣсовщиковъ.

— Да намъ еще до драки кости поломаютъ! — весело вскричалъ хохолъ.

Было уже за полночь, когда они стали расходиться. Первыми ушли Вѣсовщиковъ и рыжій, это снова не понравилось матери.

— Ишь, заторопились! — недружелюбно кланяясь имъ, подумала она.

— Вы проводите меня, Находка? — спросила Наташа.

— А какъ-же! — отвѣтилъ хохолъ.

Когда Наташа одѣвалась въ кухнѣ, мать сказала ей:

— Чулочки-то у васъ тонки для такого времени! Ужъ вы позвольте, я вамъ шерстяные свяжу?

— Спасибо, Пелагея Ниловна! Они кусаются, шерстяные! — отвѣтила Наташа, смѣясь.

— А я вамъ такіе, что не будутъ кусаться! — сказала Власова.

Наташа смотрѣла на нее, немного прищуривъ глаза, и этотъ пристальный взглядъ сконфузилъ мать.

— Вы извините мою глупость . . . я вѣдь отъ души! — тихо добавила она.

— Славная вы какая! — тоже негромко отозвалась Наташа, быстро пожавъ ей руку.

— Доброй ночи, ненько! — заглянувъ ей въ глаза, сказалъ хохолъ, согнулся и вышелъ въ сѣни вслѣдъ за Наташей.

Мать посмотрѣла на сына — онъ стоялъ у двери въ комнату и улыбался.

— Ты что смѣешься? — смущенно спросила она.

— Такъ . . . весело!

— Конечно, я старая и глупая . . . но хорошее и я понимаю! — съ легкой обидой замѣтила она.

— Вотъ и славно! — отозвался онъ, кивая головой. — Вы-бы ложились, пора! . .

— И тебѣ пора . . . Я сейчасъ . . . лягу!

Она суетилась вокругъ стола, убирая посуду, довольная и даже вспотѣвшая отъ пріятнаго волненія — она была рада, что все было такъ хорошо и мирно кончилось.

— Хорошо ты придумалъ, Павлуша! — говорила она. — Хорошіе люди это . . . хохолъ очень милый! И барышня . . . ахъ, какая умница! Кто она такая?

— Учительница! — кратко отвѣтилъ Павелъ, расхаживая по комнатѣ.

— А! То-то бѣдная такая! . . Одѣта такъ плохо . . . ахъ, какъ плохо! Долго-ли простудиться? Родители-то гдѣ у ней? . .

— Въ Москвѣ! — сказалъ Павелъ и, остановясь противъ матери, серьезно, негромко заговорилъ:

— Вотъ, смотри — ея отецъ — богатый, торгуетъ желѣзомъ, имѣетъ нѣсколько домовъ. За то, что она пошла этой дорогой, онъ — прогналъ ее . . . Она воспитывалась

въ теплѣ, ее баловали всѣмъ, чего она хотѣла . . . а сейчасъ вотъ пойдетъ семь верстъ ночью, одна . . .

Это поразило мать. Она стояла среди комнаты и, удивленно двигая бровями, молча смотрѣла на сына. Потомъ тихо спросила:

— Въ городъ пойдетъ?

— Въ городъ.

— Аа-ай! И . . . не боится?

— Вотъ — не боится! — усмѣхнулся Павелъ.

— Да зачѣмъ? Ночевала-бы здѣсь . . . легла-бы со мной!

— Неудобно! Ее могутъ увидѣть завтра утромъ здѣсь, а этого не нужно намъ и ей.

Мать вспомнила, задумчиво взглянула въ окно и тихо спросила:

— Не понимаю я, Паша, что тутъ опаснаго, запрещеннаго? Вѣдь ничего дурного нѣтъ, а?

Она не была увѣрена въ этомъ, и ей хотѣлось услышать отъ сына утвердительный отвѣтъ. Онъ, спокойно глядя ей въ глаза, твердо заявилъ:

— Дурного нѣтъ и не будетъ. А, всетаки, для всѣхъ насъ впереди — тюрьма. Ты ужъ такъ и знай . . .

У нея дрогнули руки. Упавшимъ голосомъ она проговорила:

— А, можетъ быть, Богъ дастъ . . . какъ-нибудь обойдется? . .

— Нѣтъ! — сказалъ сынъ ласково, но твердо. — Я тебя обманывать не могу. Не обойдется.

Онъ улыбнулся.

— Ложись, устала вѣдь. Покойной ночи!

Оставшись одна, она подошла къ окну и встала передъ нимъ, глядя на улицу. За окномъ было холодно и мутно. Игралъ вѣтеръ, сдувая снѣгъ съ крышъ маленькихъ сонныхъ домовъ, бился о стѣны и что-то торопливо шепталъ, падалъ на землю и гналъ вдоль улицы бѣлыя облака сухихъ снѣжинокъ . . .

— Іисусе Христе, помилуй насъ! — тихо прошептала мать.

Въ сердцѣ настойчиво закипали слезы и, подобно ночной бабочкѣ, слѣпо и жалобно трепетало ожиданіе горя, о которомъ такъ спокойно и увѣренно говорилъ сынъ. Передъ глазами ея встала плоская, снѣжная равнина. Холодно и тонко посвистывая — носится, мечется въ ней вѣтеръ, бѣлый и косматый. Посреди равнины одиноко идетъ, качаясь, небольшая, темная фигурка дѣвушки. Вѣтеръ путается у нея въ ногахъ, раздуваетъ юбку, бросаетъ ей въ лицо колючія снѣжинки Трудно идти, маленькія ноги вязнутъ въ снѣгу. Холодно и боязно. Дѣвушка наклонилась впередъ и — точно былинка среди мутной равнины, въ рѣзвой игрѣ осенняго вѣтра. Справа отъ нея, на болотѣ, темной стѣной стоитъ лѣсъ, тамъ дрожатъ и уныло шумятъ тонкія, голыя березы и осины. Гдѣ-то далеко впереди тускло мелькаютъ огни города . . .

— Господи — помилуй! — опять прошептала мать, вздрогнувъ отъ холода и страха . . .

VII.

Дни скользили одинъ за другимъ, какъ бусы четокъ и слагались въ недѣли, мѣсяцы. Каждую субботу къ Павлу приходили товарищи, и каждое собраніе являлось ступенью длинной, пологой лѣстницы — она вела куда-то вдаль, медленно поднимая людей, и конца ея не было видно.

Появлялись все новые люди. Въ маленькой комнатѣ Власовыхъ становилось тѣсно и душно. Приходила Наташа, иззябшая, усталая, но всегда неисчерпаемо веселая и живая. Мать связала ей чулки и сама надѣла на маленькія ноги. Наташа сначала смѣялась, а потомъ вдругъ замолчала, задумалась и тихонько сказала:

— У меня няня была . . . тоже удивительно добрая! Какъ странно, Пелагея Ниловна, — рабочій народъ живетъ такой трудной, такой обидной жизнью, а вѣдь у него больше сердца, больше доброты, чѣмъ у тѣхъ!

И махнула рукой, указывая куда-то вдаль, очень далеко отъ нея.

— Вотъ какая вы! — сказала Власова. — Родителей лишились и всего . . . — она не умѣла докончить своей мысли, вздохнула и замолчала, глядя въ лицо Наташи, чувствуя къ ней благодарность за что-то. Она сидѣла на полу передъ ней, а дѣвушка задумчиво улыбалась, наклонивъ голову.

— Родителей лишилась? — повторила она. — Это — ничего! Отецъ у меня такой глупый и грубый . . . братъ тоже . . . и пьяница. Старшая сестра — несчастная, жалкая . . . вышла замужъ за человѣка, который много старше ея . . . очень богатый, скучный и жадный . . . Но маму — жалко! Она у меня простая, какъ вы . . . маленькая такая, точно мышка . . . такъ-же быстро бѣгаетъ и всѣхъ боится . . . Иногда такъ хочется видѣть ее . . . маму!

— Бѣдная вы моя! — грустно качая головой сказала мать.

Дѣвушка быстро вскинула голову и протянула руку, какъ-бы отталкивая что-то.

— О, нѣтъ! Я порой чувствую такую радость, такое счастье!

У нея поблѣднѣло лицо, и синіе глаза ярко вспыхнули. Положивъ руки на плечи матери, она глубокимъ голосомъ, изъ сердца, сказала тихо и внушительно:

— Если-бы вы знали . . . если-бы вы поняли, какое великое, радостное дѣло дѣлаемъ мы! . .

Что-то близкое зависти коснулось сердца Власовой. Поднимаясь съ пола, она грустно проговорила:

— Стара ужъ я для этого . . . неграмотна . . . стара.

. . . Павелъ говорилъ все чаще и больше, все горячѣе спорилъ и — худѣлъ. Матери казалось, что когда онъ говоритъ съ Наташей или смотритъ на нее — его строгіе глаза блестятъ мягче, голосъ звучитъ ласковѣе и весь онъ становится проще.

— Дай Господи! — думала она. И, представляя Наташу своей снохой, улыбалась.

Всегда на собраніяхъ, чуть только споры начинали принимать слишкомъ горячій и бурный характеръ, вставалъ хохолъ и раскачиваясь, точно языкъ колокола, говорилъ своимъ звучнымъ, гудящимъ голосомъ что-то простое и доброе, отчего всѣ становились спокойнѣе и серьезнѣе. Вѣсовщиковъ постоянно угрюмо торопилъ всѣхъ куда-то, онъ и рыжій, котораго звали Самойловъ, первые начинали всѣ споры. Съ ними соглашался круглоголовый, бѣлобрысый, точно выцвѣтшій или вымытый щелокомъ, Иванъ Букинъ. Яковъ Сомовъ, гладкій и чистый, говорилъ мало, тихимъ, серьезнымъ голосомъ, онъ и большелобый Федя Мазинъ всегда стояли въ спорахъ на сторонѣ Павла и хохла.

Иногда вмѣсто Наташи являлся изъ города Николай Ивановичъ, человѣкъ въ очкахъ, съ маленькой, свѣтлой бородкой, уроженецъ какой-то дальней губерніи, — онъ говорилъ особеннымъ, пѣвучимъ говоркомъ. Онъ вообще весь былъ какой-то далекій. Разсказывалъ онъ о простыхъ вещахъ — о семейной жизни, о дѣтяхъ, о торговлѣ, о полиціи, о цѣнахъ на хлѣбъ и мясо — обо всемъ, чѣмъ люди живутъ изо дня въ день. И во всемъ онъ открывалъ фальшь, путаницу, что-то глупое, порою смѣшное и всегда явно невыгодное людямъ. Матери казалось, что онъ прибылъ откуда-то издалека, изъ другого царства, тамъ всѣ живутъ простой, честной и легкой жизнью, а здѣсь — все чужое ему, онъ не можетъ привыкнуть къ этой жизни, принять ее, какъ необходимую, она не нравится ему и возбуждаетъ въ немъ спокойное, упрямое желаніе перестроить все на свой ладъ. Лицо у него было желтоватое, вокругъ глазъ тонкія, лучистыя морщинки, голосъ тихій, а руки всегда теплыя. Здороваясь съ Власовой, онъ обнималъ всю ея руку длинными, крѣпкими пальцами, и послѣ такого рукопожатія на душѣ становилось легче, спокойнѣе.

Являлись и еще люди изъ города, чаще другихъ высокая стройная барышня съ огромными глазами на худомъ,

блѣдномъ лицѣ. Ее звали Сашенька. Въ ея походкѣ и движеніяхъ было что-то мужское, она сердито хмурила густыя, темныя брови и когда она говорила, тонкія ноздри ея прямого носа вздрагивали.

Сашенька первая сказала однажды громко и рѣзко:

— Мы — соціалисты . . .

Когда мать услыхала это слово, она въ молчаливомъ испугѣ уставилась въ лицо барышни. Она знала, что соціалисты убили царя. Это было во дни ея молодости, — тогда говорили, что помѣщики, желая отомстить царю за то, что онъ освободилъ крестьянъ, дали зарокъ не стричь себѣ волосъ до поры, пока они не убьютъ его, за это ихъ и назвали соціалистами. И теперь она не могла понять — почему-же соціалистъ сынъ ея и товарищи его?

Когда всѣ разошлись, она спросила Павла:

— Павлуша, развѣ ты соціалистъ?

— Да! — сказалъ онъ, стоя передъ нею, какъ всегда, прямой и твердый. — А что?

Мать тяжело вздохнула и, опустивъ глаза, спросила:

— Такъ-ли, Павлуша? Вѣдь они противъ царя . . . вѣдь они убили одного.

Павелъ прошелся по комнатѣ, погладилъ рукой щеку и, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Намъ это не нужно!

Онъ долго говорилъ ей что-то тихимъ, серьезнымъ голосомъ. Она смотрѣла ему въ лицо и думала.

— Онъ не сдѣлаетъ ничего худого . . . онъ не можетъ!

А потомъ страшное слово стало повторяться все чаще, острота его стерлась, и оно сдѣлалось такимъ-же привычнымъ ея уху, какъ десятки другихъ, непонятныхъ словъ. Но Сашенька не нравилась ей, и когда она являлась, мать чувствовала себя тревожно, неловко . . .

Однажды она сказала хохлу, недовольно поджимая губы:

— Что-то ужъ очень строга Сашенька! Все приказываетъ — вы и то должны, вы и это должны . . .

Хохолъ громко засмѣялся.

— Вѣрно взято! Вы, ненько, въ глазъ попали! Павелъ, а?

И, подмигивая матери, сказалъ съ усмѣшкой въ глазахъ:

— Дворянство!

Павелъ сухо замѣтилъ:

— Она хорошій человѣкъ. — И нахмурился.

— И это вѣрно! — подтвердилъ хохолъ. — Только не понимаетъ, что это она — должна, а мы — хотимъ и можемъ!

Они заспорили о чемъ-то непонятномъ.

Мать замѣтила также, что Сашенька наиболѣе строго относится къ Павлу, иногда она даже кричала на него. Павелъ усмѣхался, молчалъ и смотрѣлъ въ лицо дѣвушки тѣмъ мягкимъ взглядомъ, какимъ ранѣе онъ смотрѣлъ въ лицо Наташи. Это тоже не нравилось матери.

Стали собираться по два раза въ недѣлю, и когда мать видѣла, съ какой напряженной жадностью молодежь слушаетъ рѣчи ея сына и хохла, интересные разсказы Сашеньки, Наташи, Николая Ивановича и другихъ людей изъ города, она забывала свои тревоги и печально покачивала головой, вспоминая скуку дней своей молодости.

Иногда мать поражало настроеніе яркой, буйной радости, вдругъ и дружно овладѣвавшее всѣми. Обыкновенно это было въ тѣ вечера, когда они читали въ газетахъ о рабочемъ народѣ заграницей. Тогда глаза у всѣхъ блестѣли живой, бодрой радостью, всѣ становились странно, какъ-то по дѣтски счастливы, смѣялись веселымъ, яснымъ смѣхомъ, ласково хлопали другъ друга по плечамъ.

— Молодцы товарищи-нѣмцы! — кричалъ кто-нибудь, точно опьяненный своимъ весельемъ.

— Да здравствуютъ товарищи-рабочіе Италіи! — кричали въ другой разъ.

И посылая эти крики куда-то вдаль, друзьямъ, которые не знали ихъ и не могли понять ихъ языка, они, казалось, были увѣрены, что люди, невѣдомые имъ, слышатъ и понимаютъ ихъ восторгъ.

Хохолъ говорилъ блестя глазами и полный большого, всѣхъ обнимавшаго чувства любви:

— Хорошо-бы написать имъ туда, товарищи, а? Чтобы знали они, что въ далекой Россіи живутъ у нихъ друзья, рабочіе, которые вѣруютъ и исповѣдуютъ одну религію съ ними, живутъ товарищи, люди однихъ цѣлей и радуются ихъ побѣдамъ!

И всѣ мечтательно, съ улыбками на лицахъ, долго говорили о французахъ, англичанахъ и шведахъ, какъ о своихъ друзьяхъ, о близкихъ сердцу людяхъ, которыхъ они уважаютъ, живутъ ихъ радостями, чувствуютъ горе.

Въ тѣсной комнатѣ рождалось необъятое чувство духовнаго родства рабочихъ всей земли, которыхъ мысль уже освободила изъ плѣна предразсудковъ, и которые почувствовали себя владыками жизни. Это чувство сливало всѣхъ въ одну душу, оно волновало мать и хотя недоступно было ей, но какъ-то выпрямляло ее своей силой, радостной, торжественной и юной, охмѣляющей, ласковой, полной надеждъ.

— Какіе вы! — сказала она хохлу какъ-то разъ. — Всѣ вамъ товарищи — армяне и евреи, и австріяки . . . обо всѣхъ вы говорите, какъ о друзьяхъ, за всѣхъ печаль и радость!

— За всѣхъ, моя ненько, за всѣхъ! — воскликнулъ хохолъ. — Міръ — нашъ! Міръ — для рабочихъ! Для насъ нѣтъ націй, нѣтъ племенъ, есть только товарищи, только враги. Всѣ рабочіе — наши товарищи, всѣ богатые, всѣ правительства — наши враги. Когда окинешь добрыми глазами землю, когда увидишь какъ насъ, рабочихъ, много, сколько силы духа несемъ мы — такая радость, такое счастье обнимаетъ сердце, такой великій праздникъ поетъ въ груди! И также, ненько, чувствуетъ французъ и нѣмецъ, когда они взглянутъ на жизнь, и также радуется итальянецъ. Мы всѣ дѣти одной матери — великой, непобѣдимой мысли о братствѣ рабочаго народа всѣхъ странъ земли. Она растетъ, она насъ грѣетъ солнцемъ, она второе солнце на небѣ справедливости, а это небо — въ сердцѣ рабочаго, и кто-бы онъ

ни былъ, какъ-бы онъ не называлъ себя, соціалистъ — нашъ братъ по духу всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

Эта дѣтская радость, свѣтлая, крѣпкая вѣра все чаще возникала среди нихъ, все возвышалась и росла въ своей могучей силѣ. И когда мать видѣла ее, она невольно чувствовала, что воистину въ мірѣ родилось что-то великое и свѣтлое, подобное солнцу неба, видимаго ею.

Часто пѣли пѣсни. Простыя, всѣмъ извѣстныя пѣсни пѣли громко и весело, но иногда запѣвали новыя, какъ-то особенно складныя, но невеселыя и необычныя по напѣвамъ. Ихъ пѣли вполголоса и задумчиво, серьезно, точно церковное. Лица пѣвцовъ блѣднѣли, разгорались, и въ звучныхъ словахъ чувствовалась большая сила.

Особенно одна изъ новыхъ пѣсенъ тревожила и волновала женщину. Въ этой пѣснѣ не слышно было стоновъ, печальнаго раздумья души, обиженной и одиноко блуждающей по темнымъ тропамъ горестныхъ недоумѣній, стоновъ души, забитой нуждой, запуганной страхомъ, безличной и безцвѣтной. И не звучали въ ней тоскливые вздохи силы, смутно жаждущей простора, вызывающіе крики задорной удали, безразлично готовой сокрушить и злое и доброе. Въ ней не было слѣпого чувства мести и обиды, которое способно все разрушить — безсильное что-нибудь создать, въ этой пѣснѣ не слышно было ничего отъ стараго, рабьяго міра.

Рѣзкія слова и суровый напѣвъ ея не нравились матери, но за словами и напѣвомъ было нѣчто большее, оно заглушало звукъ и слово своею силой и будило въ сердцѣ предчувствіе чего-то необъятнаго для мысли. Это нѣчто она видѣла на лицахъ, въ глазахъ молодежи, она чувствовала въ ихъ грудяхъ и, поддаваясь силѣ пѣсни, не умѣщавшейся въ словахъ и звукахъ, всегда слушала ее съ особеннымъ вниманіемъ, съ тревогой болѣе глубокой, чѣмъ всѣ другія пѣсни.

Эту пѣсню пѣли тише другихъ, но она всегда звучала сильнѣе всѣхъ и обнимала людей, какъ воздухъ мартовскаго дня — перваго дня грядущей весны.

— Пора намъ это на улицѣ запѣть! — угрюмо говорилъ Вѣсовщиковъ.

Когда его отецъ снова что-то укралъ и сѣлъ въ тюрьму, Николай спокойно заявилъ товарищамъ:

— Теперь у меня можно собираться . . .

Почти каждый вечеръ послѣ работы у Павла сидѣлъ кто-нибудь изъ товарищей, и они читали, что-то выписывали изъ книгъ, озабоченные, не успѣвшіе умыться. Ужинали и пили чай съ книжками въ рукахъ, и все болѣе непонятны для матери были ихъ рѣчи . . .

— Намъ нужна газета! — часто говорилъ Павелъ.

Жизнь становилась торопливой и лихорадочной, люди все быстрѣе перебѣгали другъ къ другу и отъ одной книги къ другой, точно пчелы съ цвѣтка на цвѣтокъ.

— Поговариваютъ про насъ! — сказалъ однажды Вѣсовщиковъ. — Должны мы скоро провалиться . . .

— На то и перепелъ, чтобы въ сѣти попасть! — отозвался хохолъ.

Онъ все больше нравился матери. Когда онъ называлъ ее »ненько« — это слово точно гладило ея щеки мягкой, дѣтской рукой. По воскресеньямъ, если Павлу было некогда, онъ кололъ дрова, однажды пришелъ съ доской на плечѣ и, взявъ топоръ, быстро и ловко перемѣнилъ сгнившую ступень на крыльцѣ, другой разъ также незамѣтно починилъ завалившійся заборъ. Работая онъ свистѣлъ, и свистъ у него былъ красиво печальный.

Однажды мать сказала сыну:

— Давай, возьмемъ хохла себѣ въ нахлѣбники? Лучше будетъ обоимъ вамъ — не бѣгать другъ къ другу.

— Зачѣмъ вамъ стѣснять себя? — спросилъ Павелъ, пожимая плечами.

— Ну, вотъ еще! Всю жизнь стѣснялась, не зная для чего . . . для хорошаго человѣка можно!

— Дѣлайте, какъ хотите! — отозвался сынъ. — Коли онъ переѣдетъ — я буду радъ . . .

И хохолъ перебрался къ нимъ.

VIII.

Маленькій домъ на окраинѣ слободки будилъ вниманіе людей, и стѣны его уже щупали десятки подозрительныхъ взглядовъ. Надъ нимъ безпокойно рѣяли пестрыя крылья молвы — люди старались спугнуть, обнаружить что-то, притаившееся за стѣнами дома надъ оврагомъ. По ночамъ заглядывали въ окна, иногда кто-то стучалъ въ стекло и быстро, пугливо убѣгалъ прочь.

Однажды Власову остановилъ на улицѣ трактирщикъ Бѣгунцовъ, благообразный старичекъ, всегда носившій черную шелковую косынку на красной, дряблой шеѣ, а на груди толстый плюшевый жилетъ лиловаго цвѣта. На его носу, остромъ и блестящемъ, сидѣли черепаховые очки, и за это его звали — »Костяные глаза«.

Остановивъ Власову, онъ однимъ дыханіемъ и не ожидая отвѣтовъ закидалъ ее трескучими и сухими·словами.

— Пелагея Ниловна, какъ здравствуете? Сынокъ какъ? Женить не собираетесь, а? Юноша въ полной силѣ для супружества. Женить сына пораньше — родителямъ спокойнѣе. Въ семьѣ человѣкъ лучше сохраняется и духомъ и плотію, въ семьѣ онъ — вродѣ гриба въ уксусѣ! Я-бы на вашемъ мѣстѣ женилъ его. Время наше требуетъ строгаго надзора за существомъ человѣка, люди начинаютъ жить изъ своей головы, а не въ голову. Въ мысляхъ разбродъ пошелъ, и поступки достойны порицанія. Божію церковь молодежь обходитъ, публичныхъ мѣстъ чуждается и, собираясь тайно, по угламъ — шепчетъ. Зачѣмъ шепчутъ, позвольте узнать? Зачѣмъ бѣгутъ людей? Все, чего человѣкъ не смѣетъ сказать при людяхъ, въ трактирѣ, напримѣръ, что это такое есть? Тайна! Тайнѣ-же мѣсто — наша святая, равноапостольная церковь. Всѣ-же другія тайности, по угламъ совершаемыя — отъ заблужденія ума! Желаю вамъ добраго здоровья!

Вычурно изогнутой рукой онъ снялъ картузъ, взмахнулъ имъ въ воздухѣ и ушелъ, оставивъ мать въ недоумѣніи.

Сосѣдка Власовыхъ, Марья Корсунова, вдова кузнеца, торговавшая на фабрикѣ съѣстнымъ, встрѣтивъ мать на базарѣ, тоже сказала:

— Поглядывай за сыномъ, Пелагея!

— Что такое? — спросила мать.

— Слухъ идетъ! — таинственно сообщила Марья. — Нехорошій, мать ты моя! Будто онъ устраиваетъ . . . артель такую, вродѣ хлыстовъ. Секты, называется это. Сѣчь будутъ другъ друга, какъ хлысты . . .

— Полно, Марья, ерунду пороть!

— Не тотъ вретъ, кто поретъ, а тотъ, кто шьетъ! — отозвалась торговка.

Мать передавала сыну всѣ эти разговоры, онъ молча пожималъ плечами, а хохолъ смѣялся своимъ густымъ, мягкимъ смѣхомъ.

— Дѣвицы тоже очень обижаются на васъ! — говорила она. — Женихи вы для всякой дѣвушки завидные и работники всѣ хорошіе, непьющіе . . . а вниманія на дѣвицъ не обращаете! Говорятъ, будто ходятъ къ вамъ изъ города барышни зазорнаго поведенія . . .

— Ну, конечно! — брезгливо сморщивъ лицо, воскликнулъ Павелъ.

— На болотѣ все гнилью пахнетъ! — вздохнувъ молвилъ хохолъ. — А вы-бы, ненько, объяснили имъ, дурочкамъ, что такое замужество, чтобы не торопились онѣ изломать себѣ кости . . .

— Эхъ, батюшка! — сказала мать. — Онѣ горе видятъ, онѣ понимаютъ, да вѣдь дѣваться имъ некуда, кромѣ этого!

— Плохо понимаютъ, а то-бы нашли путь! — замѣтилъ Павелъ.

Мать взглянула на его строгое лицо.

— А вы — поучите ихъ! Позвали-бы которыхъ поумнѣе къ себѣ . . .

— Это неудобно! — сухо отозвался сынъ.

— А если попробовать? — спросилъ хохолъ.

Павелъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— Начнутся прогулки парочками, потомъ нѣкоторые поженятся, вотъ и все!

Мать задумалась. Монашеская суровость Павла смущала ее. Она видѣла, что его совѣтовъ слушаются даже тѣ товарищи, которые, какъ хохолъ, старше его годами, но ей казалось, что всѣ боятся его и никто не любилъ за эту сухость.

Какъ-то разъ, когда она легла спать, а сынъ и хохолъ еще читали, она подслушала сквозь тонкую переборку ихъ тихій разговоръ.

— Нравится мнѣ Наташа, знаешь? — вдругъ тихо воскликнулъ хохолъ.

— Знаю! — несразу отвѣтилъ Павелъ.

— Да . . .

Было слышно, какъ хохолъ медленно всталъ и началъ ходить. По полу шаркали его босыя ноги. И раздался тихій, заунывный свистъ. Потомъ снова загудѣлъ его голосъ.

— А замѣчаетъ она это?

Павелъ молчалъ.

— Какъ ты думаешь? — понизивъ голосъ спросилъ хохолъ.

— Замѣчаетъ! — отвѣтилъ Павелъ. — Поэтому и отказалась заниматься у насъ . . .

Хохолъ тяжело возилъ ноги по полу, и снова въ комнатѣ дрожалъ его тихій свистъ. Потомъ онъ спросилъ:

— А если я скажу ей . . .

— Что? —

— Что вотъ я . . . — тихо началъ хохолъ . . .

— Зачѣмъ? — прервалъ его Павелъ.

Мать услышала, что хохолъ остановился, и почувствовала, что онъ усмѣхается.

— Да я, видишь, полагаю, что если любишь дѣвушку, то надо-же ей сказать объ этомъ, иначе не будетъ никакого толка!

Павелъ громко захлопнулъ книгу. Былъ слышенъ его вопросъ.

— А какого толка ты ждешь?

Оба долго молчали.

— Ну? — спросилъ хохолъ.

— Надо, Андрей, ясно представлять себѣ чего хочешь . . . — заговорилъ Павелъ медленно. — Положимъ, и она тебя любитъ . . . я этого не думаю, но, положимъ, такъ! И вы — поженитесь. Интересный бракъ — интеллигентка и рабочій! Родятся дѣти . . . работать тебѣ надо будетъ одному . . . и — много. Жизнь ваша станетъ обычной жизнью изъ-за куска хлѣба, для дѣтей, для квартиры . . . для дѣла — васъ больше нѣтъ. Обоихъ нѣтъ!

Стало тихо. Потомъ Павелъ заговорилъ какъ будто мягче.

— Ты лучше брось все это, Андрей . . . И молчи, не смущай ее . . .

— А помнишь, Николай Ивановичъ говорилъ о необходимости для человѣка жить полной жизнью . . . всѣми силами души и тѣла . . . помнишь?

— Это не для насъ! — сказалъ Павелъ. — Какъ ты достигнешь полноты? Для тебя ея нѣтъ. Любишь будущее — все отрицай въ настоящемъ . . . все, братъ!

— Это тяжело для человѣка! — сказалъ хохолъ тихонько.

— Какъ иначе — подумай!

Тихо. И отчетливо стучитъ равнодушный маятникъ часовъ, мѣрно отсѣкая секунды жизни.

Хохолъ сказалъ:

— Половина сердца — любитъ, половина ненавидитъ, развѣ-жъ это сердце . . . а?

— Я спрашиваю — какъ иначе?

Зашелестѣли страницы книги, должно быть Павелъ снова началъ читать. Мать лежала закрывъ глаза и боялась пошевелиться. Ей было до слезъ жаль хохла, но еще болѣе сына. Она думала о немъ.

— Милый ты мой . . . обреченный ты мой . . .

Вдругъ хохолъ спросилъ:

— Такъ — молчать?

— Это честнѣе, Андрей . . . — тихо сказалъ Павелъ

— По этой дорогѣ и пойдемъ! — сказалъ хохолъ И черезъ нѣсколько секундъ продолжалъ грустно и тихо

— Трудно тебѣ будетъ, Паша, когда ты самъ вот такъ . . .

— Мнѣ уже трудно . . .

— Да?

О стѣны дома шаркалъ вѣтеръ. Четко считалъ ухс дящее время маятникъ часовъ.

— Надъ этимъ не посмѣешься! — медленно проговорил хохолъ.

Мать ткнулась лицомъ въ подушку и беззвучно запла кала.

На утро Андрей показался матери ниже ростомъ и вес какъ-то милѣе. А сынъ былъ, какъ всегда, худъ, прямъ молчаливъ. Раньше мать называла хохла Андрей Онисимс вичъ, а тутъ, какъ-то невольно, не замѣчая, сказала ему

— Вамъ, Андрюша, сапоги-то починить надо-бы . . . так вы ноги простудите!

— А вотъ я въ получку новые куплю! — отвѣтил онъ, засмѣялся и вдругъ, положивъ ей на плечо свою длин ную руку, спросилъ:

— А, можетъ, вы и есть родная моя мать? Тольк вамъ не хочется въ томъ признаться людямъ, какъ я очен некрасивый, а?

Она молча похлопала его по рукѣ. Ей хотѣлось ска зать ему много ласковыхъ словъ, но сердце ея было стиснут жалостью, и слова не шли съ языка.

IX.

Въ слободкѣ говорили о соціалистахъ, которые разбрась ваютъ всюду написанные синими чернилами листки. Въ этих листкахъ зло и мѣтко писали о порядкахъ на фабрикѣ, стачкахъ рабочихъ въ Петербургѣ и въ южной Россіи, ра бочіе призывались къ объединенію и борьбѣ за свои интересы

Пожилые люди, имѣвшіе на фабрикѣ хорошій заработокъ, читая ругались:

— Смутьяны! За такія дѣла надо морду бить!

И носили листки въ контору. Молодежь читала прокламаціи съ увлеченіемъ и говорила возбужденно:

— Правда!

Большинство, забитое работой и ко всему равнодушное, лѣниво отзывалось:

— Ничего не будетъ . . . развѣ можно?

Но листки волновали людей, и, если ихъ не было недѣлю, люди уже говорили другъ другу:

— Опять нѣту сегодня. Бросили, видно, печатать . . .

А въ понедѣльникъ листки снова появлялись, и снова рабочіе глухо шумѣли.

Въ трактирѣ и на фабрикѣ замѣчали новыхъ, никому неизвѣстныхъ людей. Они выспрашивали, разсматривали, нюхали и сразу бросались всѣмъ въ глаза, одни — своей подозрительной осторожностью, другіе — излишней навязчивостью.

Мать знала, что весь этотъ шумъ поднятъ работой ея сына. Она видѣла, какъ люди стягивались вокругъ него — онъ былъ не одинъ, а это не такъ опасно. И опасенія за судьбу Павла сливались въ ней съ гордостью за него: вѣдь это его тайные труды вливаются свѣжимъ ручьемъ въ тѣсное русло мутнаго потока жизни . . .

Какъ-то вечеромъ Марья Корсунова постучала съ улицы въ окно, и, когда мать открыла раму, она громкимъ шепотомъ заговорила:

— Ну, держись, Пелагея, доигрались голубчики! Ночью сегодня обыскъ рѣшенъ у васъ, и у Мазина, и у Вѣсовщикова . . .

Мать слышала только начало рѣчи, а дальше всѣ слова слились въ зловѣщій, хриплый звукъ.

Толстыя губы Марьи торопливо шлепались одна о другую, мясистый носъ сопѣлъ, глаза мигали и косились изъ стороны въ сторону, выслѣживая кого-то на улицѣ.

— А я ничего не знаю и ничего я тебѣ, мать моя, не говорила и даже не видѣла тебя сегодня, слышишь?

Она исчезла.

Мать закрыла окно и медленно опустилась на стулъ, безъ силъ, съ опустошенной головой. Но сознаніе опасности грозившей сыну, быстро подняло ее на ноги, она живо одѣлась, зачѣмъ-то плотно окутала голову шалью и побѣжала къ Федѣ Мазину, который, она знала, былъ боленъ и не работалъ. Когда она пришла къ нему, онъ сидѣлъ подъ окномъ, читая книгу и качалъ лѣвой рукой правую, оттопыривъ большой палецъ. Узнавъ новость, онъ быстро вскочилъ, его лицо поблѣднѣло.

— Вотъ-те и разъ . . . а у меня — палецъ нарываетъ! — пробормоталъ онъ.

— Что надо дѣлать-то? — дрожащей рукой отирая съ лица потъ, спрашивала Власова.

— Погодите . . . вы не бойтесь! — отвѣтилъ Федя, поглаживая здоровой рукой курчавые волосы.

— Да вѣдь вы сами-то боитесь! — воскликнула она.

— Я? — Щеки его вспыхнули румянцемъ, и, смущенно улыбаясь, онъ сказалъ: — Да-а . . . струсилъ, чертъ . . . Надо Павлу сказать . . . Я сейчасъ пошлю къ нему! . . Вы идите . . . ничего! Вѣдь бить не будутъ?

Возвратясь домой, она собрала тамъ въ кучу всѣ книжки и, прижавъ ихъ къ груди, долго ходила по дому, заглядывая въ печь, подъ печку, въ трубу самовара и даже въ кадку съ водой. Ей казалось, что Павелъ сейчасъ-же броситъ работу и придетъ домой, а онъ не шелъ. Наконецъ, усталая, она сѣла въ кухнѣ на лавку, подложивъ подъ себя книги, и такъ, боясь встать, просидѣла до поры, пока не пришли съ фабрики Павелъ и хохолъ.

— Знаете? — воскликнула она не вставая.

— Знаемъ! — спокойно улыбаясь сказалъ Павелъ. — Ты боишься?

— Такъ боюсь, такъ боюсь . . .

— Не надо бояться! — сказалъ хохолъ. — Это ничему не помогаетъ.

— Даже самоваръ не поставила! — замѣтилъ Павелъ.

Мать встала и, указывая на книжки, виновато объяснила:

— Да я вотъ все съ ними . . .

Сынъ и хохолъ засмѣялись, и это освѣжило ее. Потомъ Павелъ отобралъ нѣсколько книгъ и понесъ ихъ прятать на дворъ, а хохолъ ставилъ самоваръ и говорилъ:

— Совсѣмъ ничего нѣтъ страшнаго, ненько, а только стыдно за людей, что они пустяками занимаются. Придутъ этакіе взрослые мужчины сѣраго цвѣта, съ саблями на боку, со шпорами на ногахъ и роются вездѣ. Подъ кровать заглянутъ и подъ печку, погребъ есть — и въ погребъ полѣзутъ, и на чердакъ сходятъ. Тамъ имъ на рожи паутина садится, и они фыркаютъ. Скучно имъ и стыдно, оттого они дѣлаютъ видъ, будто очень злые люди и очень сердятся на васъ. Поганая работа, они-же понимаютъ! Одинъ разъ порыли у меня все, сконфузились и ушли просто, а другой разъ захватили и меня съ собой . . . Посадили въ тюрьму и мѣсяца четыре сидѣлъ я у нихъ. Сидишь-сидишь, позовутъ къ себѣ, проведутъ по улицѣ съ солдатами . . . спросятъ что-нибудь. Народъ они неумный, говорятъ несуразное такое, поговорятъ — опять велятъ солдатамъ въ тюрьму отвести. Такъ и водятъ туда и сюда . . . надо-же имъ жалованіе свое оправдать! А потомъ выпустятъ на волю . . . вотъ и все!

— Какъ вы всегда говорите, Андрюша! — невольно воскликнула мать.

Стоя на колѣняхъ около самовара, онъ усердно дулъ въ трубу, но тутъ поднялъ свое лицо, красное отъ напряженія и, обѣими руками расправляя усы, спросилъ:

— А какъ говорю?

— Да будто васъ никто никогда не обижалъ . . .

Онъ всталъ и, тряхнувъ головой, заговорилъ улыбаясь:

— Развѣ-же есть гдѣ на землѣ необиженная душа? Но меня столько обижали, что я уже усталъ обижаться. Что подѣлаешь, если люди не могутъ иначе? Обиды очень мѣшаютъ мнѣ дѣло мое дѣлать . . . обойти ихъ нельзя, останавливаться около нихъ — даромъ время терять. Такая жизнь! Я прежде, бывало, сердился на людей . . . а подумалъ — вижу всѣ разбиты сердцемъ! . . Всякій боится какъ-бы сосѣдъ не ударилъ, ну, и старается поскорѣе самъ въ ухо дать. Такая жизнь, ненько моя!

Рѣчь его лилась спокойно и властно, отталкивала куда-то всторону тревогу ожиданія обыска, выпуклые глаза свѣтло и печально улыбались, и весь онъ, хотя и нескладный, былъ такой гибкій, неломкій.

Мать вздохнула и тепло пожелала ему:

— Далъ-бы вамъ Богъ счастья, Андрюша!

Хохолъ широко шагнулъ къ самовару, снова сѣлъ на корточки передъ нимъ и тихо пробормоталъ:

— Дадутъ счастья — не откажусь, просить — не стану, взять — некогда!

И засвистѣлъ.

Вошелъ Павелъ со двора, увѣренно сказалъ:

— Не найдутъ! — и сталъ умываться.

Потомъ, крѣпко и тщательно вытирая руки, заговорилъ:

— Если вы, мамаша, покажете имъ, что испугались, они подумаютъ — значитъ, въ этомъ домѣ что-то есть, коли она такъ дрожитъ. А мы еще ничего не сдѣлали . . . ничего! Вы вѣдь знаете — дурного мы не хотимъ, на нашей сторонѣ правда, и всю жизнь мы будемъ работать для нея — вотъ вся наша вина! Чего-же бояться?

— Я, Паша, скрѣплюсь — пообѣщала она. И вслѣдъ за тѣмъ у нея тоскливо вырвалось: — Ужъ скорѣе-бы приходили они!

А они не пришли въ эту ночь, и на утро, предупреждая возможность шутокъ надъ ея страхомъ, мать первая стала шутить надъ собой.

X.

Они явились какъ разъ тогда, когда ихъ не ждали, почти черезъ мѣсяцъ послѣ тревожной ночи. У Павла сидѣлъ Николай Вѣсовщиковъ, и втроемъ съ Андреемъ они говорили о своей газетѣ. Было поздно, около полуночи. Мать уже легла и, засыпая, сквозь дрему слышала озабоченные, тихіе голоса. Вотъ Андрей, осторожно шагая, прошелъ черезъ кухню, тихо притворилъ за собой дверь. Въ сѣняхъ загремѣло желѣзное ведро. И вдругъ дверь широко распахнулась — хохолъ шагнулъ въ кухню, громко шепнувъ:

— Эй, шпоры звенятъ на улицѣ! . .

Мать вскочила съ постели, дрожащими руками хватая платье, но въ двери изъ комнаты явился Павелъ и спокойно сказалъ:

— Вы лежите . . . вамъ нездоровится!

Въ сѣняхъ былъ слышенъ осторожный шорохъ. Павелъ подошелъ къ двери и, толкнувъ ее рукой, спросилъ:

— Кто тамъ?

Въ дверь странно быстро ввернулась высокая, сѣрая фигура, за ней другая, двое жандармовъ оттѣснили Павла, встали по бокамъ у него, и прозвучалъ высокій, насмѣшливый голосъ:

— Не тѣ, кого вы ждали, а?

Это сказалъ высокій, худой, тонкій офицеръ съ черными, рѣдкими усами. У постели матери появился слободской полицейскій Федякинъ и, приложивъ одну руку къ фуражкѣ, а другою указывая въ лицо матери, сказалъ, сдѣлавъ страшные глаза:

— Вотъ это мать его, ваше благородіе! — И, махнувъ рукой на Павла, прибавилъ: — А это — онъ самый!

— Павелъ Власовъ? — спросилъ офицеръ, прищуривъ глаза, и, когда Павелъ молча кивнулъ головой, онъ заявилъ, крутя усъ:

— Я долженъ произвести обыскъ у тебя . . . Старуха,

встань! Тамъ — кто? — спросилъ онъ, заглядывая въ комнату, и порывисто шагнулъ къ двери.

— Ваши фамиліи? — раздался его голосъ.

Изъ сѣней вышли двое понятыхъ — старый литейщикъ Тверяковъ и его постоялецъ, кочегаръ Рыбинъ, солидный, черный мужикъ. Онъ густо и громко сказалъ:

— Здравствуй, Ниловна!

Она одѣвалась и, чтобы придать себѣ бодрости, тихонько говорила:

— Что ужъ это! . . . Приходятъ ночью . . . люди спать легли, а они приходятъ! . .

Въ комнатѣ было тѣсно и почему-то сильно пахло ваксой. Двое жандармовъ и слободскій приставъ Рыскинъ, громко топая ногами, снимали съ полки книги и складывали ихъ на столѣ передъ офицеромъ. Другіе двое стучали кулаками по стѣнамъ, заглядывали подъ стулья, одинъ неуклюже лѣзъ на печь. Хохолъ и Вѣсовщиковъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, стояли въ углу. Рябое лицо Николая покрылось красными пятнами, и его маленькіе, сѣрые глаза не отрываясь смотрѣли на офицера. Хохолъ крутилъ усы, и когда мать вошла въ комнату, онъ, усмѣхнувшись, ласково кивнулъ ей головой.

Стараясь подавить свой страхъ, она двигалась не бокомъ, какъ всегда, а прямо, грудью впередъ, — это придавало ея фигурѣ смѣшную и напыщенную важность. Она громко топала ногами, а брови у нея дрожали . . .

Офицеръ быстро хваталъ книги тонкими пальцами бѣлой руки, перелистывалъ ихъ, встряхивалъ и ловкимъ движеніемъ кисти отбрасывалъ въ сторону. Порою книга мягко шлепалась на полъ. Всѣ молчали, было слышно тяжелое сопѣніе вспотѣвшихъ жандармовъ, звякали шпоры, иногда раздавался негромкій вопросъ:

— Здѣсь смотрѣлъ?

Мать встала рядомъ съ Павломъ у стѣны, сложила руки на груди, какъ это сдѣлалъ онъ, и тоже смотрѣла на офи-

цера. У нея вздрагивало подъ колѣнями, и глаза застилалъ сухой туманъ.

Вдругъ среди молчанія раздался рѣжущій ухо голосъ Николая:

— А зачѣмъ это нужно — бросать книги на полъ?

Мать вздрогнула. Тверяковъ качнулъ головой, точно его толкнули въ затылокъ, а Рыбинъ крякнулъ и внимательно посмотрѣлъ на Николая.

Офицеръ прищурилъ глаза и воткнулъ ихъ на секунду въ рябое, пестрое и неподвижное лицо . . . Пальцы его еще быстрѣе стали перебрасывать страницы книгъ. Порою онъ такъ широко открывалъ свои большіе, сѣрые глаза, какъ будто ему было невыносимо больно и онъ готовъ крикнуть громкимъ крикомъ безсильной злобы на эту боль.

— Солдатъ! — снова сказалъ Вѣсовщиковъ. — Подними книги . . .

Всѣ жандармы обернулись къ нему, потомъ посмотрѣли на офицера. Онъ снова поднялъ голову и, окинувъ широкую фигуру Николая испытующимъ взглядомъ, протянулъ въ носъ:

— Н-но . . . поднимите . . .

Одинъ жандармъ нагнулся и, искоса гляда на Вѣсовщикова, сталъ подбирать съ пола растрепанныя книги . . .

— Молчать-бы Николаю-то! . . . — тихо шепнула мать Павлу.

Онъ пожалъ плечами. Хохолъ опустилъ голову.

— Что тамъ за шепотъ? Прошу молчать! Кто это читаетъ Библію?

— Я! — сказалъ Павелъ.

— Ага . . . А чьи всѣ эти книги?

— Мои! — отвѣтилъ Павелъ.

— Такъ! — сказалъ офицеръ, откидываясь на спинку стула. Хрустнулъ пальцами тонкихъ рукъ, вытянулъ подъ столомъ ноги, поправилъ усы и спросилъ Николая:

— Это ты — Андрей Находка?

— Я! — отвѣтилъ Николай, подвигаясь впередъ.

Хохолъ вытянулъ руку, взялъ его за плечо и отодвинулъ назадъ.

— Это — онъ ошибся! Я — Андрей! . .

Офицеръ поднявъ руку и, грозя Вѣсовщикову маленькимъ пальцемъ, сказалъ:

—Смотри ты у меня! . .

Онъ началъ рыться въ своихъ бумагахъ.

Съ улицы въ окно бездушными глазами смотрѣла свѣтлая, лунная ночь. Кто-то медленно ходилъ за окномъ, скрипѣлъ снѣгъ.

— Ты, Находка, привлекался уже къ дознанію по политическимъ преступленіямъ? — спросилъ офицеръ.

— Въ Ростовѣ привлекался, и въ Саратовѣ . . . Только тамъ жандармы говорили мнѣ — »вы« . . .

Офицеръ мигнулъ правымъ глазомъ, потеръ его и, оскаливъ мелкіе зубы, заговорилъ:

— А не извѣстно-ли вамъ, Находка, именно вамъ, — кто тѣ мерзавцы, которые разбрасываютъ на фабрикѣ преступныя воззванія и книжки, а?

Хохолъ покачнулся на ногахъ и, широко улыбаясь, хотѣлъ что-то сказать, но вновь прозвучалъ раздражающій голосъ Николая:

— Мы мерзавцевъ первый разъ видимъ . . .

Наступило молчаніе, всѣ остановились на секунду.

Шрамъ на лицѣ матери побѣлѣлъ, и правая бровь всползла кверху. У Рыбина странно задрожала его черная борода; опустивъ глаза, онъ сталъ медленно расчесывать ее пальцами.

— Выведите вонъ этого скота! — сказалъ офицеръ.

Двое жандармовъ взяли Николая подъ руки, грубо повели его въ кухню. Тамъ онъ остановился, крѣпко упираясь ногами въ полъ, и крикнулъ:

— Стойте . . . я одѣнусь!

Со двора явился приставъ и сказалъ:

— Ничего нѣтъ, все осмотрѣли!

— Ну, разумѣется! — воскликнулъ офицеръ усмѣхаясь.

— Я такъ и зналъ! Здѣсь опытный человѣкъ . . . естественно!

Мать слушала его слабый, вздрагивающій и ломкій голосъ и, со страхомъ глядя въ желтое лицо, чувствовала въ этомъ человѣкѣ врага, врага безъ жалости, съ сердцемъ, полнымъ барскаго презрѣнія къ людямъ. Она и раньше мало видѣла такихъ людей, а теперь почти забыла, что они есть.

— Вотъ кого потревожили! — думала она.

— Васъ, г. Андрей Онисимовъ Находка, незаконнорожденный, я арестую!

— За что? — спокойно спросилъ хохолъ.

— Это я вамъ послѣ скажу! — со злой вѣжливостью отвѣтилъ офицеръ. И, обратясь къ Власовой, крикнулъ ей:

— Ты грамотна?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Павелъ.

— Я не тебя спрашиваю! — строго сказалъ офицеръ и снова спросилъ: — Старуха, отвѣчай! Ты грамотная?

Мать, невольно отдаваясь чувству ненависти къ этому человѣку, вдругъ, точно прыгнувъ въ холодную воду, вся охваченная дрожью, выпрямилась, ея шрамъ побагровѣлъ, и бровь низко опустилась.

— Вы не кричите! — заговорила она, протянувъ къ нему руку. — Вы еще молодой человѣкъ . . . вы горя не знаете . . .

— Успокойтесь, мамаша! — остановилъ ее Павелъ.

— Тутъ, ненько, надо сердце въ зубы взять и — стиснуть! — сказалъ хохолъ.

— Погоди, Паша! — крикнула мать, порываясь къ столу. — Зачѣмъ вы людей хватаете?

— Это васъ не касается . . . замолчать! — крикнулъ офицеръ вставая. — Введите арестованнаго Вѣсовщикова!

И началъ читать какую-то бумагу, поднявъ ее къ лицу.

Ввели Николая.

— Шапку снять! — крикнулъ офицеръ, прервавъ чтеніе.

Рыбинъ подошелъ къ Власовой и, толкнувъ ее плечомъ, тихонько сказалъ:

— Не горячись, мать . . .

— Какъ-же я сниму шапку, если меня за руки держатъ? — спросилъ Николай, заглушая чтеніе протокола.

Офицеръ бросилъ бумагу на столъ.

— Подписать!

Мать смотрѣла, какъ всѣ подписываютъ протоколъ, ея возбужденіе погасло, сердце упало и на глаза навернулись ѣдкія слезы обиды, безсилія. Этими слезами она плакала двадцать лѣтъ своего замужества, но послѣдніе годы почти забыла ихъ разъѣдающій вкусъ; офицеръ посмотрѣлъ на нее и, брезгливо сморщивъ лицо, замѣтилъ:

— Вы преждевременно ревете, сударыня! Смотрите, вамъ не хватитъ слезъ впослѣдствіи! . .

Снова озлобляясь, она сказала:

— У матери на все слезъ хватитъ . . . на все! Коли у васъ есть мать, она это знаетъ, да!

Офицеръ торопливо укладывалъ бумаги въ новенькій портфель съ блестящимъ замкомъ.

— Какіе они, — обратился онъ къ приставу, — самостоятельные всѣ! . .

— Озорство! — пробормоталъ приставъ.

— Маршъ! — скомандовалъ офицеръ.

— До свиданья, Андрей, до свиданья, Николай! — тепло и тихо говорилъ Павелъ, пожимая товарищамъ руки.

— Вотъ именно — до свиданья! — усмѣхаясь заявилъ офицеръ.

Вѣсовщиковъ молча давилъ руки своими короткими пальцами и тяжело сопѣлъ. Его толстая шея налилась кровью, глаза сверкали жесткой злобой. Хохолъ блестѣлъ улыбками, кивалъ головой и что-то говорилъ матери, она крестила его и тоже говорила:

— Богъ видитъ правыхъ . . .

Наконецъ толпа людей въ сѣрыхъ шинеляхъ вывалилась въ сѣни и, прозвенѣвъ тамъ шпорами, исчезла. Послѣднимъ

вышелъ Рыбинъ, онъ окинулъ Павла внимательнымъ взглядомъ темныхъ глазъ, задумчиво сказалъ:

— Н-ну . . . прощайте!

И, покашливая въ бороду, неторопливо вышелъ въ сѣни.

Заложивъ руки за спину, Павелъ медленно ходилъ по комнатѣ, перешагивая черезъ книги и бѣлье, валявшееся на полу, и говорилъ угрюмо:

— Видишь, какъ это дѣлается? . .

Недоумѣнно разсматривая развороченную комнату, мать тоскливо прошептала:

— Зачѣмъ Николай грубилъ ему? . .

— Испугался, должно быть . . . — тихо сказалъ Павелъ. — Да . . . съ ними нельзя говорить . . . ничего нельзя! . .

— Пришли, схватили, увели . . . — бормотала мать, разводя руками.

Сынъ остался дома, сердце ея стало биться спокойнѣе, а мысль стояла неподвижно передъ фактомъ и не могла обнять его.

— Насмѣхается этотъ желтый, грозитъ . . .

— Хорошо, мать! — вдругъ рѣшительно сказалъ Павелъ. — Давай, уберемъ все это . . .

Онъ сказалъ ей »мать« и »ты«, какъ говорилъ только тогда, когда вставалъ ближе къ ней. Она подвинулась къ нему, заглянула въ его лицо и тихонько спросила:

— Обидѣли тебя? . .

— Да! — отвѣтилъ онъ. — Это противно . . . тяжело! . . Лучше-бы съ ними . . .

Ей показалось, что у него на глазахъ слезы, и, желая утѣшить, смутно чувствуя его боль, она, вздохнувъ, сказала:

— Погоди . . . возьмутъ и тебя! . .

— Возьмутъ! — отозвался онъ.

Помолчавъ, мать грустно замѣтила:

— Экій ты, Паша, суровый! Хоть-бы ты когда-нибудь утѣшилъ меня . . . А то — я скажу страшно, а ты еще страшнѣе.

Онъ взглянулъ на нее, подошелъ и тихо проговорилъ:

— Не умѣю я, мама! Не могу я лгать . . . Надо тебѣ привыкнуть къ этому.

Она вздохнула и помолчавъ заговорила, сдерживая дрожь страха:

— А вдругъ они пытаютъ людей? Рвутъ тѣло, ломаютъ косточки . . . Какъ подумаю я объ этомъ . . . Паша, милый, страшно! . .

— Они рвутъ душу, а не тѣло, мнѣ кажется . . . Это больнѣе — когда хватаютъ душу грязными руками . . .

XI.

На другой день стало извѣстно, что арестованы Букинъ, Самойловъ, Сомовъ и еще пятеро. Вечеромъ забѣгалъ Федя Мазинъ — у него тоже былъ обыскъ и, довольный этимъ, онъ чувствовалъ себя героемъ.

— Боялся, Федя? — спросила мать.

Онъ поблѣднѣлъ, лицо его заострилось, ноздри дрогнули.

— Боялся, что ударитъ офицеръ! Онъ чернобородый, толстый, пальцы у него въ шерсти, а на носу — черные очки и онъ точно — безглазый. Кричалъ, топалъ ногами! Въ тюрьмѣ сгною, говоритъ! . . А меня никогда не били, ни отецъ, ни мать, потому что я одинъ сынъ, они меня любили. Всѣхъ вездѣ бьютъ, а меня никогда . . .

Онъ закрылъ на мигъ глаза, сжалъ губы, быстрымъ жестомъ обѣихъ рукъ взбилъ волосы на головѣ и, глядя на Павла покраснѣвшими глазами, сказалъ:

— Если меня когда-нибудь ударятъ . . . я весь, какъ ножъ, воткнусь въ человѣка . . . зубами буду грызть . . . пусть ужъ сразу добьютъ! . .

— Тонкій ты, худенькій! — воскликнула мать. — Куда тебѣ драться?

— Я буду! — тихо отвѣтилъ Федя.

Когда онъ ушелъ, мать сказала Павлу:

— Этотъ раньше всѣхъ сломится! . .

Павелъ промолчалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ кухню медленно отворилась, и вошелъ Рыбинъ.

— Здравствуйте! — усмѣхаясь молвилъ онъ. — Вотъ — я опять явился. Вчера привели, а сегодня — самъ пришелъ, да! — Онъ сильно потрясъ руку Павла, взялъ мать за плечо и спросилъ:

— Чаемъ напоишь?

Павелъ молча разсматривалъ его смуглое, широкое лицо въ густой, черной бородѣ и темные, умные глаза. Въ ихъ спокойномъ взглядѣ свѣтилось что-то значительное, и вся его крупная фигура располагала къ себѣ увѣренной стойкостью.

Мать ушла въ кухню ставить самоваръ. Рыбинъ сѣлъ, погладилъ бороду и, положивъ локти на столъ, окинулъ Павла темнымъ взглядомъ.

— Такъ вотъ! — сказалъ онъ, какъ-бы продолжая прерванный разговоръ. — Мнѣ съ тобой надо поговорить открыто. Я тебя долго оглядывалъ, прежде чѣмъ придти. Живемъ мы почти рядомъ, вижу — народу къ тебѣ ходитъ много, а пьянства и безобразія нѣтъ. Это — первое. Если люди не безобразятъ, они сразу замѣтны — что такое? Вотъ. Потому и самъ я всѣмъ глаза намялъ, что живу въ сторонѣ, безъ пакостей . . .

Рѣчь его лилась тяжело, но свободно, и въ ней звучали ноты, вызывающія довѣріе къ этому человѣку.

— Такъ. Заговорили всѣ про тебя. Мои хозяева зовутъ еретикомъ — въ церковь ты не ходишь. Я тоже не хожу. Потомъ бумажки явились, листки эти . . . Это ты ихъ придумалъ?

— Я! — отвѣтилъ Павелъ, не отводя глазъ отъ лица Рыбина. Тотъ тоже неотрывно смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ужъ и ты! — тревожно воскликнула мать, выглядывая изъ кухни. — Не одинъ ты . . .

Павелъ усмѣхнулся. Рыбинъ тоже.

— Такъ! — сказалъ онъ.

Мать громко потянула носомъ воздухъ и ушла, немного обиженная тѣмъ, что они не обратили вниманія на ея слова.

— Листки — это хорошо придумано . . . Они народъ безпокоятъ . . . Девятнадцать было?

— Да! — отвѣтилъ Павелъ.

— Значитъ, всѣ я читалъ! Такъ. Есть въ нихъ непонятное, есть лишнее . . . ну, когда человѣкъ много говоритъ, ему словъ съ десятокъ и зря сказать приходится . . .

Рыбинъ улыбнулся, зубы у него были бѣлые и крѣпкіе.

— Потомъ обыскъ. Это меня расположило къ вамъ больше всего . . . И ты, и хохолъ, и Николай — всѣ вы обнаружились . . .

Не находя нужнаго слова, онъ замолчалъ, взглянулъ въ окно, постукалъ пальцами по столу.

— Обнаружили рѣшеніе ваше. Дескать ты, ваше благородіе, дѣлай свое дѣло, а мы будемъ дѣлать свое. Хохолъ тоже хорошій парень. Иной разъ слушаю я, какъ онъ на фабрикѣ говоритъ, и думаю — этого не сомнешь, его только смерть одолѣетъ. Жилистый человѣкъ! Ты мнѣ, Павелъ, вѣришь?

— Вѣрю! — сказалъ Павелъ, кивнувъ головой.

— Вотъ такъ. Гляди — мнѣ сорокъ лѣтъ, я вдвое старше тебя, въ двадцать разъ больше видѣлъ. Въ солдатахъ три года слишкомъ шагалъ, женатъ былъ два раза, одна померла, другую бросилъ. На Кавказѣ былъ, духоборцевъ знаю . . . Они, братъ, жизнь не одолѣютъ, нѣтъ.

Мать жадно слушала его крѣпкую рѣчь, и ей было пріятно видѣть, что вотъ къ сыну ея пришелъ пожилой человѣкъ и говоритъ съ нимъ, точно исповѣдуется. Но ей казалось, что Павелъ ведетъ себя слишкомъ сухо съ гостемъ, и, чтобы смягчить его отношеніе, она спросила Рыбина:

— Можетъ, поѣсть хочешь, Михаило Ивановичъ?

— Спасибо, мать! Я поужиналъ. Такъ вотъ, Павелъ, ты, значитъ, думаешь, что жизнь идетъ незаконно?

Павелъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Она вѣрно идетъ! — говорилъ онъ. — Вотъ, она привела васъ ко мнѣ съ открытой душой. Насъ, которые всю жизнь работаютъ, она соединяетъ понемногу — будетъ время — соединитъ всѣхъ. Несправедливо, тяжело построена она для насъ, но сама-же и открываетъ намъ глаза на свой горькій смыслъ, сама указываетъ человѣку, какъ ускорить ея ходъ.

— Вѣрно. Но, погоди! — остановилъ его Рыбинъ. — Человѣка надо обновить — вотъ, что я думаю! Если опаршивѣетъ человѣкъ — своди его въ баню, — вымой, надѣнь чистую одежду — выздоровѣетъ! Такъ? И если сердце опаршивѣло, сними съ него кожу, хотя-бы съ кровью, омой, одѣнь во все новое — такъ? Какъ-же изнутри очистить человѣка? Вотъ!

Павелъ заговорилъ горячо и рѣзко о Богѣ, о царѣ, о начальствѣ, о фабрикѣ, о томъ какъ заграницей рабочіе отстаиваютъ свои права. Рыбинъ порою улыбался, порой ударялъ пальцемъ по столу, какъ-бы ставя точку. Не однажды онъ восклицалъ:

— Такъ!

И разъ, засмѣявшись, тихо сказалъ:

— Э-эхъ, молодъ ты . . . Мало знаешь людей!

Тогда Павелъ, остановясь противъ него, серьезно замѣтилъ:

— Не будемъ говорить о старости и о молодости! Посмотримъ лучше, чьи мысли вѣрнѣе.

— Значитъ, по твоему, и Богомъ обманули насъ? Такъ. Я тоже думаю, что религія наша фальшивая и вредная намъ . . .

Тутъ вмѣшалась мать. Когда сынъ говорилъ о Богѣ и обо всемъ, что она связывала съ своей вѣрой въ Него, что было дорого и свято для нея, она всегда искала встрѣтить его глаза; ей хотѣлось молча попросить сына, чтобы онъ не царапалъ ей сердце острыми и рѣзкими словами своего невѣрія. Но за невѣріемъ его ей чувствовалась вѣра, и это успокаивало ее.

— Гдѣ мнѣ понять мысли его? — думала она.

Ей казалось, что Рыбину, пожилому человѣку, тоже непріятно и обидно слушать рѣчи Павла. Но когда Рыбинъ спокойно поставилъ Павлу свой вопросъ, она не стерпѣла и кратко, но настойчиво сказала:

— Насчетъ Господа — вы-бы поосторожнѣе! Вы, какъ хотите . . . — Переведя дыханіе она съ силой, еще большей, продолжала: — А мнѣ, старухѣ, опереться будетъ не на что въ тоскѣ моей, если вы Господа Бога у меня отнимете . . .

Глаза ея налились слезами. Она мыла посуду, и пальцы у нея дрожали.

— Вы насъ не поняли, мамаша! — тихо и ласково сказалъ Павелъ.

— Ты прости, мать! — медленно и густо прибавилъ Рыбинъ и усмѣхаясь посмотрѣлъ на Павла.

— Забылъ я, что стара ты для того, чтобы тебѣ бородавки срѣзывать . . .

— Я говорилъ, — продолжалъ Павелъ, — не о томъ добромъ и милостивомъ Богѣ, въ котораго вы вѣруете, а о томъ, которымъ попы грозятъ намъ, какъ палкой . . . о Богѣ, именемъ котораго хотятъ заставить всѣхъ людей подчиниться злой волѣ немногихъ . . .

— Вотъ такъ, да! — воскликнулъ Рыбинъ, стукнувъ пальцами по столу. — Они и Бога подмѣнили намъ, они все, что у нихъ въ рукахъ, противъ насъ направляютъ! Ты помни, мать, Богъ создалъ человѣка по образу и подобію своему, — значитъ, Онъ подобенъ человѣку, если человѣкъ Ему подобенъ! А мы не Богу подобны стали, но дикимъ звѣрямъ. Въ церкви намъ пугало показываютъ . . . Перемѣнить Бога надо, мать, очистить Его! Въ ложь и въ клевету одѣли Его, исказили лицо Ему, чтобы души намъ убить! . .

Онъ говорилъ тихо, но какъ-то особенно внятно, каждое слово его рѣчи падало на голову матери мягкимъ и тяжелымъ, оглушающимъ ударомъ. И его лицо въ черной рамѣ бороды,

большое, траурное, пугало ее. Темный блескъ глазъ былъ невыносимъ, онъ будилъ тоску и ноющій страхъ въ сердцѣ.

— Нѣтъ, я лучше уйду! — сказала она, отрицательно качая головой. — Слушать это — нѣтъ моихъ силъ . . . не могу!

И быстро ушла въ кухню, сопровождаемая словами Рыбина:

— Вотъ оно, Павелъ! Не въ головѣ, а въ сердцѣ — начало! . . Это есть такое мѣсто въ душѣ человѣческой, на которомъ ничего другого не выростетъ . . .

— Только разумъ! — твердо сказалъ Павелъ. — Только разумъ освободитъ человѣка!

— Разумъ силы не даетъ! — возражалъ Рыбинъ громко и настойчиво. — Сердце даетъ силу, — а не голова, вотъ!

Мать раздѣлась и легла въ постель не молясь. Ей было холодно, непріятно. И Рыбинъ, который показался ей сначала такимъ солиднымъ, умнымъ, теперь возбуждалъ у нея глухую вражду.

— Еретикъ! Смутьянъ! — думала она, слушая его ровный голосъ, гулко переливавшійся въ широкой, выпуклой груди . . . — Тоже, пришелъ . . . понадобилось!

А онъ говорилъ увѣренно и спокойно:

— Свято мѣсто не должно быть пусто. Тамъ, гдѣ Богъ живетъ — мѣсто наболѣвшее . . . и ежели выпадаетъ Онъ изъ души — рана будетъ въ ней — вотъ! Надо, Павелъ, вѣру новую придумать . . . надо сотворить Бога — для всѣхъ, не судью, не воина, а Бога — друга людей!

— Вотъ — былъ Христосъ! — воскликнулъ Павелъ.

— Погоди! Христосъ былъ не твердъ духомъ . . . Пронеси, говоритъ, мимо меня чашу . . . И кесаря признавалъ . . . Богъ не можетъ признавать власти человѣческой надъ людьми, Онъ есть — вся власть! Онъ душу свою не дѣлитъ: это — божеское, это — человѣческое . . . если Онъ сошелъ утвердить божеское — Ему не надо ничего человѣческаго. А Онъ — торговлю признавалъ . . . и бракъ признавалъ . . . И смоковницу проклялъ Онъ неправиль-

но . . . развѣ по своей волѣ не родила она? Душа тоже не по своей волѣ добромъ неплодна . . . самъ-ли я посѣялъ злобу въ ней? Вотъ!

Въ комнатѣ непрерывно звучали два голоса, какъ-бы обнимаясь и борясь другъ съ другомъ въ захватывающей, возбужденной игрѣ. Быстро шагалъ Павелъ, скрипѣлъ полъ подъ его ногами. Когда онъ говорилъ, всѣ звуки тонули въ его рѣчи, а когда спокойно и медленно лился тяжелый голосъ Рыбина, — былъ слышенъ стукъ маятника и тихій трескъ мороза, щупавшаго стѣны дома острыми когтями.

— Скажу тебѣ по своему, по качегарски: Богъ — подобенъ огню. Такъ! Онъ ничего не укрѣпляетъ, не можетъ . . . Онъ жгетъ и плавитъ, когда освѣщаетъ . . . Онъ сожигаетъ церкви, а не строитъ ихъ. Живетъ Онъ въ сердцѣ. Сказано — Богъ — слово, а слово есть — Духъ . . .

— Разумъ! — настойчиво сказалъ Павелъ.

— Такъ! Значитъ — Богъ въ сердцѣ и въ разумѣ, а не въ церкви! Въ томъ и горе, и скорбь, и все несчастіе человѣковъ — оторваны всѣ мы стали сами отъ себя! Откинуто сердце отъ разума и разумъ отошелъ . . . Не единъ человѣкъ . . . Богъ соединяетъ человѣка во единое, круглое . . . Богъ всегда создаетъ круглое, такова земля и всѣ звѣзды, и все видимое . . . Острое — человѣкомъ сдѣлано . . . Церковь-же могила Бога и человѣка . . .

Мать заснула и не слышала, когда ушелъ Рыбинъ.

Но онъ сталъ приходить часто и, если у Павла былъ кто-либо изъ товарищей, Рыбинъ садился въ уголъ и молчалъ, лишь изрѣдка говоря:

— Вотъ такъ!

А однажды, глядя на всѣхъ изъ угла темнымъ взглядомъ, онъ угрюмо сказалъ:

— Надо говорить о томъ, что есть, а что будетъ — намъ неизвѣстно, вотъ! Когда народъ освободится, онъ самъ увидитъ какъ лучше. Довольно много ему въ голову вколачивали, чего онъ не желалъ совсѣмъ . . . будетъ . . . Пусть самъ сообразитъ. Можетъ онъ захочетъ все отвергнуть . . .

всю жизнь и всѣ науки, можетъ онъ увидитъ, что все противу него направлено . . . какъ, примѣрно, Богъ церковный . . . Вы только передайте ему всѣ книги въ руки, а ужъ онъ самъ отвѣтитъ — вотъ. Только понялъ-бы онъ, что чѣмъ хомутъ туже, тѣмъ работать хуже . . .

Но если Павелъ былъ одинъ, они тотчасъ-же вступали въ безконечный, всегда спокойный споръ, и мать, тревожно слушая ихъ рѣчи, молча слѣдила за ними, стараясь понять — что говорятъ они. Порою ей казалось, что широкоплечій, чернобородый мужикъ и ея сынъ, стройный, крѣпкій — оба ослѣпли. Во тьмѣ и въ этой маленькой комнаткѣ, они тычутся изъ стороны въ сторону въ поискахъ свѣта и выхода, хватаются за все сильными, но слѣпыми руками, трясутъ, передвигаютъ съ мѣста на мѣсто, роняютъ на полъ и давятъ упавшее ногами. Задѣваютъ за все, ощупываютъ каждое и отбрасываютъ отъ себя, спокойные, не теряющіе ни вѣры, ни надежды . . .

Они пріучили ее слышать множество словъ, страшныхъ своей прямотой и смѣлостью, и эти слова уже не давили ее съ той силой, какъ первый разъ, — она научилась отталкивать ихъ отъ ушей. И порой, за словами, отрицавшими Бога, она чувствовала крѣпкую вѣру въ Него. Тогда она улыбалась тихой и мудрой, всепрощающей улыбкой. И, хотя Рыбинъ, какъ и раньше, не нравился ей, но уже не возбуждалъ вражды къ себѣ . . .

Разъ въ недѣлю она носила въ тюрьму бѣлье и книги для хохла, однажды ей дали свиданіе съ нимъ и, придя домой, она умиленно разсказывала:

— Онъ и тамъ, какъ дома. Со всѣми ласковый, всѣ съ нимъ шутятъ. Точно у него въ сердцѣ всегда праздникъ. Трудно ему, тяжело, а показать не хочетъ . . .

— Вотъ такъ и надо! — замѣтилъ Рыбинъ. — Мы всѣ въ горѣ, какъ въ кожѣ . . . горемъ дышемъ, горемъ одѣваемся . . . Но хвастать тутъ нечѣмъ . . . Не у всѣхъ глаза выколоты, иные сами ихъ закрываютъ . . . вотъ. А коли глупъ — терпи! . .

XII.

Сѣрый, старенькій домъ Власовыхъ притягивалъ къ себѣ вниманіе слободки все болѣе и болѣе. Въ этомъ вниманіи было много подозрительной осторожности и безсознательной вражды, но въ тоже время зарождалось и довѣрчивое любопытство. Иногда приходилъ какой-то человѣкъ и, осторожно оглядываясь, говорилъ Павлу:

— Ну-ка, братъ, ты тутъ книги читаешь, законы-то извѣстны тебѣ. Такъ вотъ, объясни ты . . .

И разсказывалъ Павлу о какой-нибудь несправедливости полиціи или администраціи фабрики. Въ сложныхъ случаяхъ Павелъ давалъ человѣку записку въ городъ къ знакомому адвокату, а когда могъ — объяснялъ дѣло самъ.

Постепенно въ людяхъ возникало уваженіе къ молодому, серьезному человѣку, который обо всемъ говорилъ просто и смѣло и почти никогда не смѣялся, глядя на все и все слушая со вниманіемъ, которое упрямо рылось въ путаницѣ каждаго частнаго случая и всегда, всюду находило какую-то общую, безконечную нить, тысячами крѣпкихъ петель связывавшую людей.

Власова видѣла, какъ сынъ ея выросталъ, она начинала чувствовать смыслъ его работы и, когда это удавалось ей, — радовалась дѣтскою радостью.

Особенно поднялся Павелъ въ глазахъ людей послѣ исторіи съ »болотной копѣйкой«.

За фабрикой, почти окружая ее гнилымъ кольцомъ, тянулось обширное болото, поросшее ельникомъ и березой. Лѣтомъ оно дышало густыми, желтыми испареніями, и на слободку съ него летѣли тучи комаровъ, сѣя лихорадки. Болото принадлежало фабрикѣ, и новый директоръ, желая извлечь изъ него пользу, задумалъ осушить его, а кстати и выбрать торфъ. Указывая рабочимъ, что эта мѣра оздоровитъ мѣстность и улучшитъ условія жизни для всѣхъ, директоръ распорядился вычитать изъ ихъ заработка копѣйку съ рубля на осушеніе болота.

Рабочіе заволновались. Особенно обидѣло ихъ, что служащіе не входили въ число плательщиковъ новаго налога.

Павелъ былъ боленъ въ субботу, когда вывѣсили объявленіе директора о сборѣ копѣйки; онъ не работалъ и не зналъ ничего объ этомъ. На другой день, послѣ обѣдни, къ нему пришелъ благообразный старикъ, литейщикъ Сизовъ, высокій и злой слесарь Махотинъ и разсказали ему о рѣшеніи директора.

— Собрались мы, которые постарше, — степенно говорилъ Сизовъ, — поговорили объ этомъ и вотъ, послали насъ товарищи къ тебѣ спросить — какъ ты у насъ человѣкъ знающій — есть такой законъ, чтобы директору нашей копѣйкой съ комарами воевать?

— Сообрази! — сказалъ Махотинъ, сверкая узкими глазами. — Четыре года тому назадъ они, жулье, на баню собирали. Три тысячи восемьсотъ было собрано . . . Гдѣ онѣ? Бани — нѣтъ!

Павелъ объяснилъ несправедливость налога и явную выгоду этой затѣи для фабрики; они оба нахмурившись ушли. Проводивъ ихъ, мать сказала, усмѣхаясь:

— Вотъ, Паша, и старики стали къ тебѣ за умомъ ходить.

Не отвѣчая, озабоченный Павелъ сѣлъ за столъ и началъ что-то писать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ ей:

— Я тебя попрошу: сейчасъ-же поѣзжай въ городъ, отдай эту записку . . .

— Это опасное? — спросила она.

— Да. Тамъ печатаютъ для насъ газету . . . Необходимо, чтобы исторія съ копѣйкой попала въ номеръ . . .

— Ну-ну! — отозвалась она, поспѣшно одѣваясь. — Я сейчасъ . . .

Это было первое порученіе, данное ей сыномъ. Она обрадовалась тому, что вотъ онъ открыто сказалъ ей, въ чемъ дѣло, и она можетъ быть прямо полезна ему.

— Это я понимаю, Паша! — говорила она. — Это ужъ

они грабятъ! . . Какъ человѣка-то зовутъ, Егоръ Ивановичъ?

Она воротилась поздно вечеромъ, усталая, но довольная.

— Сашеньку видѣла! — говорила она сину. — Кланяется тебѣ. А этотъ Егоръ Ивановичъ простой такой . . . шутникъ! Смѣшно онъ говоритъ.

— Я радъ, что они тебѣ нравятся! — тихо сказалъ Павелъ.

— Простые люди, Паша! Хорошо, когда люди простые . . . И всѣ уважаютъ тебя . . .

Въ понедѣльникъ Павелъ снова не пошелъ работать, у него болѣла голова. Но въ обѣдъ прибѣжалъ Федя Мазинъ, взволнованный, счастливый и, задыхаясь отъ усталости, сообщилъ:

— Идемъ! Вся фабрика поднялась. За тобой послали . . . Сизовъ и Махотинъ говорятъ, что лучше всѣхъ можешь объяснить . . . Что тамъ дѣлается!

Павелъ молча сталъ одѣваться.

— Бабы прибѣжали — визжатъ!

— Я тоже пойду! — заявила мать. — Ты нездоровъ и все. Что они тамъ затѣяли? . . Я пойду!

— Иди! — кратко сказалъ Павелъ.

По улицѣ шли быстро и молча. Мать задыхалась отъ ходьбы и волненія, она чувствовала — надвигается что-то важное . . . Въ воротахъ фабрики стояла толпа женщинъ, крикливо ругаясь. Когда они трое проскользнули во дворъ, то сразу попали въ густую, черную, возбужденно гудѣвшую толпу. Мать видѣла, что всѣ головы были обращены въ одну сторону, къ стѣнѣ кузнечнаго цеха, гдѣ, на грудѣ стараго желѣза и фонѣ краснаго кирпича, стояли, размахивая руками, Сизовъ, Махотинъ и Вяловъ и еще человѣкъ пять пожилыхъ, вліятельныхъ рабочихъ.

— Власовъ идетъ! — крикнулъ кто-то.

— Власовъ? Давай его сюда . . .

Павла схватили, толкнули впередъ, и мать осталась одна.

— Тише! — кричали сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

И гдѣ-то близко раздавался ровный голосъ Рыбина:

— Не за копѣйку надо стоять, а за справедливость, вотъ! Дорога намъ не копѣйка наша, она не круглѣе другихъ, но она тяжелѣе — въ ней крови человѣческой больше, чѣмъ въ директорскомъ рублѣ, вотъ! И не копѣйкой дорожимъ, — кровью, правдой, вотъ!

Слова его сильно падали на толпу и высѣкали горячія восклицанія:

— Вѣрно! Такъ, Рыбинъ!

— Тише, дьяволы!

— Правильно, кочегаръ!

— Власовъ пришелъ!

Заглушая тяжелую возню машинъ, трудные вздохи пара и шелестъ проводовъ, голоса сливались въ шумный вихрь. Отовсюду торопливо бѣжали люди и, размахивая руками, вступали въ споръ, разжигая другъ друга горячими, колкими словами. Безысходное раздраженіе, всегда дремотно таившееся въ усталыхъ грудяхъ, просыпалось, требовало выхода и, вырываясь изъ устъ, торжествуя летало по воздуху, все шире расправляя темныя крылья, все крѣпче охватывая людей, увлекая ихъ за собой, сталкивая другъ съ другомъ, перерождаясь въ пламенную злобу. Надъ толпой колыхалась туча копоти и пыли, облитыя потомъ лица горѣли, и кожа щекъ плакала черными слезами. На темныхъ лицахъ сверкали глаза, блестѣли зубы.

Тамъ, гдѣ стояли Сизовъ и Махотинъ, появился Павелъ и прозвучалъ его крикъ.

— Товарищи!

Мать видѣла, что лицо у него поблѣднѣло и губы дрожатъ; она невольно двинулась впередъ, расталкивая толпу. Ей говорили раздраженно:

— Куда лѣзешь, старуха!

Толкали ее. Но это не останавливало женщину; раздвигая людей плечами и локтями, она медленно протискивалась все ближе къ сыну, повинуясь желанію встать рядомъ съ нимъ.

А Павелъ, выбросивъ изъ груди слово, въ которое онъ привыкъ вкладывать глубокій и важный смыслъ, почувствовалъ, что горло ему сжала острая спазма боевой радости; его охватило необоримое желаніе отдать себя своей вѣрѣ, бросить людямъ свое сердце, зажженное огнемъ мечты о правдѣ.

— Товарищи! — повторилъ онъ, черпая въ этомъ словѣ восторгъ и силу. — Мы — тѣ люди, которые строятъ церкви и фабрики, куютъ цѣпи и деньги . . . мы — та живая сила, которая кормитъ и забавляетъ всѣхъ отъ пеленокъ до гроба . . .

— Вотъ! — крикнулъ Рыбинъ.

— Мы всегда и вездѣ — первые въ работѣ и на послѣднемъ мѣстѣ въ жизни. Кто заботится о насъ? Кто хочетъ намъ добра? Кто считаетъ насъ людьми? Никто!

— Никто! — отозвался, точно эхо, чей-то голосъ.

Павелъ, овладѣвая собой, сталъ говорить проще и спокойнѣе, толпа медленно подвигалась къ нему, складываясь въ темное, тысячеглавое тѣло. Она смотрѣла въ его лицо сотнями внимательныхъ глазъ, всасывала его слова, пряталась, напряглась.

— Мы не добьемся лучшей доли, покуда не почувствуемъ себя товарищами, семьей друзей, крѣпко связанныхъ однимъ желаніемъ — желаніемъ бороться за наши права.

— Говори о дѣлѣ! — грубо закричали гдѣ-то рядомъ съ матерью.

— Не мѣшай ему! Молчите! — негромко раздались два возгласа въ разныхъ мѣстахъ.

Закопченыя лица хмурились недовѣрчиво, угрюмо, десятки глазъ смотрѣли въ лицо Павла серьезно, вдумчиво.

— Соціалистъ, а не дуракъ! — замѣтилъ кто-то.

— Ухъ! Смѣло говоритъ! — толкнувъ мать въ плечо, сказалъ высокій, кривой рабочій.

— Пора, товарищи, дать отпоръ жадной силѣ, которая живетъ нашимъ трудомъ, пора защищаться, надо понять всѣмъ, что никто, кромѣ насъ самихъ, не поможетъ намъ!

Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного — вотъ нашъ законъ, если мы хотимъ одолѣть врага!

— Дѣло говоритъ, ребята! — крикнулъ Махотинъ. — Слушай правду!

И, широко взмахнувъ рукой, онъ потрясъ въ воздухѣ кулакомъ.

— Надо вызвать директора сейчасъ-же! — продолжалъ Павелъ. — Надо спросить его . . .

По толпѣ точно вихремъ ударило. Она закачалась, и десятки голосовъ сразу крикнули:

— Директора сюда!

— Пусть объяснитъ!

— Веди его!

— Депутатовъ послать за нимъ!

— Не надо!

Мать протолкалась впередъ и смотрѣла на сына снизу вверхъ. Она была полна гордости — Павелъ стоялъ среди старыхъ, уважаемыхъ рабочихъ, всѣ его слушали и соглашались съ нимъ. Ей нравилось, что онъ спокоенъ и говоритъ такъ просто, не злится, не ругается, какъ другіе.

Точно градъ на желѣзо, сыпались отрывистыя восклицанія, ругательства, злыя слова. Павелъ смотрѣлъ на людей сверху и искалъ среди нихъ чего-то широко открытыми глазами.

— Депутатовъ!

— Сизовъ пускай говоритъ!

— Власовъ!

— Рыбина! У него зубы страшные!

Наконецъ выбрали для разговора съ директоромъ троихъ — Сизова, Рыбина и Павла и уже хотѣли послать за нимъ, какъ вдругъ въ толпѣ раздались негромкія восклицанія.

— Самъ идетъ! . .

— Директоръ! . .

— Ага-а?!

Толпа разступилась, давая дорогу высокому и сухому человѣку съ острой бородкой и длиннымъ лицомъ.

— Позвольте! — говорилъ онъ, отстраняя рабочихъ съ своей дороги короткимъ жестомъ руки и не дотрагиваясь до нихъ. Глаза у него были прищурены, и взглядомъ опытнаго владыки людей онъ испытующе щупалъ лица рабочихъ. Передъ нимъ снимали шапки, кланялись ему — онъ шелъ не отвѣчая на поклоны и сѣялъ въ толпѣ тишину и смущеніе, конфузливыя улыбки и негромкія восклицанія, въ которыхъ уже слышалось раскаяніе дѣтей, сознающихъ, что они нашалили.

Вотъ онъ прошелъ мимо матери, скользнувъ по ея лицу строгими глазами, остановился передъ грудой желѣза. Кто-то сверху протянулъ ему руку — онъ не взялъ ея, свободно, сильнымъ движеніемъ тѣла влѣзъ наверхъ, всталъ впереди Павла и Сизова и спросилъ:

— Это что за сборище? Почему вы бросили работу?

Нѣсколько секундъ было тихо. Головы людей покачивались точно колосья. Сизовъ, махнувъ въ воздухѣ картузомъ, повелъ плечами и опустилъ голову.

— Я спрашиваю! — крикнулъ директоръ.

Павелъ всталъ рядомъ съ нимъ и громко сказалъ, указывая на Сизова и Рыбина.

— Мы трое уполномочены товарищами потребовать, чтобы вы отмѣнили свое распоряженіе о вычетѣ копѣйки . . .

— Почему? — спросилъ директоръ, не взглянувъ на Павла.

— Мы не считаемъ справедливымъ такой налогъ на насъ! — громко сказалъ Павелъ.

— Вы что-же, въ моемъ намѣреніи осушить болото видите только желаніе эксплоатировать рабочихъ, а не заботу объ улучшеніи ихъ быта? Да?

— Да! — отвѣтилъ Павелъ.

— И вы тоже? — спросилъ директоръ Рыбина.

— Всѣ одинаково! — отвѣтилъ Рыбинъ.

— А вы, почтенный? — обратился директоръ къ Сизову.

— Да и я тоже попрошу: ужъ вы оставьте копѣечку-то при насъ!

И, снова наклонивъ голову, Сизовъ виновато улыбнулся.

Директоръ медленно обвелъ глазами толпу, пожалъ плечами. Потомъ испытующе оглядѣлъ Павла и замѣтилъ ему:

— Вы кажетесь довольно интеллигентнымъ человѣкомъ — неужели и вы не понимаете пользу этой мѣры?

Павелъ громко отвѣтилъ:

— Если фабрика осушитъ болото за свой счетъ — это всѣ поймутъ!

— Фабрика не занимается филантропіей! — сухо замѣтилъ директоръ. — Я приказываю всѣмъ немедленно встать на работу!

И онъ началъ спускаться внизъ, осторожно ощупывая ногой желѣзо и не глядя ни на кого.

Въ толпѣ раздался недовольный гулъ.

— Что? — спросилъ директоръ, остановясь.

Всѣ замолчали, только откуда-то издали раздался одинокій голосъ:

— Работай самъ! . .

— Если черезъ пятнадцать минутъ вы не начнете работать — я прикажу записать всѣмъ штрафъ! — сухо и внятно отвѣтилъ директоръ.

Онъ снова пошелъ сквозь толпу, но теперь сзади него возникалъ глухой ропотъ, и чѣмъ глубже уходила его фигура, тѣмъ выше поднимались крики.

— Говори съ нимъ!

— Вотъ-те и права! Эхъ, судьбишка . . .

Обращались къ Павлу, крича ему:

— Эй, законникъ, что дѣлать теперь?

— Говорилъ ты, говорилъ, а онъ пришелъ — все стеръ!

— Ну-ка, Власовъ, какъ быть?

Когда крики стали настойчивѣе, Павелъ заявилъ:

— Я предлагаю, товарищи, бросить работу до поры, пока онъ не откажется отъ копѣйки . . .

Возбужденно запрыгали слова.

— Нашелъ дураковъ!
— Такъ и надо!
— Стачка?
— Изъ-за копѣйки-то?
— А что? Ну, и стачка!
— Всѣхъ за это въ шею . . .
— А кто работать будетъ?
— Найдутся люди!
— Это которые — Іуды?

XIII.

Павелъ сошелъ внизъ и всталъ рядомъ съ матерью.

Всѣ вокругъ загудѣли, споря другъ съ другомъ, волнуясь, вскрикивая.

— Не свяжешь стачку! — сказалъ Рыбинъ, подходя къ Павлу. — Хоть и жаденъ народъ до копѣйки, да всѣ они трусливы. Сотни три встанутъ на твою сторону, не больше. Этакую кучку навоза на однѣ вилы не поднимешь . . .

Павелъ молчалъ. Передъ нимъ колыхалось огромное, черное лицо толпы и требовательно смотрѣло ему въ глаза. Сердце стучало тревожно. Власову казалось, что всѣ его слова исчезли безслѣдно въ людяхъ, точно рѣдкія капли дождя, упавшія на землю, истощенную долгой засухой. Одинъ за другимъ къ нему подходили рабочіе, хваля его за рѣчь, и выражали сомнѣніе въ удачѣ стачки, жаловались на отсутствіе въ народѣ пониманія своихъ интересовъ и силы своей.

Онъ пошелъ домой грустный и усталый. Сзади него шла мать и Сизовъ, а рядомъ шагалъ Рыбинъ и гудѣлъ ему въ ухо:

— Ты хорошо говоришь, да — не сердцу, вотъ. Надо въ сердце, въ самую глубину искру бросить. Не возьмешь людей разумомъ, не по ногѣ обувь — тонка и узка! Не влѣзетъ. А и влѣзетъ — живо стопчешь, вотъ.

Сизовъ говорилъ матери:

— Пора намъ, старикамъ, на погостъ, Ниловна. Начинается новый народъ . . . Что мы жили? На колѣнкахъ ползали и все въ землю кланялись. А теперь люди . . . не то опамятовались, не то — еще хуже ошибаются . . . на насъ не похожи. Вотъ она, молодежь-то, говоритъ съ директоромъ, какъ съ равнымъ . . . да-а. Эхъ, кабы Матвѣй мой живъ былъ! . . До свиданія, Павелъ Михайловъ . . . хорошо ты, братъ, за людей стоишь! Дай Богъ тебѣ . . . можетъ найдешь ходы-выходы . . . дай Богъ!

Онъ ушелъ.

— Да, умирайте-ка! — бормоталъ Рыбинъ. — Вы ужъ и теперь не люди, а замазка . . . вами щели замазывать. Видѣлъ ты, Павелъ, кто кричалъ, чтобы тебя въ депутаты? Тѣ, которые говорятъ, что ты соціалистъ, смутьянъ . . . вотъ . . . они! Дескать прогонятъ его — туда ему и дорога.

— Они по своему правы! — сказалъ Павелъ.

— И волки правы, когда товарища рвутъ . . .

Лицо у Рыбина было угрюмое, голосъ необычно вздрагивалъ.

— Не повѣрятъ люди голому слову . . . страдать надо, надо въ крови омыть слово . . .

Весь день Павелъ ходилъ сумрачный, усталый, странно обезпокоенный, глаза у него горѣли и точно искали чего-то. Мать, замѣтивъ это, осторожно спросила:

— Ты что, Паша, а?

— Голова болитъ . . . — задумчиво сказалъ онъ.

— Легъ бы . . . а я доктора позову . . .

Онъ взглянулъ на нее и торопливо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не надо . . . ничего, пройдетъ . . .

И вдругъ тихо заговорилъ:

— Молодъ и слабосиленъ я . . . вотъ что! Не повѣрили мнѣ, не пошли за моей правдой — значитъ, не умѣлъ я сказать ее, мама . . . Когда я думаю о правдѣ — сердце горитъ, и она такая ясная, такая сильная предо мной . . . А людямъ не умѣлъ я ее показать во всей силѣ, во всемъ

огнѣ . . . И вотъ теперь — какъ будто потерялъ что . . . такъ нехорошо мнѣ . . . обидно за себя . . .

Она смотрѣла въ сумрачное лицо его, ей хотѣлось понять мысли сына, но онѣ не давались. Желая утѣшить его, она тихонько сказала:

— А ты погоди . . . не дергай себя за сердце . . . Сегодня не поняли — завтра поймутъ . . .

— Да . . . должны понять! — воскликнулъ онъ.

— Вѣдь вотъ даже я вижу твою правду . . .

Павелъ близко подошелъ къ ней.

— Ты, мама . . . хорошій человѣкъ . . .

И отвернулся отъ нея. Она, вздрогнувъ какъ обожженная его тихими словами, приложила руку къ сердцу и ушла, бережно унося его ласку.

Ночью, когда мать уже спала, а онъ лежа въ постели читалъ книгу, явились жандармы и сердито начали рыться вездѣ, на дворѣ, на чердакѣ. Желтолицый офицеръ велъ себя такъ-же, какъ и въ первый разъ — обидно, насмѣшливо, находя удовольствіе въ издѣвательствахъ, стараясь задѣть за сердце. Мать, сидя въ углу, молчала не отрывая глазъ отъ лица сына. Онъ старался не выдавать своего волненія, но когда офицеръ смѣялся, у него странно шевелились пальцы, и она чувствовала, что ему трудно не отвѣчать жандарму, тяжело сносить его шутки. Теперь ей не было такъ страшно, какъ во время перваго обыска, она чувствовала больше ненависти къ этимъ сѣрымъ ночнымъ гостямъ со шпорами на ногахъ, и ненависть поглощала тревогу.

Павелъ успѣлъ шепнуть ей:

— Меня возьмутъ . . .

Она, наклонивъ голову, тихо отвѣтила:

— Понимаю . . .

Она понимала — его посадятъ въ тюрьму за то, что онъ говорилъ сегодня рабочимъ. Но съ тѣмъ, что онъ говорилъ, соглашались всѣ и всѣ должны вступиться за него, значитъ, долго держать его не будутъ . . .

Ей хотѣлось обнять его, заплакать, но рядомъ стоялъ

офицеръ и, прищуривъ глаза, смотрѣлъ на нее. Губы у него вздрагивали, усы шевелись — Власовой казалось, что этотъ человѣкъ ждетъ его слезъ, жалобъ и просьбъ. Собравъ всѣ свои силы, стараясь говорить меньше, она сжала руку сына и, задерживая дыханіе, медленно, тихо сказала:

— До свиданья, Паша . . . Все взялъ, что надо?

— Все. Не скучай . . .

— Христосъ съ тобой . . .

Когда его увели, она сѣла на лавку и, закрывъ глаза, тихо завыла. Опираясь спиной о стѣну, какъ бывало, дѣлалъ ея мужъ, туго связанная тоской и обиднымъ сознаніемъ своего безсилія, она, закинувъ голову, выла долго, тихо и однотонно, выливая въ этихъ звукахъ боль раненаго сердца. А передъ нею неподвижнымъ пятномъ стояло желтое лицо съ рѣдкими усами, и прищуренные глаза смотрѣли съ удовольствіемъ. Въ груди ея чернымъ клубкомъ свивалось ожесточеніе и злоба на людей, которые отнимаютъ у матери сына за то, что сынъ ищетъ правду.

Было холодно, въ стекла стучалъ дождь, по стѣнамъ шуршало что-то, и казалось, что въ ночи вокругъ дома ходятъ, подстерегая, сѣрыя фигуры съ широкими красными лицами безъ глазъ, съ длинными руками. Ходятъ и чуть слышно звякаютъ шпорами.

— Взяли-бы и меня . . . — думала она.

Провылъ гудокъ, требуя людей на работу. Сегодня онъ вылъ глухо, низко и неувѣренно. Отворилась дверь, вошелъ Рыбинъ. Онъ всталъ передъ нею и, стирая ладонью капли дождя съ бороды, спросилъ:

— Увели?

— Увели проклятые! — вздохнувъ, отвѣтила она.

— Такое дѣло! — сказалъ Рыбинъ усмѣхнувшись. — А меня — обыскали, ощупали, да-а. Изругали . . . ну — не обидѣли, однако . . . Увели, значитъ, Павла! Директоръ мигнулъ, жандармъ кивнулъ и — нѣтъ человѣка. Они дружно живутъ. Одни народъ доятъ, а другіе — за рога его держатъ . . .

— Вамъ бы вступиться за Павла-то! — воскликнула мать вставая. — Вѣдь онъ ради всѣхъ пошелъ.

— Кому вступиться? — спросилъ Рыбинъ.

— Всѣмъ!

— Ишь ты! Нѣтъ, этого не случится . . . Они копили силу тысячи лѣтъ . . . они намъ въ сердце гвоздей набили . . . не можемъ мы соединиться сразу, прежде занозы желѣзныя надо повытаскать намъ другъ у друга . . . занозы-то эти, которыя мѣшаютъ намъ сложиться сердцами плотно . .

И, усмѣхаясь, онъ ушелъ своей тяжелой походкой, увеличивъ горе матери суровой безнадежностью своихъ словъ.

— Вдругъ бить будутъ . . . пытать . . .

Она представляла себѣ тѣло сына избитое, изорванное, въ крови, и страхъ холодной глыбой ложился на грудь, давилъ ее. Глазамъ было больно.

Она не топила печь, не варила себѣ обѣдъ и не пила чая, только поздно вечеромъ съѣла кусокъ хлѣба. И когда легла спать — ей думалось, что никогда еще жизнь ея не была такой обидной, одинокой, голой. За послѣдніе годы она привыкла жить въ постоянномъ ожиданіи чего-то важнаго, добраго. Вокругъ нея шумно и бодро вертѣлась молодежь, и всегда передъ нею стояло серьезное лицо сына, хозяина и творца этой тревожной, но хорошей жизни. А вотъ нѣтъ его и ничего нѣтъ.

XIV.

Медленно прошелъ день, безсонная ночь и еще болѣе медленно другой день. Она ждала кого-то, но никто не являлся. Наступилъ вечеръ. И — ночь. Вздыхалъ и шаркалъ по стѣнѣ холодный дождь, въ трубѣ гудѣло и подъ поломъ возилось что-то. Съ крыши капала вода, и унылый звукъ ея паденія странно сливался со стукомъ часовъ. Казалось, весь домъ тихо качается, и все вокругъ было ненужнымъ, омертвѣло въ тоскѣ . . .

Въ окно тихо стукнули . . . разъ . . . два . . . Она

привыкла къ этимъ стукамъ, они уже не пугали ее, и теперь вздрогнула отъ легкаго, радостнаго укола въ сердце. Какая-то смутная надежда быстро подняла ее на ноги. Бросивъ на плечи шаль, она открыла дверь . . .

Вошелъ Самойловъ, а за нимъ еще какой-то человѣкъ, съ лицомъ закрытымъ воротникомъ пальто и въ надвинутой на брови шапкѣ.

— Разбудили мы васъ? — не здороваясь, спросилъ Самойловъ, противъ обыкновенія озабоченный и хмурый.

— Не спала я! — отвѣтила она и молча, ожидающими глазами уставилась на нихъ.

Спутникъ Самойлова, тяжело и хрипло вздыхая, снялъ шапку и, протянувъ матери широкую руку съ короткими пальцами, сказалъ ей дружески, какъ старой знакомой:

— Здравствуйте, бабуля! Не узнали?

— Это вы? — воскликнула Власова, вдругъ чему-то радуясь. — Егоръ Ивановичъ?

— Азъ есмь! — отвѣтилъ онъ, наклоняя свою большую голову съ длинными, какъ у псаломщика, волосами. Его полное лицо добродушно улыбалось, маленькіе сѣрые глазки смотрѣли въ лицо матери ласково и ясно. Онъ былъ похожъ на самоваръ — такой-же круглый, низенькій съ толстой шеей и короткими руками. Лицо лоснилось и блестѣло, дышалъ онъ шумно, и въ груди все время что-то булькало, хрипѣло . . .

— Пройдите въ комнату, я сейчасъ одѣнусь! — предложила мать.

— У насъ къ вамъ дѣло есть! — озабоченно сказалъ Самойловъ, исподлобья взглянувъ на нее.

Егоръ Ивановичъ прошелъ въ комнату и оттуда говорилъ.

— Сегодня утромъ, милая бабуля, изъ тюрьмы воротился извѣстный вамъ Николай Ивановичъ . . .

— Развѣ онъ былъ тамъ? — спросила мать.

— Три мѣсяца и одиннадцать дней . . . Видѣлъ тамъ хохла — онъ кланяется вамъ, и Павла, который — тоже кланяется, проситъ васъ не безпокоится и сказать вамъ,

что на пути его, мѣстомъ отдыха человѣку всегда служитъ тюрьма — такъ ужъ установлено заботливымъ начальствомъ нашимъ . . . Затѣмъ, бабуля, я приступлю къ дѣлу. Вы знаете сколько народу схватили здѣсь вчера?

— Нѣтъ! А развѣ — кромѣ Паши? . . воскликнула мать.

— Онъ — сорокъ девятый! — перебилъ ее Егоръ Ивановичъ спокойно. И надо ждать, что начальство заберетъ еще человѣкъ . . . съ десятокъ! Вотъ этого господина тоже . . .

— Да, и меня! — хмуро сказалъ Самойловъ.

Власова почувствовала, что ей стало легче дышать . . .

— Не одинъ онъ тамъ! — мелькнуло у нея въ головѣ.

Одѣвшись, она вошла въ комнату и бодро улыбнулась гостю.

— Навѣрно долго держать не будутъ, если такъ много забрали . . .

— Правильно! — сказалъ Егоръ Ивановичъ. — А если мы ухитримся испортить имъ эту обѣдню, такъ они и совсѣмъ въ дуракахъ останутся . . . Дѣло стоитъ такъ, бабуля: если мы теперь перестанемъ доставлять на фабрику наши книжечки, жандармишки уцѣпятся за это грустное явленіе и обратятъ его противъ Павла со товарищи, иже съ нимъ ввергнуты въ узилище . . .

— Какъ-же это? Зачѣмъ-же? — тревожно крикнула мать.

— А очень просто, бабуля! — мягко сказалъ Егоръ Ивановичъ. — Иногда и жандармы разсуждаютъ правильно. Вы подумайте: былъ Павелъ — были книжки и бумажки, нѣтъ Павла — нѣтъ ни книжекъ, ни бумажекъ! Значитъ, это онъ сѣялъ книжечки, ага-а? Ну, и начнутъ они ѣсть всѣхъ . . . они, эти жандармы, любятъ такъ окарнать человѣка, чтобы отъ него остались одни пустяки и трогательное воспоминаніе . . .

— Я понимаю, понимаю! — тоскливо сказала мать. — Ахъ, Господи! Какъ-же теперь?

Изъ кухни раздался голосъ Самойлова:

— Всѣхъ почти выловили, чортъ ихъ возьми! . . Теперь намъ нужно дѣло продолжать по прежнему, не только для самого дѣла . . . а и для спасенія товарищей.

— А работать некому! — добавилъ Егоръ, усмѣхаясь. — Литература у насъ есть превосходнаго качества . . . самъ дѣлалъ . . . а какъ ее на фабрику внести — сіе неизвѣстно.

— Стали обыскивать всѣхъ въ воротахъ! — сказалъ Самойловъ.

Мать чувствовала, что отъ нея чего-то хотятъ, ждутъ, и торопливо спрашивала:

— Ну, такъ что-же? Какъ-же?

Самойловъ всталъ въ дверяхъ и сказалъ:

— Вы, Пелагея Ниловна, знакомы съ торговкой Корсуновой . . .

— Знакома, ну?

— Поговорите съ ней, не пронесетъ-ли она?

Мать отрицательно замахала руками.

— Ой, нѣтъ! Баба она болтливая . . . нѣтъ! Какъ узнаютъ, что черезъ меня . . . изъ этого дома . . . нѣтъ, нѣтъ!

И вдругъ осѣненная внезапной мыслью она радостно и тихо заговорила:

— Вы мнѣ дайте, дайте — мнѣ! Ужъ я устрою . . . я сама ужъ найду ходъ! Я Марью-же и попрошу . . . пусть она меня въ помощницы возьметъ! Мнѣ хлѣбъ ѣсть надо-же, работать надо-же! Вотъ я и буду обѣды туда носить . . . Ужъ я устроюсь!

Прижавъ руки къ груди, она торопливо увѣряла, что сдѣлаетъ все хорошо, незамѣтно, и въ заключеніе торжествуя воскликнула:

— Они увидятъ — Павла Власова нѣтъ, а рука его даже изъ острога достигаетъ . . . они увидятъ!

Всѣ трое оживились. Егоръ, крѣпко потирая руки, улыбался и говорилъ:

— Чудесно, бабуля! Знали-бы вы, какъ это превосходно? Прямо — очаровательно.

— Я въ тюрьму, какъ въ кресло сяду, если это удастся! — смѣясь и потирая руки замѣтилъ Самойловъ.

— Вы, бабуля — красавица! — хрипло кричалъ Егоръ.

Мать улыбнулась. Это было ясно: если теперь листки появятся на фабрикѣ — начальство должно будетъ понять, что не ея сынъ распространяетъ ихъ. И чувствуя себя способной исполнить задачу, она вся вздрагивала отъ радости.

— Когда пойдете на свиданіе съ Павломъ, — говорилъ Егоръ, — скажите ему, что у него хорошая мать . . .

— Я его раньше увижу! — усмѣхаясь, пообѣщалъ Самойловъ.

— Вы такъ ему и скажите — я все, что надо, сдѣлаю! Чтобы онъ зналъ это! . .

— А если его не посадятъ? — спросилъ Егоръ, указывая на Самойлова.

— Ну, что-же дѣлать!

Они оба захохотали. И когда она поняла свой промахъ, то и сама начала смѣяться, тихо и смущенно, немножко лукавя.

— За своимъ — чужое плохо видно! — сказала она, опустивъ глаза.

— Это естественно! — воскликнулъ Егоръ. — А насчетъ Павла вы не безпокойтесь и не грустите. Изъ тюрьмы онъ еще лучше воротится. Тамъ отдыхаешь и учишься, а на волѣ у нашего брата для этого времени нѣтъ . . . Я вотъ трижды сидѣлъ и каждый разъ, хотя и съ небольшимъ удовольствіемъ, но съ несомнѣнной пользой для ума и сердца.

— Дышете вы тяжело! — сказала она, дружелюбно глядя въ его простое лицо.

— На это есть особыя причины! — отвѣтилъ онъ, поднявъ палецъ кверху. — Такъ, значитъ, рѣшено, бабуля? Завтра мы вамъ доставимъ матеріалецъ . . . и снова завертится колесо разрушенія вѣковой тьмы. Да здравствуетъ свободное слово, бабуля, и да здравствуетъ сердце матери! А пока, — до свиданья!

— До свиданья! — сказалъ Самойловъ, крѣпко пожимая руку ей. — А я вотъ своей матери и заикнуться не могу ни о чемъ такомъ . . . да!

— Всѣ поймутъ! — сказала Власова, желая сдѣлать пріятное ему. — Всѣ поймутъ!

Когда они ушли, она заперла дверь и, вставъ на колѣни среди комнаты, стала молиться подъ шумъ дождя. Молилась безъ словъ, какой-то одной большой думой о людяхъ, о всѣхъ людяхъ, которыхъ ввелъ Павелъ въ ея жизнь. Они какъ-бы проходили между нею и иконами, на которыя она смотрѣла, проходили всѣ такіе простые, странно близкіе другъ другу и одинокіе въ жизни.

Рано утромъ она отправилась къ Марьѣ Корсуновой.

Торговка, какъ всегда замасленная и шумная, встрѣтила ее сочувственно.

— Тоскуешь? — спросила она, похлопавъ мать по плечу жирной рукой. — Брось! Взяли, увезли, эка бѣда! Ничего худого тутъ нѣту. Это раньше было — за кражи въ тюрьму сажали, а теперь за правду начали сажать. Павелъ, можетъ, и не такъ что-нибудь сказалъ, но онъ за всѣхъ всталъ — и всѣ его понимають, не безпокойся! Не всѣ говорятъ, а всѣ знаютъ, кто хорошъ . . . Я все собиралась зайти къ тебѣ, да вотъ, некогда. Стряпаю, да торгую, а умру, видно, нищей. Любовники меня одолѣваютъ, анаѳемы! Такъ и гложутъ, такъ и гложутъ, словно тараканы каравай . . . Накопишь рублей съ десятокъ, явится какой-нибудъ еретикъ — и слижетъ деньги . . . да. Бѣдовое дѣло бабой быть! Поганая должность на землѣ! . . Одной жить трудно, вдвоемъ — силы нѣтъ.

— А я къ тебѣ въ помощницы проситься пришла! — сказала Власова, перебивая ея болтовню.

— Это какъ? — спросила Марья и, выслушавъ подругу, утвердительно кивнула головой.

— Можно! Помнишь ты меня, бывало, отъ мужа моего прятала? Ну, а теперь я тебя отъ нужды спрячу . . .

Тебѣ всѣ должны помочь, потому твой сынъ за общественн дѣло пропадаетъ. Хорошій парень онъ у тебя, это в говорятъ, какъ одна душа, и всѣ его жалѣютъ. Я скажу · отъ арестовъ этихъ добра начальству не будетъ, ты п гляди, что на фабрикѣ дѣлается? Нехорошо говорятъ, м лая. Они тамъ, начальники, думаютъ — укусили человѣ за пятку, далеко не уйдетъ! Анъ выходитъ такъ, ч десятокъ ударили — сотни разсердились! Рабочаго ост рожно трогай — онъ терпитъ, терпитъ, да и взорветъ его.

Разговоръ кончился тѣмъ, что на другой день въ обѣд Власова была на фабрикѣ съ двумя корчагами Марьин стряпни, а сама Марья пошла торговать на базаръ.

XV.

Рабочіе сразу замѣтили новую торговку. Одни, подхо къ ней, одобрительно говорили:

— За дѣло взялась, Ниловна?

И утѣшали, доказывая, что Павла скоро выпустятъ, е дѣло — правое. Другіе тревожили ея печальное серд осторожными словами соболѣзнованія, третьи озлобленно открыто ругали директора, жандармовъ и находили в груди ея отвѣтное эхо. Были люди, которые смотрѣли н нее злорадно, а табельщикъ Исай Горбовъ сказалъ сквоз зубы:

— Ка-бы я былъ губернаторомъ, я-бы твоего сына повѣ силъ! Не сбивай народъ съ толку . . .

Отъ этой злой угрозы на нее повѣяло мертвымъ холо домъ. Она ничего не сказала въ отвѣтъ Исаю, только взгля нула въ его маленькое, усѣянное веснушками лицо, и, вздох нувъ, опустила глаза въ землю.

Она видѣла, что на фабрикѣ было неспокойно, рабочі собирались кучками, о чемъ-то вполголоса горячо говорил между собой, всюду шныряли озабоченные мастера, поров раздавались ругательства, раздраженный смѣхъ.

Двое полицейскихъ провели мимо нея Самойлова; он

шелъ, сунувъ одну руку въ карманъ, а другой приглаживая свои рыжеватые волосы.

Его провожала толпа рабочихъ, человѣкъ въ сотню, погоняя полицейскихъ руганью и насмѣшками . . .

— Гулять пошелъ, Гриша! — крикнулъ ему кто-то.

— Почетъ нашему брату! — поддержалъ другой. — Со стражей ходимъ . . .

И крѣпко выругался.

— Воровъ ловить, видно, невыгодно стало! — зло и громко говорилъ высокій и кривой рабочій. — Начали честныхъ людей таскать . . .

— Хоть-бы ночью таскали! — вторилъ кто-то изъ толпы. — А то днемъ — безъ стыда . . . сволочи!

Полицейскіе шли угрюмо и быстро, стараясь ничего не видѣть и будто не слыша восклицаній, которыми провожали ихъ. Встрѣчу имъ трое рабочихъ несли большую полосу желѣза и, направляя ее на нихъ, кричали:

— Берегитесь, рыбаки!

Проходя мимо Власовой, Самойловъ, усмѣхаясь, кивнулъ ей головой и сказалъ:

— Поволокли раба Божія Григорія!

Она молча и низко поклонилась ему, ее трогали эти молодые, честные, трезвые и умные, уходившіе въ тюрьму съ улыбками на лицахъ; у нея незамѣтно возникала жалостливая любовь матери къ нимъ.

И ей пріятно было слышать рѣзкія сужденія о начальствѣ — въ нихъ она чувствовала вліяніе своего сына.

Воротясь съ фабрики, она провела весь день у Марьи, помогая ей въ работѣ и слушая ея болтовню, а поздно вечеромъ пришла къ себѣ въ домъ, гдѣ было пусто, холодно и неуютно. Она долго совалась изъ угла въ уголъ, не находя себѣ мѣста, не зная, что дѣлать. И ее безпокоило, что вотъ уже скоро ночь, а Егоръ Ивановичъ не несетъ литературу, какъ онъ обѣщалъ.

За окномъ мелькали тяжелые, сѣрые хлопья осенняго снѣга. Мягко приставая къ стекламъ, они безшумно сколь-

зили внизъ и таяли, оставляя за собой мокрый слѣдъ. Ои
думала о сынѣ . . .

Въ дверь осторожно постучались, мать быстро подб
жала, сняла крючокъ — вошла Сашенька. Мать давно ее н
видала, и теперь первое, что бросилось ей въ глаза, эт
неестественная полнота дѣвушки.

— Здравствуйте! — сказала она, радуясь, что пришел
человѣкъ, и часть ночи она проведетъ не въ одиночествѣ
— Давно не видать было васъ. Уѣзжали?

— Нѣтъ, я въ тюрьмѣ сидѣла! — отвѣтила дѣвушк
улыбаясь. — Вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, помнит
его?

— Какъ-же не помнить! — воскликнула мать. — Мн
вчера Егоръ Ивановичъ говорилъ, что его выпустили . .
а про васъ я не знала . . . Никто и не сказалъ, что в
тамъ . . .

— Да что-же объ этомъ говорить? . . Мнѣ, пока н
пришелъ Егоръ Ивановичъ, переодѣться надо! — сказал
дѣвушка, оглядываясь.

— Мокрая вы вся . . .

— Я книжки принесла . . .

— Давайте, давайте ихъ сюда! — заторопилась мать . .

— Сейчасъ.

Дѣвушка быстро разстегнула пальто, встряхнулась,
съ нея, точно листья съ дерева, посыпались на полъ, шелестя
пачки бумаги. Мать смѣясь подбирала ихъ съ пола и гово
рила:

— А я смотрю — полная вы такая, думала замужъ вышл
и ребеночка ждете . . . Ой-ой, сколько вы принесли! Неу
жели пѣшкомъ?

— Да! — сказала Сашенька. Она теперь снова стал
стройной и тонкой, какъ прежде. Мать видѣла, что щек
у нея ввалились, глаза стали огромными и подъ ними легл
темныя пятна.

— Только что выпустили васъ . . . вамъ-бы отдохнуть

а вы вотъ тяжесть какую несли семь верстъ! — вздохнувъ и качая головой, сказала мать.

— Нужно! — отвѣтила дѣвушка, вздрагивая. — Скажите, какъ Павелъ Михайловичъ . . . ничего онъ . . . не очень взволновался?

Спрашивая, Сашенька не смотрѣла на мать; наклонивъ голову, она поправляла волосы, и пальцы ея дрожали.

— Ничего! — отвѣтила мать. — Да вѣдь онъ себя не выдастъ.

— Вѣдь у него крѣпкое здоровье? — тихо проговорила дѣвушка.

— Не хворалъ онъ никогда! — отвѣтила мать. — Дрожите вы вся. Вотъ я чаемъ васъ напою съ вареньемъ малиновымъ . . .

— Это хорошо-бы! Только стоитъ-ли вамъ безпокоиться? Поздно. Давайте, я сама . . .

— Усталая-то? — укоризненно отозвалась мать, принимаясь возиться около самовара. Саша тоже вышла въ кухню, сѣла тамъ на лавку и, закинувъ руки за голову, заговорила:

— Да . . . Всетаки ослабляетъ тюрьма. Это проклятое бездѣлье! Нѣтъ ничего мучительнѣе . . . Сидишь недѣлю, мѣсяцъ . . . знаешь, какъ много нужно работать . . . люди ждутъ знаній . . . ты можешь дать имъ необходимое . . . и — сидишь въ клѣткѣ, точно звѣрь . . . Отъ этого сердце сохнетъ . . .

— Кто вознаградитъ васъ за все? — спросила мать.

И, вздохнувъ, отвѣтила сама себѣ:

— Никто, кромѣ Господа! Вы, поди-ка, тоже не вѣрите въ Него?

— Нѣтъ! — кратко отвѣтила дѣвушка, качнувъ головой.

— А я вотъ вамъ не вѣрю! — вдругъ возбуждаясь, заявила мать. И быстро вытирая запачканныя углемъ руки о фартукъ, она съ глубокимъ убѣжденіемъ продолжала:

— Не понимаете вы вѣры вашей! Какъ можно безъ вѣры въ Бога жить такою жизнью?

Въ сѣняхъ кто-то громко затопалъ, заворчалъ, мать вздрогнула, дѣвушка быстро вскочила и торопливо зашептала:

— Не отпирайте! Если это — они, жандармы . . . вы меня не знаете . . . я — ошиблась домомъ . . . зашла къ вамъ случайно, упала въ обморокъ, вы меня раздѣли . . . нашли книги . . . понимаете?

— Милая вы моя . . . зачѣмъ? — умиленно спросила мать.

— Подождите! — прислушиваясь, сказала Сашенька. — Это, кажется, Егоръ . . .

Это былъ онъ, мокрый и задыхающійся отъ усталости.

— Ага! Самоварчикъ? — воскликнулъ онъ. — Это лучше всего въ жизни, бабуля! Вы уже здѣсь, Сашенька?

Наполняя маленькую кухню хриплыми звуками своего голоса, онъ медленно стаскивалъ тяжелое пальто и не останавливаясь говорилъ:

— Вотъ, бабуля, дѣвица непріятная для начальства! Будучи обижена смотрителемъ тюрьмы, она объявила ему, что уморитъ себя голодомъ, если онъ не извинится передъ ней, и восемь дней не кушала, по какой причинѣ едва не протянула ножки. Недурно? Животикъ-то у меня каковъ?

Болтая и поддерживая короткими руками безобразно отвисшій животъ, онъ прошелъ въ компату, затворилъ за собою дверь, но и тамъ продолжалъ что-то говорить.

— Неужто восемь дней не кушали вы? — удивленно спросила мать.

— Нужно было, чтобы онъ извинился предо мной! — отвѣчала дѣвушка, зябко поводя плечами. Ея спокойствіе и суровая настойчивость отозвались въ душѣ матери чѣмъ-то похожимъ на упрекъ . . .

— Вотъ какъ! . . — подумала она и снова спросила:

— А если-бы вы умерли?

— Что-же подѣлаешь! — тихо отозвалась дѣвушка. — Онъ, всетаки, извинился. Человѣкъ не долженъ прощать обиду . . .

— Да-а . . . — медленно отозвалась мать. — А вотъ нашу сестру всю жизнь обижаютъ . . .

— Я разгрузился! — объявилъ Егоръ, отворяя дверь. — Самоварчикъ готовъ? Позвольте, я его втащу . . .

Онъ поднялъ самоваръ и понесъ его, говоря:

— Собственноручный мой папаша выпивалъ въ день не менѣе двадцати стакановъ чаю, почему и прожилъ на сей землѣ безболѣзненно и мирно семьдесятъ три года. Имѣлъ онъ восемь пудовъ вѣсу и былъ дьячкомъ въ селѣ Воскресенскомъ . . .

— Вы отца Ивана сынъ? — воскликнула мать.

— Именно! А почему вамъ сіе извѣстно?

— Да я изъ Воскресенскаго! . .

— Землячка! Чьихъ будете?

— Сосѣди ваши! Серегина я.

— Хромого Нила дочка? Лицо мнѣ знакомое, ибо не однажды дралъ меня за уши . . .

Они стояли другъ противъ друга и, осыпая одинъ другого вопросами, смѣялись. Сашенька, улыбаясь, посмотрѣла на нихъ и стала заваривать чай. Стукъ посуды возвратилъ мать къ настоящему.

— Ой, простите, заговорилась! Очень ужъ пріятно земляка видѣть . . .

— Это мнѣ нужно просить прощенія за то, что я тутъ распоряжаюсь! Но ужъ одиннадцатый часъ, а мнѣ далеко идти . . .

— Куда идти? Въ городъ? — удивленно спросила мать.

— Да.

— Что вы? Темно, мокро . . . устали вы! Ночуйте здѣсь . . . Егоръ Ивановичъ въ кухнѣ ляжетъ, а мы съ вами тутъ . . .

— Нѣтъ, я должна идти! — просто заявила дѣвушка.

— Да, землячка, требуется, чтобы барышня исчезла. Ее здѣсь знаютъ . . . И, если она завтра покажется на улицѣ, это будетъ нехорошо! — заявилъ Егоръ.

— Какъ-же она? Одна пойдетъ? . .

— Пойдетъ! — сказалъ Егоръ, усмѣхаясь.

Дѣвушка налила себѣ чаю, взяла кусокъ ржаного хлѣба посолила и стала ѣсть, задумчиво глядя на мать.

— Какъ это вы ходите? И вы, и Наташа . . . Я-бы не пошла . . . боязно! — сказала Власова.

— Да и она боится! — замѣтилъ Егоръ. — Вы боитесь Саша?

— Конечно! — отвѣтила дѣвушка.

Мать взглянула на нее, на Егора и тихонько воскликнула:

— Какіе вы . . . строгіе!

Выпивъ чаю, Сашенька молча пожала руку Егора пошла въ кухню, а мать, провожая ее, вышла за нею. Въ кухнѣ Сашенька сказала:

— Увидите Павла Михайловича, — передайте ему мой поклонъ . . . Пожалуйста!

А взявшись за скобу двери, вдругъ обернулась, негромко спросивъ:

— Можно поцѣловать васъ?

Мать молча обняла ее и горячо поцѣловала.

— Спасибо! — тихо сказала дѣвушка и, кивнувъ головой, ушла.

Возвратясь въ комнату, мать тревожно взглянула въ окно. Во тьмѣ густой и влажной тяжело падали мокрые хлопья снѣга.

— А Прозоровыхъ помните? Лавочника? — спросилъ Егоръ.

Онъ сидѣлъ, широко разставивъ ноги, и громко дулъ на стаканъ чаю. Лицо у него было красное, потное и довольное.

— Помню, помню . . . — задумчиво сказала мать, бокомъ подходя къ столу. Сѣла и, глядя на Егора печальными глазами, медленно протянула:

— Ай-ай-яй . . . Сашенька-то . . . Какъ она дойдетъ?

— Устанетъ! — согласился Егоръ. — Тюрьма ее сильно пошатнула, раньше она крѣпче была . . . Къ тому-же

воспитанія она нѣжнаго . . . и, кажется, уже испортила себѣ легкія . . .

— Кто она такая? — тихо освѣдомилась мать.

— Дочь помѣщика одного. Богатый человѣкъ ея отецъ и большой прохвостъ, какъ она говоритъ. Вамъ, бабуля, извѣстно, что они хотятъ пожениться?

— Кто?

— Она и Павелъ . . . да! Но вотъ, все не удается, онъ на волѣ, она въ тюрьмѣ и наоборотъ!

— Я этого не знала! — помолчавъ отвѣтила мать. — Паша о себѣ ничего не говоритъ . . .

Теперь ей стало еще больше жалко дѣвушку, и, съ невольной непріязнью взглянувъ на гостя, она проговорила:

— Вамъ бы проводить ее! . .

— Нельзя сего! — спокойно отвѣтилъ Егоръ. — У меня здѣсь куча дѣла и я съ утра долженъ буду цѣлый день ходить, ходить, ходить. Занятіе немилое, при моей одышкѣ . . .

— Хорошая она дѣвушка, — неопредѣленно проговорила мать, думая о томъ, что сообщилъ ей Егоръ. Ей было обидно услышать это не отъ сына, а отъ чужого человѣка, и она плотно поджала губы, низко опустивъ брови.

— Хорошая! — кивнулъ головой Егоръ. — Вижу я — вамъ ее жалко . . . Напрасно! У васъ не хватитъ сердца, бабуля милая, если вы начнете жалѣть всѣхъ насъ, крамольниковъ . . . Всѣмъ живется не очень легко, говоря правду . . . Вотъ недавно воротился изъ ссылки мой товарищъ . . . и когда онъ ѣхалъ черезъ Нижній — жена и ребенокъ ждали его въ Смоленскѣ, а когда онъ явился въ Смоленскъ — они уже были въ московской тюрьмѣ. Теперь очередь жены ѣхать въ Сибирь. У меня тоже была жена, превосходный человѣкъ, но пять лѣтъ такой жизни свели ее въ могилу . . .

Онъ залпомъ выпилъ стаканъ чаю и продолжалъ разсказывать. Перечислялъ годы и мѣсяцы тюремнаго заключенія, ссылки, сообщалъ о разныхъ несчастіяхъ, объ избіе-

ніяхъ въ тюрьмахъ, о голодѣ въ Сибири . . . Мать смотрѣла на него, слушала и удивлялась, какъ просто и спокойно онъ говорилъ объ этой жизни, полной страданій, преслѣдованій, издѣвательствъ надъ людьми . . .

— Но поговоримте о дѣлѣ!

Голосъ его измѣнился, лицо стало серьезнѣе. Онъ началъ спрашивать ее, какъ она думаетъ пронести на фабрику книжки, а мать удивлялась его тонкому знанію разныхъ мелочей.

Кончивъ съ этимъ, они снова стали вспоминать о своемъ родномъ селѣ; онъ шутилъ, а она задумчиво бродила въ своемъ прошломъ, и оно казалось ей странно похожимъ на болото, однообразно усѣянное кочками, поросшее тонкой, всегда пугливо дрожащей осиной, невысокою елью и заплутавшимися среди кочекъ бѣлыми березами. Березы росли медленно и, простоявъ лѣтъ пять на зыбкой, гнилой почвѣ, падали и гнили . . . Она смотрѣла на эту картину, и ей было нестерпимо жалко чего-то. Передъ нею стояла фигура дѣвушки, съ рѣзкимъ, упрямымъ лицомъ. Она теперь шла среди мокрыхъ хлопьевъ снѣга, одинокая, усталая . . . А сынъ сидитъ въ маленькой комнаткѣ съ желѣзной рѣшеткой на окнѣ. Можетъ быть, онъ не спитъ еще и думаетъ . . . Но думаетъ не о матери, у него есть человѣкъ ближе нея. Пестрой, спутанной тучей ползли на нее тяжелыя мысли и крѣпко обнимали сердце . . .

— Устали вы, бабуля! Давайте-ка, ляжемъ спать! — сказалъ Егоръ, улыбаясь.

Она простилась съ нимъ и бокомъ, осторожно прошла въ кухню, унося въ сердцѣ ѣдкое, горькое чувство.

По утру, за чаемъ, Егоръ спросилъ ее:

— А если васъ сцапаютъ и спросятъ, откуда вы взяли всѣ эти еретицкія книжки — вы что скажете?

— Не ваше дѣло, скажу! — отвѣтила она.

— Они съ этимъ ни за что не согласятся! — возразилъ Егоръ. — Они глубоко убѣждены, что это — именно ихъ дѣло! . . И будутъ спрашивать усердно, долго.

— А я не скажу!

— А васъ въ тюрьму!

— Ну, что-жъ? Слава Богу — хоть на это гожусь! — сказала она, вздыхая. — Слава Богу! Кому я нужна? Никому . . . А пытать не будутъ, говорятъ . . .

— Гмъ! — сказалъ Егоръ, внимательно посмотрѣвъ на нее. — Пытать — не будутъ . . . Но хорошій человѣкъ долженъ беречь себя . . .

— У васъ этому не научишься! — отвѣтила мать, усмѣхаясь.

Егоръ, помолчавъ, прошелся по комнатѣ, потомъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Трудно, землячка! Чувствую я — очень трудно вамъ!

— Всѣмъ трудно! — махнувъ рукой, отвѣтила она. — Можетъ только тѣмъ, которые понимаютъ, имъ — полегче . . . Но я тоже понемножку понимаю . . . чего хотятъ хорошіе-то люди . . .

— А коли вы это понимаете, бабуля, значитъ, всѣмъ вы имъ нужны — всѣмъ! — серьезно сказалъ Егоръ.

Она взглянула на него и молча усмѣхнулась.

Въ полдень она спокойно и дѣловито обложила свою грудь книжками и сдѣлала это такъ ловко и удобно, что Егоръ съ удовольствіемъ щелкнулъ языкомъ, заявивъ:

— Зеръ гутъ! какъ говоритъ хорошій нѣмецъ, когда выпьетъ ведро пива. Васъ, бабуля, не измѣнила литература: вы остались доброй, пожилой женщиной, полной и высокаго роста. Да благословятъ безчисленные боги ваше начинаніе! . .

Черезъ полчаса, согнутая тяжестью своей ноши, спокойная и увѣренная, она стояла у воротъ фабрики. Двое сторожей, раздражаемые насмѣшками рабочихъ, грубо ощупывали всѣхъ входящихъ во дворъ, переругиваясь съ ними. Въ сторонѣ стоялъ полицейскій и какой-то тонконогій человѣкъ съ краснымъ лицомъ и быстрыми глазами. Мать, перед-

вигая коромысло съ плеча на плечо, исподлобья слѣдила за нимъ — она чувствовала, что это шпіонъ.

Высокій, кудрявый парень въ шапкѣ, сдвинутой на затылокъ, кричалъ сторожамъ, которые обыскивали его:

— Вы, черти, въ головѣ ищите, а не въ карманѣ!

Одинъ изъ сторожей отвѣтилъ:

— У тебя въ головѣ, кромѣ вшей, ничего нѣтъ . . .

— Вамъ и ловить вшей, а не ершей! — откликнулся рабочій.

Шпіонъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ и сплюнулъ.

— Меня-то пропустили-бы! — попросила мать. — Видите, человѣкъ съ ношей . . . спина ломится!

— Иди, иди! — сердито крикнулъ сторожъ. — Разсуждаетъ тоже . . .

Мать дошла до своего мѣста, составила корчаги на землю и, отирая потъ съ лица, оглянулась.

Къ ней тотчасъ-же подошли слесаря, братья Гусевы и старшій, Василій, хмуря брови, громко спросилъ:

— Пироги есть?

— Завтра принесу! — отвѣтила она.

Это былъ условленный пароль. Лица братьевъ просвѣтлѣли. Иванъ, не утерпѣвъ, воскликнулъ:

— Эхъ ты, мать честная . . .

Василій присѣлъ на корточки, заглядывая въ корчагу, и въ тоже время за пазухой у него очутилась пачка книгъ.

— Иванъ, — громко говорилъ онъ, — не пойдемъ домой, давай у нея обѣдать! — А самъ быстро засовывалъ книжки въ голенища сапогъ. — Надо поддержать новую торговку . . .

— Надо! — согласился Иванъ и захохоталъ.

Мать, осторожно оглядываясь, покрикивала:

— Щи, лапша горячая! Жареное мясо!

И, незамѣтно вынимая книги, пачку за пачкой, совала ихъ въ руки братьевъ. И каждый разъ, когда книги исчезали изъ ея рукъ, передъ нею вспыхивало желтымъ пятномъ, точно огонь спички въ темной комнатѣ, лицо жандармскаго

офицера, и она мысленно со злораднымъ чувствомъ говорила ему:

— На-ко тебѣ, батюшка . . .

Передавая слѣдующую пачку, прибавляла удовлетворенно:

— А вотъ еще, на-ко . . .

Подходили рабочіе съ чашками въ рукахъ; когда они были близко, Иванъ Гусевъ начиналъ громко хохотать, и Власова спокойно прекращала передачу, разливая щи и лапшу, а Гусевы шутили надъ ней:

— Ловко дѣйствуетъ Ниловна!

— Нужда заставитъ и мышей ловить! — угрюмо замѣтилъ какой-то кочегаръ. — Кормильца-то оторвали . . . да. Сволочи! Ну-ка, на три копѣйки лапши . . . Ничего, мать! Перебьешься.

— Спасибо на добромъ словѣ! — улыбнулась она ему.

Онъ, уходя, въ сторону ворчалъ:

— Не дорого мнѣ стоитъ доброе-то слово . . .

— А сказать его некому! — замѣтилъ какой-то кузнецъ, усмѣхнувшись. И удивленно пожавъ плечами, добавилъ:

— Вотъ жизнь, ребята, — добраго слова сказать некому . . . никто его не стоитъ . . . а?

Василій Гусевъ всталъ на ноги, плотно запахнувъ пальто, воскликнулъ:

— Съѣлъ горячаго, а стало холодно!

Потомъ онъ воротился, всталъ Иванъ и тоже убѣжалъ насвистывая.

Власова, пріятно улыбаясь, покрикивала:

— Горячее — щи, лапша, похлебка . . .

Она думала о томъ, какъ разскажетъ сыну свой первый опытъ, а передъ нею все стояло желтое лицо офицера, недоумѣвающее и злое. На немъ растерянно шевелились черные усы и изъ-подъ верхней, раздраженно вздергнутой губы блестѣла бѣлая кость крѣпко сжатыхъ зубовъ. Въ груди ея птицею билась и пѣла острая радость, брови лукаво

вздрагивали, и она, ловко дѣлая свое дѣло, приговаривала про себя:

— А вотъ еще . . . вотъ . . .

XVI.

Весь день она чувствовала въ сердцѣ что-то новое, пріятно ласкавшее ее. А вечеромъ, когда, кончивъ работу у Марьи, она пила чай, за окномъ раздалось чмоканье лошадиныхъ копытъ по грязи и прозвучалъ знакомый голосъ. Она вскочила, бросилась въ кухню, къ двери, по сѣнямъ кто-то быстро шелъ, у нея потемнѣло въ глазахъ и, прислонясь къ косяку, она толкнула дверь ногой.

— Добрый вечеръ, ненько! — раздался знакомый голосъ, и на плечи ея легли сухія, длинныя руки.

Въ сердцѣ ея вспыхнули тоска разочарованія и радость видѣть Андрея. Вспыхнули, смѣшались въ одно большое, жгучее чувство; оно обняло его горячей волной, обняло, подняло, и она ткнулась лицомъ въ грудь Андрея. Онъ крѣпко сжалъ ее, руки его дрожали, мать молча, тихо плакала, онъ гладилъ ея волосы и говорилъ, точно пѣлъ:

— А не плачьте, ненько, не томите сердца! Честное слово говорю вамъ — скоро его выпустятъ! Ничего у нихъ противъ него, всѣ ребята молчатъ, какъ вареныя рыбы . . .

Обнявъ плечи матери длинной рукой, онъ ввелъ ее въ комнату, а она, прижимаясь къ нему, быстрымъ жестомъ бѣлки, отирала съ лица слезы и жадно, всей грудью, глотала его слова.

— Кланяется вамъ Павелъ, здоровъ онъ и веселъ, какъ только можетъ быть. Тѣсно тамъ въ тюрьмѣ! Народу — больше сотни нахватали, и нашихъ, и городскихъ, въ одной камерѣ по-трое и по-четверо сидятъ Начальство тюремное ничего, хорошее и устало оно — такъ много задали работы ему эти чертовы жандармы! Такъ оно, начальство, не очень строго командуетъ, а все говоритъ: — вы ужъ, господа, потише, не подводите насъ! Ну, и все идетъ хо-

рошо . . . Разговариваемъ мы, и книги другъ другу передаемъ, и ѣдой дѣлимся. Хорошая тюрьма! Старая она и грязная, но мягкая такая и легкая. Уголовные тоже славный народъ, помогаютъ намъ много. Выпустили меня, Букина и еще четырехъ — тѣсно стало! Скоро и Павла выпустятъ, ужъ это вѣрно! Дольше всѣхъ Вѣсовщиковъ будетъ сидѣть, сердятся на него очень. Ругаетъ онъ всѣхъ, не уставая! Жандармы смотрѣть на него не могутъ. Пожалуй, попадетъ онъ подъ судъ или поколотятъ его однажды. Павелъ уговариваетъ его — »брось, Николай! Они вѣдь отъ того лучше не будутъ, если ты обругаешь ихъ!« А онъ реветъ: — »сковырну ихъ съ земли, какъ болячки!« Хорошо держится тамъ Павелъ, ровно со всѣми, твердо. Скоро его выпустятъ, говорю вамъ . . .

— Скоро! — сказала мать, успокоенная и ласково улыбаясь. — Я знаю, скоро!

— Вотъ и хорошо, коли знаете! Ну, наливайте-же мнѣ чаю, говорите, какъ жили.

Онъ смотрѣлъ на нее, улыбаясь весь, такой близкій, славный, и въ круглыхъ глазахъ свѣтилась любовная, немного грустная искра.

— Очень я люблю васъ, Андрюша! — глубоко вздохнувъ, сказала мать, разглядывая его худое лицо, смѣшно поросшее темными кустиками волосъ.

— Съ меня немногаго довольно . . . Я знаю, что вы и меня любите, вы всѣхъ можете любить, сердце у васъ большое! — покачиваясь на стулѣ, говорилъ хохолъ.

— Нѣтъ, васъ я особенно люблю! — настаивала она. — Была-бы у васъ мать, завидовали-бы ей люди, что сынъ у нея такой . . .

Хохолъ качнулъ головой и крѣпко потеръ ее обѣими руками.

— Гдѣ-нибудь есть и у меня мать . . . — тихо сказалъ онъ.

— А знаете, что я сегодня сдѣлала? — воскликнула она и торопливо, захлебываясь отъ удовольствія, немножко

прикрашивая, разсказала, какъ она пронесла на фабрику литературу.

Онъ сначала удивленно расширилъ глаза, потомъ захохоталъ, двигая ногами, колотилъ себя пальцами по головѣ и радостно кричалъ:

— Ого! Ну, это-же не шутка! Это дѣло! Павелъ-то будетъ радъ, а? Это — хорошо, ненько! И для Павла, и для всѣхъ, кто съ нимъ взятъ!

Онъ съ восхищеніемъ щелкалъ пальцами, свисталъ и весь качался, блестѣлъ радостью и возбуждалъ въ ней сильный, полный, отзвукъ.

— Милый вы мой, Андрюша! — заговорила она такъ, какъ будто у нея открылось сердце и изъ него яснымъ ручьемъ брызнули, играя, живыя, полныя тихой радости слова. — Думала я о своей жизни — Господи Іисусе Христе! Ну, зачѣмъ я жила? Побои . . . работа . . . ничего не видѣла, кромѣ мужа, ничего не знала, кромѣ страха . . . И какъ росъ Паша — не видѣла . . . и любила-ли его, когда мужъ живъ былъ — не знаю! Всѣ заботы мои, всѣ мысли были объ одномъ, чтобы накормить звѣря своего вкусно, сытно, во время угодить ему, чтобы онъ не угрюмился, не пугалъ-бы побоями, пожалѣлъ-бы хоть разъ . . . Не помню, чтобы пожалѣлъ когда . . . Билъ онъ меня, точно не жену бьетъ, а всѣхъ, на кого зло имѣетъ . . . Двадцать лѣтъ такъ жила, а что было до замужества — не помню! Вспоминаю — и, какъ слѣпая, ничего не вижу. Былъ тутъ Егоръ Ивановичъ — мы съ нимъ изъ одного села . . . говоритъ онъ и то и се, а я — домà помню, людей помню, а какъ люди жили, что они говорили, что у кого случилось — забыла, не вижу! Пожары помню . . . два пожара . . . Видно, все изъ меня было выбито, заколочена душа наглухо, ослѣпла, не слышитъ . . .

Она перевела дыханіе и, жадно глотая воздухъ, какъ рыба, вытащенная изъ воды, наклонилась впередъ и продолжала, понизивъ голосъ:

— Померъ мужъ, я схватилась за сына . . . а онъ

пошелъ по этимъ дѣламъ. Вотъ тутъ жалко мнѣ стало его . . . жадной такой жалостью . . . Пропадетъ, какъ я буду одна жить? Сколько страху, тревоги испытала я, сердце разрывалось, когда думала о его судьбѣ . . .

Она замолчала и, тихо качая головой, проговорила значительно:

— Не чистая она, наша бабья любовь! . . Любимъ мы то, что намъ надо . . . А вотъ смотрю я на васъ . . . о матери вы тоскуете . . . зачѣмъ она вамъ? И всѣ другіе люди за народъ страдаютъ, въ тюрьмы идутъ и въ Сибирь, умираютъ . . . многихъ — вѣшали . . . Дѣвушки молодыя ходятъ ночью, однѣ, по грязи, по снѣгу, въ дождикъ . . . идутъ семь верстъ изъ города къ намъ . . . кто ихъ гонитъ, кто толкаетъ? Любятъ они! . . Вотъ они — чисто любятъ! Вѣруютъ! . . вѣруютъ, Андрюша! И вотъ я — не умѣю такъ! Я люблю свое, близкое!

— Вы можете! — сказалъ хохолъ и, отвернувъ отъ нея лицо, крѣпко, какъ всегда, потеръ руками голову, щеку и глаза. — Всѣ любятъ близкое, но въ большомъ сердцѣ и далекое — близко! Вы много можете. Велико у васъ материнское . . .

— Дай Господи! — тихо сказала она. — Я вѣдь чувствую, хорошо такъ жить. Вотъ я васъ люблю . . . можетъ я васъ люблю лучше, чѣмъ Пашу. Онъ — закрытый весь . . . Вотъ онъ жениться хочетъ на Сашенькѣ . . . а мнѣ, матери, не сказалъ про это . . .

— Не вѣрно! — возразилъ хохолъ. — Я знаю это. Не вѣрно. Онъ ее любитъ и она его — вѣрно. А жениться — этого не будетъ, нѣтъ! Она-бы хотѣла, да Павелъ не хочетъ . . .

— Вотъ какъ! — задумчиво и тихо сказала мать, и глаза ея грустно остановились на лицѣ хохла. — Да. Вотъ какъ. Отказываются люди отъ себя . . .

— Павелъ — рѣдкій человѣкъ! — тихонько произнесъ хохолъ. — Желѣзный человѣкъ . . .

— Теперь вотъ — сидитъ онъ въ тюрьмѣ! — вдумчиво продолжала мать. — Тревожно это, боязно . . . а не такъ ужъ какъ раньше. Вся жизнь не такая и страхъ другой . . . всѣхъ жалко, за всѣхъ тревожно. И сердце другое . . . душа глаза открыла, смотритъ — и грустно ей и радостно. Не понимаю я многаго, и такъ обидно, горько мнѣ, что въ Господа Бога не вѣруете вы! . . Ну, это ужъ ничего не подѣлаешь! Но вижу и знаю — хорошіе вы люди, да! И обрекли себя на жизнь трудную за народъ, на тяжелую жизнь за правду . . . Правду вашу я тоже поняла: покуда будутъ богатые — ничего не добьется народъ, ни правды, ни радости, ничего! . . Это такъ, Андрюша! . . Вотъ живу я среди васъ . . . иной разъ ночью вспомнишь прежнее, силу мою, ногами затоптанную, молодое сердце мое забитое — жалко мнѣ себя, горько! Но, всетаки, лучше мнѣ стало жить . . . и все больше я сама себя вижу . . .

Хохолъ всталъ и, стараясь не шаркать ногами, началъ осторожно ходить по комнатѣ, высокій, худой, задумчивый.

— Хорошо сказали вы! — тихо воскликнулъ онъ. — Хорошо. Былъ въ Керчи еврей молоденькій, писалъ онъ стихи и однажды написалъ такое:

— »И невинно убіенныхъ —
Сила правды воскреситъ . . .«

— Его самого полиція тамъ, въ Керчи, убила, но это — неважно. Онъ правду зналъ и много посѣялъ ее въ людяхъ . . . Такъ вотъ вы — невинно убіенный человѣкъ . . . Вѣрно онъ сказалъ . . .

— Говорю я теперь, — продолжала мать, — говорю и сама себя слушаю, сама себѣ не вѣрю. Всю жизнь молчала, всегда думала объ одномъ — какъ-бы обойти день стороной, прожить-бы его незамѣтно, чтобы не тронули меня только? А теперь обо всѣхъ думаю . . . можетъ и не такъ понимаю я дѣла ваши . . . но всѣ мнѣ — близкіе, всѣхъ

жалко, для всѣхъ — хорошаго хочется. А вамъ, Андрюша... особенно!..

Онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Спасибо! Обо мнѣ не надо говорить...

Взялъ ея руку въ свои, крѣпко стиснулъ, потрясъ и быстро отвернулся въ сторону. Утомленная волненіемъ мать не торопясь мыла чашки и молчала, въ груди у нея тихо теплилось бодрое, грѣющее сердце чувство.

Хохолъ, расхаживая, говорилъ ей:

— Вотъ-бы, ненько, Вѣсовщикова приласкать вамъ однажды! Сидитъ у него отецъ въ тюрьмѣ — поганенькій такой старичекъ. Николай увидитъ его изъ окна и ругаетъ. Нехорошо это! Онъ добрый, Николай... собакъ любитъ, мышей и всякую тварь, а людей — не любитъ! Вотъ, до чего можно испортить человѣка!

— Мать у него безъ вѣсти пропала, отецъ — воръ и пьяница... — задумчиво сказала женщина.

Когда Андрей отправился спать, мать незамѣтно перекрестила его, а когда онъ легъ и прошло съ полчаса времени, она тихонько спросила:

— Не спите, Андрюша?

— Нѣтъ... а что?

— Ничего. Спокойной ночи!

— Спасибо, ненько, спасибо! — благодарно и негромко отвѣтилъ онъ.

XVII.

На слѣдующій день, когда старуха подошла со своей ношей къ воротамъ фабрики, сторожа грубо остановили ее и, приказавъ поставить корчаги на землю, тщательно осмотрѣли все.

— Простудите вы у меня кушанье! — спокойно замѣтила она, въ то время, какъ они грубо ощупывали ея платье.

— Молчи! — угрюмо сказалъ сторожъ.

Другой, легонько толкнувъ ее въ плечо, увѣренно сказалъ:

— Я говорю — черезъ заборъ бросаютъ!

Къ ней первымъ подошелъ старикъ Сизовъ и, оглянувшись, негромко спросилъ:

— Слышала, мать?

— Что?

— Бумажки-то! Опять появились . . . Прямо — какъ соли на хлѣбъ насыпали ихъ вездѣ. Вотъ тебѣ и аресты, и обыски! Мазина, племянника моего, въ тюрьму взяли . . . ну, и что-же? Взяли сына твоего . . . вѣдь вотъ, теперь ужъ видно, что это не они!

И гладя бороду, Сизовъ закончилъ:

— Дѣло не въ людяхъ, а въ мысляхъ, а мысли — не блохи, ихъ не переловишь.

Онъ собралъ свою бороду въ руку, посмотрѣлъ на нее и отходя сказалъ:

— Что не зайдешь ко мнѣ? Чай скучно одной-то . . .

Она поблагодарила и, выкрикивая названія кушаній, зорко наблюдала за необычайнымъ оживленіемъ на фабрикѣ. Всѣ были чему-то рады, собирались, расходились, перебѣгали изъ одного цеха въ другой. Въ воздухѣ, полномъ копоти, чувствовалось вѣяніе чего-то бодраго, смѣлаго. То здѣсь, то тамъ раздавались одобрительныя восклицанія, насмѣшливые возгласы, порой — угрозы. Молодежь была особенно оживлена, пожилые рабочіе осторожно усмѣхались. Озабоченно расхаживало начальство, бѣгали полицейскіе и, замѣтивъ ихъ, рабочіе медленно расходились или, оставаясь на мѣстахъ, прекращали разговоръ, молча глядя въ озлобленныя, раздраженныя лица.

Рабочіе почему-то казались всѣ чисто умытыми. Мелькала высокая фигура старшаго Гусева, уточкой ходилъ его братъ и хохоталъ.

Мимо матери не спѣша прошелъ мастеръ столярнаго цеха Вавиловъ и табельщикъ Исай. Маленькій щуплый табельщикъ, закинувъ голову кверху, согнулъ шею налѣво и,

глядя въ неподвижное, надутое лицо мастера, быстро говорилъ, тряся бородкой:

— Они, Иванъ Ивановичъ, хохочутъ . . . имъ это пріятно, хотя дѣло касается разрушенія государства, какъ сказали г. директоръ. Тутъ, Иванъ Ивановичъ, не полоть, а пахать надо . . .

Вавиловъ шелъ, заложивъ руки за спину, и пальцы его были крѣпко сжаты . . .

— Ты тамъ печатай, сукинъ сынъ, что хошь, — громко сказалъ онъ, — но про меня — не смѣй!

Подошелъ Василій Гусевъ, заявляя:

— А я опять у тебя обѣдать буду, вкусно!

И, понизивъ голосъ, прищуривъ глаза, тихонько добавилъ:

— Видите? Попали мѣтко . . . хорошо! Эхъ, мамаша . . . очень хорошо!

Мать ласково кивнула ему головой. Ей нравилось, что этотъ парень, первый озорникъ въ слободкѣ, говоря съ нею секретно, обращался на вы, ей нравилось общее возбужденіе на фабрикѣ, и она думала про себя:

— А вѣдь — кабы не я . . .

Недалеко остановились трое чернорабочихъ, и одинъ негромко, съ сожалѣніемъ сказалъ:

— Нигдѣ не нашелъ . . .

— А послушать надо-бы . . . Я неграмотный, но вижу, что попало-таки имъ подъ ребро! . . — замѣтилъ другой.

Третій оглянулся и предложилъ:

— Идемте въ котельную . . . я вамъ прочитаю!

— Дѣйствуетъ! — шепнулъ Гусевъ, подмигивая.

Власова пришла домой веселая — теперь она сама видѣла, какъ оживляютъ людей книжки.

— Жалѣютъ тамъ люди, что неграмотные они! — сказала она Андрею. — А я вотъ молодая умѣла читать, да забыла . . .

— Поучитесь! — предложилъ хохолъ.

— Въ мои-то годы? Зачѣмъ людей смѣшить . . .

Но Андрей взялъ съ полки книгу и, указывая концомъ ножа на букву на обложкѣ, спросилъ:

— Это что?

— Рцы! — смѣясь, отвѣтила она.

— А это?

— Азъ . . .

Ей было неловко, обидно и грустно какъ-то. Показалось, что глаза Андрея смѣются надъ нею скрытымъ смѣхомъ, и она избѣгала ихъ взглядовъ. Но его голосъ звучалъ въ ея ушахъ мягко и спокойно, она искоса взглянула въ лицо ему — оно было серьезно.

— Неужто вы, Андрюша, въ самомъ дѣлѣ думаете учить меня? — спросила она, невольно усмѣхаясь.

— А что-жъ? — отозвался онъ. — Попробуйте! Коли вы читали — легко вспомнить. Не будетъ чуда — въ этомъ нѣтъ худа, а будетъ чудо — не худо!

— А то говорятъ, на образъ взглянешь — святъ не станешь! — замѣтила мать.

— Э! — кивнувъ головой, сказалъ хохолъ. — Поговорокъ много. Меньше знаешь — крѣпче спишь, чѣмъ невѣрно? Поговорками — желудокъ думаетъ, онъ изъ нихъ уздечки для души плететъ, чтобы лучше было править ею . . . Брюху надо покоя, душѣ — простора . . . А это какая буква?

— Люди! — сказала мать.

— Такъ! Вотъ они какъ растопырились . . . Ну а эта?

Напрягая зрѣніе, тяжело двигая бровями, она, съ усиліемъ вспоминала забытыя буквы и, незамѣтно отдаваясь во власть своихъ усилій, забывалась. Но скоро у нея устали глаза. Сначала явились слезы утомленія, а потомъ на страницу часто закапали слезы грусти.

— Грамотѣ учусь! — всхлипнувъ, сказала она. — Умирать пора, а я только еще грамотѣ учиться начала . . .

— Не надо плакать! — сказалъ хохолъ ласково и тихо. — Вы не могли жить иначе . . . а вотъ все-же понимаете, что-таки жили плохо! Тысячи людей могутъ лучше васъ

жить . . . а живутъ, какъ скоты, да еще хвастаются — хорошо живемъ! А что въ томъ хорошаго — и сегодня человѣкъ поработалъ да поѣлъ и завтра — поработалъ да поѣлъ, да такъ всѣ годы свои — работаетъ и ѣстъ? Между этимъ дѣломъ народитъ дѣтей себѣ и сначала забавляется ими, а какъ и они тоже много ѣсть начнутъ, онъ сердится, ругаетъ ихъ — скорѣй, обжоры, ростите, работать пора! И хотѣлъ-бы дѣтей своихъ сдѣлать домашнимъ скотомъ . . . но они начинаютъ работать для своего брюха . . . и снова тянутъ жизнь, какъ воръ мочало! Никогда не дрогнетъ душа радостью, не поживетъ думой, отъ которой сердце замираетъ. Одни живутъ, какъ нищіе — всего просятъ, другіе — какъ воры — все изъ рукъ хватаютъ. Надѣлали воровскихъ законовъ, наставили надъ народомъ людей съ палками — берегите наши законы, они удобные, они намъ кровь изъ человѣка сосать позволяютъ! Снаружи жмутъ — не поддается человѣкъ, такъ они внутрь его вгоняютъ правила, чтобы и разумъ стиснуть . . .

Облокотясь на столъ, онъ смотрѣлъ въ лицо матери задумчивыми глазами и плавно говорилъ:

— Только тѣ и люди, которые сбиваютъ цѣпи съ тѣла человѣка и съ разума его . . . Вотъ теперь и вы, по силѣ вашей, за это взялись . . .

— Ну, что я? — воскликнуда она. — Гдѣ мнѣ?

— А какъ-же? Это, точно дождикъ — каждая капля зерно поитъ. А начнете вы читать . . .

Онъ засмѣялся, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, вы учитесь! . . Павелъ придетъ, а вы — эгэ?

— Ахъ, Андрюша! — сказала мать. — Молодому все просто. А какъ поживешь, горя-то много, силы-то мало, а ума — совсѣмъ нѣтъ . . .

XVIII.

Вечеромъ хохолъ ушелъ, она зажгла лампу и сѣла къ столу вязать чулокъ. Но скоро встала, нерѣшительно прош-

лась по комнатѣ, вышла въ кухню, заперла дверь на крюкъ и, усиленно двигая бровями, воротилась въ комнату. Опустила занавѣски на окнахъ и, взявъ книгу съ полки, снова сѣла къ столу, оглянулась, наклонилась надъ книгой, губы ея зашевелились . . . Когда съ улицы доносился шумъ, она вздрогнувъ закрывала книгу ладонью, чутко прислушиваясь . . . И снова, то закрывая глаза, то открывая ихъ, шептала:

— Живете, иже-жи, земля, нашъ . . .

Постучались въ дверь, мать быстро вскочила, сунула книгу на полку и, подойдя къ двери, спросила тревожно:

— Кто тамъ?

— Я . . .

Вошелъ Рыбинъ, поздоровался, солидно погладилъ бороду и, заглядывая темными глазами въ комнату, замѣтилъ:

— Раньше пускала безъ спросу людей . . . Одна?

— Одна.

— Такъ. А я думалъ — хохолъ дома . . . Сегодня я его видѣлъ . . . Тюрьма человѣка не портитъ . . . Всего больше глупость портитъ насъ . . . вотъ.

Онъ прошелъ въ комнату, сѣлъ тамъ и сказалъ матери:

— Давай-ка, поговоримъ . . . Есть у меня, видишь ты, догадка . . .

Онъ смотрѣлъ значительно и таинственно, внушая матери смутное безпокойство. Она сѣла противъ него и ждала, молча, озабоченно.

— Все стоитъ денегъ! — началъ онъ своимъ тяжелымъ голосомъ. — Даромъ не родишься, не умрешь . . . вотъ. И книжки, и листочки — стоятъ денегъ. Теперь, ты знаешь откуда деньги на книжки идутъ?

— Не знаю я! — тихо сказала мать, чувствуя что-то опасное.

— Такъ. Я тоже не знаю. Второе — книжки кто составляетъ?

— Ученые . . .

— Господа! — кратко молвилъ Рыбинъ. Голосъ его

становился все тяжелѣе и бородатое лицо напряглось, покраснѣло. — Значитъ, господа книжки составляютъ, они ихъ раздаютъ. А въ книжкахъ этихъ пишется — противъ господъ. Теперь — ты мнѣ скажи — какая имъ польза тратить работу и деньги для того, чтобы народъ противъ себя поднять . . . а?

Старуха быстро мигнула глазами, потомъ широко открыла ихъ и пугливо вскрикнула:

— Что ты думаешь? . . Что?

— Ага! — сказалъ Рыбинъ и заворочался на стулѣ, точно медвѣдь. — Вотъ. Я тоже какъ дошелъ до этой мысли — холодно стало.

— Что-же такое? Узналъ что-нибудь?

— Обманъ! — отвѣтилъ Рыбинъ. — Чувствую — обманъ. Ничего не знаю, а — есть обманъ. Вотъ. Господа мудрятъ чего-то. А я — не желаю . . . Мнѣ нужно правду . . . И я правду понимаю, я ее понялъ . . . А съ господами въ рядъ не пойду. Они, когда понадобится имъ, толкнутъ меня впередъ . . . да по моимъ костямъ, какъ по мосту, дальше зашагаютъ . . .

Онъ говорилъ и точно связывалъ сердце матери угрюмыми словами, въ которыхъ упрямо звучала тяжелая сила.

— Господи! — съ тоской воскликнула мать. — Неужто Паша не понимаетъ? . . И всѣ, которые . . . изъ города ходятъ, неужто они . . .

Передъ нею замелькали серьезныя, честныя лица Егора, Николая Ивановича, Сашеньки, и сердце у нея встрепенулось.

— Нѣтъ, нѣтъ! — заговорила она, отрицательно качая головой. — Не могу я повѣрить . . . Они — за совѣсть . . . Они не помышляютъ худого, нѣтъ!

— Про кого говоришь? — задумчиво спросилъ Рыбинъ.

— Про всѣхъ . . . всѣхъ до единаго, кого видѣла. У нея на лицѣ выступилъ потъ и дрожали пальцы рукъ.

— Не туда глядишь, мать, гляди дальше! — сказалъ Рыбинъ, опустивъ голову. — Тѣ, которые близко подошли къ намъ, они, можетъ, сами ничего не знаютъ . . . Они —

вѣрятъ — такъ надо! . . Имъ правда по сердцу . . . А можетъ — за ними другіе есть . . . которымъ лишь бы выгода была? Человѣкъ противъ себя зря не пойдетъ . . .

И съ тяжелымъ убѣжденіемъ крестьянина, вѣками питавшагося недовѣріемъ, онъ прибавилъ:

— Никогда ничего хорошаго отъ господъ не будетъ! Такъ.

— Что ты надумалъ? — спросила мать, снова охваченная смутнымъ сомнѣніемъ.

— Я? — Рыбинъ взглянулъ на нее, помолчалъ и повторилъ. — Отъ господъ надо дальше. Вотъ.

Потомъ снова помолчалъ, угрюмый и съежившійся.

— Я уйду, мать. Хотѣлъ я къ парнямъ пристегнуться, чтобы вмѣстѣ съ ними . . . Я въ это дѣло гожусь. Грамотный, упрямый, не дуракъ. А, главное, — знаю, что надо сказать людямъ. Вотъ. Ну, а теперь я уйду. Не могу я вѣрить, долженъ уйти. Я, мать, знаю — опоганены души у людей. Всѣ живутъ завистью, всѣ хотятъ жрать. А жратвы — мало и каждый норовитъ другого съѣсть.

Онъ опустилъ голову, подумавъ.

— Пойду одинъ по селамъ, по деревнямъ. Буду бунтовать народъ. Надо, чтобы онъ самъ, народъ взялся. Если онъ пойметъ — онъ пути себѣ откроетъ. Вотъ я и буду стараться, чтобы онъ понялъ — нѣтъ у него надежды, кромѣ себя самого, нѣту разума, кромѣ своего. Такъ-то!

Ей стало жаль его, она почувствовала страхъ за этого человѣка. Всегда непріятный ей, теперь онъ какъ-то вдругъ всталъ ближе, сдѣлался роднѣе.

— Паша съ одной стороны идетъ, онъ — съ другой . . . Пашѣ-то легче будетъ! — невольно подумала она, а вслухъ тихо сказала:

— Поймаютъ тебя . . .

Рыбинъ посмотрѣлъ на нее и спокойно отвѣтилъ:

— Поймаютъ, — выпустятъ. А я опять . . .

— Сами-же мужики свяжутъ . . . И будешь въ тюрьмѣ сидѣть . . .

— Посижу — выйду. И опять пойду . . . А что до мужиковъ — разъ свяжутъ, два, потомъ поймутъ, что не вязать надо меня, а слушать. Я скажу имъ: — вы мнѣ не вѣрьте, вы только слушайте . . . А будутъ слушать — повѣрятъ!

Они оба говорили медленно, какъ-бы ощупывая каждое слово прежде, чѣмъ сказать его.

— Мнѣ, мать, — говорилъ Рыбинъ, — радости въ этомъ мало. Я тутъ жилъ послѣднее время и многаго наглотался. Такъ. Понялъ кое-что. А теперь — какъ будто младенца хороню . . .

— Пропадешь, Михайло Ивановичъ! — грустно качая головой, молвила она.

Темными, глубокими глазами онъ смотрѣлъ на нее, спрашивая и ожидая. Его крѣпкое тѣло нагнулось впередъ, руки упирались въ сидѣнье стула, и смуглое лицо казалось блѣднымъ, въ черной рамѣ бороды.

— А слыхала, какъ Христосъ про зерно сказалъ? Не умрешь — не воскреснешь въ новомъ колосѣ . . . Человѣкъ есть зерно правды, вотъ . . . До смерти мнѣ далеко. Я — хитрый!

Онъ завозился на стулѣ и не спѣша всталъ.

— Пойду въ трактиръ, посижу тамъ на людяхъ . . . Хохолъ что-то нейдетъ . . . Началъ хлопотать?

— Да! — сказала мать, улыбаясь. — Они всѣ такіе — выпустятъ ихъ изъ тюрьмы, они сейчасъ къ своему дѣлу . . .

— Такъ и надо. Ты ему скажи про меня . . .

Они медленно пошли плечо къ плечу въ кухню и, не глядя другъ на друга, перекидывались краткими словами.

— Я скажу! — обѣщала она.

— Ну, прощай!

— Прощай . . . Когда расчетъ берешь? . .

— Взялъ.

— А когда уходишь?

— Завтра. Рано утромъ. Прощай!

Онъ согнулся и какъ-то неохотно, неуклюже вылѣзъ въ сѣни. Мать съ минуту стояла передъ дверью, прислушиваясь къ тяжелымъ удалявшимся шагамъ и къ сомнѣніямъ, разбуженнымъ въ ея груди. Потомъ тихо повернулась, прошла въ комнату и, приподнявъ занавѣску, посмотрѣла въ окно. За стекломъ неподвижно стояла черная тьма и чего-то ждала, разинувъ свою бездонную, плоскую пасть.

— Ночью живу! — подумала она, — всегда ночью! . .

Ей было жалко чернобородаго степеннаго мужика — былъ онъ такой широкій, сильный и — безпомощное было въ немъ, какъ во всѣхъ людяхъ . . .

Скоро пришелъ Андрей, оживленный и веселый.

Когда она разсказала ему о Рыбинѣ, онъ воскликнулъ:

— Идетъ? Ну, и пускай ходитъ по деревнямъ, звонитъ о правдѣ, будитъ народъ . . . Съ нами трудно ему. У него въ головѣ свои мысли выросли, нашимъ — тѣсно тамъ . . .

— Вотъ о господахъ говорилъ онъ . . . есть тутъ что-то! — осторожно замѣтила мать. — Не обманули-бы!

— Задѣваетъ? — смѣясь вскричалъ хохолъ. — Эхъ, ненько, деньги! Были-бы онѣ у насъ! . . Мы еще все на чужой счетъ живемъ . . . Вотъ Николай Ивановичъ получаетъ семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ — намъ пятьдесятъ отдаетъ. Также и другіе. Да голодные студенты иной разъ пришлютъ немного, собравъ по копѣйкамъ . . . А господа, конечно, разные бываютъ. Одни — обманутъ, другіе — отстанутъ, а съ нами, вплоть до нашего праздника, — самые лучшіе пойдутъ . . .

Онъ хлопнулъ руками и крѣпко продолжалъ:

— Но до того праздника — орелъ не долетитъ, а вотъ мы перваго мая небольшой устроимъ . . . Весело будетъ!

Его слова и оживленіе его отталкивали тревогу, посѣянную Рыбинымъ. Хохолъ ходилъ по комнатѣ, потирая одной рукой голову, другой грудь и, глядя въ полъ, говорилъ:

— Знаете, иногда такое живетъ въ сердцѣ . . . удивительное! Кажется вездѣ, куда ты ни придешь — люди,

товарищи, всѣ горятъ однимъ огнемъ, всѣ веселые, добрые, славные . . . Безъ словъ другъ друга понимаютъ . . . и никто не хочетъ обижать человѣка, не нужно уже это никому. Живутъ всѣ хоромъ, а каждое сердце поетъ свою пѣсню . . . Всѣ пѣсни, какъ ручьи, бѣгутъ — льются въ одну рѣку, и течетъ рѣка широко и свободно въ море свѣтлыхъ радостей новой жизни . . . Подумаешь, что вѣдь это — будетъ! Не можетъ этого не быть, если мы такъ хотимъ . . . Тогда удивленное сердце замираетъ отъ радости, плакать хочется . . . такъ хорошо! . .

Мать старалась не двигаться, чтобы не помѣшать ему, не прерывать его рѣчи. Она слушала его всегда съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ другихъ, онъ говорилъ проще всѣхъ и его слова сильнѣе трогали сердце. Павелъ тоже, должно быть, заглядывалъ впередъ — какъ можно безъ этого, когда идешь такимъ путемъ? Но онъ смотрѣлъ вдаль одиноко и никогда не говорилъ о томъ, что видитъ. А этотъ, казалось ей, всегда былъ тамъ частью своего сердца, всегда въ его рѣчахъ звучала сказка о будущемъ праздникѣ для всѣхъ на землѣ. Эта сказка освѣщала для матери смыслъ жизни и работы ея сына и всѣхъ товарищей его.

— А очнешься, — говорилъ хохолъ, встряхнувъ головой, и руки его упали, вытянулись вдоль тѣла, — поглядишь кругомъ . . . и холодно, и грязно! Всѣ устали, обозлились, жизнь человѣческая изжевана, измята . . .

Остановясь передъ нею, съ глубокой печалью въ глазахъ, покачивая головой, тихо и грустно онъ продолжалъ:

— Обидно это . . . а надо не вѣритъ человѣку, надо бояться его и даже — ненавидѣть! Двоится человѣкъ, рѣжетъ жизнь его на-двое. Ты-бы — только любить хотѣлъ, а какъ это можно? Какъ простить человѣку, если онъ дикимъ звѣремъ на тебя идетъ, не признаетъ въ тебѣ живой души и даетъ пинки въ человѣческое лицо твое? Нельзя прощать! Не за себя нельзя, — я за себя всѣ обиды снесу, но потакать насильщикамъ не хочу, не хочу, чтобы на моей спинѣ другихъ бить учились.

Теперь глаза у него вспыхнули холоднымъ огнемъ, онъ упрямо наклонилъ голову и говорилъ тверже.

— Я не долженъ прощать ничего вреднаго, хоть-бы мнѣ и не вредило оно. Я — не одинъ на землѣ! Сегодня я позволю себя обидѣть и, можетъ, только посмѣюсь надъ обидой, не уколетъ она меня . . . а завтра, испытавъ на мнѣ свою силу, обидчикъ пойдетъ съ другого кожу снимать . . . И приходится на людей смотрѣть разно, приходится держать сердце строго, разбирать людей: это — свои, это — чужіе . . . Справедливо — а не утѣшаетъ!

Мать вспомнила почему-то офицера и Сашеньку. Вздыхая, она сказала:

— Ужъ какіе хлѣбы изъ несѣянной муки! . .

— Тутъ и горе! — воскликнулъ хохолъ. — Надо смотрѣть разными глазами . . . бьются въ груди два сердца — это любитъ всѣхъ, а другое говоритъ — стой, нельзя! Ломается человѣкъ . . .

— Да-а! — сказала мать. Въ памяти ея теперь встала фигура мужа, угрюмая и тяжелая, точно большой камень, поросшій мохомъ. Она представила себѣ хохла мужемъ Наташи и сына, женатымъ на Сашенькѣ . . .

— А отчего? — спросилъ хохолъ, загораясь. — Это такъ хорошо видно, что даже смѣшно. Оттого только, что не ровно люди стоятъ. Такъ давайте-же, поровняемъ всѣхъ въ одинъ рядъ! . . Раздѣлимъ поровну все, что сдѣлано разумомъ, все, что сработано руками! Не будемъ держать другъ друга въ рабствѣ страха и зависти, въ плѣну жадности и глупости! . .

Они часто стали говорить такъ.

Его снова приняли на фабрику, онъ отдавалъ ей весь свой заработокъ, и она брала эти деньги такъ-же спокойно, какъ принимала ихъ изъ рукъ Павла.

Иногда Андрей предлагалъ матери съ улыбкой въ глазахъ:

— Почитаемъ, ненько, а?

Она шутливо, но настойчиво отказывалась, ее смущала эта улыбка и, немножко обижаясь, она думала:

— Если ты смѣешься, такъ зачѣмъ-же?

И все чаще мать спрашивала его, что значить то или другое книжное слово, чуждое ей. Спрашивая, она смотрѣла въ сторону и голосъ ея звучалъ безразлично. Онъ догадался, что она потихоньку учится сама, понялъ ея стыдливость и пересталъ предлагать ей читать съ нимъ. Скоро она заявила ему:

— Глаза у меня слабѣютъ, Андрюша . . . Очки-бы надо . . .

— Дѣло! — отозвался онъ. — Вотъ въ воскресенье пойду съ вами въ городъ, покажу васъ тамъ знакомому доктору и будутъ очки . . .

XIX.

Она уже трижды ходила просить свиданія съ Павломъ, и каждый разъ жандармскій генералъ, сѣдой старичекъ съ багровыми щеками и большимъ носомъ, ласково отказывалъ ей.

— Черезъ недѣльку, матушка, не раньше! Черезъ недѣльку мы посмотримъ . . . а сейчасъ невозможно . . .

Онъ былъ круглый, сытенькій и весь напоминалъ ей почему-то спѣлую сливу, немного залежавшуюся и уже покрытую пушистой плѣсенью. Онъ всегда ковырялъ въ мелкихъ бѣлыхъ зубахъ острой желтой палочкой, и его небольшіе зеленоватые глазки кругло и ласково улыбались, а голосъ звучалъ любезно дружески.

— Вѣжливый! — вдумчиво говорила она хохлу. — Все улыбается . . . Нехорошо это, по моему. Командуя такимъ дѣломъ, не надо-бы зубы-то скалить . . .

— Да, да! — сказалъ хохолъ. — Они ничего, ласковые, они всегда улыбаются. Имъ скажутъ: — а ну, вотъ это умный и честный человѣкъ, онъ опасенъ намъ, повѣсьте-

ка его! Они улыбнутся и повѣсятъ, а потомъ — опять улыбаться будутъ.

— Тотъ, который у насъ съ обыскомъ былъ, онъ лучше, проще, — сопоставляла мать. — Сразу видно, что собака...

— Всѣ они не люди, а такъ, молотки, чтобы оглушать людей. Инструменты. Ими обдѣлываютъ нашего брата, чтобы мы были удобнѣе для государства... Сами они уже сдѣланы удобными для управляющей нами руки — могутъ работать все, что ихъ заставятъ, не думая, не спрашивая, зачѣмъ это нужно.

— Съ брюшкомъ онъ...

— Ну, да! Чѣмъ брюхо глаже, тѣмъ душа гаже...

Наконецъ ей дали свиданіе, и однажды въ воскресенье, она скромно сидѣла въ углу тюремной канцеляріи. Кромѣ нея въ тѣсной и грязной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ было еще нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ свиданій. Должно быть они уже не въ первый разъ были здѣсь и знали другъ друга; между ними лѣниво и медленно сплетался тихій и липкій, какъ паутина, разговоръ.

— Слышали? — говорила полная женщина съ дряблымъ лицомъ и саквояжемъ на колѣняхъ. — Сегодня за ранней обѣдней соборный регентъ опять мальчику пѣвчему ухо надорвалъ...

Пожилой человѣкъ въ мундирѣ отставного военнаго громко откашлялся и замѣтилъ:

— Эти пѣвчіе такіе сорванцы!

По канцеляріи суетливо бѣгалъ низенькій, лысый человѣчекъ на короткихъ ногахъ, съ длинными руками и выдвинутой впередъ челюстью. Не останавливаясь, онъ говорилъ тревожнымъ и трескучимъ голосомъ:

— Жизнь становится дороже, оттого и люди злѣе... Говядина второй сортъ — четырнадцать копѣекъ фунтъ, хлѣбъ опять сталъ двѣ съ половиной...

Порою входили арестанты, сѣрые, однообразные, въ тяжелыхъ кожаныхъ башмакахъ. Входя въ полутемную ком-

нату, они мигали глазами. У одного на ногахъ звенѣли кандалы.

Все было странно спокойно и непріятно просто. Казалось, что всѣ издавна привыкли, сжились со своимъ положеніемъ и одни — спокойно сидятъ, другіе — лѣниво караулятъ, третьи — аккуратно и устало посѣщаютъ заключенныхъ. Сердце матери дрожало дрожью нетерпѣнія, и она недоумѣнно смотрѣла на все вокругъ, удивленная тяжелой простотой жизни.

Рядомъ съ Власовой сидѣла маленькая старушка, лицо у нея было сморщенное, а глаза молодые. Повертывая тонкую шею, она вслушивалась въ разговоръ и смотрѣла на всѣхъ странно задорно.

— У васъ кто здѣсь? — тихо спросила ее Власова.

— Сынъ. Студентъ, — отвѣтила старушка громко и быстро. — А у васъ?

— Тоже сынъ. Рабочій.

— Какъ фамилія?

— Власовъ.

— Не слыхала. Давно сидитъ?

— Седьмую недѣлю . . .

— А мой — десятый мѣсяцъ! — сказала старушка, и въ голосѣ ея Власова почувствовала что-то странное, похожее на гордость.

— Да, да! — быстро говорилъ лысый старичекъ. — Терпѣніе исчезаетъ . . . Всѣ раздражаются, всѣ кричатъ . . . и все возрастаетъ въ цѣнѣ. А люди, сообразно сему, дешевѣютъ . . . Примиряющихъ голосовъ не слышно.

— Совершенно вѣрно! — сказалъ военный. — Безобразіе! Нужно, чтобы раздался, наконецъ, твердый голосъ — молчать! Вотъ, что нужно. Твердый голосъ . . .

Разговоръ сталъ общимъ и оживленнымъ. Каждый торопился сказать свое мнѣніе о жизни, но всѣ говорили вполголоса и во всѣхъ мать чувствовала что-то чужое ей. Дома говорили иначе, понятнѣе, проще и громче.

Толстый надзиратель съ квадратной рыжей бородой кри-

кнулъ ея фамилію, оглянулъ ее съ ногъ до головы и прихрамывая пошелъ, сказавъ ей:

— Иди за мной . . .

Она шагала и ей хотѣлось толкнуть въ спину надзирателя, чтобы онъ шелъ быстрѣе. Въ маленькой комнатѣ стоялъ Павелъ, улыбался, протягивалъ руку . . . Мать схватила ее, засмѣялась, часто мигая глазами и, не находя словъ, тихо говорила:

— Здравствуй . . . здравствуй . . .

— Да ты успокойся, мама! — пожимая ея руку, говорилъ Павелъ.

— Ничего . . . Ничего . . .

— Мать! — вздохнувъ, сказалъ надзиратель. — Но, между прочимъ, разойдитесь . . . чтобы между вами было разстояніе . . .

И громко зѣвнулъ. Павелъ спрашивалъ ее о здоровьѣ, о домѣ . . . Она ждала какихъ-то другихъ вопросовъ, искала ихъ въ глазахъ сына и не находила. Онъ, какъ всегда, былъ спокоенъ, только лицо поблѣднѣло, да глаза какъ будто, стали больше.

— Саша кланяется! — сказала она.

У Павла дрогнули вѣки и опустились. Лицо стало мягче и улыбнулось такъ ясно. Острая горечь щипнула сердце матери.

— Скоро-ли выпустятъ они тебя! — заговорила она со внезапной обидой и раздраженіемъ. — За что посадили? Вѣдь вотъ бумажки эти опять появились . . .

Глаза у Павла радостно блеснули.

— Опять? — быстро спросилъ онъ.

— Объ этихъ дѣлахъ запрещено говорить! — лѣниво заявилъ надзиратель. — Можно только о семейномъ . . .

— А это развѣ не семейное? — возразила мать.

— Ужъ я не знаю. Только — запрещается. Насчетъ бѣлья и пищи можно. А больше ни о чемъ! — настаивалъ надзиратель, но онъ говорилъ равнодушно.

— Ну, хорошо! — сказалъ Павелъ. — Говори, мама, о семейномъ. Что ты дѣлаешь?

Она храбро, чувствуя въ себѣ какой-то молодой задоръ, отвѣтила:

— Ношу на фабрику все это . . .

Остановилась и, улыбаясь, продолжала:

— Щи, кашу, всякую Марьину стряпню . . . и прочую пищу . . .

Павелъ понялъ. Лицо у него задрожало отъ сдерживаемаго смѣха, онъ взбилъ волосы и ласково, голосомъ, какого она еще не слышала отъ него, сказалъ:

— Родная ты моя . . . это хорошо! Хорошо, что у тебя дѣло есть . . . не скучаешь. Да, не скучаешь?

— А когда листки-то эти появились, меня тоже обыскивать стали! — не безъ хвастовства заявила она.

— Опять про это! — сказалъ надзиратель, обижаясь. — Я говорю нельзя! Человѣка лишили воли, чтобы онъ ничего не зналъ, а ты — свое! Надо понимать чего нельзя.

— Ну, оставь это, мама! — сказалъ Павелъ. — Матвѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ, не надо его сердить. Мы съ нимъ живемъ дружно . . . Вѣдь онъ сегодня случайно при свиданіи, обыкновенно присутствуетъ помощникъ начальника. Вотъ Матвѣй Ивановичъ и боится, какъ-бы ты не сказала чего-нибудь лишняго!

— Окончилось свиданіе! — заявилъ надзиратель, глядя на часы.

— Ну, спасибо, мама! — сказалъ Павелъ. — Спасибо, голубушка. Ты не безпокойся. Скоро меня выпустятъ . . .

Онъ крѣпко обнялъ ее, поцѣловалъ, и растроганная этимъ, счастливая, она заплакала.

— Расходитесь! — сказалъ надзиратель и, провожая мать, забормоталъ:

— Не плачь . . . выпустятъ! Всѣхъ выпускаютъ . . . Тѣсно стало . . .

Дома она говорила хохлу, широко улыбаясь и оживленно двигая бровями:

— Ловко я ему сказала . . . понялъ онъ!

И грустно вздохнула.

— Да, понялъ! А то-бы не приласкалъ-бы такъ . . . никогда онъ этого не дѣлалъ!

— Эхъ вы! — засмѣялся хохолъ. — Кто чего ищетъ, а мать — всегда ласки . . .

— Нѣтъ, Андрюша, люди-то, я говорю! — вдругъ съ удивленіемъ воскликнула она. — Вѣдь какъ привыкли. Оторвали отъ нихъ дѣтей, посадили въ тюрьму, а они — ничего, пришли, сидятъ, ждутъ, разговариваютъ . . . а? Ужъ если образованные такъ привыкаютъ . . . что-же говорить о черномъ-то народѣ? . .

— Это понятно, — сказалъ хохолъ со своей усмѣшкой, — къ нимъ законъ, всетаки, ласковѣе, чѣмъ къ намъ . . . и нужды они въ немъ имѣютъ больше, чѣмъ мы. Такъ что, когда онъ ихъ по лбу стукаетъ, они хоть и морщатся, да не очень. Своя палка — легче бьетъ . . . Ихъ законы немножко охраняютъ, а насъ они — только вяжутъ, чтобы мы не брыкались . . .

XX.

Однажды вечеромъ мать сидѣла у стола, вязала носки, а хохолъ читалъ вслухъ книгу о возстаніи римскихъ рабовъ, кто-то сильно постучался, и, когда хохолъ отперъ дверь, вошелъ Вѣсовщиковъ съ узелкомъ подъ мышкой, въ шапкѣ, сдвинутой на затылокъ, по колѣна забрызганный грязью.

— Иду — вижу у васъ огонь. Зашелъ поздороваться. Прямо изъ тюрьмы! — объявилъ онъ страннымъ голосомъ и, схвативъ руку Власовой, сильно потрясъ ее, говоря:

— Павелъ кланяется . . .

Потомъ, нерѣшительно опустившись на стулъ, обвелъ комнату своимъ сумрачнымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

Онъ не нравился матери, въ его угловатой, стриженой

головѣ, въ маленькихъ глазахъ было что-то всегда пугавшее ее, но теперь она обрадовалась и вся ласковая, вся улыбаясь, оживленно говорила:

— Осунулся ты . . . Давайте, Андрюша, напоимъ его чаемъ . . .

— А я уже ставлю самоваръ! — отозвался хохолъ изъ кухни.

— Ну, какъ Павелъ-то? . . Еще кого выпустили или только тебя?

Николай опустилъ голову и отвѣтилъ:

— Павелъ сидитъ . . . терпитъ! Выпустили одного меня! — Онъ поднялъ глаза въ лицо матери и медленно, сквозь зубы, проговорилъ:

— Я имъ сказалъ — будетъ, пустите меня на волю . . . А то я тутъ убью кого-нибудь . . . и себя тоже. Выпустили.

— М-м-да-а! — сказала мать, отодвигаясь отъ него, и невольно мигнула, когда взглядъ ея встрѣтился съ его узкими, острыми глазами.

— А какъ Федя Мазинъ? — крикнулъ хохолъ изъ кухни. — Стихи пишетъ?

— Пишетъ. Я этого не понимаю! — покачавъ головой, сказалъ Николай. — Что онъ — чижъ? Посадили въ клѣтку . . . поетъ . . . Я вотъ одно понимаю — домой мнѣ идти не хочется . . .

— Да вѣдь что тамъ, дома-то, у тебя? — задумчиво сказала мать. — Пусто, печь нетоплена, настыло все . . .

Онъ помолчалъ, прищуривъ глаза. Вынулъ изъ кармана коробку папиросъ, не торопясь закурилъ и, глядя на сѣрый клубъ дыма, таявшій передъ его лицомъ, усмѣхнулся усмѣшкой угрюмой большой собаки.

— Да, холодно, должно быть . . . На полу мерзлые тараканы валяются . . . и мыши тоже померзли . . . Ты, Пелагея Ниловна, позволь мнѣ у тебя ночевать . . . можно? — глухо спросилъ онъ, не глядя на нее.

— А, конечно, батюшка, не надо и спрашивать! — быстро сказала мать. Ей было неловко, неудобно съ нимъ

и не знала о чемъ говорить. Но онъ заговорилъ самъ, страшно ломающимся голосомъ.

— Теперь такое время, что дѣти стыдятся родителей своихъ . . .

— Чего? — вздрогнувъ спросила мать.

Онъ взглянулъ на нее, закрылъ глаза и его рябое лицо стало слѣпымъ.

— Дѣти начали стыдиться родителей, говорю! — повторилъ онъ и шумно вздохнулъ. — Ты не бойся, это не для тебя. Тебя Павелъ не постыдится никогда . . . А я вотъ стыжусь отца . . . И въ домъ этотъ его . . . не пойду я больше. Нѣтъ у меня отца . . . и дома нѣтъ! Теперь отдали меня подъ надзоръ полиціи . . . а то я ушелъ-бы въ Сибирь . . . Я думаю, въ Сибири человѣкъ, который себя не будетъ жалѣть, много можетъ сдѣлать . . . Я-бы тамъ ссыльныхъ освобождалъ, устраивалъ-бы побѣги имъ . . .

Чуткимъ сердцемъ мать понимала, что этому человѣку тяжело, но его боль не возбуждала въ ней состраданія.

— Да, конечно . . . ужъ если такъ . . . то лучше уйти! — говорила она, чтобы не обидѣть его молчаніемъ. Изъ кухни вышелъ Андрей и смѣясь сказалъ:

— Что ты проповѣдуешь, а?

Мать встала, говоря:

— Надо поѣсть чего-нибудь приготовить . . .

Вѣсовщиковъ пристально посмотрѣлъ на хохла и вдругъ заявилъ:

— Я такъ полагаю, что нѣкоторыхъ людей надо убивать . . .

— Угу! А для чего? — спросилъ хохолъ.

— Чтобы ихъ не было . . .

— А у тебя есть право изъ живыхъ людей покойниковъ дѣлать?

— Есть. Люди дали . . .

Хохолъ, высокій и сухой, покачиваясь на ногахъ, стоялъ среди комнаты и смотрѣлъ на Николая сверху внизъ, сунувъ руки въ карманы, а Николай крѣпко сидѣлъ на стулѣ, окру-

женный облаками дыма, и на его сѣромъ лицѣ выступили красныя пятна.

— Люди, люди! — повторилъ онъ, сжимая кулакъ. — Ежели они даютъ мнѣ пинки, значитъ, и я имѣю право бить ихъ . . . по мордамъ . . . по глазамъ . . . подлымъ . . . Не тронь меня и я не трону. Дай мнѣ жить . . . какъ я хочу, я буду жить тихо, я никого не задѣну, ей Богу. Я, можетъ, желаю въ лѣсу жить. Выстрою себѣ хижину въ оврагѣ надъ ручьемъ и буду въ ней сидѣть . . . вообще — буду жить одинъ . . .

— Да иди и живи себѣ! — сказалъ хохолъ, пожимая плечами.

— Теперь? — спросилъ Николай. Онъ отрицательно покачалъ головой и отвѣтилъ, ударивъ кулакомъ по колѣну. — Теперь ужъ — нельзя!

— Кто-же мѣшаетъ?

— Люди! — отвѣтилъ Вѣсовщиковъ. — Я съ ними связанъ вплоть до смерти . . . они мнѣ сердце ненавистью оплели . . . и зломъ привязали меня къ себѣ . . . это крѣпко! Я ненавижу ихъ и никуда не пойду . . . буду мѣшать имъ жить. Они мнѣ мѣшаютъ, а я имъ. Я за себя отвѣчаю, только за себя . . . а больше ни за кого не могу отвѣтить . . . И если мой отецъ воръ . . .

— Ага! — тихо сказалъ хохолъ, подвигаясь къ Николаю.

— А Исаю Горбову я башку оторву . . . увидишь.

— За что? — спросилъ хохолъ.

— Не шпіонь, не доноси. Черезъ него отецъ погибъ . . . и черезъ него онъ теперь въ сыщики мѣтитъ . . . — съ угрюмой враждебностью, глядя на Андрея, говорилъ Вѣсовщиковъ.

— Вотъ оно что! — воскликнулъ хохолъ. — Но тебя за это кто обвинитъ? Дураки! . .

— И дураки и умники — однимъ миромъ мазаны! — твердо сказалъ Николай. — Вотъ ты умникъ и Павелъ тоже . . . а я для васъ развѣ такой-же человѣкъ, какъ Федька Мазинъ или Самойловъ, или оба вы другъ для друга? Не

ври, я не повѣрю, все равно . . . и всѣ вы отодвигаете меня въ сторону, на отдѣльное мѣсто . . .

— Болитъ у тебя душа, Николай! — тихо и ласково сказалъ хохолъ, садясь рядомъ съ нимъ.

— Болитъ. И у васъ болитъ . . . но ваши болячки кажутся вамъ благороднѣе моихъ . . . Всѣ мы сволочи другъ другу, вотъ что я скажу . . . А что ты мнѣ можешь сказать? Ну-ка?

Онъ уставился острыми глазами въ лицо Андрея и ждалъ, оскаливъ зубы. Его пестрое лицо было неподвижно, а по толстымъ губамъ пробѣгала дрожь, точно онъ ожегъ ихъ чѣмъ-то горячимъ, и жгучая боль сводитъ тѣло судорогами.

— Ничего я тебѣ не скажу! — заговорилъ хохолъ, тепло лаская враждебный взглядъ Вѣсовщикова свѣтлой и грустной улыбкой голубыхъ глазъ. — Я знаю — спорить съ человѣкомъ въ такой часъ, когда у него въ сердцѣ всѣ царапины кровью сочатся — это только обижать его . . . я знаю, братъ!

— Со мной нельзя спорить, я не умѣю! — пробормоталъ Николай, опуская глаза.

— Я думаю, — продолжалъ хохолъ, — каждый изъ насъ проходилъ голыми ногами по битому стеклу, каждый въ свой темный часъ дышалъ вотъ такъ, какъ ты . . .

— Ничего ты не можешь мнѣ сказать! — медленно проговорилъ Вѣсовщиковъ. — Ничего! У меня душа волкомъ воетъ! . .

— И не хочу! Только я знаю — это пройдетъ у тебя. Можетъ не совсѣмъ, а пройдетъ!

Онъ усмѣхнулся и продолжалъ, хлопнувъ Николая по плечу:

— Это, братъ, дѣтская болѣзнь . . . вродѣ кори . . . Всѣ мы ею болѣемъ . . . сильные — поменьше, слабые — побольше . . . Она тогда одолѣваетъ нашего брата, когда человѣкъ себя найдетъ, а жизни и своего мѣста — еще не понимаетъ . . . А когда мѣста своего не видишь и оцѣнить себя не можешь, — кажется тебѣ, что ты одинъ на землѣ

такой хорошій огурчикъ и никто тебя не хочетъ ни взвѣсить ни смѣрить, всѣ только съѣсть тебя хотятъ. Потомъ, пройдетъ немного времени, увидишь ты, что хорошій кусокъ твоей души и въ другихъ грудяхъ не хуже — тебѣ станетъ легче. И немножко совѣстно — зачѣмъ на колокольню лѣзъ, когда твой колокольчикъ такой маленькій, что и не слышно его во время праздничнаго звона? Дальше увидишь, что твой звонъ въ хору слышенъ, а въ одиночку — старые колокола топятъ его въ своемъ гулѣ, какъ муху въ маслѣ. Ты понимаешь, что я говорю?

— Можетъ быть — понимаю! — кивнувъ головой сказалъ Николай. — Только я — не вѣрю!

Хохолъ засмѣялся, вскочилъ на ноги, шумно забѣгалъ.

— Вотъ и я тоже не вѣрилъ . . . Ахъ ты . . . возъ!

— Почему — возъ? — сумрачно усмѣхнулся Николай, глядя на хохла.

— А — похожъ!

Вдругъ Вѣсовщиковъ громко засмѣялся, широко открывъ ротъ.

— Что ты? — удивленно спросилъ хохолъ, остановившись противъ него.

— А я подумалъ — вотъ дуракъ будетъ тотъ, кто тебя обидитъ! — заявилъ Николай, двигая головой.

— Да чѣмъ меня обидишь? — произнесъ хохолъ, пожимая плечами.

— Я не знаю! — сказалъ Вѣсовщиковъ, добродушно или снисходительно оскаливая зубы. — Я только про то, что очень ужъ совѣстно должно быть человѣку, послѣ того, какъ онъ обидитъ тебя.

— Вотъ куда тебя бросило! — смѣясь сказалъ хохолъ.

— Андрюша! — позвала мать изъ кухни. — Несите самоваръ, готовъ.

Андрей ушелъ.

Оставшись одинъ Вѣсовщиковъ оглянулся, вытянулъ ногу, одѣтую въ тяжелый сапогъ, посмотрѣлъ на нее, наклонился, пощупалъ руками толстую икру. Поднялъ руку къ

лицу, внимательно оглядѣлъ ладонь, потомъ повернулъ тыломъ. Рука была толстая, съ короткими пальцами и покрыта желтой шерстью. Онъ помахалъ ею въ воздухѣ, всталъ.

Когда Андрей внесъ самоваръ, Вѣсовщиковъ стоялъ передъ зеркаломъ и встрѣтилъ его такими словами:

— Давно я рожи своей не видалъ . . .

Ухмыльнулся и качая головой добавилъ:

— Скверная у меня рожа!

— А что тебѣ до этого? — спросилъ Андрей, любопытно взглянувъ на него.

— А вотъ Сашенька говоритъ — лицо зеркало души! — медленно выговорилъ Николай.

— И не вѣрно! — воскликнулъ хохолъ. — У нея носъ — крючкомъ, скулы — ножницами, а душа — какъ звѣзда.

Сѣли пить чай.

Вѣсовщиковъ взялъ большую картофелину, круто посолилъ кусокъ хлѣба и спокойно, медленно, какъ волъ, началъ жевать.

— А какъ тутъ дѣла? — спросилъ онъ, съ набитымъ ртомъ.

И когда Андрей весело разсказалъ ему о ростѣ пропаганды соціализма на фабрикѣ, онъ, снова сумрачный, глухо замѣтилъ:

— Долго все это, долго! Скорѣе надо . . .

Мать посмотрѣла на него, и въ ея груди тихо пошевелилось враждебное чувство къ этому человѣку.

— Жизнь не лошадь, ее кнутомъ не побьешь! — сказалъ Андрей.

Вѣсовщиковъ упрямо тряхнулъ головой.

— Долго! Не хватаетъ у меня терпѣнья . . . Что мнѣ дѣлать?

Онъ безпомощно развелъ руками, глядя въ лицо хохла и замолчалъ, ожидая отвѣта.

— Всѣмъ намъ нужно учиться и учить другихъ, вотъ наше дѣло! — проговорилъ Андрей, опуская голову.

Вѣсовщиковъ спросилъ:

— А когда драться будемъ?

— До того времени насъ не однажды побьютъ, это я знаю! — усмѣхаясь отвѣтилъ хохолъ. — А когда намъ придется воевать — не знаю! Прежде, видишь ты, надо голову вооружить, а потомъ руки, думаю я . . .

Николай замолчалъ и снова началъ ѣсть. Мать исподлобья незамѣтно разсматривала его широкое лицо, стараясь найти въ немъ что-нибудь, что помирило-бы ее съ тяжелой, квадратной фигурой Вѣсовщикова.

И, встрѣчая колющій взглядъ маленькихъ глазъ, она двигала бровями. Андрей хватался за голову и вообще велъ себя безпокойно — вдругъ начиналъ говорить, смѣялся и, внезапно обрывая рѣчь, свисталъ.

Матери казалось, что она понимаетъ его тревогу. А Николай сидѣлъ молча, и когда хохолъ спрашивалъ его о чемъ-либо, онъ отвѣчалъ кратко, съ явной неохотой.

Въ маленькой комнаткѣ двумъ ея жителямъ становилось душно, тѣсно и они, то одна, то другой, мелькомъ взглядывали на гостя.

Наконецъ онъ сказалъ, вставая:

— Я-бы спать легъ . . . А то сидѣлъ, сидѣлъ . . . вдругъ пустили, пошелъ . . . Усталъ . . .

Когда онъ ушелъ въ кухню и, повозившись немного, вдругъ точно умеръ тамъ, мать, прислушавшись къ тишинѣ, шепнула Андрею:

— О страшномъ онъ думаетъ . . .

— Тяжелый парень! — согласился хохолъ, качая головой. — Но это пройдетъ! Это у меня было . . . Когда не ярко въ сердцѣ горитъ — много сажи въ немъ накопляется. Ну, вы, ненько, ложитесь, а я посижу, почитаю еще.

Она ушла въ уголъ, гдѣ стояла кровать закрытая ситцевымъ пологомъ, и Андрей, сидя у стола, долго слышалъ теплый шелестъ ея молитвъ и вздоховъ. Быстро перекидывая страницы книги, онъ возбуженно потиралъ лобъ, кру-

тилъ усы длинными пальцами, шаркалъ ногами. Стучалъ маятникъ часовъ, за окномъ вздыхалъ, скользя по стекламъ, вѣтеръ.

Раздался тихій голосъ матери.

— О, Господи! Сколько людей на свѣтѣ . . . и всякъ по своему стонетъ . . . а гдѣ-же тѣ, которымъ радостно?

— Есть уже и такіе, есть! И скоро — много будетъ ихъ . . . эхъ, много! — отозвался хохолъ.

XXI.

Жизнь текла быстро, дни были пестры, разнолицы. Каждый приносилъ съ собой что-нибудь новое, и оно уже не тревожило мать. Все чаще по вечерамъ являлись незнакомые люди, они озабоченно, вполголоса, бесѣдовали съ Андреемъ и поздно ночью, поднявъ воротники, надвигая шапки низко на глаза, уходили во тьму, осторожные, безшумные. Въ каждомъ чувствовалось сдержанное возбужденіе, казалось, всѣ хотятъ пѣть и смѣяться, но имъ было некогда, они всегда торопились. Одни насмѣшливые и серьезные, другіе открыто веселые, сверкающіе силой юности, третьи задумчиво тихіе, — всѣ они имѣли въ глазахъ матери что-то одинаково настойчивое, увѣренное, и, хотя у каждаго было свое лицо — для нея всѣ лица сливались въ одно — худое, спокойно-рѣшительное, ясное лицо съ глубокимъ взглядомъ темныхъ глазъ, ласковымъ и строгимъ, точно взглядъ Христа на пути въ Эммаусъ.

Мать считала ихъ, мысленно собирая толпой вокругъ Павла, — въ этой толпѣ онъ становился незамѣтнымъ для глазъ враговъ.

Однажды изъ города явилась бойкая, кудрявая дѣвушка, она принесла для Андрея какой-то свертокъ и уходя сказала Власовой, блестя веселыми глазами:

— До свиданья, товарищъ!

— Прощайте! — сдержавъ улыбку, отвѣтила мать.

А проводивъ дѣвочку, подошла къ окну и смѣясь смо-

трѣла, какъ по улицѣ, часто сѣменя маленькими ножками, шелъ ея товарищъ, свѣжій, какъ весенній цвѣтокъ и легкій, какъ бабочка.

— Товарищъ! — сказала мать, когда гостья исчезла. — Эхъ ты, милая! Дай тебѣ, Господи, товарища честнаго на всю твою жизнь.

Она часто замѣчала во всѣхъ людяхъ изъ города что-то дѣтское и снисходительно усмѣхалась, но, въ тоже время, ее трогала и радостно удивляла ихъ вѣра, глубину которой она чувствовала все яснѣе, ее ласкали и грѣли ихъ мечты о торжествѣ справедливости, слушая которыя она невольно вздыхала въ невѣдомой печали. Но особенно трогала ее ихъ простота и красивая, щедрая небрежность къ самимъ себѣ.

Она уже многое понимала изъ того, что говорили они о жизни, чувствовала, что они, дѣйствительно, открыли вѣрный источникъ несчастья всѣхъ людей и привыкла соглашаться съ ихъ мыслями. Но въ глубинѣ души она не вѣрила, что они могутъ перестроить всю жизнь по своему и что хватитъ у нихъ силы привлечь на свой огонь весь рабочій народъ. Каждый хочетъ быть сытымъ сегодня и никто не желаетъ отложить свой обѣдъ даже на недѣлю, если можетъ съѣсть его сейчасъ. Не многіе пойдутъ этой дальней и трудной дорогой, не всѣ глаза увидятъ въ концѣ ея сказочное царство братства людей. Вотъ почему всѣ они, эти хорошіе люди, несмотря на ихъ бороды и, порою, усталыя лица, казались ей дѣтьми.

— Милые вы мои! — думала она покачивая головой.

Но всѣ они уже теперь жили хорошей, серьезной и умной жизнью, всѣ говорили о добромъ и, желая научить людей тому, что знали, дѣлали это не щадя себя. Она понимала, что такую жизнь можно любить, несмотря на ея опасность и, вздыхая, оглядывалась назадъ, гдѣ темной и узкой полосой плоско тянулось ея прошлое. У нея незамѣтно сложилось спокойное сознаніе своей надобности для этой

новой жизни — раньше она никогда не чувствовала себя нужной кому-нибудь, а теперь ясно видѣла, что нужна многимъ, это было ново, пріятно и приподняло ей голову . . .

Она аккуратно носила на фабрику книжки, смотрѣла на это, какъ на свою обязанность и уже выработала себѣ много ловкихъ пріемовъ, стала привычной для сыщиковъ, примелькалась имъ. Нѣсколько разъ ее обыскивали, но всегда на другой день послѣ того, какъ листки появлялись на фабрикѣ. Когда съ нею ничего не было, она умѣла возбудить подозрѣніе сыщиковъ и сторожей, они хватали ее, обшаривали, она притворялась обиженной, спорила съ ними и, пристыдивъ, уходила, гордая своей ловкостью. Ей начинала нравиться эта игра.

Вѣсовщикова на фабрику не приняли, онъ поступилъ въ работники къ торговцу лѣсомъ и цѣлые дни возилъ по слободкѣ бревна, тесъ и дрова. Мать почти каждый день видѣла его: круто упираясь дрожащими отъ натуги ногами въ землю, шла пара вороныхъ лошадей, обѣ онѣ были старыя, костлявыя, головы ихъ устало и печально качались, тусклые глаза измученно мигали. За ними тянулось, вздрагивая, длинное, мокрое бревно или груда досокъ, громко хлопая концами, а сбоку, опустивъ возжи, шагалъ Николай, оборванный, грязный, въ тяжелыхъ сапогахъ, въ шапкѣ на затылокъ, неуклюжій, точно пень, только что вывороченный изъ земли. Онъ тоже качаетъ головой, смотритъ себѣ подъ ноги и ничего не хочетъ видѣть. Его лошади слѣпо наѣзжаютъ на встрѣчныя телѣги, на людей, около него вьются, какъ шмели, сердитыя ругательства, рѣжутъ воздухъ злые окрики. Онъ, не поднимая головы, не отвѣчая имъ, свиститъ рѣзкимъ, оглушающимъ свистомъ и глухо бормочетъ лошадямъ:

— Ну, бери, бери . . .

Каждый разъ, когда у Андрея собирались товарищи на чтеніе новаго номера заграничной газеты или брошюры, приходилъ и Николай, садился въ уголъ и молча слушалъ часъ, два. Кончивъ чтеніе, молодежь долго спорила, но Вѣсовщиковъ не принималъ участія въ спорахъ. Онъ оставался

дольше всѣхъ и одинъ на одинъ съ Андреемъ, ставилъ ему угрюмый вопросъ:

— А кто всѣхъ виноватѣе?

— Виноватъ, видишь-ли, тотъ, кто первый сказалъ — это мое! Человѣкъ этотъ померъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ и на него сердиться не стоитъ! — шутя говорилъ хохолъ, но глаза его смотрѣли безпокойно.

— А богатые? А тѣ, которые за нихъ стоятъ? Они правы?

Хохолъ хватался за голову, дергалъ усы и долго говорилъ простыми словами о жизни и людяхъ. Но у него всегда выходило такъ, какъ будто виноваты всѣ люди вообще и это не удовлетворяло Николая. Плотно сжавъ толстыя губы, онъ отрицательно качалъ головой и, недовѣрчиво заявляя, что это не такъ, онъ уходилъ недовольный и мрачный.

Однажды онъ сказалъ:

— Нѣтъ, виноватые должны быть . . . они тутъ! Я тебѣ скажу — намъ надо всю жизнь перепахать, какъ сорное поле . . . безъ пощады!

— Вотъ такъ однажды Исай табельщикъ про васъ говорилъ! — вспомнила мать.

— Исай? — спросилъ Вѣсовщиковъ, помолчавъ.

— Да. Злой человѣкъ! Подсматриваетъ за всѣми, выспрашиваетъ . . . по нашей улицѣ сталъ ходитъ и въ окна къ намъ заглядывать . . .

— Заглядываетъ? — повторилъ Николай.

Мать уже лежала въ постели и не видѣла его лица. Но она поняла, что сказала что-то лишнее, потому что хохолъ торопливо и примирительно заговорилъ:

— А пускай его ходитъ и заглядываетъ! Есть у него свободное время — онъ и гуляетъ . . .

— Нѣтъ, погоди! — глухо сказалъ Николай. — Вотъ онъ, виноватый!

— Въ чемъ? — быстро спросилъ хохолъ. — Что онъ глупъ?

Но Вѣсовщиковъ не сталъ отвѣчать ему и ушелъ.

Хохолъ медленно и устало зашагалъ по комнатѣ, тихо шаркая тонкими, паучьими ногами. Сапоги онъ снялъ, всегда дѣлая это, чтобы не стучать и не безпокоить Власову. Но она не спала и, когда Николай ушелъ, сказала тревожно:

— Боюсь я его! Онъ точно печь, жарко натопленная, не грѣетъ, а жжетъ . . .

— Да-а! . . — медленно протянулъ хохолъ. — Мальчикъ сердитый. Вы, ненько, про Исая съ нимъ не говорите . . . этотъ Исай дѣйствительно шпіонитъ . . . и даже деньги за это беретъ!

— Что мудренаго? У него кумъ жандармъ! — замѣтила мать.

— Пожалуй, поколотитъ его Николай! — съ опасеніемъ продолжалъ хохолъ. — Вотъ, видите, какія чувства воспитали господа командиры нашей жизни у нижнихъ чиновъ? Когда такіе люди, какъ Николай, почувствуютъ свою обиду и вырвутся изъ терпѣнья . . . что это будетъ? Небо кровью забрызгаютъ, и земля въ ней, какъ мыло вспѣнится . . .

— Страшно, Андрюша! — тихо воскликнула мать.

— Не глотали-бы мухъ, такъ не вырвало-бы! — помолчавъ сказалъ Андрей. — И всетаки, ненько, каждая капля ихъ крови заранѣе омыта озерами народныхъ слезъ . . .

Онъ вдругъ тихо засмѣялся и добавилъ:

— Это справедливо . . . но — не утѣшаетъ!

XXII.

Однажды въ праздникъ мать пришла изъ лавки, отворила дверь и встала на порогѣ, вся вдругъ облитая радостью, точно теплымъ, лѣтнимъ дождемъ, — въ комнатѣ звучалъ крѣпкій голосъ Павла.

— Вотъ она! — крикнулъ хохолъ.

Мать видѣла, какъ быстро обернулся Павелъ и видѣла, что его лицо вспыхнуло чувствомъ, обѣщавшимъ что-то большое для нея.

— Вотъ и пришелъ . . . и дома . . . — забормотала она, растерявшись отъ неожиданности, и сѣла.

Онъ наклонился къ ней блѣдный, въ углахъ его глазъ свѣтло сверкали маленькія слезинки, и губы вздрагивали. Секунду онъ молчалъ, мать смотрѣла на него тоже молча.

Хохолъ, тихо насвистывая, прошелъ мимо нихъ, опустивъ голову, и вышелъ на дворъ.

— Спасибо, мама! — глубокимъ, низкимъ голосомъ заговорилъ Павелъ, тиская ея руку вздрагивающими пальцами. — Спасибо, родная!

Радостно потрясенная выраженіемъ лица и звукомъ голоса сына, она гладила его голову и сдерживая біеніе сердца тихонько говорила:

— Христосъ съ тобой! . . За что . . . зачѣмъ?

— За то, что помогаешь великому нашему дѣлу — спасибо! — говорилъ онъ. — Когда человѣкъ можетъ назвать мать свою и по духу родной — это рѣдкое счастье!

Она молча и жадно глотала его слова открытымъ сердцемъ и любовалась сыномъ, онъ стоялъ передъ нею такой свѣтлый и такъ близкій.

— Я молчалъ, мама . . . я видѣлъ — многое въ моей жизни задѣваетъ тебя . . . жалко мнѣ было душу твою, а сдѣлать я ничего не могъ, не умѣлъ! Думалъ — никогда ты не помиришься съ нами, не примешь наши мысли, какъ свои . . . а только молча будешь терпѣть, какъ всю жизнь терпѣла. Это тяжело было! . .

— Андрюша очень много далъ мнѣ понять! — вставила она, повинуясь желанію напомнить сыну о товарищѣ.

— Онъ мнѣ разсказывалъ про тебя! — смѣясь сказалъ Павелъ.

— Егоръ тоже. Мы съ нимъ земляки . . . Андрюша даже грамотѣ хотѣлъ учить . . .

— А ты сконфузилась и сама потихоньку стала учиться? . .

— Ужъ онъ подглядѣлъ! — смущенно воскликнула она.

И обезпокоенная обиліемъ радости, наполнявшей ея грудь, снова предложила Павлу:

— Позвать-бы его! Нарочно ушелъ, чтобы не мѣшать. У него — матери нѣтъ . . .

— Андрей! . . — крикнулъ Павелъ, отворяя дверь въ сѣни. — Ты гдѣ?

— Здѣсь. Дрова колоть хочу . . .

— Время! . . Иди сюда!

— Иду . . .

Но онъ пришелъ не сразу, а войдя въ кухню хозяйственно заговорилъ:

— Надо сказать Николаю, чтобы дровъ привезъ, мало дровъ у насъ. Вы видите, ненько, какой онъ, Павелъ? Вмѣсто того, чтобы наказывать, начальство только откармливаетъ бунтарей . . .

Мать засмѣялась. У нея еще сладко замирало сердце, она была опьянена радостью, но уже что-то скупое и осторожное вызывало въ ней желаніе видѣть сына спокойнымъ, такимъ, какъ всегда. Было слишкомъ хорошо въ душѣ, и она хотѣла, чтобы первая радость ея жизни сразу и навсегда сложилась въ сердцѣ такой живой и сильной, какъ пришла. И опасаясь, какъ-бы не убавилось счастья, она торопилась скорѣе прикрыть его, точно птицеловъ, случайно пойманную имъ рѣдкую птицу.

— Давайте обѣдать! . . Ты, Паша, вѣдь не ѣлъ еще? — суетливо предложила она.

— Нѣтъ. Я вчера узналъ отъ надзирателя, что меня рѣшили выпустить и сегодня — не пилось, не ѣлось . . .

— Перваго встрѣтилъ я здѣсь старика Сизова . . . — разсказывалъ Павелъ. — Увидалъ онъ меня, перешелъ дорогу, здоровается. Я ему говорю — вы теперь осторожнѣе со мной, я человѣкъ опасный, нахожусь подъ надзоромъ полиціи. Ничего, говоритъ. И знаешь, какъ онъ спросилъ о племянникѣ? Что, говоритъ, Федоръ хорошо себя велъ? Что значитъ — хорошо себя вести въ тюрьмѣ? Ну, говоритъ, лишняго чего не болталъ-ли противъ товарищей? И

когда я сказалъ, что Федя человѣкъ честный и умница, онъ погладилъ бороду и гордо такъ заявилъ — мы, Сизовы, въ своей семьѣ плохихъ людей не имѣемъ . . .

— Онъ старикъ съ мозгомъ! — сказалъ хохолъ, кивая головой. — Мы съ нимъ часто разговариваемъ, хорошій мужикъ. Скоро Федю выпустятъ?

— Всѣхъ выпустятъ, я думаю! У нихъ ничего нѣтъ, кромѣ показаній Исая, а онъ что-же могъ сказать?

Мать ходила взадъ и впередъ и смотрѣла на сына, Андрей, слушая его разсказы, стоялъ у окна, заложивъ руки за спину. Павелъ расхаживалъ по комнатѣ. У него отросла борода, мелкія кольца тонкихъ, темныхъ волосъ густо вились на щекахъ, смягчая смуглый цвѣтъ лица. Потемнѣвшіе глаза смотрѣли строго.

— Садитесь! — предложила мать, подавая на столъ горячее.

За обѣдомъ Андрей разсказалъ о Рыбинѣ. И когда онъ кончилъ, Павелъ съ сожалѣніемъ воскликнулъ:

— Будь я дома — я-бы не отпустилъ его такъ! Что онъ понесъ съ собой? Большое чувство возмущенія и путаницу въ головѣ.

— Ну, — сказалъ хохолъ, усмѣхаясь, — когда человѣку сорокъ лѣтъ, да онъ самъ долго боролся съ медвѣдями въ своей душѣ — трудно его передѣлать . . .

Завязался одинъ изъ тѣхъ споровъ, когда люди начинали говорить словами непонятными для матери. Кончили обѣдать, а все еще ожесточенно осыпали другъ друга трескучимъ градомъ мудреныхъ словъ. Иногда говорили просто.

— Мы должны идти нашей дорогой, ни на шагъ не отступая въ сторону! — твердо заявлялъ Павелъ.

— И наткнуться въ пути на нѣсколько десятковъ милліоновъ людей, которые встрѣтятъ насъ, какъ враговъ . . .

Мать прислушивалась къ спору и понимала, что Павелъ не любитъ крестьянъ, а хохолъ заступается за нихъ, доказывая, что и мужиковъ добру учить надо. Она больше понимала Андрея, и онъ казался ей правымъ, но всякій

разъ, когда онъ говорилъ Павлу что-нибудь, она, насторожась и задерживая дыханіе, ждала отвѣта сына, чтобы скорѣе узнать не обидѣлъ-ли его хохолъ? Но они кричали другъ на друга не обижаясь.

Иногда мать спрашивала сына:

— Такъ-ли, Паша?

Улыбаясь онъ отвѣчалъ:

— Такъ!

— Вы, господинъ, — съ ласковымъ ехидствомъ говорилъ хохолъ, — сыто поѣли, да плохо жевали и у васъ въ горлѣ кусокъ стоитъ . . . Прополощите горлышко . . .

— Не дури! . . — посовѣтовалъ Павелъ.

— Да я какъ на панихидѣ! . .

Мать тихо посмѣиваясь качала головой . . .

XXIII.

Приближалась весна, таялъ снѣгъ, обнажая грязь и копоть фабричныхъ трубъ, скрытую въ его глубинѣ. Съ каждымъ днемъ грязь настойчивно лѣзла въ глаза, и вся слободка казалась одѣтой въ лохмотья, неумытой. Днемъ капало съ крышъ, устало и потно дымились сѣрыя стѣны домовъ, а къ ночи вездѣ смутно бѣлѣли ледяныя сосульки. Все чаще на небѣ являлось солнце. И рѣшительно, тихо начинали журчать ручьи, сбѣгая къ болоту. Въ полдень надъ слободкой ласково дрожала трепетная пѣсня вешнихъ надеждъ.

Готовились праздновать первое Мая.

На фабрикѣ и по слободкѣ летали листки, объяснявшіе значеніе этого праздника, и даже незадѣтая пропагандой молодежь говорила, читая ихъ:

— Это надо устроить!

Вѣсовщиковъ угрюмо усмѣхаясь восклицалъ:

— Пора! Будетъ ужъ въ прятки играть!

Радовался Федя Мазинъ. Сильно похудѣвшій, онъ сталъ похожъ на жаворонка въ клѣткѣ, нервнымъ трепетомъ своихъ

движеній и рѣчей. Его всегда сопровождалъ молчаливый и не по годамъ серьезный Яковъ Сомовъ, работавшій теперь въ городѣ. Самойловъ, еще болѣе порыжѣвшій въ тюрьмѣ. Василій Гусевъ, Букинъ, Драгуновъ, и еще нѣкоторые, доказывали необходимость идти съ оружіемъ, но Павелъ, хохолъ, Сомовъ и другіе спорили съ ними.

Являлся Егоръ, всегда усталый, потный, задыхающійся и шутилъ:

— Работа по измѣненію существующаго строя — великая работа, товарищи, но для того, чтобы она шла успѣшнѣе, я долженъ купить себѣ новые сапоги! — говорилъ онъ, указывая на свои рваныя и мокрыя ботинки. — Галоши у меня тоже неизлечимо разорвались, и каждый день я промачиваю себѣ ноги. Я не хочу переѣхать въ нѣдра земли ранѣе, чѣмъ мы отречемся отъ стараго міра публично и явно, а потому, отклоняя предложеніе товарища Самойлова о вооруженной демонстраціи, предлагаю вооружить меня крѣпкими сапогами, ибо глубоко убѣжденъ, что это полезнѣе для торжества соціализма, чѣмъ даже очень большое мордобитіе! . .

Такимъ-же вычурнымъ языкомъ онъ разсказывалъ рабочимъ исторіи о томъ, какъ въ разныхъ странахъ народъ пытался облегчить свою жизнь. Мать любила слушать его рѣчи и она вынесла изъ нихъ странное впечатлѣніе — самыми хитрыми врагами народа, которые наиболѣе жестоко и часто обманывали его, были маленькіе, пузатые, краснорожіе человѣчки, безсовѣстные и жадные, хитрые и жестокіе. Когда имъ жилось трудно подъ властью царей, они натравливали черный народъ на царскую власть, а когда народъ поднимался и вырывалъ эту власть изъ рукъ короля, человѣчки обманомъ забирали ее въ свои руки и разгоняли народъ по конурамъ, если-же онъ спорилъ съ ними — избивали его сотнями и тысячами.

Однажды, собравшись съ духомъ, она разсказала ему эту картину жизни, созданную его рѣчами и, смущенно смѣясь, спросила:

— Такъ-ли, Егоръ Иванычъ?

Онъ хохоталъ, закатывая глазки, задыхался, растиралъ грудь руками.

— Воистину такъ, бабуля! Вы схватили за рога коренного быка исторіи . . . На этомъ желтенькомъ фонѣ есть нѣкоторые орнаменты, т. е. вышивки, но они дѣла не мѣняютъ! Именно толстенькіе человѣчки главные грѣховники и самыя ядовитыя насѣкомыя, кусающія народъ. Французы удачно называютъ ихъ буржуа. Запомните, милая бабуля, бур-жуа. Жуютъ они насъ, жуютъ и высасываютъ . . .

— Богатые, значитъ? — спросила мать.

— Вотъ именно! Въ этомъ ихъ несчастіе. Если, видите вы, въ пищу ребенка прибавлять понемногу мѣди, это задерживаетъ ростъ его костей, и онъ будетъ карликомъ, а если съ молоду отравлять человѣка золотомъ, душа у него становится маленькая, мертвенькая и сѣрая, совсѣмъ какъ резиновый мячъ, цѣною въ пятачекъ . . .

Однажды, говоря о Егорѣ, Павелъ сказалъ:

— А знаешь, Андрей, всего больше тѣ люди шутятъ, у которыхъ всегда сердце ноетъ . . .

Хохолъ помолчалъ и, прищуривъ глаза, отвѣтилъ:

— Это не такъ! Будь твоя правда, вся Россія со смѣху помирала бы . . .

Появилась Наташа, она тоже сидѣла въ тюрьмѣ, гдѣ-то въ другомъ городѣ, но это не измѣнило ее. Мать замѣтила, что при ней хохолъ становился веселѣе, сыпалъ шутками, задиралъ всѣхъ своимъ мягкимъ ехидствомъ, возбуждая у нея веселый смѣхъ. Но, когда она уходила, онъ начиналъ грустно насвистывать свои безконечныя пѣсни и долго расхаживалъ по комнатѣ, уныло шаркая ногами.

Часто прибѣгала Саша, всегда нахмуренная, всегда торопливая и почему-то все болѣе угловатая, рѣзкая.

Какъ-то разъ, когда Павелъ вышелъ въ сѣни провожать ее и не затворилъ дверь за собой, мать услыхала быстрый разговоръ:

— Вы понесете знамя? — тихо спросила дѣвушка.

— Я.

— Это рѣшено?

— Да. Это мое право.

— Снова тюрьма?!

Павелъ молчалъ.

— Вы не могли-бы . . . — начала она и остановилась.

— Что? — спросилъ Павелъ.

— Уступить другому . . .

— Нѣтъ! — громко сказалъ онъ.

— Подумайте . . . вы такой вліятельный . . . васъ любятъ . . . вы и Находка первые здѣсь . . . сколько можете сдѣлать на свободѣ . . . подумайте! А вѣдь за это васъ сошлютъ . . . далеко . . . надолго!

Матери показалось, что въ голосѣ дѣвушки звучатъ знакомыя чувства — тоска и страхъ. И слова Саши стали падать на сердце ей, точно крупныя капли ледяной воды.

— Нѣтъ, я рѣшилъ! — сказалъ Павелъ. — Отъ этого я не откажусь ни за что.

— Даже если я буду просить . . . если я . . .

Павелъ вдругъ заговорилъ быстро и какъ-то особенно строго.

— Вы не должны такъ говорить . . . что вы? Вы не должны!

— Я человѣкъ! — тихонько сказала она.

— Хорошій человѣкъ! — тоже тихо, но какъ-то особенно, точно онъ задыхался, заговорилъ Павелъ. — Дорогой мнѣ человѣкъ . . . да! И поэтому . . . поэтому не надо такъ говорить . . .

— Прощай! — сказала дѣвушка.

По стуку ея каблуковъ, мать поняла, что она пошла быстро, почти побѣжала. Павелъ ушелъ за ней во дворъ.

Тяжелый, давящій испугъ обнялъ грудь матери. Она не понимала о чемъ говорилось, но чувствовала, что впереди ее ждетъ новое горе, большое и мрачное. И мысль ея остановилась на вопросѣ:

— Что онъ хочетъ дѣлать?

Остановилась и замерла, войдя въ мозгъ, точно гвоздь.

Павелъ вошелъ со двора вмѣстѣ съ Андреемъ, и хохолъ говорилъ, качая головой.

— Эхъ, Исайка, Исайка . . . что съ нимъ дѣлать?

— Надо посовѣтовать ему, чтобы онъ оставилъ свои затѣи! — хмуро сказалъ Павелъ.

— Паша, что ты хочешь дѣлать? — спросила мать, опустивъ голову.

— Когда? Сейчасъ?

— Перваго . . . перваго Мая . . .

— Ага! — воскликнулъ Павелъ, понизивъ голосъ. — Я понесу знамя наше . . . пойду съ нимъ впереди всѣхъ. За это меня, вѣроятно, снова посадятъ въ тюрьму.

Глазамъ матери стало горячо и во рту у нея явилась непріятная сухость. Онъ взялъ ея руку, погладилъ.

— Это мнѣ нужно, пойми! Въ этомъ — счастье!

— Я ничего не говорю! — сказала она, медленно поднявъ голову. И когда глаза ея встрѣтились съ упрямымъ блескомъ его глазъ, снова согнула шею.

Онъ выпустилъ ея руку, вздохнулъ и заговорилъ съ упрекомъ.

— Не горевать тебѣ, а радоваться надо-бы . . . Когда будутъ матери, которыя и на смерть пошлютъ своихъ дѣтей съ радостью? . .

— Гопъ, гопъ! . . — заворчалъ хохолъ. — Поскакалъ нашъ панъ, подоткнувъ кафтанъ! . .

— Развѣ я говорю что-нибудь? — повторила мать. — Я тебѣ не мѣшаю . . . А если жалко мнѣ тебя . . . это ужъ материнское! . .

Онъ отступилъ отъ нея, и она услыхала жесткія, острыя слова.

— Есть любовь, которая мѣшаетъ человѣку жить . . .

Вздрогнувъ, боясь, что онъ скажетъ еще что-нибудь отталкивающее ея сердце, она быстро заговорила.

— Не надо, Паша! Я понимаю . . . иначе тебѣ нельзя . . . для товарищей . . .

— Нѣтъ! — сказалъ онъ. — Я это для себя . . . Можно не идти, но я хочу и пойду!

Въ дверяхъ всталъ Андрей — онъ былъ выше двери и теперь, стоя въ ней, какъ въ рамѣ, странно подогнулъ колѣни, опираясь однимъ плечомъ о косякъ, а другое, шею и голову выставивъ впередъ.

— Вы бы перестали балакать, господинъ! — сказалъ онъ, угрюмо остановивъ на лицѣ Павла свои выпуклые глаза. Онъ былъ похожъ на ящерицу, въ щели камня.

Матери хотѣлось плакать. Не желая, чтобы сынъ видѣлъ ея слезы, она вдругъ забормотала:

— Ай батюшки . . . забыла я . . .

И вышла въ сѣни. Тамъ, ткнувшись головой въ уголъ, она дала просторъ слезамъ своей обиды и плакала молча, беззвучно, слабѣя отъ слезъ такъ, какъ будто вмѣстѣ съ ними вытекала кровь изъ сердца ея.

А сквозь неплотно закрытую дверь на нее ползли глухіе звуки спора.

— Ты что-жъ, любуешься собой мучая ее? — спрашивалъ хохолъ.

— Ты не имѣешь права такъ говорить! — крикнулъ Павелъ.

— Хорошъ былъ-бы я товарищъ тебѣ, если-бы молчалъ, видя твои глупые, козлиные прыжки! . . Ты зачѣмъ это сказалъ? Понимаешь?

— Нужно всегда твердо говорить и да, и нѣтъ!

— Это ей?

— Всѣмъ! Не хочу ни любви, ни дружбы, которая цѣпляется за ноги, удерживаетъ . . .

— Герой! Утри носъ! Утри и — пойди, скажи все это Сашенькѣ . . . Это ей надо было сказать . . .

— Я сказалъ! . .

— Такъ? Врешь! Ей ты говорилъ ласково, ей говорилъ нѣжно . . . я не слыхалъ, а — знаю! . . А передъ

матерью выявилъ героизмъ . . . какъ-же! Но, пойми, козелъ, — героизмъ твой стоитъ грошъ!

Власова начала быстро стирать слезы со своихъ щекъ. Она испугалась, что хохолъ обидитъ Павла, поспѣшно отворила дверь и входя въ кухню, вся дрожащая, полная горя и страха, громко заговорила:

— У-у . . . холодно! А весна . . .

Безцѣльно перекладывая въ кухнѣ съ мѣста на мѣсто разныя вещи, стараясь заглушить пониженные голоса въ комнатѣ, она продолжала громче:

— Все перемѣнилось . . . люди стали горячѣе, погода холоднѣе . . . Бывало, въ это время тепло стоитъ, небо ясное, солнышко . . .

Въ комнатѣ замолчали. Она остановилась среди кухни, ожидая.

— Слышалъ? — раздался тихій вопросъ хохла. — Это надо понять . . . чортъ! Тутъ, — богаче, чѣмъ у тебя . . .

— Чайку попьете? — вздрагивающимъ голосомъ спросила она. И не ожидая отвѣта, чтобы скрыть эту дрожь, воскликнула:

— Что это, какъ озябла я!

Къ ней медленно вышелъ Павелъ. Онъ смотрѣлъ исподлобья, съ улыбкой, виновато дрожавшей на его губахъ.

— Прости меня, мать! — негромко сказалъ онъ. — Я еще мальчишка . . . дуракъ . . .

— Не тронь ты меня! — тоскливо крикнула она, прижимая его голову къ своей груди. — Не говори ничего . . . Господь съ тобой — твоя жизнь — твое дѣло! Но не задѣвай сердца! Развѣ можетъ мать не жалѣть? Не можетъ . . . всѣхъ жалко мнѣ . . . Ахъ, всѣ вы — родные . . . всѣ — достойные! . . И кто пожалѣетъ васъ, кромѣ меня? . . Ты идешь — за тобой — другіе . . . все бросили, пошли . . . пошли, Паша!

Билась въ груди ея большая, горячая мысль, окрыляла ей сердце вдохновленнымъ чувствомъ тоскливой, страдальческой радости, но мать не находила словъ и въ мукѣ своей

нѣмоты, взмахивая рукой, смотрѣла въ лицо сына глазами, горѣвшими яркой и острой болью . . .

— Ладно, мама! Прости . . . вижу я! — тихо пробормоталъ онъ, опуская голову и съ улыбкой, мелькомъ взглянувъ на нее, прибавилъ, отвернувшись, смущенный, но обрадованный.

— Этого я не забуду . . . честное слово!

Она отстранила его отъ себя и, заглядывая въ комнату, сказала Андрею просительно ласково:

— Андрюша! Вы не кричите на него . . . Вы, конечно, старше . . . вы ужъ . . .

Стоя спиной къ ней и не двигаясь, хохолъ странно и смѣшно зарычалъ.

— У-у-у . . . Буду орать на него! . . да еще и бить буду!

Она медленно шла къ нему протягивая руку и говорила:

— Милый вы мой человѣкъ . . .

Хохолъ обернулся, наклонилъ голову, точно быкъ, и стиснувъ за спиной руки прошелъ мимо нея въ кухню. Оттуда раздался его голосъ, сумрачно насмѣшливый:

— Уйди, Павелъ, чтобы я тебѣ голову не откусилъ! Это я шучу, ненько, вы не вѣрьте! Вотъ я поставлю самоваръ. Да! Угли-же у насъ . . . Сырые, ко всѣмъ чертямъ ихъ!

Онъ замолчалъ . . . Когда мать вышла въ кухню, онъ сидѣлъ на полу, раздувая самоваръ. Не глядя на нее, хохолъ началъ снова:

— Вы не бойтесь, я его не трону! Я вѣдь добрый и мягкій . . . какъ пареная рѣпа! И я . . . Эй, ты, герой, не слушай, — я его люблю! Но я жилетку его не люблю . . . Онъ, видите, надѣлъ новую жилетку и она ему очень нравится, вотъ онъ ходитъ, выпуча животъ, и всѣхъ толкаетъ — а посмотрите, какая у меня жилетка! Она хорошая, вѣрно, но зачѣмъ толкаться? И безъ того тѣсно.

Павелъ усмѣхнувшись спросилъ:

— Долго будешь ворчать? Далъ мнѣ одну трепку . . . довольно-бы!

Сидя на полу, хохолъ вытянулъ ноги по обѣ стороны самовара и смотрѣлъ на него. Мать стояла у двери, ласково и грустно остановивъ глаза на кругломъ затылкѣ Андрея и длинной, согнутой шеѣ его. Онъ откинулъ корпусъ назадъ, уперся руками въ полъ, взглянулъ на мать и сына немного покраснѣвшими глазами и мигая, негромко сказалъ:

— Хорошіе вы человѣки . . . да!

Павелъ наклонился, схватилъ его руку.

— Не дергай! — глухо сказалъ хохолъ. — Такъ ты меня уронишь . . .

— Что стѣсняетесь? — грустно сказала мать. — Поцѣловались-бы . . . обнялись-бы крѣпко, крѣпко . . .

— Хочешь? — спросилъ Павелъ.

— Можно! — отвѣтилъ хохолъ, поднимаясь.

А Павелъ опустился на колѣни, и, крѣпко обнявшись, они на секунду замерли — два тѣла — одна душа, горячо и ровно горѣвшая глубокимъ чувствомъ дружбы.

По лицу матери текли слезы, но уже легкія. Отирая ихъ, она смущенно сказала:

— Любитъ баба плакать . . . съ горя плачетъ, съ радости — плачетъ! . .

Хохолъ оттолкнулъ Павла мягкимъ движеніемъ и тоже вытирая глаза пальцами, заговорилъ:

— Будетъ! Порѣзвились телята, пора въ жареное . . . Ну и чертовы-же угли! Раздувалъ, раздувалъ . . . засорилъ себѣ глаза . . .

Павелъ, опустивъ голову, сѣлъ къ окну и тихо сказалъ:

— Такихъ слезъ не стыдно . . .

Мать подошла къ нему, сѣла рядомъ. Ея сердце тепло и мягко одѣлось бодрымъ чувствомъ. Было грустно ей, но пріятно и спокойно.

— Все равно! — думала она, тихо гладя руку сына. — Иначе нельзя . . . такъ нужно!

И еще какія-то обыденныя, давно привычныя слова вертѣлись въ ея памяти, но они не обнимали собою того, что переживала она въ эти минуты.

— Я соберу посуду . . . вы себѣ сидите, ненько! — сказалъ хохолъ, поднимаясь съ пола и уходя въ комнату. — Отдыхайте! Натолкали вамъ грудь . . .

И въ комнатѣ раздался его пѣвучій, повышенный голосъ:

— Не хорошо это — хвастаться, а, все-же, славно почувствовали мы жизнь сейчасъ . . . настоящую, человѣческую, любовную жизнь! . .

— Да! — сказалъ Павелъ, взглянувъ на мать.

— Все другое стало! — отозвалась она. — Горе другое, радость — другая . . . Я ужъ и не знаю . . . не понимаю того, чѣмъ живу . . . и словами не могу сказать ничего!

— Все другое . . . Да, такъ и должно быть! — говорилъ хохолъ. — Потому что ростетъ новое сердце, ненько моя милая, новое сердце въ жизни ростетъ. Всѣ сердца разбиты различіемъ интересовъ, всѣ обглоданы слѣпой жадностью, покусаны завистью, избиты, изранены и сочатся гноемъ . . . ложью, трусостью . . . Всѣ люди больные, жить боятся, ходятъ какъ въ туманѣ . . . каждый знаетъ только, какъ его зубъ болитъ. Но вотъ идетъ человѣкъ, освѣщаетъ жизнь огнемъ разума и кричитъ, зоветъ — эй, вы, тараканы, заблудшіе! Пора уже понять вамъ, что у всѣхъ одинъ интересъ, всѣмъ жить надо, всѣ рости хотятъ! Одинъ онъ, этотъ человѣкъ зовущій, и потому кричитъ громко, ему друзей надо, ему пусто одному-то, пусто и холодно! И по зову его, всѣ сердца здоровыми своими кусками слагаются въ одно огромное сердце, сильное, глубокое, чуткое, какъ серебряный колоколъ . . . котораго еще не было отлито! Вотъ онъ благовѣститъ намъ, этотъ колоколъ — соединяйтесь люди всѣхъ странъ въ одну семью! Любовь — мать жизни, а не злоба! . . Я, братья мои, слышу этотъ звонъ въ мірѣ!

— Я — тоже! — громко сказалъ Павелъ.

Мать плотно сжимала губы, чтобы онѣ не дрожали, и крѣпко закрыла глаза, чтобы не плакали они.

— Лежу я ночью или иду куда-нибудь одинъ — отовсюду слышу этотъ звонъ . . . и хорошо мнѣ! Знаю — устала земля отъ неправды и горя . . . и тоже гудитъ вся, точно

колоколъ, отзывается на этотъ благовѣстъ . . . сладко вздрагиваетъ встрѣчу новому солнцу восходящему въ человѣкѣ, въ груди его!

Павелъ всталъ, онъ поднялъ руку, хотѣлъ что-то сказать, но мать взяла его за другую руку и, потянувъ ее внизъ, прошептала:

— Не мѣшай ему . . .

— Знаете? — сказалъ хохолъ, стоя въ двери и свѣтло блестя глазами. — Много горя впереди у людей, много еще крови выжмутъ изъ нихъ жадныя руки . . . но все это, все горе и кровь моя — малая цѣна за то, что уже есть въ груди у меня, въ мозгу моемъ . . . въ мозгѣ моихъ костей! Я уже богатъ, какъ звѣзда лучами . . . я все снесу, все вытерплю . . . потому что — есть во мнѣ радость, которой никто, ничто, никогда не убьетъ! Въ этой радости — сила!

Пили чай, сидѣли за столомъ до полуночи, ведя задушевную и тихо стройную бѣсѣду о жизни, о людяхъ, о будущемъ.

И, когда мысль была ясна ей, мать, вздохнувъ, брала изъ прошлаго своего что-нибудь, всегда тяжелое и грубое, и этимъ камнемъ со своего сердца подкрѣпляла мысль.

Въ тепломъ потокѣ задушевной бесѣды страхъ ея растаялъ, исчезъ, теперь она чувствовала себя такъ, какъ въ тотъ день, когда отецъ ея сурово сказалъ ей:

— Нечего рожу кривить! Нашелся дуракъ, беретъ тебя замужъ — иди! Всѣ дѣвки замужъ выходятъ, всѣ бабы дѣтей родятъ, всѣмъ родителямъ дѣти — горе! Ты что — не человѣкъ?

Послѣ этихъ словъ она увидѣла передъ собой неизбѣжную тропу, которая безотвѣтно тянулась вокругъ пустого, темнаго мѣста. И неизбѣжность идти этой тропой наполнила ея грудь слѣпымъ покоемъ. Такъ и теперь. Но чувствуя приходъ новаго горя, она внутри себя говорила кому-то:

— На-те, возьмите!

Это облегчало тихую боль ея сердца, которая, вздрагивая, пѣла въ груди ея, какъ тугая струна.

И въ глубинѣ ея души, взволнованной печалью ожиданія, не сильно, но не угасая, теплилась надежда, что всего у нея не возьмутъ, не вырвутъ . . . Что-то останется . . .

XXIV.

Рано утромъ, едва только Павелъ и Андрей ушли, въ окно тревожно постучала Корсунова и торопливо крикнула:

— Исая убили! Идемъ смотрѣть . . .

Мать вздрогнула, въ умѣ ея искрой мелькнуло имя убійцы.

— Кто? — коротко спросила она, накидывая на плечи шаль.

— Онъ не сидитъ тамъ, надъ Исаемъ-то, кокнулъ, да и ушелъ! . . — отвѣтила Марья.

На улицѣ она сказала:

— Теперь опять начнутъ рыться, виноватаго искать. Хорошо, что твои ночью дома были — я этому свидѣтельница . . . Послѣ полночи мимо шла, въ окно въ вамъ заглянула, всѣ вы за столомъ сидѣли . . .

— Что ты, Марья? Развѣ на нихъ можно подумать? — испуганно воскликнула мать.

— А кто его убилъ? Ужъ навѣрно ваши! — убѣжденно сказала Корсунова. — Извѣстно всѣмъ, что выслѣживалъ онъ ихъ . . .

Мать остановилась задыхаясь, приложила руку къ груди.

— Да ты что? Ты не бойся! . . По дѣломъ вору и мука . . . Идемъ скорѣе, а то увезутъ его! . .

Мать шагала, не спрашивая себя зачѣмъ она идетъ, и ее пошатывала, толкая, темная тяжелая мысль о Вѣсовщиковѣ.

— Вотъ . . . дошелъ! — тупо думала она.

Недалеко отъ стѣнъ фабрики, на мѣстѣ недавно сгорѣвшаго дома, растаптывая ногами угли и вздымая пепелъ, стояла толпа народа и гудѣла, точно рой шмелей. Было много женщинъ, еще больше дѣтей, лавочники, половые изъ трак-

тира, полицейскіе и жандармъ Петлинъ, высокій старикъ съ пушистой серебряной бородой и съ медалями на груди.

Исай полулежалъ на землѣ, прислонясь спиной къ обгорѣлымъ бревнамъ и свѣсивъ обнаженную голову на правое плечо. Правая рука была засунута въ карманъ брюкъ, а пальцами лѣвой, онъ вцѣпился въ рыхлую землю.

Мать взглянула въ лицо ему — одинъ глазъ Исая тускло смотрѣлъ въ шапку, лежавшую между устало раскинутыхъ ногъ, ротъ былъ изумленно полуоткрытъ, его рыжая бородка торчала въ бокъ. Худое тѣло съ острой головой и костлявымъ лицомъ въ веснушкахъ стало еще меньше, сжатое смертью. Мать перекрестилась, вздохнувъ. Живой, онъ былъ противенъ ей, а теперь будилъ тихую жалость.

— Крови нѣтъ! — замѣтилъ кто-то вполголоса. — Видно кулакомъ стукнули . . .

Толстая женщина, дернувъ жандарма за рукавъ, спросила:

— Можетъ, живой еще, а?

— Пошла прочь! — негромко крикнулъ жандармъ, отдергивая руку.

— Докторъ былъ . . . сказалъ — готово! — отвѣтилъ кто-то.

Сухой и злой голосъ громко произнесъ:

— Заткнули ротъ ябеднику . . . Такъ и надо!

Жандармъ встрепенулся и, раздвигая руками плотно окружающихъ его женщинъ, угрожающе спросилъ:

— Это кто разсуждаетъ, а?

Люди разсыпались подъ его толчками. Нѣкоторые быстро побѣжали прочь. Кто-то засмѣялся злораднымъ смѣхомъ.

Мать пошла домой.

— Никто не жалѣетъ! — думала она.

А передъ нею стояла, точно тѣнь, широкая фигура Николая, его узкіе глаза смотрѣли холодно, жестоко и правая рука качалась, точно онъ ушибъ ее . . .

Когда сынъ и Андрей пришли обѣдать, она прежде всего спросила ихъ:

— Ну, что? Никого не арестовали . . . за Исая?

— Не слышно! — отозвался хохолъ.

Она видѣла, что они оба подавлены, оба угрюмы.

— О Николаѣ ничего не говорятъ? — тихо освѣдомилась мать.

Строгіе глаза сына остановились на ея лицѣ, и онъ внятно сказалъ:

— Не говорятъ. И едва-ли думаютъ. Его нѣтъ. Онъ вчера въ подлень уѣхалъ на рѣку и еще не вернулся. Я спрашивалъ о немъ . . .

— Ну, слава Богу! — облегченно вздохнувъ, сказала матъ. — Слава Богу!

Хохолъ взглянулъ на нее и опустилъ голову.

— Лежитъ онъ, — задумчиво разсказывала мать, — и точно удивляется . . . такое у него лицо. И никто его не жалѣетъ, никто добрымъ словомъ не прикрылъ его. Маленкій такой, невидный . . . точно обломокъ . . . отломился отъ чего-то, упалъ и лежитъ . . .

За обѣдомъ Павелъ вдругъ бросилъ ложку и воскликнулъ:

— Этого я не понимаю!

— Чего? — спросилъ хохолъ, печальный и молчаливый.

— Убить животное только потому, что надо ѣсть . . . и это уже скверно . . . Убить звѣря, хищника . . . это понятно! Я думаю — я самъ могъ-бы убить человѣка, который сталъ звѣремъ для людей. Но убить такого противнаго, жалкаго — не понимаю . . . какъ могла размахнуться рука? . .

Хохолъ поднялъ плечи и опустилъ ихъ. Потомъ сказалъ:

— Онъ былъ вреденъ не меньше звѣря . . .

— Я знаю.

— Комаръ выпьетъ немножко нашей крови — мы бьемъ! — тихо добавилъ хохолъ.

— Ну, да . . . Я не про то . . . Я говорю — противно!

— Что подѣлаешь? — отозвался Андрей, снова пожимая плечами.

— Ты могъ-бы убить такого? — задумчиво спросилъ Павелъ послѣ долгаго молчанья.

Хохолъ посмотрѣлъ на него своими круглыми глазами, мелькомъ взглянулъ на мать и съ грустью, но твердо отвѣтилъ:

— За себя — никого не трону! За товарищей, за дѣло — я все могу! И убью. Хоть сына . . .

— Ой, Андрюша! — тихо воскликнула мать.

Онъ улыбнулся ей и сказалъ:

— Нельзя иначе! Такая жизнь! . .

— Да-а! . . — медленно протянулъ Павелъ. — Такая жизнь . . .

Внезапно возбужденный, повинуясь какому-то толчку изнутри, Андрей всталъ, взмахнулъ руками и заговорилъ:

— Что вы сдѣлаете? Приходится ненавидѣть человѣка, чтобы скорѣе наступало время, когда можно будетъ только любоваться людьми. Нужно уничтожать того, кто мѣшаетъ ходу жизни, кто продаетъ людей за деньги, чтобы купить на нихъ покой или почетъ себѣ. Если на пути честныхъ стоитъ Іуда, ждетъ ихъ предать — я буду самъ Іуда, когда не уничтожу его! . . Грѣшно? Я не имѣю права? А они, эти хозяева наши, они имѣютъ право держать солдатъ и палачей, публичные дома и тюрьмы, каторгу и все это, поганое, что охраняетъ ихъ покой, ихъ уютъ? . . Порой мнѣ приходится брать въ руки ихъ палку . . . чтожъ дѣлать? Я возьму, не откажусь. Они насъ убиваютъ десятками и сотнями . . . это даетъ мнѣ право поднять руку и опустить ее на одну изъ вражьихъ головъ . . . на врага, который ближе другихъ подошелъ ко мнѣ и вреднѣе другихъ для дѣла моей жизни. Такая логика. Противъ нея я и иду, ее я и не хочу. Я знаю, ихъ кровью ничего не создается, она не плодотворна, ихъ кровь! . . Хорошо ростетъ правда,

когда наша кровь кропитъ землю частымъ дождемъ, а ихъ, гнилая, пропадаетъ безъ слѣда, я это знаю! Но я приму грѣхъ на себя, убью, если увижу — надо! Я вѣдь только за себя говорю . . . Мой грѣхъ со мной умретъ, онъ не ляжетъ пятномъ на будущее, никого не замараетъ онъ, кромѣ меня . . . никого!

Онъ ходилъ по комнатѣ, взмахивая рукой передъ своимъ лицомъ и какъ-бы рубилъ что-то въ воздухѣ, отсѣкалъ отъ самаго себя. Мать смотрѣла на него съ грустью и тревогой, она чувствовала, что въ немъ надломилось что-то и больно ему. Темныя, опасныя мысли объ убійствѣ оставили ее — если убилъ не Вѣсовщиковъ, никто изъ товарищей Павла не могъ сдѣлать этого, думала она. Павелъ опустивъ голову слушалъ хохла, а тотъ настойчиво и сильно говорилъ:

— По дорогѣ впередъ и противъ самаго себя идти приходится. Надо умѣть все отдать, все сердце . . . Жизнь отдать, умереть за дѣло — это просто! Отдай — больше и то, что тебѣ дороже твоей жизни — отдай . . . тогда сильно взростетъ и самое дорогое твое, правда твоя! . .

Онъ остановился среди комнаты и поблѣднѣвшій, полузакрывъ глаза, торжественно обѣщая, проговорилъ, поднявъ руку.

— Я знаю, будетъ время, когда люди станутъ любоваться другъ другомъ, когда каждый будетъ, какъ звѣзда предъ другимъ и будетъ каждый слушать другого, какъ музыку! Будутъ ходить по землѣ люди вольные, люди великіе свободой своей, всѣ пойдутъ съ открытыми сердцами, и сердце каждаго чисто будетъ отъ зависти и поэтому беззлобны будутъ всѣ . . . Тогда не жизнь будетъ, а служеніе человѣку, образъ его вознесется высоко, для свободныхъ — всѣ высоты достигаемы! Тогда будутъ жить въ правдѣ и свободѣ для красоты, и лучшими будутъ считаться тѣ, которые шире обнимутъ сердцемъ міръ, которые глубже полюбятъ его . . . лучшими будутъ свободнѣйшіе — въ нихъ наибольше красоты! Тогда будетъ жизнь великая и велики будутъ люди этой жизни . . .

Онъ замолчалъ, выпрямился, качнулся, какъ языкъ въ колоколѣ, и сказалъ гулко, всею грудью:

— Такъ ради этой жизни — я на все пойду . . . Вырву сердце, если надо, и самъ растопчу ногами сердце свое.

Его лицо вздрогнуло и застыло возбужденное, свѣтлое, а изъ глазъ текли слезы одна за другой, крупныя и тяжелыя.

Павелъ поднялъ голову и смотрѣлъ на него блѣдный, широко раскрывъ глаза, мать привстала со стула, чувствуя какъ растетъ, надвигается на нее темная тревога.

— Что съ тобой, Андрей? — тихо спросилъ Павелъ.

Хохолъ тряхнулъ головой, вытянулся какъ струна и сказалъ, глядя на мать:

— Я видѣлъ . . . Знаю . . .

Она встала и быстро подошла къ нему вся вздрагивая, схватила руки его — онъ пробовалъ выдернуть правую, но она цѣпко держалась за нее и шептала горячимъ шопотомъ:

— Голубчикъ мой, тише! Родной мой . . . ничего это . . . это ничего, Паша!

— Подождите! — глухо бормоталъ хохолъ. — Я скажу вамъ, какъ оно было . . .

— Не надо! — шептала она, со слезами глядя на него. — Не надо, Андрюша . . .

Павелъ медленно подошелъ, глядя на товарища влажными глазами. Былъ онъ блѣденъ и, усмѣхаясь, сказалъ негромко, медленно:

— Мать боится, что это ты . . .

— Я не боюсь . . . Не вѣрю! Видѣла-бы — не повѣрила!

— Подождите! — говорилъ хохолъ не глядя на нихъ, мотая головой и все освобождая руку. — Это не я . . . но я могъ не позволить . . .

— Оставь Андрей! — сказалъ Павелъ.

Одной рукой сжимая его руку, онъ положилъ другую на плечо хохла, какъ-бы желая остановить дрожь въ его

высокомъ тѣлѣ. Хохолъ наклонилъ къ нимъ голову и тихо, прерывисто заговорилъ:

— Я не хотѣлъ этого, ты вѣдь знаешь, Павелъ. Случилось такъ: когда ты ушелъ впередъ, а я остановился на углу съ Драгуновымъ — Исай вышелъ изъ-за угла . . . сталъ въ сторонѣ . . . смотритъ на насъ, усмѣхается . . . Драгуновъ сказалъ — видишь? Это онъ за мной слѣдитъ, всю ночь . . . Я изобью его. И ушелъ . . . я думалъ — домой . . . А Исай подошелъ ко мнѣ . . .

Хохолъ вздохнулъ.

— Никто меня не обижалъ такъ скверно, какъ онъ, собака.

Мать, молча, тянула его за руку къ столу и, наконецъ, ей удалось посадить Андрея на стулъ. А сама она сѣла рядомъ съ нимъ плечо къ плечу. Павелъ-же стоялъ передъ нимъ, угрюмо пощипывая бороду.

— Онъ говорилъ мнѣ, что всѣхъ насъ знаютъ, всѣ мы у жандармовъ на счету и что выловятъ всѣхъ передъ Маемъ. Я не отвѣчалъ, смѣялся, а сердце закипало. Онъ сталъ говорить, что я умный парень и не надо мнѣ идти такимъ путемъ, а лучше . . .

Онъ остановился, отеръ лицо лѣвой рукой, глаза его сухо сверкнули.

— Я понимаю! — сказалъ Павелъ.

— Да. Лучше, говоритъ, поступить на службу закона, а?

Хохолъ взмахнулъ рукой и потрясъ сжатымъ кулакомъ.

— Закона . . . проклятая его душа! — сквозь зубы сказалъ онъ. — Лучше-бы онъ по щекѣ меня ударилъ . . . легче было-бы мнѣ . . . и ему, можетъ быть. Но такъ, когда онъ плюнулъ въ сердце мнѣ вонючей слюной своей, я не стерпѣлъ.

Андрей судорожно выдергивалъ свою руку изъ руки Павла и глуше, съ отвращеніемъ говорилъ:

— Я ударилъ его по щекѣ и пошелъ . . . Слышу —

сзади Драгуновъ тихо такъ говоритъ — попался? Онъ стоялъ за угломъ, должно быть . . .

Помолчавъ, хохолъ сказалъ:

— Я не обернулся . . . хотя чувствовалъ . . . понималъ возможность . . . слышалъ ударъ . . . такой тяжелый . . . сильный . . . Иду себѣ . . . спокойно, какъ будто жабу пнулъ ногой . . . Всталъ на работу, кричатъ — Исая убили! Не вѣрилось . . . Но рука заныла . . . и неловко мнѣ владѣть ею . . . не больно, но, какъ будто, короче стала она . . .

Онъ искоса взглянулъ на руку и сказалъ:

— Всю жизнь, навѣрно, не смою я теперь поганаго пятна этого . . .

— Было-бы сердце твое чисто . . . голубчикъ мой! — тихо сказала мать.

— Я не виню себя . . . нѣтъ! — твердо сказалъ хохолъ. — Но противно-же мнѣ это! Такая грязь внутри . . . въ груди нехорошо! Лишнее это для меня.

— Что ты думаешь дѣлать? — подозрительно взглянувъ на него спросилъ Павелъ.

— Что? — хохолъ задумался, опустивъ голову и поднявъ ее, съ усмѣшкой молвилъ:

— Сказать, что я его ударилъ . . . я не боюсь, конечно. Но — стыдно мнѣ сказать это . . .

Онъ развелъ руками, всталъ и повторилъ:

— Не могу. Стыдно . . .

— Я плохо понимаю тебя! — сказалъ Павелъ, пожавъ плечами. — Убилъ не ты, но если-бъ даже . . .

— Братъ, это былъ, всетаки, человѣкъ . . . знать, что убиваютъ и не помѣшать . . . это, можетъ быть, гадкая трусость . . .

Павелъ твердо сказалъ:

— Я этого совсѣмъ не понимаю . . .

И подумавъ прибавилъ:

— То есть понять могу, но почувствовать — нѣтъ.

Запѣлъ гудокъ. Хохолъ склонилъ голову на бокъ, прослушалъ этотъ властный ревъ и встряхнувшись сказалъ:

— Не пойду работать . . .

— Я тоже . . . — отозвался Павелъ.

— Пойду въ баню! — усмѣхаясь проговорилъ хохолъ и быстро, молча собравшись, ушелъ, угрюмый.

Мать, проводивъ его сострадательнымъ взглядомъ, сказала сыну:

— Какъ хочешь, Паша . . . Знаю — грѣшно убить человѣка . . . а не считаю никого виноватымъ . . . Жалко Исая, такой онъ гвоздикъ маленькій . . . поглядѣла я на него, вспомнила, какъ онъ грозился повѣсить тебя . . . и ни злобы къ нему, ни радости, что померъ онъ . . . а такъ, просто жалко стало . . . А теперь даже и не жалко . . .

Она замолчала, подумала и удивленно улыбаясь замѣтила:

— Господи Іисусе . . . слышишь, Паша, что говорю я? . .

Павелъ, должно быть, не слышалъ. Медленно расхаживая по комнатѣ опустивъ голову, онъ вдумчиво и хмуро сказалъ:

— Вотъ она жизнь, мама! Видишь, какъ поставлены люди другъ противъ друга? Не хочешь, а — бей! И кого? Такого-же безправнаго человѣка . . . онъ еще несчастнѣе тебя, потому что — глупъ . . . Полиція, жандармы, шпіоны — все это наши враги . . . а всѣ они такіе-же люди, какъ мы, также сосутъ изъ нихъ кровь и также не считаютъ ихъ за людей. Все — такъ-же! А вотъ поставили людей однихъ противъ другихъ, ослѣпили глупостью и страхомъ, всѣхъ связали по рукамъ и по ногамъ, стиснули и сосутъ ихъ, давятъ и бьютъ однихъ другими. Обратили людей въ ружья, въ палки, въ камни и говорятъ — это культура! Это государство! . .

Онъ подошелъ ближе къ матери.

— Это — преступленіе, мать! Гнуснѣйшее убійство милліоновъ людей . . . убійство душъ . . . Понимаешь, — душу убиваютъ. Видишь разницу между нами и ими — ударилъ человѣкъ и ему противно, стыдно, больно . . . Противно, вотъ главное! А тѣ — убиваютъ тысячами спо-

койно, безъ жалости, безъ содроганія сердца, съ удовольствіемъ убиваютъ, съ радостью! И только для того давятъ на смерть всѣхъ и все, чтобы сохранить дерево домовъ и мебели своей, серебро, золото, ничтожныя бумажки, всю эту жалкую дрянь, которая даетъ имъ власть надъ людьми. Подумай — не себя оберегаютъ люди, защищаясь убійствомъ народа, искажая души людей, не ради себя дѣлаютъ это, а ради имущества своего . . . Не изнутри берегутъ себя, а извнѣ . . .

Онъ взялъ руки ея, наклонился и встряхивая ихъ сказалъ:

— Если-бы ты почувствовала всю эту мерзость и позорную гниль — ты поняла-бы нашу правду . . . увидала-бы какъ она велика и свѣтла! . .

Мать поднялась взволнованная, полная желанія слить свое сердце съ сердцемъ сына въ одинъ огонь.

— Подожди, Паша . . . подожди! — задыхаясь пробормотала она. — Я — человѣкъ! Я — чувствую . . . ты — подожди! . .

XXV.

Въ сѣняхъ кто-то громко завозился. Они оба, вздрогнувъ, взглянули другъ на друга.

Дверь отворилась медленно и въ нее грузно вошелъ Рыбинъ.

— Вотъ! — поднявъ голову и улыбаясь, сказалъ онъ. — Нашего Фому тянетъ ко всему — ко хлѣбу и къ вину, кланяйтесь ему! . .

Онъ былъ одѣтъ въ полушубокъ, весь залитый дегтемъ, въ лапти, за поясомъ у него торчали черныя рукавицы и мохнатая шапка на головѣ.

— Здоровы-ли? Выпустили тебя, Павелъ? Такъ. Каково живешь, Ниловна? — Онъ широко улыбался, показывая свои бѣлые зубы, голосъ его звучалъ мягче, чѣмъ раньше и лицо еще гуще заросло бородой.

Мать обрадовалась, подошла къ нему, жала его большую, черную руку и, вдыхая здоровый, крѣпкій запахъ дегтя, говорила:

— Ахъ, ты . . . ну, я рада . . . ну, что?

Павелъ улыбался, разглядывая Рыбина.

— Хорошъ мужичекъ! . .

Медленно раздѣваясь, Рыбинъ говорилъ.

— Да, опять мужикомъ задѣлался . . . вы въ господа помаленьку выходите, а я — назадъ обращаюсь . . . вотъ!

Одергивая пестрядиную рубаху, онъ прошелъ въ комнату, окинулъ ее внимательнымъ взглядомъ и заявилъ:

— Имущества не прибавилось у васъ, видать, а книжекъ больше стало . . . такъ. Ну, сказывайте, какъ дѣла?

Онъ сѣлъ, широко разставивъ ноги, уперся въ колѣна ладонями и, вопросительно ощупывая Павла темными глазами, довольный, весь какой-то освѣжѣвшій, добродушно улыбаясь ждалъ отвѣта.

— Дѣла идутъ бойко! — сказалъ Павелъ.

— Пашемъ да сѣемъ, хвастать не умѣемъ, а урожай соберемъ — сваримъ бражку, всѣ ляжемъ въ лежку — такъ? Ну, и хорошо. И очень хорошо, скажу еще разокъ! — говорилъ Рыбинъ.

— Чайку попьешь? — спросила мать.

— И чайку выпью и водочки хлебну . . . поѣсть дадите, тоже не откажусь. Радъ я увидатся съ вами . . . вотъ.

— Какъ вы живете, Михайло Иванычъ? — спросилъ Павелъ, садясь противъ него.

— Ничего. Ладно живу. Въ Егильдѣевѣ пріостановился, слыхали — Егильдѣево? Хорошее село. Двѣ ярмарки въ году, жителей больше двухъ тысячъ — злой народъ! Земли нѣтъ, въ удѣлѣ арендуютъ, плохая землишка. Порядился я въ батраки къ одному міроѣду — тамъ ихъ у насъ, какъ мухъ на мертвомъ тѣлѣ. Деготь гонимъ, уголь жгемъ. Получаю за работу вчетверо меньше, а спину ломаю вдвое больше, чѣмъ здѣсь . . . вотъ. Семеро насъ у него, у міроѣда . . . ничего, народъ все молодой, всѣ тамошніе,

кромѣ меня . . . грамотные все . . . одинъ парень, Ефимъ, такой ярый, бѣда!

— Вы что-же бесѣдуете съ ними? — спросилъ Павелъ оживленно.

— Не молчу. У меня съ собой захвачены всѣ здѣшніе листочки — тридцать четыре ихъ. Но я больше Библіей дѣйствую, тамъ есть что взять, книга толстая, казенная, синодъ печаталъ, ей вѣрить можно.

Онъ подмигнулъ Павлу и, усмѣхаясь, продолжалъ:

— Только этого мало. Я къ тебѣ за книжками явился. Мы тутъ вдвоемъ, Ефимъ этотъ со мной . . . деготь возили, ну, дали крюку, заѣхали вотъ къ тебѣ . . . Ты меня снабди книжками, покуда Ефимъ не пришелъ . . . ему лишнее много знать . . .

Мать смотрѣла на Рыбина и ей казалось, что вмѣстѣ съ пиджакомъ онъ снялъ съ себя еще что-то. Сталъ менѣе солиденъ и глаза у него смотрѣли хитрѣе, не такъ открыто, какъ раньше.

— Мама, — сказалъ Павелъ, — вы сходите, принесите книгъ. Тамъ знаютъ что дать . . . скажете — для деревни.

— Хорошо! — сказала мать. — Вотъ самоваръ поспѣетъ — я и схожу.

— И ты по этимъ дѣламъ пошла, Ниловна? — усмѣхаясь спросилъ Рыбинъ. — Такъ. Охотниковъ до книжекъ у насъ много тамъ. Учитель пріохочиваетъ . . . говорятъ, парень хорошій, хотя изъ духовнаго званія. Учителька тоже есть, верстахъ въ семи . . . Ну, они запрещенной книгой не дѣйствуютъ, народъ казенный, боятся. А мнѣ требуется запрещенная, острая книга . . . я подъ ихъ руку буду подкладывать . . . Коли становой или попъ увидятъ, что книга-то запрещенная — подумаютъ — это учителя сѣютъ! А я въ сторонкѣ, до времени, останусь.

И довольный своей мудростью, онъ весело оскалилъ зубы.

— Ишь ты! — подумала мать. — Смотришь медвѣдемъ, а живешь лисой . . .

Павелъ всталъ и, шагая по комнатѣ ровными шагами, укоризненно заговорилъ:

— Книгъ мы вамъ дадимъ . . . но нехорошо вы собираетесь дѣйствовать, Михаилъ Ивановичъ . . .

— Чѣмъ нехорошо? — спросилъ Рыбинъ, широко открывъ глаза.

— За то, что вы дѣлаете, вы сами должны отвѣчать . . . А ставить дѣло такъ, чтобы за васъ отвѣчали другіе — нехорошо! — Голосъ Павла звучалъ сурово, съ упрекомъ.

Рыбинъ посмотрѣлъ въ полъ, тряхнулъ головой и сказалъ:

— Непонятно говоришь.

— Какъ вы думаете, — спросилъ Павелъ, остановясь передъ нимъ, — если заподозрятъ учителей въ томъ, что они нелегальныя книги раздаютъ, посадятъ въ острогъ за это?

— Посадятъ . . . а что? — спросилъ Рыбинъ.

— Да вѣдь вы давали книжки, а не они! Вамъ и въ острогъ идти . . .

— Чудакъ! — усмѣхнулся Рыбинъ, хлопая рукой по колѣну. — Кто на меня подумаетъ? Простой мужикъ, а этакимъ дѣломъ занимается, развѣ это бываетъ? Книга, дѣло господское, имъ за нее и отвѣчать . . .

Мать чувствовала, что Павелъ не понимаетъ Рыбина и видѣла, что онъ прищурилъ глаза, значитъ, сердится. Она осторожно и мягко сказала:

— Михаилъ Ивановичъ такъ хочетъ, чтобы онъ дѣло дѣлалъ, а на расправу за него другіе шли . . .

— Вотъ! — сказалъ Рыбинъ, гладя бороду.

— Мама! — сухо окликнулъ Павелъ. — Если кто-нибудь изъ нашихъ, Андрей, примѣрно, сдѣлаетъ что-нибудь подъ мою руку, а меня въ тюрьму посадятъ — ты что скажешь?

Мать вздрогнула, недоумѣнно взглянула на сына и сказала, отрицательно качая головой.

— Развѣ можно противъ товарища такъ поступить?

— Ага-а! — протянулъ Рыбинъ. — Понялъ я тебя, Павелъ!

Насмѣшливо подмигнувъ, онъ обратился къ матери.

— Тутъ, мать, дѣло тонкое.

И снова, поучительно, къ Павлу:

— Зелено ты думаешь, братъ. Въ тайномъ дѣлѣ чести нѣтъ. Разсуди: первое, въ тюрьму посадятъ прежде того парня, у котораго книгу найдутъ, а не учителей, разъ. Второе, хотя учителя даютъ и разрѣшенную книгу, но суть въ ней та-же, что и въ запрещенной, только слова другія, правды меньше, два. Значитъ, они того-же хотятъ, что и я, только идутъ проселкомъ, а я большой дорогой . . . но передъ начальствомъ мы одинаково виноваты, вѣрно? А третье, мнѣ, братъ, до нихъ дѣла нѣтъ, — пѣшій конному не товарищъ. Противъ мужика я такъ, можетъ, и не захочу сдѣлать. А они — одинъ поповичъ, другая — помѣщикова дочь, и зачѣмъ имъ надо народъ поднять — я не знаю. Ихъ господскія мысли мнѣ, мужику, не вѣдомы. Что самъ я дѣлаю — я знаю, а чего они хотятъ — это мнѣ неизвѣстно. Тысячу лѣтъ люди аккуратно господами были и съ мужика шкуру драли, а вдругъ проснулись и давай мужику глаза протирать . . . Я, братъ, до сказокъ не охотникъ, а это вродѣ сказки. Отъ меня всякіе господа далеко . . . ѣдешь зимой полемъ, впереди что-то живое мельтешитъ, а что оно? Волкъ, лиса или просто собака, — я не вижу! Далеко.

Мать взглянула на сына. Лицо у него было грустное.

А глаза Рыбина блестѣли темнымъ блескомъ, онъ смотрѣлъ на Павла самодовольно и, возбужденно расчесывая пальцами бороду, говорилъ:

— Любезничать мнѣ время нѣтъ. Жизнь смотритъ строго, на псарнѣ — не въ овчарнѣ, всякая стая по своему лаетъ . . .

— Есть господа, — заговорила мать, вспомнивъ знако-

мыя лица, — которые убиваютъ себя за народъ, всю жизнь въ тюрьмахъ мучаются . . .

— Имъ и счетъ особый, и почетъ другой! — сказалъ Рыбинъ. — Мужикъ богатѣетъ, въ баре претъ, баринъ бѣднѣетъ — къ мужику идетъ. Поневолѣ душа чиста, коли мошна пуста . . . Помнишь, Павелъ, ты мнѣ объяснялъ, что кто какъ живетъ, такъ и думаетъ, и ежели рабочій говоритъ — да, хозяинъ долженъ сказать — нѣтъ, а ежели рабочій говоритъ — нѣтъ, такъ хозяинъ, по природѣ своей, обязательно кричитъ — да! Такъ вотъ и у мужика съ бариномъ разныя природы. Коли мужикъ сытъ — баринъ ночь не спитъ. Конечно, во всякомъ званіи есть свой сукинъ сынъ и всѣхъ мужиковъ я защищать не согласенъ . . .

Онъ поднялся на ноги, темный и сильный. Лицо его потускнѣло, борода вздрогнула, точно онъ неслышно щелкнулъ зубами и продолжалъ пониженнымъ голосомъ:

— Прошлялся я по фабрикамъ пять лѣтъ, отвыкъ отъ деревни, вотъ. Пришелъ туда, поглядѣлъ, вижу, не могу я такъ жить! Понимаешь? Не могу! Вы тутъ живете — вы голода не знаете . . . обидъ такихъ не видите . . . А тамъ — голодъ всю жизнь за человѣкомъ тѣнью ползетъ и нѣтъ надежды на хлѣбъ, нѣту! Голодъ души сожралъ, лики человѣческіе стеръ, и не живутъ люди, а гніютъ въ неизбывной нуждѣ . . . И кругомъ, какъ воронье, начальство сторожитъ, нѣтъ-ли лишняго куска у тебя? . . Увидитъ, вырветъ, въ харю тебѣ дастъ . . .

Рыбинъ оглянулся, наклонился къ Павлу, опираясь рукой на столъ.

— Мнѣ даже тошно стало, какъ взглянулъ я снова на эту жизнь . . . Вижу, не могу! Однако, преоборолъ себя, нѣтъ, думаю, шалишь, душа! Я здѣсь останусь . . . Я вамъ хлѣба не достану, а кашу заварю . . . я, братъ, заварю ее. Несу въ себѣ обиду за людей и на людей . . . Она у меня ножомъ въ сердцѣ стоитъ, и качается.

У него вспотѣлъ лобъ, онъ, медленно надвигаясь на Павла, положилъ ему руку на плечо. Рука вздрагивала.

— Давай помощь мнѣ! Давай книгъ, да такихъ, чтобы прочитавъ, человѣкъ покою себѣ не находилъ. Ежа подъ черепъ посадить надо, ежа колючаго. Скажи своимъ городскимъ, которые для васъ пишутъ — для деревни тоже писали бы! Пусть валяютъ такъ, чтобы деревню варомъ обдало . . . чтобы народъ на смерть полѣзъ!

Онъ поднялъ руку и, раздѣльно произнося каждое слово, глухо сказалъ:

— Смертію смерть поправъ — вотъ! Значитъ — умри, чтобы люди воскресли. И пусть умрутъ тысячи, чтобы воскресли тьмы народа по всей землѣ! Вотъ. Умереть легко. Воскресли-бы! Поднялись-бы люди!

Мать внесла самоваръ, искоса глядя на Рыбина. Его слова, тяжелыя и сильныя, подавляли ее. И было въ немъ что-то напоминавшее ей мужа ея — и тотъ такъ-же оскаливалъ зубы, двигалъ руками, засучивая рукава, и въ томъ жила такая-же нетерпѣливая злоба, нетерпѣливая, но нѣмая. Этотъ говорилъ. И былъ менѣе страшенъ.

— Это надо! — сказалъ Павелъ, тряхнувъ головой. — Нужно и для деревни газету . . . Давайте намъ матеріалъ, мы будемъ вамъ печатать газету . . .

Мать съ улыбкой поглядѣла на сына, покачала головой и молча одѣвшись ушла изъ дома.

— Дѣлай! Все доставимъ. Пишите проще, чтобы даже телята понимала! — выкрикивалъ Рыбинъ.

Въ кухнѣ отворилась дверь, кто-то вошелъ.

— Это Ефимъ! — сказалъ Рыбинъ, заглядывая въ кухню. — Иди сюда, Ефимъ! Вотъ — Ефимъ . . . а этого человѣка зовутъ — Павелъ . . . я тебѣ говорилъ про него.

Передъ Павломъ всталъ, держа въ рукахъ шапку и глядя на него исподлобья сѣрыми глазами, русоволосый, широколицый парень въ короткомъ полушубкѣ, стройный и, должно быть, сильный.

— Добраго здоровья! — сиповато сказалъ онъ и, пожавъ руку Павла, пригладилъ обѣими руками прямые волосы.

Оглянулъ комнату и тотчасъ-же медленно, точно подкрадываясь, пошелъ къ полкѣ съ книгами.

— Увидалъ! — сказалъ Рыбинъ, подмигнувъ Павлу. Ефимъ повернулся, взглянулъ на него и сталъ разсматривать книги, говоря:

— Сколько чтенія-то у васъ! А читать, вѣрно, некогда. Въ деревнѣ больше время для этого дѣла . . .

— А охоты меньше? — спросилъ Павелъ.

— Зачѣмъ? И охота есть! — отвѣтилъ парень, потирая подбородокъ. — Теперь такое время пришло, что надо думатъ, а не хочешь — ложись да помирай. Помиратъ народу не хочется, вотъ онъ и началъ пошевеливать мозгой. »Геологія« — это про что?

Павелъ объяснилъ.

— Намъ не требуется! — сказалъ парень, ставя книгу на полку.

Рыбинъ шумно вздохнулъ и замѣтилъ:

— Мужику не то интересно, откуда земля явилась, а какъ она по рукамъ разошлась, какъ землю изъ подъ ногъ у народа господа выдернули? Стоитъ она или вертится, это не важно — ты ее хоть на веревкѣ повѣсь, — давала бы ѣсть, хоть гвоздемъ къ небу прибей, — кормила-бы людей! . .

»Исторія рабства«, снова прочиталъ Ефимъ и спросилъ павла:

— Про насъ?

— Есть и о крѣпостномъ правѣ! — сказалъ Павелъ, давая ему другую книгу. Ефимъ взялъ ее, повертѣлъ въ рукахъ и, отложивъ въ сторону, спокойно сказалъ:

— Это — прошло!

— Вы сами — имѣете надѣлъ? — освѣдомился Павелъ.

— Мы? Имѣемъ! Трое насъ братьевъ, а надѣла — четыре десятины . . . все песочекъ — мѣдь имъ чистить хорошо, а для хлѣба — неспособная земля! . .

Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Я отъ земли освободился — что она? Кормить не кормитъ, а руки вяжетъ. Четвертый годъ въ батраки хожу.

А осенью мнѣ въ солдаты идти. Дядя Михайло говоритъ — не ходи! Теперь, говоритъ, солдатъ посылаютъ народъ бить. А я думаю идти. Войско и при Степанѣ Тимофѣевичѣ Разинѣ народъ било и при Пугачевѣ. Пора это прекратить... Какъ по вашему? — спросилъ онъ, пристально глядя на Павла.

— Пора! — съ улыбкой отвѣтилъ тотъ. — Только — трудно! Надо знать, что говорить солдатамъ и какъ сказать...

— Поучимся — съумѣемъ! — сказалъ Ефимъ.

— А если начальство на этомъ поймаетъ — разстрѣлять можетъ! — закончилъ Павелъ, съ любопытствомъ глядя на Ефима.

— Оно не помилуетъ! — спокойно согласился парень и снова началъ разсматривать книги.

— Пей чай, Ефимъ, скоро ѣхать! — замѣтилъ Рыбинъ.

— Сейчасъ! — отозвался парень и снова спросилъ:

— Революція — бунтъ?

Пришелъ Андрей, красный, распаренный и угрюмый. Молча пожалъ руку Ефима, сѣлъ рядомъ съ Рыбинымъ, и оглянувъ его, усмѣхнулся.

— Что не весело смотришь? — спросилъ Рыбинъ, ударивъ его ладонью по колѣну.

— Да такъ... — отвѣтилъ хохолъ.

— Тоже рабочій? — спросилъ Ефимъ, кивая головой на Андрея.

— Тоже! — отвѣтилъ Андрей. — А что?

— Онъ въ первый разъ фабричныхъ видитъ! — объяснилъ Рыбинъ. — Народъ, говоритъ, особенный...

— Чѣмъ? — спросилъ Павелъ.

Ефимъ внимательно осмотрѣлъ Андрея и сказалъ:

— Кость у васъ острая. Мужикъ круглѣе костью...

— Мужикъ спокойнѣе на ногахъ стоитъ! — добавилъ Рыбинъ. — Онъ подъ собой землю чувствуетъ, хоть и нѣтъ ея у него, но онъ чувствуетъ — земля! А фабричный, вродѣ птицы — родины нѣтъ, дома нѣтъ, сегодня — здѣсь, завтра тамъ! Его и баба къ мѣсту не привязываетъ, чуть что —

прощай, милая, въ бокъ тебѣ вилами! И пошелъ искать гдѣ лучше. А мужикъ вокругъ себя хочетъ сдѣлать лучше, не сходя съ мѣста . . . Ага, вонъ мать пришла!

И Рыбинъ вышелъ въ кухню. Ефимъ подошелъ къ Павлу и конфузясь спросилъ:

— Можетъ, дадите мнѣ книжку какую-нибудь?

— Пожалуйста! — охотно отозвался Павелъ.

Глаза парня жадно вспыхнули и онъ быстро заговорилъ:

— Я ворочу! Наши тутъ по близости деготь возятъ, они и привезутъ. Вотъ, спасибо! Теперь книжка, какъ свѣча ночью . . .

Воротился Рыбинъ уже одѣтый, туго подпоясанный и сказалъ Ефиму:

— Ѣдемъ, пора!

— Вотъ, почитаю я! — воскликнулъ Ефимъ, указывая на книги и широко улыбаясь.

Когда они ушли, Павелъ оживленно воскликнулъ, обращаясь къ Андрею:

— Видѣлъ чертей? . .

— Да-а! — медленно протянулъ хохолъ. — Какъ тучи на закатѣ . . . густыя, темныя, двигаются медленно . . .

— Михайло-то? — воскликнула мать. — Будто и не жилъ на фабрикѣ, совсѣмъ опять мужикомъ сталъ! . . И какой страшный!

— Жаль, не было тебя! — сказалъ Павелъ Андрею, который хмуро смотрѣлъ въ свой стаканъ чая, сидя у стола. — Вотъ посмотрѣлъ-бы ты на игру сердца, ты все о сердцѣ говоришь! Тутъ Рыбинъ такихъ паровъ нагналъ . . . опрокинулъ меня, задавилъ! . . Я ему и возражать не могъ . . . Сколько въ немъ недовѣрія къ людямъ . . . и какъ онъ ихъ дешево цѣнитъ! . . И, вѣрно говоритъ мать, страшную силу несетъ въ себѣ этотъ человѣкъ! . .

— Это я видѣлъ! — угрюмо сказалъ хохолъ. — Отравили людей! Когда они поднимутся — они будутъ все опрокидывать подрядъ! Имъ нужно голую землю . . . и они оголятъ ее, все сорвутъ!

Онъ говорилъ медленно и было видно, что думаетъ о другомъ. Мать осторожно дотронулась до него.

— Ты-бы встряхнулся, Андрюша!

— Подождите, ненько, родная моя! — тихо и ласково попросилъ хохолъ. — Это вѣдь все-же — скверно . . . хоть и не желалъ я этого! Подождите!

И вдругъ возбуждаясь, онъ заговорилъ, ударивъ рукой по столу.

— Да, Павелъ, мужикъ обнажитъ землю себѣ, если онъ встанетъ на ноги! Какъ послѣ чумы — онъ все пожгетъ, чтобы всѣ слѣды обидъ своихъ пепломъ развѣять . . .

— А потомъ, встанетъ намъ на дорогѣ! — тихо замѣтилъ Павелъ.

— Наше дѣло не допуститъ этого! Наше дѣло, Павелъ, сдержать его! Мы къ нему всѣхъ ближе . . . намъ онъ повѣритъ . . . за нами пойдетъ!

— Знаешь, Рыбинъ предлагаетъ намъ издавать газету для деревни! — сообщилъ Павелъ.

— И надо! . . Скорѣе!

Павелъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Обидно мнѣ, что я не поспорилъ съ нимъ!

Хохолъ потирая голову, спокойно замѣтилъ:

— Еще поспоримъ! Ты себѣ играй на своей сопѣлкѣ, у кого ноги веселыя, да въ землю не вросли, тѣ подъ твою музыку танцевать будутъ! Онъ, Рыбинъ, вѣрно сказалъ — мы подъ собой земли не чувствуемъ, да и не должны, потому на насъ и положено раскачать ее . . . Покачнемъ разъ — люди оторвутся, покачнемъ два — и еще! . .

Мать усмѣхаясь молвила:

— Для тебя, Андрюша, все просто!

— Ну, да! — сказалъ хохолъ. — Просто!

И угрюмо прибавилъ.

— Какъ жизнь!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— Я пойду въ поле, похожу . . .

— Послѣ бани-то? Вѣтрено, продуетъ тебя! — предупредила мать.

— Вотъ и надо, чтобы продуло! — отвѣтилъ онъ.

— Смотри, простудишься! — ласково сказалъ Павелъ. — Лучше лягъ, попробуй уснуть!

— Нѣтъ, я пойду!

И одѣвшись молча ушелъ . . .

— Тяжело ему! — замѣтила мать, вздохнувъ.

— Знаешь что, — сказалъ ей Павелъ, — хорошо ты сдѣлала, что послѣ этого стала съ нимъ на ты говорить!

Она удивленно взглянула на него и подумавъ отвѣтила:

— Да я и не замѣтила какъ это вышло . . . это ужъ нечаянно! Онъ для меня такой близкій сталъ . . . я и не знаю какъ сказать!

— Хорошее у тебя сердце, мама! — тихо проговорилъ Павелъ.

— Коли такъ — я рада! Только-бы тебѣ . . . и всѣмъ вамъ . . . хоть какъ-нибудь помогла я! Съумѣла-бы! . .

— Не бойся ничего — съумѣешь! . .

Она тихонько засмѣялась, говоря:

— А вотъ не бояться-то я и не умѣю!

— Ладно, мама! Молчимъ! — сказалъ Павелъ. — Знай — я тебя люблю . . . и крѣпко, крѣпко благодарю!

Она ушла въ кухню, чтобы не смущать его своими слезами.

Хохолъ воротился поздно вечеромъ усталый и тотчасъже легъ спать, сказавъ:

— Верстъ десять пробѣжалъ я, думаю . . .

— Помогло? — спросилъ Павелъ.

— Не знаю . . . Не мѣшай, спать буду!

И онъ замолчалъ, точно умеръ.

Спустя нѣсколько времени пришелъ Вѣсовщиковъ, оборванный, грязный и недовольный, какъ всегда.

— Не слыхалъ кто Исайку убилъ? — спросилъ онъ Павла, неуклюже шагая по комнатѣ.

— Нѣтъ! — кратко отозвался Павелъ.

— Нашелся человѣкъ — не побрезговалъ! А я все собирался самъ его задавить. Мое это дѣло . . . самое подходящее мнѣ!

— Брось ты, Николай, такія рѣчи! — дружелюбно сказалъ ему Павелъ.

— Что это, въ самомъ дѣлѣ! — ласково подхватила мать. — Сердце мягкое, а самъ рычитъ . . . Зачѣмъ это?

Въ эту минуту ей было пріятно видѣть Николая и даже его рябое лицо показалось красивѣе. И было жалко его, какъ никогда . . .

— Да, не гожусь я ни для чего, кромѣ какъ для такихъ дѣловъ! — глухо сказалъ Николай, пожимая плечами. — Думаю, думаю — гдѣ мое мѣсто? Нѣту мѣста мнѣ! Надо говорить съ людьми, а я — не умѣю! . . Вижу я все . . . всѣ обиды людскія чувствую . . . а сказать не могу! Нѣмая душа у меня . . .

Онъ подошелъ къ Павлу и, опустивъ голову, ковыряя пальцемъ столъ, сказалъ тоскливо и какъ-то по-дѣтски, не похоже на него, жалобно:

— Дайте вы мнѣ какую-нибудь тяжелую работу, братцы! Не могу я такъ, безъ толку жить . . . Вы всѣ въ дѣлѣ . . . и вижу я, ростетъ оно . . . а я — въ сторонѣ! Вожу бревна, доски . . . Развѣ можно для этого жить? Дайте тяжелую работу!

Павелъ взялъ его за руку и потянулъ его къ себѣ.

— Дадимъ! . .

Но изъ-за полога раздался голосъ хохла:

— Я тебя, Николай, выучу набирать буквы, и ты будешь наборщикомъ у насъ, ладно?

Николай пошелъ къ нему, говоря:

— Научишь, если я тебѣ за это ножъ подарю . . .

— Убирайся къ чорту съ ножомъ! — крикнулъ хохолъ и вдругъ засмѣялся.

— Хорошій ножъ! — настаивалъ Николай. Павелъ тоже засмѣялся.

Тогда Вѣсовщиковъ остановился среди комнаты и спросилъ:

— Это вы надо мной?

— Ну, да! — отвѣтилъ хохолъ, спрыгнувъ съ постели. — Вотъ что — идемте въ поле, гулять. Ночь лунная, хорошая. Идемъ?

— Хорошо! — сказалъ Павелъ.

— И я пойду! — заявилъ Николай. — Я люблю, хохолъ, когда ты смѣешься . . .

— А я — когда ты подарки обѣщаешь! — отвѣтилъ хохолъ, усмѣхаясь.

Когда онъ одѣвался въ кухнѣ, мать сказала ему ворчливо:

— Теплѣе одѣнься . . .

А когда они ушли всѣ трое, она, посмотрѣвъ на нихъ въ окно, взглянула на образа и тихо сказала:

— Господи — помоги имъ . . .

XXVII.

Дни полетѣли одинъ за другимъ съ быстротой, не позволявшей матери думать о Первомъ Маѣ. Только по ночамъ, когда, усталая отъ шумной, волнующей суеты дня, она ложилась въ постель, сердце ея тихо ныло.

— Скорѣе-бы . . .

На разсвѣтѣ вылъ фабричный гудокъ, сынъ и Андрей наскоро пили чай, закусывали и уходили, оставляя матери десятокъ порученій. И цѣлый день она кружилась, какъ бѣлка въ колесѣ, варила обѣдъ, лиловый студень для прокламацій и клей для нихъ, приходили какіе-то люди, совали записки для передачи Павлу и исчезали, заражая ее своимъ возбужденіемъ.

Листки, призывавшіе рабочихъ праздновать Первое Мая, каждую ночь наклеивали на заборахъ, они являлись даже на дверяхъ полицейскаго правленія, ихъ каждый день па-

ходили на фабрикѣ. По утрамъ полиція, ругаясь, ходила по слободѣ, срывая и соскабливая лиловыя бумажки съ заборовъ, а въ обѣдъ они снова летали на улицѣ, подкатываясь подъ ноги прохожихъ. Изъ города прислали сыщиковъ, и они, стоя на углахъ, щупали глазами рабочихъ, весело и оживленно проходившихъ съ фабрики на обѣдъ и обратно. Всѣмъ нравилось видѣть безсиліе полиціи, и даже пожилые рабочіе усмѣхаясь говорили другъ другу:

— Что дѣлаютъ, а?

Всюду собирались кучки людей, горячо обсуждая волнующій призывъ. Жизнь вскипала, она въ эту весну для всѣхъ была интереснѣе, всѣмъ несла что-то новое, однимъ — еще причину раздражаться, злобно ругая крамольниковъ, другимъ — смутную тревогу и надежду, а третьимъ — ихъ было меньшинство — острую радость сознанія, что это они являются силой, которая будитъ всѣхъ.

Павелъ и Андрей почти не спали по ночамъ, являлись домой уже передъ гудкомъ оба усталые, охрипшіе, блѣдные. Мать знала, что они устраиваютъ собранія въ лѣсу, на болотѣ, ей было извѣстно, что вокругъ слободы по ночамъ рыскаютъ разъѣзды конной полиціи, ползаютъ сыщики, хватая и обыскивая отдѣльныхъ рабочихъ, разгоняя группы и порою арестуя того или другого. Она понимала, что и сына съ Андреемъ могутъ арестовать каждую ночь. Порою ей казалось, что это было-бы лучше для нихъ.

Дѣло объ убійствѣ табельщика странно заглохло. Два дня мѣстная полиція спрашивала людей по этому поводу и, допросивъ человѣкъ десять, утратила интересъ къ убійству.

Марья Корсунова въ разговорѣ съ матерью сказала ей, отражая въ своихъ словахъ мнѣніе полиціи, съ которою она жила дружно, какъ со всѣми людьми.

— Развѣ тутъ найдешь виноватаго? Въ то утро можетъ сто человѣкъ Исая видѣли и девяносто, коли не больше, могли ему плюху дать . . . За семь лѣтъ онъ всѣмъ насолилъ . . .

Хохолъ замѣтно измѣнился. У него осунулось лицо

и отяжелѣли вѣки, опустившись на выпуклые глаза, полузакрывая ихъ. Улыбался онъ рѣже, тонкая морщина легла на лицѣ его отъ ноздрей къ угламъ губъ. Онъ сталъ меньше говорить о вещахъ и дѣлахъ обычныхъ, но все чаще вспыхивалъ, впадалъ въ хмѣльной и опьянявшій всѣхъ восторгъ, говоря о будущемъ, о прекрасномъ, свѣтломъ праздникѣ торжества свободы и разума.

Когда дѣло о смерти Исая заглохло, онъ сказалъ, брезгливо и печально усмѣхаясь:

— Не только народъ, но и тѣ люди, которыми они, какъ собаками, травятъ насъ — не дороги имъ . . . Не Іуду вѣрнаго своего жалѣютъ, а серебреники . . . только ихъ одни! . .

И, угрюмо помолчавъ, прибавилъ:

— А мнѣ вотъ жалко становится того человѣка, чѣмъ больше я думаю о немъ. Не хотѣлъ я, чтобы убили его, не хотѣлъ!

— Будетъ, Андрей! — твердо сказалъ Павелъ. Мать тихо добавила:

— Толкнувъ гнилушку — разсыпалась! . .

— Справедливо, но — не утѣшаетъ! — угрюмо отозвался хохолъ.

Онъ часто говорилъ эти слова и въ его устахъ они принимали какой-то особый, всеобнимающій смыслъ, горькій и ѣдкій . . .

. . . И вотъ онъ пришелъ, этотъ день — Первое Мая.

Гудокъ заревѣлъ какъ всегда требовательно и властно. Мать, не уснувшая ночью ни на минуту, вскочила съ постели, сунула огня въ самоваръ, приготовленный съ вечера, хотѣла, какъ всегда, постучать въ дверь къ сыну и Андрею, но подумавъ, махнула рукой и сѣла подъ окно, приложивъ руку къ лицу такъ, точно у нея болѣли зубы.

По небу, блѣдно голубому, быстро плыла бѣлая и розовая стая легкихъ облаковъ, точно большія птицы летѣли, испуганныя гулкимъ ревомъ пара. Мать смотрѣла на облака и прислушивалась къ себѣ. Голова у нея была тяже-

лая, и глаза, воспаленные безсонной ночью, сухи. Странное спокойствіе было въ груди, сердце билось ровно, и думалось ей о простыхъ вещахъ . . .

— Рано я самоваръ поставила, выкипитъ! Пускай они подольше поспятъ сегодня. Замучились оба . . .

Въ окно, весело играя, заглядывалъ юный солнечный лучъ, она подставила ему руку и, когда онъ, свѣтлый, легъ на кожу ея руки, другой рукой она тихо погладила его, улыбаясь задумчиво и ласково . . . Потомъ встала, сняла трубу съ самовара, стараясь не шумѣть, умылась и начала молиться, истово крестясь и безмолвно двигая губами. Лицо у нея свѣтлѣло, а правая бровь то медленно поднималась кверху, то вдругъ опускалась . . .

Второй гудокъ закричалъ тише, не такъ увѣренно, съ дрожью въ звукѣ, густомъ и влажномъ. Матери показалось, что сегодня онъ кричитъ дольше, чѣмъ всегда.

Въ комнатѣ раздался гулкій и ясный голосъ хохла.

— Павелъ! Слышишь! Зоветъ . . .

Кто-то изъ нихъ шлепнулъ босыми ногами о полъ, кто-то сладко зѣвнулъ . . .

— Самоваръ готовъ! — крикнула мать.

— Встаемъ! — отвѣтилъ Павелъ весело.

— Восходитъ солнце! — говорилъ хохолъ. — И облака бѣгутъ. Это лишнее сегодня, облака . . .

И вышелъ въ кухню, растрепанный, измятый сномъ, но веселый.

— Доброе утро, ненько моя! Какъ спали?

Мать подошла къ нему и тихо сказала:

— Ужъ ты, Андрюша, рядомъ съ нимъ иди!

— А конечно-же! — прошепталъ хохолъ. — Пока мы вмѣстѣ — мы всюду пойдемъ рядомъ . . . такъ и знайте!

— Вы что тамъ шепчетесь? — спросилъ Павелъ.

— Мы ничего, Паша!

— Она говоритъ мнѣ — чище умывайся! Дѣвицы будутъ смотрѣть! — отвѣтилъ хохолъ, выходя въ сѣни мыться.

— Вставай, поднимайся, рабочій народъ! — тихо запѣлъ Павелъ.

День становился все болѣе яснымъ, облака уходили выше, гонимыя вѣтромъ. Мать собирала посуду для чая и покачивая головой думала о томъ, какъ все странно: шутятъ они оба, улыбаются въ это утро, а въ полдень ждетъ ихъ — кто знаетъ — что? И ей самой почему-то спокойно, почти радостно.

Чай пили долго, стараясь сократить ожиданіе. И Павелъ, какъ всегда, медленно и тщательно размѣшивалъ ложкой сахаръ въ стаканѣ, аккуратно посыпалъ соль на кусокъ хлѣба, — горбушку, любимую имъ. Хохолъ двигалъ подъ столомъ ногами, — онъ никогда не могъ сразу поставить свои ноги удобно, — и глядя, какъ на потолкѣ и стѣнѣ бѣгаетъ, отраженный влагой солнечный лучъ, разсказывалъ:

— Когда былъ я мальчишкой лѣтъ десяти, то захотѣлось мнѣ поймать солнце стаканомъ. Вотъ взялъ я стаканъ, подкрался и — хлопъ по стѣнѣ! Руку разрѣзалъ себѣ, и побили меня за это. А какъ побили, я вышелъ на дворъ, увидалъ солнце въ лужѣ и давай топтать его ногами . . . Обрызгался весь грязью — меня еще побили . . . Что мнѣ дѣлать? Такъ я давай кричать солнцу: »а мнѣ не больно, рыжій чортъ, не больно!« И все языкъ ему показывалъ . . . Это утѣшало.

— Почему оно тебѣ рыжимъ казалось? — спросилъ Павелъ смѣясь.

— А напротивъ насъ кузнецъ былъ, краснорожій такой и съ рыжей бородой. Веселый и добрый мужикъ. Такъ солнце, по моему, на него было похоже . . .

Не стерпѣвъ, мать сказала:

— Вы-бы о томъ поговорили, какъ пойдете!

— Все сказано! — отвѣтилъ Павелъ.

— О рѣшенномъ говорить, только путать! — мягко замѣтилъ хохолъ. — Въ случаѣ, если насъ всѣхъ заберутъ, ненько, къ вамъ Николай Ивановичъ придетъ и онъ вамъ скажетъ, какъ быть. Онъ во всемъ вамъ поможетъ . . .

— Хорошо! — вздохнувъ сказала мать.

— На улицу-бы пойти! — мечтательно проговорилъ Павелъ.

— Нѣтъ, лучше дома посиди пока! — отозвался Андрей. — Зачѣмъ напрасно глаза мозолить полиціи? Ты ей довольно хорошо извѣстенъ!

Прибѣжалъ Федя Мазинъ, весь сверкающій, съ красными пятнами на щекахъ. Полный трепета, радости онъ разогналъ скуку ожиданія.

— Началось! — заговорилъ онъ. — Зашевелился народъ!.. Лѣзетъ на улицу, рожи у всѣхъ, какъ топоры... У воротъ фабрики все время Вѣсовщиковъ съ Гусевымъ Васей и Самойловымъ стояли, рѣчи говорили . . . Множество народа вернули домой! . . Идемте, пора! Уже десять часовъ! . .

Я пойду! — рѣшительно сказалъ Павелъ.

— Вотъ увидите — обѣщалъ Федя — послѣ обѣда встанетъ вся фабрика!

И онъ убѣжалъ.

— Горитъ, какъ восковая свѣчечка на вѣтру! — проводила его мать тихими словами, встала и вышла на кухню, начала одѣваться.

— Куда вы, ненько?

— Съ вами! — сказала она.

Андрей взглянулъ на Павла, дергая себя за усы. Павелъ быстрымъ жестомъ поправилъ волосы на головѣ и вышелъ къ ней.

— Я тебѣ, мама, ничего не скажу . . . и ты мнѣ ничего не говори! Ладно, родная?

— Ладно, ладно . . . Христосъ съ вами! — пробормотала она.

XXVIII.

Когда она вышла на улицу и услыхала въ воздухѣ праздничный гулъ людскихъ голосовъ, гулъ тревожный и ожидающій, когда увидала вездѣ въ окнахъ домовъ и у во-

ротъ группы людей, провожавшіе ея сына и Андрея любопытными взглядами — въ глазахъ у нея встало туманное пятно и заколыхалось, мѣняя цвѣта, то прозрачно зеленое, то мутно сѣрое.

Съ ними здоровались, и въ привѣтствіяхъ было что-то особенное. Слухъ ея ловилъ отрывистыя, негромкія замѣчанія.

— Вотъ они, воеводы . . .

— Намъ неизвѣстно, кто воевода . . .

— Да вѣдь я ничего худого не говорю! . .

Въ другомъ мѣстѣ на дворѣ кто-то кричалъ раздраженно:

— Переловитъ ихъ полиція . . . они и пропадутъ! . .

— Ловила!

Воющій голосъ женщины испуганно прыгалъ изъ окна на улицу.

— Опомнись! Что ты холостой, что-ли? Они холостые — имъ все равно . . .

Когда проходили мимо дома безногаго Зосимова, который получалъ съ фабрики за свое увѣчье ежемѣсячное пособіе, онъ, высунувъ голову изъ окна, закричалъ:

— Пашка! Свернутъ тебѣ голову, подлецу, за твои дѣла, дождешься!

Мать вздрогнула, остановилась. Этотъ крикъ вызвалъ въ ней острое чувство злобы. Она взглянула въ опухшее, толстое лицо калѣки, онъ спряталъ голову, ругаясь. Тогда она, ускоривъ шагъ, догнала сына и, стараясь не отставать отъ него, пошла слѣдомъ.

Онъ и Андрей, казалось, не замѣчали ничего, не слышали возгласовъ, которые провожали ихъ. Шли спокойно, не торопясь и громко говорили о простыхъ вещахъ. Вотъ ихъ остановилъ Мироновъ, пожилой и скромный человѣкъ, всѣми уважаемый за свою трезвую, чистую жизнь.

— Тоже не работаете, Данило Ивановичъ? — спросилъ Павелъ.

— У меня жена на сносяхъ . . . ну, и день такой . . . безпокойный! — объяснилъ Мироновъ, пристально разглядывая товарищей и негромко спросилъ:

— Вы, ребята, говорятъ, скандалъ директору хотите дѣлать, стекла бить ему?

— Развѣ мы пьяные? — воскликнулъ Павелъ.

— Мы просто пройдемъ по улицѣ съ флагами и пѣсни будемъ пѣть! — сказалъ хохолъ. — Вотъ послушайте наши пѣсни — въ нихъ наша вѣра!

— Вѣру вашу я знаю! — задумчиво сказалъ Мироновъ. — Бумаги ваши читалъ . . . Ба, Ниловна! — воскликнулъ онъ, улыбаясь матери умными глазами. — И ты бунтовать пошла?

— Надо хоть передъ смертью рядомъ съ правдой погулять!

— Ишь ты! — сказалъ Мироновъ. — Видно вѣрно про тебя говорятъ, что ты на фабрику запрещенныя книжки носила!

— Кто это говоритъ? — спросилъ Павелъ.

— Да ужъ говорятъ! Ну, прощайте . . . держитесь солиднѣе! . .

Мать тихо смѣялась, ей было пріятно, что про нее такъ говорятъ. Павелъ сказалъ ей, усмѣхаясь:

— Будешь ты въ тюрьмѣ, мама!

— Не откажусь! — молвила она.

Солнце поднималось все выше, вливая свое тепло въ бодрую свѣжесть вешняго дня. Облака плыли медленнѣе, тѣни ихъ стали тоньше, прозрачнѣе . . . Они мягко ползли по улицѣ и по крышамъ домовъ, окутывали людей и точно чистили слободу, стирая грязь и пыль со стѣнъ и крышъ, скуку съ лицъ. Становилось веселѣе, голоса звучали громче, заглушая дальній шумъ возни машинъ и вздохи фабрики.

Снова въ уши матери отовсюду, изъ оконъ, со дворовъ ползли и летѣли слова тревожныя и злыя, вдумчивыя и веселыя. Но теперь ей хотѣлось возражать, благодарить, объ-

яснить, хотѣлось вмѣшаться въ странно пеструю жизнь этого дня.

За угломъ улицы, въ узкомъ переулкѣ собралась толпа, человѣкъ во сто, и въ глубинѣ ея раздавался голосъ Вѣсовщикова.

— Изъ насъ жмутъ кровь, какъ сокъ изъ клюквы! — падали на головы людей неуклюжіе слова.

— Вѣрно! — отвѣтило нѣсколько голосовъ сразу гулкимъ звукомъ.

— Старается хлопецъ! — сказалъ хохолъ. — А ну, пойду, помогу ему! . .

Онъ изогнулся и, прежде чѣмъ Павелъ успѣлъ остановить его, ввернулъ въ толпу, какъ штопоръ въ пробку, свое длинное, гибкое тѣло. Раздался его пѣвучій голосъ.

— Товарищи! Говорятъ, на землѣ разные народы живутъ — евреи и нѣмцы, англичане и татары. А я — въ это не вѣрю! Есть только два народа, два племени непримиримыхъ — богатые и бѣдные! Люди разно одѣваются и разно говорятъ, а поглядите, какъ богатые французы, нѣмцы, англичане обращаются съ рабочимъ народомъ, такъ и увидите, что всѣ они для рабочаго — башибузуки, кость имъ въ горло!

Въ толпѣ засмѣялись.

— А съ другого бока взглянемъ, такъ увидимъ, что и французъ рабочій, и татаринъ, и турокъ, такой-же собачьей жизнью живутъ, какъ и мы, русскій рабочій народъ!

Съ улицы все больше подходило народа, и одинъ за другимъ люди молча, вытягивая шеи, поднимаясь на носки, втискивались въ переулокъ.

Андрей поднялъ голосъ выше.

— Заграницей рабочіе уже поняли эту простую истину и сегодня, въ свѣтлый день Перваго Мая . . .

— Полиція! — крикнулъ кто-то.

Съ улицы въ проулокъ прямо на людей ѣхали, помахивая плетками, четверо конныхъ полицейскихъ и кричали:

— Разойдись!

— Какіе тутъ разговоры?

— Который говоритъ?

Люди хмурились, не охотно уступая дорогу лошадямъ. Нѣкоторые влѣзали на заборы. Зазвучали насмѣшки.

— Посадили свиней на лошадей, а они хрюкаютъ — вотъ и мы воеводы! — кричалъ чей-то звонкій, задорный голосъ.

Хохолъ остался одинъ посрединѣ проулка, на него, мотая головами, наступали двѣ лошади. Онъ подался всторону, и въ тоже время мать схвативъ его за руку, потащила за собой, ворча.

— Обѣщалъ вмѣстѣ съ Пашей, а самъ лѣзетъ на рожонъ одинъ!

— Виноватъ! — сказалъ хохолъ, улыбаясь Павлу. — Ухъ, сколько этой полиціи на землѣ!

— Ладно! — ворчала мать.

Ею овладѣла тревожная, разламывающая усталость, она поднималась изнутри и кружила голову, странно чередуя въ сердцѣ печаль и радость. Хотѣлось, чтобы скорѣй закричалъ обѣденный гудокъ.

Вышли на площадь, среди которой стояла церковь. Вокругъ нея, въ церковной оградѣ густо стоялъ и сидѣлъ народъ, здѣсь было сотенъ пять веселой молодежи, озабоченныхъ женщинъ и ребятишекъ. Толпа колыхалась, люди безпокойно поднимали головы кверху и заглядывали вдаль, во всѣ стороны, нетерпѣливо ожидая. Чувствовалось что-то повышенное, нѣкоторые смотрѣли растерянно, другіе вели себя съ показнымъ удальствомъ. Тихо звучали подавленные голоса женщинъ, мужчины съ досадой отвертывались отъ нихъ, порою раздавалось негромное ругательство. Рѣшенное и рѣшившееся сталкивалось съ недоумѣвающимъ и боязливымъ. Глухой шумъ враждебнаго тренія обнималъ пеструю толпу.

— Митенька! — тихо дрожалъ женскій голосъ. — Пожалѣй себя!..

— Отстань! — прозвенѣло въ отвѣтъ.

А степенный голосъ Сизова говорилъ спокойно, убѣдительно:

— Нѣтъ, намъ молодыхъ бросать не надо! Они стали разумнѣе насъ, они живутъ смѣлѣе! Кто болотную копѣйку отстоялъ? Они! Это нужно помнить. Ихъ за это по тюрьмамъ таскали . . . а выиграли отъ того всѣ! . .

Заревѣлъ гудокъ, поглотивъ своимъ чернымъ звукомъ людской говоръ. Толпа дрогнула, сидѣвшіе встали, на минуту все замерло, насторожилось, и много лицъ поблѣднѣло.

— Товарищи! — раздался голосъ Павла, звучный и крѣпкій. Сухой, горячій туманъ ожегъ глаза матери, и она однимъ движеніемъ вдругъ окрѣпшаго тѣла, встала взади сына. Всѣ обернулись къ Павлу, окружая его, точно крупинки желѣза кусокъ магнита.

— Братья! Вотъ пришелъ часъ нашего отреченія отъ этой жизни, полной жадности, злобы и тьмы, отъ этой жизни насилія надъ людьми, отъ жизни, въ которой нѣтъ намъ мѣста, гдѣ мы — не люди!

Онъ замолчалъ, и всѣ молчали, плотнѣй и гуще сливаясь около него. Мать смотрѣла въ лицо ему и видѣла только глаза, гордые и смѣлые, жгучіе . . .

— Товарищи! Мы рѣшили открыто заявить сегодня, кто мы, мы поднимаемъ сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы!

Древко, бѣлое и длинное мелькнуло въ воздухѣ, наклонилось, разрѣзало толпу, скрылось въ ней, и черезъ минуту надъ поднятыми кверху лицами людей взметнулось красной птицей широкое полотно знамени рабочаго народа . . .

Павелъ поднялъ руку кверху — древко покачнулось, тогда десятокъ рукъ схватили бѣлое гладкое дерево, и среди нихъ была рука его матери.

— Да здравствуетъ рабочій народъ! — крикнулъ онъ.

Сотни голосовъ отозвались ему гулкимъ крикомъ.

— Да здравствуетъ соціалъ-демократическая рабочая партія, наша партія, товарищи, наша духовная родина!

Толпа кипѣла, сквозь нее пробивались ко знамени тѣ, кто понялъ его значеніе, рядомъ съ Павломъ становились Мазинъ, Самойловъ, Гусевы, наклонивъ голову расталкивалъ людей Николай, и еще какіе-то незнакомые матери люди, молодые, съ горящими глазами отталкивали ее . . .

— Да здравствуютъ рабочіе люди всѣхъ странъ! — крикнулъ Павелъ. И все увеличиваясь въ силѣ и въ радости ему отвѣтило тысячеустое эхо, потрясающимъ душу звукомъ.

Мать схватила руку Николая и еще чью-то, она задыхалась отъ слезъ, но не плакала, у нея дрожали ноги и трясущимися губами она говорила:

— Родные . . . это правда . . .

По рябому лицу Николая расплылась широкая улыбка, онъ смотрѣлъ на знамя и мычалъ что-то, протягивая къ нему руку, а потомъ вдругъ охватилъ мать этой рукой за шею, поцѣловалъ ее и засмѣялся.

— Товарищи! — запѣлъ хохолъ, покрывая своимъ мягкимъ голосомъ гулъ толпы. Мы пошли теперь крестнымъ ходомъ во имя Бога новаго, Бога свѣта и правды, Бога разума и добра! Крестнымъ ходомъ мы идемъ, товарищи, долгимъ, труднымъ путемъ для человѣка. Далеко отъ насъ наша цѣль, терновые вѣнцы — близко! Кто не вѣритъ въ силу правды, въ комъ нѣтъ смѣлости до смерти стоять за нее, кто не вѣритъ въ себя и боится страданій — отходи отъ насъ въ сторону! Мы зовемъ за собой тѣхъ, кто вѣруетъ въ побѣду нашу; тѣ, которымъ не видна наша цѣль — пусть не идутъ съ нами, такихъ ждетъ только горе. Въ ряды, товарищи! Да здравствуетъ праздникъ свободныхъ людей!

Толпа слилась плотнѣе. Павелъ махнулъ знаменемъ, оно распласталось въ воздухѣ и поплыло впередъ, озаренное солнцемъ, красно и широко улыбаясь . . .

»Отречемся отъ стараго міра . . .«

раздался звонкій голосъ Феди Мазина, и десятки голосовъ подхватили мягкой, сильной волной:

»Отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ! . .«

Мать съ горячей улыбкой на губахъ шла сзади Мазина и черезъ голову его смотрѣла на сына и на знамя. Вокругъ нея мелькали радостныя лица, разноцвѣтные глаза — впереди всѣхъ шелъ ея сынъ и Андрей. Она слышала ихъ голоса — мягкій и влажный голосъ Андрея дружно сливался въ одинъ звукъ съ голосомъ сына ея, густымъ и басовитымъ.

»Вставай, подымайся, рабочій народъ,
Вставай на борьбу, людъ голодный . . .«

И народъ бѣжалъ встрѣчу красному знамени, онъ что-то кричалъ, сливался съ толпой и шелъ съ нею обратно, и крики его гасли въ звукахъ пѣсни, — той пѣсни, которую дома пѣли тише другихъ, — на улицѣ она текла ровно, прямо, со страшной силой. Въ ней звучало желѣзное мужество, и, призывая людей въ далекую дорогу къ будущему, она честно говорила о тяжестяхъ пути. Въ ея большомъ спокойномъ пламени плавился темный шлакъ пережитаго, тяжелый комъ привычныхъ чувствъ и сгорала въ пепелъ проклятая боязнь новаго . . .

»Мы пойдемъ къ нашимъ страждущимъ братьямъ . . .«

Лилась пѣсня, обнимая людей.

Чье-то лицо, испуганное и радостное, качалось рядомъ съ матерью, и дрожащій голосъ всхлипывая восклицалъ:

— Митя! Куда ты?

Мать не останавливаясь заговорила:

— Пусть идетъ . . . вы не безпокойтесь. Я тоже очень боялась . . . мой впереди всѣхъ. Который несетъ знамя — это мой сынъ!

— Разбойники! Куда вы? Солдаты тамъ!

И вдругъ схвативъ руку матери костлявой рукой, женщина, высокая и худая, воскликнула:

— Милая вы моя . . . поютъ-то какъ . . . И Митя поетъ . . .

— Вы не безпокойтесъ! — бормотала мать. — Это свя-

тое дѣло . . . Вы подумайте — вѣдь и Христа не было-бы, если-бы Его ради люди не погибали.

Эта мысль вдругъ вспыхнула въ ея головѣ и поразила ее своей ясной простой правдой. Она взглянула въ лицо женщины, крѣпко державшей ея руку и повторила, удивленно улыбаясь:

— Не было-бы Христа-то, если-бы люди не погибли Его, Господа, ради!

Рядомъ съ нею явился Сизовъ. Онъ снялъ шапку, махалъ ею въ тактъ пѣснѣ и говорилъ:

— Открыто пошли, мать, а? Пѣсню придумали . . . Какая пѣсня, мать, а?

»Царю нужны для войска солдаты,
Отдавайте ему сыновей . . .«

— Ничего не боятся! — говорилъ Сизовъ. — А мой сынокъ въ могилѣ . . . задавила его фабрика . . . да!

Сердце матери забилось слишкомъ сильно и она начала отставать. Ее быстро оттолкнули въ сторону, притиснули къ забору, и мимо нея колыхаясь потекла густая волна людей. Она видѣла — ихъ было много и это радовало ее.

»Вставай, подымайся, рабочій народъ!«

Казалось, въ воздухѣ поетъ огромная, мѣдная труба, поетъ и будитъ людей, вызывая въ одной груди готовность къ бою, въ другой неясную радость, предчувствіе чего-то новаго, жгучее любопытство. Тамъ — возбуждая смутный трепетъ надеждъ, здѣсь — открывая выходъ ѣдкому потоку годами накопленной злобы. Всѣ заглядывали впередъ, гдѣ качалось и рѣяло въ воздухѣ красное знамя.

— Хоромъ пошли! — ревѣлъ чей-то восторженный голосъ. — Славно, ребята!

И, видимо чувствуя что-то большое, чего не могъ выразить обычными словами, человѣкъ ругался крѣпкой руганью. Но и злоба, темная, слѣпая злоба раба, горячо лилась сквозь зубы его, шипѣла змѣей, извиваясь въ злыхъ словахъ, встревоженная свѣтомъ, упавшимъ на нее.

— Еретики! — грозя кулакомъ изъ окна кричалъ кто-то надорваннымъ голосомъ.

И назойливо лѣзъ въ уши матери чей-то сверлящій визгъ:

— Противъ Государь-Императора, противъ Его Величества-Царя? Бунтовать?

Мимо матери мелькали смятенные лица, подпрыгивая пробѣгали мужчины, женщины, лился народъ темной лавой, влекомой этой пѣсней, которая напоромъ звуковъ, казалось, опрокидывала передъ собой все, расчищая дорогу. И въ груди матери властно росло желаніе закричать людямъ:

— Родные!

Глядя на красное знамя вдали, она — не видя — видѣла лицо сына, его бронзовый лобъ и глаза, горѣвшіе яркимъ огнемъ вѣры.

Но вотъ она въ хвостѣ толпы, среди людей, которые шли не торопясь, равнодушно заглядывая впередъ, съ холоднымъ любопытствомъ зрителей, которымъ заранѣе извѣстенъ конецъ зрѣлища. Шли и говорили негромко, увѣренно.

— Одна рота у школы стоитъ, а другая у фабрики . . .

— Губернаторъ пріѣхалъ . . .

— Вѣрно?

— Самъ видѣлъ . . . пріѣхалъ . . .

Кто-то радостно выругался и сказалъ:

— Всетаки бояться стали нашего брата! . . И войско, и губернаторъ.

— Родные! — билось въ груди матери.

Но слова вокругъ нея звучали мертво и холодно. Она ускорила шагъ, чтобы уйти отъ этихъ людей и ей легко было обогнать ихъ медленный, лѣнивый ходъ.

И вдругъ голова толпы точно ударилась обо что-то, тѣло ея не останавливаясь покачнулось назадъ съ тревожнымъ тихимъ гуломъ. Пѣсня тоже вздрогнула, потомъ полилась быстрѣе, громче. И снова густая волна звуковъ опустилась, поползла назадъ. Голоса выпадали изъ хора одинъ за другимъ, раздавались отдѣльные возгласы, старавшіеся поднять пѣсню на прежнюю высоту, толкнуть ее впередъ:

»Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Иди на врага, людъ голодный! . .«

Но не было въ этомъ зовѣ общей, слитной увѣренности, и уже трепетала въ немъ тревога.

Не видя ничего, не зная что случилось впереди, но догадываясь, мать расталкивала толпу, быстро подвигаясь впередъ, а навстрѣчу ей задомъ пятились люди, одни — наклонивъ головы и нахмуривъ брови, другіе конфузливо улыбаясь, третьи насмѣшливо свистя. Она тоскливо осматривала ихъ лица, ея глаза молча спрашивали, просили, звали . . .

— Товарищи! — раздался голосъ Павла. — Солдаты такіе-же люди, какъ мы. Они не будутъ бить насъ. За что бить? За то, что мы несемъ правду, нужную всѣмъ? Вѣдь эта наша правда и для нихъ нужна . . . Пока они не понимаютъ этого, но уже близко время, когда они встанутъ рядомъ съ нами, когда они пойдутъ не подъ знаменемъ грабежей и убійствъ, которые лгуны и звѣри велятъ имъ звать знаменами славы и чести, а пойдутъ подъ вашимъ знаменемъ свободы и добра. И для того, чтобы они поняли нашу правду скорѣе, мы должны идти впередъ. Впередъ, товарищи! Всегда — впередъ!

Голосъ Павла звучалъ твердо, слова звенѣли въ воздухѣ четко и ясно, но толпа разваливалась, люди одинъ за другимъ отходили вправо и влѣво къ домамъ, прислонялись къ заборамъ. Теперь толпа имѣла форму клина, а остріемъ ея былъ Павелъ, и надъ его головой красно горѣло знамя рабочаго народа. И еще толпа походила на черную птицу — широко раскинувъ свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и летѣть, а Павелъ былъ ея клювомъ . . .

XXIX.

Въ концѣ улицы, видѣла мать, закрывая выходъ на площадь, стояла низкая, сѣрая стѣна однообразныхъ людей безъ лицъ. Надъ плечомъ у каждаго изъ нихъ холодно

и тонко блестѣли острыя полоски штыковъ. И отъ всей этой стѣны, молчаливой, неподвижной, на рабочихъ вѣяло холодомъ, онъ упирался въ грудь матери и проникалъ ей въ сердце.

Она втиснулась въ толпу, туда, гдѣ знакомые ей люди, стоявшіе впереди у знамени, сливались съ незнакомыми, какъ-бы опираясь на нихъ. Она плотно прижалась бокомъ къ высокому бритому человѣку, онъ былъ кривой и, чтобы посмотрѣть на нее, круто повернулъ голову.

— Ты что? . . Ты чья? . . — спросилъ онъ.

— Мать Павла Власова! — отвѣтила она, чувствуя, что у нея дрожитъ подъ колѣнами и нижняя губа невольно опускается.

— Ага! — сказалъ кривой.

— Товарищи! — говорилъ Павелъ. — Всю жизнь впередъ — намъ нѣтъ иной дороги! Пойте!

Стало тихо, чутко. Знамя поднялось, качнулось и, задумчиво рѣя надъ головами людей, плавно двинулось къ сѣрой стѣнѣ солдатъ. Мать вздрогнула, закрыла глаза и ахнула — Павелъ, Андрей, Самойловъ и Мазинъ только четверо оторвались отъ толпы.

Но въ воздухѣ медленно задрожалъ свѣтлый голосъ Феди Мазина:

— »Вы жертвою пали . . .« — запѣлъ онъ.

— »Въ борьбѣ . . . роковой . . .« — двумя тяжелыми вздохами отозвались густые, пониженные голоса. Люди шагнули впередъ, дробно ударивъ ногами землю. И потекла новая пѣсня, рѣшительная и рѣшившаяся.

— »Мы отдали все, что могли, за него . . .« — яркой лентой извивался голосъ Феди . . .

— За свободу . . . — дружно пѣли товарищи.

— Ага-а! — злорадно крикнулъ кто-то всторонѣ. — Панихиду запѣли, сукины дѣти . . .

— Бей его! — раздался гнѣвный возгласъ.

Мать схватилась руками за грудь, оглянулась и увидѣла, что толпа, раньше такъ густо наполнявшая улицу,

стоитъ нерѣшительно, мнется и смотритъ, какъ отъ нея уходятъ люди со знаменемъ. За ними шло нѣсколько десятковъ, и каждый шагъ впередъ заставлялъ кого-нибудь отскакивать всторону, точно путь посреди улицы былъ раскаленъ и жегъ подошвы.

— »Падетъ произволъ . . .« — пророчила пѣсня въ устахъ Феди . . .

— »И возстанетъ народъ!« — увѣренно и грозно вторилъ ему хоръ сильныхъ голосовъ.

Но сквозь стройное теченіе ея прорывались тихія слова:

— Командуетъ . . .

— На руку! — раздался рѣзкій крикъ впереди.

Въ воздухѣ извилисто качнулись штыки, упали и вытянулись встрѣчу знамени, хитро улыбаясь.

— Ма-аршъ!

— Пошли! — сказалъ кривой и, сунувъ руки въ карманы, широко шагнулъ всторону.

Мать не мигая смотрѣла. Сѣрая волна солдатъ колыхнулась и, растянувшись во всю ширину улицы, ровно, холодно двинулась, неся впереди себя рѣдкій гребень серебристо сверкавшихъ зубьевъ стали. Она широко шагая встала ближе къ сыну, видѣла, какъ Андрей тоже шагнулъ впередъ Павла и загородилъ его своимъ длиннымъ тѣломъ.

— Иди рядомъ, товарищъ! — рѣзко крикнулъ Павелъ.

Андрей пѣлъ, руки у него были сложены за спиной, голову онъ поднялъ вверхъ. Павелъ толкнулъ его плечомъ и снова крикнулъ:

— Рядомъ! Не имѣешь права! Впереди — знамя!

— Ра-азойтись! — тонкимъ голосомъ кричалъ маленькій офицерикъ, размахивая бѣлой саблей. Ноги онъ поднималъ высоко и, не сгибая въ колѣняхъ, задорно стукалъ подошвами о землю. Въ глаза матери бросились его ярко начищенные сапоги..

А сбоку и немного сзади него, тяжело шелъ рослый бритый человѣкъ, съ толстыми сѣдыми усами, въ длинномъ сѣромъ пальто на красной подкладкѣ и съ желтыми лампа-

сами на широкихъ штанахъ. Онъ тоже, какъ хохолъ, держалъ руки за спиной, высоко поднялъ густыя сѣдыя брови и смотрѣлъ на Павла.

Мать видѣла необъятно много, въ груди ея неподвижно стоялъ громкій крикъ, готовый съ каждымъ вздохомъ вырваться на волю, онъ душилъ ее, но она, почему-то, сдерживала его, хватаясь руками за грудь. Ее толкали, она качалась на ногахъ и шла впередъ безъ мысли, почти безъ сознанія. Она чувствовала, что людей сзади нея становится все меньше, холодный валъ шелъ имъ навстрѣчу и разносилъ ихъ.

Все ближе сдвигались люди краснаго знамени и плотная цѣпь сѣрыхъ людей, ясно было видно лицо солдатъ — широкое во всю улицу, уродливо приплюснутое въ грязно-желтую узкую полосу — въ нее были неровно вкраплены разноцвѣтные глаза, а передъ нею жестоко сверкали тонкія острія штыковъ. Направляясь въ груди людей, они, еще не коснувшись ихъ, отрѣзали и откалывали одного за другимъ отъ толпы, разрушая ее.

Мать слышала сзади себя топотъ бѣгущихъ. Подавленные, тревожные голоса кричали:

— Расходись, ребята . . .

— Власовъ, бѣги! . .

— Назадъ, Павлуха!

— Бросай знамя, Павелъ! — угрюмо сказалъ Вѣсовщиковъ. — Дай сюда, я спрячу!

Онъ схватилъ рукой древко, знамя покачнулось назадъ.

— Оставь! — крикнулъ Павелъ.

Николай отдернулъ руку, точно ее обожгло. Пѣсня погасла. Люди остановились, плотно окружая Павла, но онъ пробился впередъ. Наступило молчаніе, вдругъ, сразу, точно оно невидимо опустилось сверху и обняло людей прозрачнымъ облакомъ.

Подъ знаменемъ стояло человѣкъ двадцать, не болѣе, но они стояли твердо, притягивая мать къ себѣ чувствомъ страха за нихъ и смутнымъ желаніемъ что-то сказать имъ . . .

— Возьмите у него, поручикъ . . . это! — раздался ровный голосъ высокаго старика.

Протянувъ руку онъ указалъ на знамя.

Къ Павлу подскочилъ маленькій офицерикъ, схватился рукой за древко, визгливо крикнулъ:

— Брось!

— Прочь руки! — громко сказалъ Павелъ.

Знамя красно дрожало въ воздухѣ, наклоняясь вправо и влѣво и снова встало прямо — офицерикъ отскочилъ, сѣлъ на землю. Мимо матери несвойственно быстро скользнулъ Николай, неся передъ собой вытянутую руку со сжатымъ кулакомъ.

— Взять ихъ! — рявкнулъ старикъ, топнувъ въ землю ногой.

Нѣсколько солдатъ выскочило впередъ. Одинъ изъ нихъ взмахнулъ прикладомъ — знамя вздрогнуло, наклонилось и исчезло въ сѣрой кучкѣ солдатъ.

— Эхъ! — тоскливо крикнулъ кто-то.

И мать закричала звѣринымъ, воющимъ звукомъ. Но въ отвѣтъ ей изъ толпы солдатъ раздался ясный голосъ Павла.

— До свиданья, мама! До свиданья, родная . . .

— Живъ! Вспомнилъ! — дважды ударило въ сердцѣ матери.

— До свиданья, ненько моя!

Поднимаясь на носки, взмахивая руками, она старалась увидѣть ихъ и видѣла надъ головами солдатъ круглое лицо Андрея — оно улыбалось, оно кланялось ей.

— Родные мои . . . Андрюша . . . Паша . . . — кричала она.

— До свиданья, товарищи! — крикнули изъ толпы солдатъ.

Имъ отвѣтило многократное, разорванное эхо. Оно отозвалось изъ оконъ, откуда-то сверху, съ крышъ.

XXX.

Ее толкнули въ грудь. Сквозь туманъ въ глазахъ она видѣла передъ собой офицерика, лицо у него было красное, натужное, и онъ кричалъ ей:

— Прочь, старуха.

Она взглянула на него сверху внизъ, увидала у ногъ его древко знамени, разломанное на двѣ части — на одной изъ нихъ уцѣлѣлъ кусокъ красной матеріи. Наклонясь, она подняла его. Офицеръ вырвалъ палку изъ ея рукъ, бросилъ ее всторону и, топая ногами, кричалъ:

— Прочь, говорю! . .

Среди солдатъ вспыхнула и полилась пѣсня:

»Вставай, подымайся, рабочій народъ . . .«

Все кружилось, качалось, вздрагивало. Въ воздухѣ стоялъ густой тревожный шумъ, подобный матовому шуму телеграфныхъ проволокъ. Офицеръ отскочилъ, раздраженно визжа:

— Прекратить пѣніе! Фельдфебель Крайновъ . . .

Мать шатаясь подошла къ обломку древка, брошеннаго имъ, и снова подняла его.

— Заткнуть имъ глотки . . .

Пѣсня сбилась, задрожала, разорвалась, погасла. Кто-то взялъ мать за плечи, повернулъ ее, толкнулъ въ спину . . .

— Иди, иди . . .

— Очистить улицу! — кричалъ офицеръ.

Мать видѣла въ десяткѣ шаговъ отъ себя снова густую толпу людей. Они рычали, ворчали, свистѣли и, медленно отступая вглубь улицы, разливались во дворы.

— Иди, дьяволъ! — крикнулъ прямо въ ухо матери молодой усатый солдатъ, ровняясь съ нею, и толкнулъ ее на тротуаръ.

Она пошла опираясь на древко, а ноги у нея гнулись. Чтобы не упасть, она цѣплялась другой рукой за стѣны и заборы. Передъ нею пятились люди, рядомъ съ нею и сзади нея шли солдаты, покрикивая:

— Иди, иди . . .

Солдаты обогнали ее, она остановилась, оглянулась. Въ концѣ улицы рѣдкою цѣпью стояли они-же, солдаты, заграждая выходъ на площадь. Площадь была пуста. Впереди тоже качались сѣрыя фигуры, медленно двигаясь на людей . . .

Она хотѣла повернуть назадъ, но безотчетно снова пошла впередъ и, дойдя до переулка, свернула въ него, узкій и пустынный.

Снова остановилась. Тяжко вздохнула, прислушалась. Гдѣ-то впереди гудѣлъ народъ.

Опираясь на древко, она зашагала дальше, двигая бровями, вдругъ вспотѣвшая, полная криковъ, шевеля губами, размахивая рукой, и въ сердцѣ ея искрами вспыхивали какія-то слова, вспыхивали, тѣснились, зажигая въ ней настойчивое, властное желаніе сказать ихъ, прокричать . . .

Переулокъ круто поворачивалъ влѣво, и за угломъ мать увидала большую, тѣсную кучу людей, чей-то голосъ сильно и громко говорилъ:

— Ради озорства, братцы, на штыки не лѣзутъ!

— Ка-акъ они, а? Идутъ на нихъ — стоятъ! Стоятъ, братцы мои, безъ страха . . .

— Да-а . . .

— Вотъ-те и Паша Власовъ! . .

— А хохолъ?

— Руки за спиной, улыбается, чортъ . . .

— Голубчики! Люди! — крикнула мать, втискиваясь въ толпу. Передъ нею уважительно разступались. Кто-то засмѣялся:

— Гляди, — съ флагомъ! Въ рукѣ-то — флагъ!

— Молчи! — сурово сказалъ другой голосъ.

Мать широко развела руками . . .

— Послушайте . . . ради Христа! Всѣ вы — родные . . . всѣ вы — сердечные . . . откройтесь, поглядите безъ боязни . . . безъ страха . . . что случилось? Идутъ въ мірѣ дѣти . . . Идутъ дѣти наши, кровь наша, идутъ

за правдой . . . честно открываютъ дорогу на новую дорогу . . . на прямой, широкій путь — для всѣхъ! Для всѣхъ васъ, для младенцевъ вашихъ обрекли себя на крестный путь . . . ищутъ солнца новаго . . . дней всегда свѣтлыхъ . . . Хотятъ другой жизни въ правдѣ, въ справедливости . . . добра хотятъ для всѣхъ!

У нея рвалось сердце, въ груди было тѣсно, въ горлѣ сухо и горячо. Глубоко внутри ея рождались слова большой, все и всѣхъ обнимающей любви и жгли языкъ ея, двигая его все сильнѣй, все свободнѣе.

Она видѣла — слушаютъ ее, всѣ молчатъ, она чувствовала — думаютъ люди, тѣсно окружая ее, и въ ней все росло желаніе — теперь уже ясное для нея — желаніе толкнуть людей туда, за сыномъ, за Андреемъ, за всѣми, кого отдали въ руки солдатъ, за всѣми, кого оставили тамъ однихъ, отъ кого отошли.

Оглядывая хмурыя, внимательныя лица вокругъ, она продолжала съ мягкой силой:

— Идутъ въ мірѣ дѣти наши къ радости, пошли они ради всѣхъ и Христовой правды ради — противъ всего, чѣмъ заполонили, связали, задавили насъ злые наши, фальшивые, жадные наши! Сердечные мои — вѣдь это за весь народъ поднялась молодая кровь наша, за весь міръ, за всѣ люди рабочіе пошли они . . . Не отходите же отъ нихъ, не отрекайтесь, не оставляйте дѣтей своихъ на одинокомъ пути — они для того пошли, чтобы всѣмъ намъ указать дорогу къ правдѣ, вывести на нее . . . Пожалѣйте себя . . . полюбите ихъ . . . поймите сердце дѣтское, повѣрьте сыновнымъ сердцамъ — они правду родили, въ ней горятъ, ради ея погибаютъ. Повѣрьте имъ!

У нея порвался голосъ, она покачнулась обезсиленная, кто-то подхватилъ ее подъ руки . . .

— Божье говоритъ! — взволнованно и глухо выкрикнулъ кто-то. — Божье, люди добрые! Слушай!

Другой пожалѣлъ.

— Эхъ, какъ убивается!

[redacted]

Ему возразили съ упрекомъ.

— Не убивается она, а насъ, дураковъ, бьетъ . . . пойми!

Взвился надъ толпой высокій трепетный голосъ.

— Православные! Митя мой — душа чистая . . . что онъ сдѣлалъ? Онъ за товарищами пошелъ, за любимыми . . . Вѣрно говоритъ она — за что мы дѣтей бросаемъ? Что намъ худого сдѣлали они?

Мать задрожала отъ этихъ словъ и откликнулась тихими слезами.

— Иди домой, Ниловна! Иди, мать! Замучилась! — громко сказалъ Сизовъ.

Былъ онъ блѣденъ, борода у него растрепалась и тряслась. Вдругъ нахмуривъ брови, онъ окинулъ всѣхъ строгими глазами, весь выпрямился и внятно сказалъ:

— Задавило на фабрикѣ сына моего, Матвѣя . . . вы знаете. Но если-бы живъ былъ онъ — самъ я послалъ-бы его въ рядъ съ ними, съ тѣми . . . самъ сказалъ-бы, иди и ты, Матвѣй! Иди, это — вѣрно . . . это — честное!

Онъ оборвался, замолчалъ и всѣ угрюмо молчали, властно объятые чѣмъ-то огромнымъ, новымъ, но уже не пугавшимъ ихъ. Сизовъ поднялъ руку, потрясъ ею и продолжалъ:

— Старикъ говоритъ . . . вы меня знаете. Тридцать девять лѣтъ работаю здѣсь . . . пятьдесятъ три года на землѣ живу. Племянника моего, мальченку чистаго, умницу, опять забрали сегодня . . . Тоже впереди шелъ, рядомъ съ Власовымъ . . . около самого знамени . . .

Онъ махнулъ рукой, съежился и, взявъ руку матери, сказалъ:

— Женщина эта правду сказала . . . Дѣти наши по чести жить хотятъ, по разуму, а мы вотъ бросили ихъ . . . ушли, да! Иди, Ниловна . . .

— Родные вы мои! — сказала она, окидывая всѣхъ заплаканными глазами. — Для дѣтей — жизнь, для нихъ — земля! . .

— Иди, Ниловна! На, палку-то, возьми . . . — говорилъ Сизовъ, подавая ей обломокъ древка.

На мать смотрѣли съ грустью, съ уваженіемъ, и гулъ сочувствія провожалъ ее. Сизовъ молчаливо отстранялъ людей съ дороги, они молча сторонились и, повинуясь неясной силѣ, тянувшей ихъ за матерью, не торопясь, шли за нею, вполголоса перекидываясь краткими словами.

У воротъ своего дома она обернулась къ нимъ, опираясь на обломокъ знамени, поклонилась и благодарно, тихо сказала:

— Спасибо вамъ . . .

И снова вспомнивъ свою мысль, — новую мысль, которую, казалось ей, родило ея сердце, — она проговорила:

— Господа нашего Іисуса Христа не было-бы, еслибы люди не погибли во славу Его . . .

Толпа молча смотрѣла на нее.

Она еще поклонилась людямъ и вошла въ свой домъ, а Сизовъ, нагнувъ голову, вошелъ съ нею.

Люди стояли у воротъ, говорили о чемъ-то.

И расходились, не торопясь.

Часть вторая.

I.

Остатокъ дня прошелъ въ пестромъ туманѣ воспоминаній, въ тяжелой усталости, туго обнявшей тѣло и душу. Передъ матерью сѣрымъ пятномъ прыгалъ маленькій офицерикъ, въ темномъ вихрѣ движенія свѣтилось бронзовое лицо Павла, улыбались глаза Андрея . . .

Она ходила по комнатѣ, садилась у окна, смотрѣла на улицу, снова ходила поднявъ бровь, вздрагивая, оглядываясь, и безъ мысли искала чего-то . . . Пила воду, не утоляя жажды, и не могла залить въ груди жгучаго тлѣнія тоски и обиды. День былъ перерубленъ — въ его началѣ было содержаніе и смыслъ, а теперь все вытекло изъ него, передъ нею простерлась унылая пустота, и голо колыхался недоумѣнный вопросъ:

— Что-же теперь? . .

Пришла Корсунова. Она размахивала руками, кричала, плакала и восторгалась, топала ногами, что-то предлагала и обѣщала, грозила кому-то. Все это не трогало мать.

— Ага! — слышала она крикливый голосъ Марьи. — Задѣли, таки, народъ! Встала фабрика-то . . . вся встала!

— Да, да! — говорила тихо мать, качая головой, а глаза ея неподвижно разглядывали то, что уже стало прошлымъ, ушло отъ нея вмѣстѣ съ Андреемъ и Павломъ. Плакать она не могла — сердце сжалось, высохло, губы тоже высохли и во рту не хватало влаги. Тряслись руки, на

спинѣ мелкой дрожью вздрагивала кожа. Но все время въ сердцѣ тлѣла искра гнѣва: не угасая, не разгораясь, она порой колола грудь точно игла, и мать отзывалась на этотъ уколъ холоднымъ обѣщаніемъ:

— Погодите . . .

И, громко втягивая воздухъ носомъ, опускала бровь.

Вечеромъ пришли жандармы. Она встрѣтила ихъ безъ удивленія, безъ страха. Вошли они шумно, и было въ нихъ что-то веселое, довольное. Желтолицый офицеръ говорилъ, обнажая зубы:

— Ну-съ, какъ поживаете? Уже третій разъ встрѣчаемся мы съ вами, а?

Она молчала, проводя по губамъ сухимъ языкомъ. Офицеръ говорилъ много, поучительно и она чувствовала, что ему пріятно говорить. Но его слова не доходили до нея, не мѣшали ей. Только когда онъ сказалъ:

— Ты сама виновата, матушка, если не умѣла внушить сыну уваженія къ Богу и Царю . . .

Она, стоя у двери и не глядя на него, глухо отвѣтила:

— Да . . . намъ судьи — дѣти . . . Они осудятъ по правдѣ за то, что бросаемъ мы ихъ на пути такомъ.

— Что? — крикнулъ офицеръ. — Громче!

— Я говорю: судьи — дѣти! — повторила она, вздыхая.

Тогда онъ заговорилъ о чемъ-то быстро и сердито, но слова его вились вокругъ не задѣвая мать.

Въ понятыхъ была Марья Корсунова. Она стояла рядомъ съ матерью, но не смотрѣла на нее, и когда офицеръ обращался къ ней съ какимъ-нибудь вопросомъ, она торопливо и низко кланяясь ему, однообразно отвѣчала:

— Не знаю, ваше благородіе. Женщина я совсѣмъ необразованная, занимаюсь торговлей, по глупости моей и ничего не знаю . . .

— Ну, молчи! — приказывалъ офицеръ, шевеля усами. Она кланялась и, незамѣтно показывая ему кукишъ, шептала матери:

— На-ко, выкуси!

Ей приказали обыскать Власову. Она замигала глазами, вытаращила ихъ на офицера и испуганно сказала:

— Ваше благородіе, не умѣю я этого!

Онъ топнулъ ногой, закричалъ. Марья опустила глаза и тихо попросила мать:

— Что-же . . . разстегнись, Пелагея Ниловна . . .

Ошаривая и ощупывая ея платье, она, съ лицомъ, налитымъ кровью, шептала:

— Ахъ, собаки . . . а?

— Ты что-то говоришь тамъ? — сурово крикнулъ офицеръ, заглядывая въ уголъ, гдѣ она обыскивала.

— По женскому дѣлу, ваше благородіе! — пробормотала Марья испуганно.

Когда онъ приказалъ матери подписать протоколъ, она неумѣлой рукой, печатными, жирно блестѣвшими буквами начертила на бумагѣ:

»Вдова рабочаго человѣка Пелагея Нилова Власова.«

— Что ты написала? Зачѣмъ это? — воскликнулъ офицеръ, брезгливо сморщивъ лицо и потомъ, усмѣхаясь, сказалъ:

— Дикари . . .

Ушли они. Мать встала у окна, сложивъ руки на груди и, не мигая, ничего не видя, долго смотрѣла передъ собой, высоко поднявъ брови, сжала губы и такъ стиснула челюсти, что скоро почувствовала боль въ зубахъ. Въ лампѣ выгорѣлъ керосинъ, огонь мелко потрескивая угасалъ. Она дунула на него и осталась во тьмѣ. Темное облако тоскливаго бездумья наполнило грудь ей, затрудняя біеніе сердца. Стояла она долго — устали ноги и глаза. Слышала, какъ подъ окномъ остановилась Марья и пьянымъ голосомъ кричала:

— Пелагея! Спишь? Страдалица моя несчастная . . . спи! Всѣхъ, всѣхъ обижаютъ . . .

Мать, не раздѣваясь, легла въ постель и быстро, точно упала въ глубокій омутъ, погрузилась въ тяжелый сонъ.

Снился ей желтый песчаный курганъ за болотомъ, по дорогѣ въ городъ. На краю его, надъ обрывомъ, спускавшимся къ ямамъ, гдѣ брали песокъ, стоялъ Павелъ и голосомъ Андрея тихо, звучно пѣлъ:

»Вставай, подымайся, рабочій народъ . . .«

Она шла мимо кургана по дорогѣ и, приложивъ ладонь ко лбу, посмотрѣла на сына. На фонѣ голубого неба его фигура была очерчена четко и рѣзко. Она не рѣшалась подойти къ нему, ей было совѣстно, потому что она была беременна. И на рукахъ у нея тоже былъ ребенокъ. Пошла дальше. На полѣ дѣти играли въ мячъ, было ихъ много, и мячъ былъ красный. Ребенокъ потянулся къ нимъ съ ея рукъ и громко заплакалъ. Она дала ему грудь и воротилась назадъ, а на курганѣ уже стояли солдаты, направляя на нее штыки. Она быстро побѣжала къ церкви, стоявшей посреди поля, къ бѣлой, легкой церкви, построенной словно изъ облаковъ и неизмѣримо высокой. Тамъ кого-то хоронили, гробъ былъ большой, черный, наглухо закрытый крышкой. Но священникъ и дьяконъ ходили по церкви въ бѣлыхъ ризахъ и пѣли:

»Христосъ воскресе изъ мертвыхъ . . .«

Дьяконъ кадилъ, кланялся ей, улыбался, волосы у него были ярко рыжіе и лицо веселое, какъ у Самойлова. Сверху, изъ купола, падали широкіе, какъ полотенца, солнечные лучи. На обоихъ клиросахъ тихо пѣли мальчики:

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ . . .

— Взять ихъ! — вдругъ крикнулъ священникъ, останавливаясь посреди церкви. Риза исчезла съ него, на лицѣ появились сѣдые, строгіе усы. Всѣ бросились бѣжать, и дьяконъ побѣжалъ, швырнувъ кадило въ сторону и схватившись руками за голову, точно хохолъ. Мать уронила ребенка на полъ, подъ ноги людей, они обѣгали его стороной, боязливо оглядываясь на голое тѣльце, а она встала на колѣни и кричала имъ:

— Не бросайте дитя! Возьмите его . . .

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ . . . — пѣлъ хохолъ, держа руки за спиной и улыбаясь.

Она наклонилась, подняла ребенка и посадила его на возъ теса, рядомъ съ которымъ медленно шелъ Николай и хохоталъ, говоря:

— Дали мнѣ тяжелую работу . . .

Па улицѣ было грязно, изъ оконъ домовъ высовывались люди и свистѣли, кричали, махали руками. День былъ ясный, ярко горѣло солнце, а тѣней нигдѣ не было.

— Пойте, ненько! — говорилъ хохолъ. — Такая жизнь!

И пѣлъ, заглушая всѣ звуки своимъ добрымъ, улыбающимся голосомъ. Мать шла за нимъ и жаловалась:

— Зачѣмъ офицеръ издѣвается надо мной? . .

Но вдругъ оступилась, быстро полетѣла въ бездонную глубину, и глубина эта пугливо выла ей встрѣчу . . .

Она проснулась охваченная дрожью, вся въ поту. Прислушалась къ себѣ и удивилась — въ груди было пусто. Какъ будто чья-то шаршавая, тяжелая рука схватила сердце и, зло играя, тихонько жметъ его. Настойчиво гудѣлъ призывъ на работу, по звуку она опредѣлила, что это уже второй. Въ комнатѣ безпорядочно валялись книги, все было сдвинуто, разворочено, полъ затоптанъ.

Она встала и, не умываясь, не молясь Богу, начала прибирать комнату. Въ кухнѣ на глаза ей попалась палка съ кускомъ кумача, она непріязненно взяла ее въ руки и хотѣла сунуть подъ печку, но, вздохнувъ, сняла съ нея обрывокъ знамени, тщательно сложила красный лоскутъ и спрятала его въ карманъ, а палку переломила о колѣно и бросила на шестокъ. Потомъ вымыла окна и полъ холодной водой, поставила самоваръ, одѣлась . . . Сѣла въ кухнѣ у окна, и снова передъ нею всталъ вопросъ:

— Что-же теперь дѣлать?

Вспомнивъ, что еще не молилась, она встала передъ образами и, постоявъ нѣсколько секундъ, снова сѣла — въ сердцѣ было пусто.

Маятникъ часовъ всегда стучавшій бойко, точно онъ былъ увѣренъ, что скоро достучится до чего-то необходимаго ему, сегодня замедлилъ свои торопливые удары, и мухи жужжали нерѣшительно . . .

Въ слободкѣ было странно тихо — какъ будто всѣ люди, вчера такъ много кричавшіе на улицѣ, сегодня спрятались въ домахъ и молча думаютъ о необычномъ днѣ.

Вдругъ ей вспомнилась картина, которую она видѣла однажды во дни юности своей: въ старомъ паркѣ господъ Заусайловыхъ былъ большой прудъ, густо заросшій кувшинками. Какъ-то разъ, въ сѣрый день осени, она шла мимо пруда и посреди него увидала лодку. Прудъ былъ теменъ, покоенъ, и лодка была точно приклеена къ черной водѣ, грустно украшенной желтыми листьями. Глубокой печалью, невѣдомымъ горемъ вѣяло отъ этой лодки безъ гребца и веселъ, одинокой, неподвижной на матовой водѣ среди умершихъ листьевъ. Мать долго стояла тогда на берегу пруда думая — кто это оттолкнулъ лодку отъ берега и зачѣмъ . . . Теперь ей показалось, что она сама похожа на эту лодку, которая тогда напоминала ей о гробѣ, ожидавшемъ мертвеца. Вечеромъ въ тотъ-же день узнали, что въ прудѣ утопилась жена прикащика Заусайловыхъ, маленькая женщина съ черными, всегда растрепанными волосами и быстрой походкой . . .

Мать провела рукой по глазамъ, какъ-бы стирая съ нихъ воспоминанія, и мысль ея, вздрагивая и разрываясь, трепетно поплыла надъ впечатлѣніями вчерашняго дня . . . Охваченная ими она сидѣла долго остановивъ глаза на остывшей чашкѣ чая, а въ душѣ ея разгоралось желаніе увидѣть кого-то умнаго и простого, спросить его о многомъ.

И, какъ будто, отвѣчая ея желанію, послѣ обѣда явился Николай Ивановичъ. Но когда она увидала его, ею вдругъ овладѣла тревога и, не отвѣчая на его привѣтствіе, она тихо заговорила:

— Ай, батюшка мой, вотъ ужъ напрасно вы пришли! Неосторожно это! Вѣдь схватятъ васъ, если увидятъ . . .

Крѣпко пожимая ея руку, онъ поправлялъ очки и, наклонивъ свое лицо близко къ ней, объяснилъ ей спѣшнымъ говоркомъ:

— Я, видите-ли, условился съ Павломъ и Андреемъ, что если ихъ арестуютъ — на другой-же день я долженъ переселить васъ въ городъ! — говорилъ онъ ласково и озабоченно. — Былъ у васъ обыскъ?

— Былъ. Обшарили, ощупали. Нѣтъ ни стыда, ни совѣсти у этихъ людей! — воскликнула она, негодуя.

— Зачѣмъ имъ стыдъ? — пожавъ плечами сказалъ Николай и началъ разсказывать почему ей нужно жить въ городѣ.

Она слушала дружескй заботливый голосъ, смотрѣла на него съ блѣдной улыбкой и, не понимая его доказательствъ, удивлялась чувству ласковаго довѣрія къ этому человѣку.

— Если Паша этого хотѣлъ — сказала она — и не стѣсню я васъ . . .

Онъ прервалъ ее:

— Объ этомъ вы не безпокойтесь. Я живу одинъ, лишь изрѣдка пріѣзжаетъ сестра . . .

— Даромъ хлѣба ѣсть не стану . . . — вслухъ соображала она.

— Захотите — дѣло найдется! — сказалъ Николай.

Для нея съ понятіемъ о дѣлѣ уже неразрывно слилось представленіе о работѣ сына, и Андрея съ товарищами. Она подвинулась къ Николаю и, заглянувъ ему въ глаза, спросила:

— Найдется?

— Хозяйство мое маленькое, холостяцкое . . .

— Я не объ этомъ, не объ домашнемъ! — тихо сказала она. — Я — о мірскомъ дѣлѣ . . .

И грустно вздохнула, чувствуя себя уколотой тѣмъ, что онъ не понялъ ее. Онъ всталъ и, улыбаясь близорукими глазами, задумчиво сказалъ:

— И въ мірскомъ дѣлѣ найдете себѣ мѣсто, если захочется . . .

У нея быстро сложилась простая и ясная мысль — однажды она уже съумѣла помочь Павлу, можетъ быть это ей удастся и еще разъ? Чѣмъ больше народу примется за его дѣло, тѣмъ яснѣе выступитъ передъ людьми его правда. Присматриваясь къ доброму лицу Николая, она ждала услышать отъ него слова сожалѣнія о Павлѣ, объ Андреѣ и о ней, но Николай пощипывалъ бородку задумчивыми движеніями пальцевъ и говорилъ:

— Вотъ если-бы при свиданіи съ Павломъ вы попытались узнать отъ него адресъ тѣхъ крестьянъ, которые просили о газетѣ . . .

— Я знаю ихъ! — воскликнула она радостно. — И гдѣ они и кто. Давайте, я имъ отнесу. Найду ихъ и все сдѣлаю, какъ скажете . . . Кто подумаетъ, что я запрещенныя книги несу? На фабрику носила я ихъ — слава тебѣ, Господи, чай не одинъ пудъ перенесла.

Ей вдругъ захотѣлось пойти куда-то по дорогамъ, мимо лѣсовъ и деревень, съ котомкой за плечами, съ палкой въ рукѣ.

— Вы вотъ, голубчикъ, пристройте меня къ этому дѣлу, прошу я васъ! — говорила она. — Я вамъ вездѣ пойду. По всѣмъ губерніямъ, всѣ дороги найду, не безпокойтесь. Буду ходить зиму и лѣто . . . вплоть до могилы, странницей правды ради — развѣ плохая это мнѣ доля? Странняя жизнь — хорошая, идутъ люди по землѣ, ничего у нихъ нѣтъ, ничего, кромѣ хлѣба, имъ не надо, никого они не обижаютъ и такъ, тихонькіе, незамѣтные проходятъ землю . . . Вотъ и я пойду . . . дойду до Паши, до Андрея, туда, гдѣ они жить будутъ . . .

Ей стало грустно, когда она увидѣла себя бездомной странницей, просящей милостыню Христа ради подъ окнами деревенскихъ избъ.

Николай осторожно взялъ ея руку и погладилъ своей теплой рукой. Потомъ взглянувъ на часы сказалъ:

— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ . . . надо подумать . . .

— Родной вы мой! — воскликнула она. — О чемъ думать? Дѣти, лучшая кровь людей, самые дорогіе намъ куски сердца, волю и жизнь свою отдаютъ, погибаютъ безъ жалости къ себѣ . . . а что-же я, мать?

Лицо у Николая поблѣднѣло, онъ тихо проговорилъ, глядя на нее съ ласковымъ вниманіемъ:

— Я, знаете, въ первый разъ слышу такія слова . . .

— Что я могу сказать? — печально качая головой молвила она и безсильнымъ жестомъ развела руки. — Если-бы я имѣла слова, чтобы сказать про свое материнское сердце . . .

Мать встала, приподнятая силой, которая росла въ ея груди и охмѣляла голову горячимъ натискомъ негодующихъ словъ.

— Заплакали-бы многіе . . . и даже злые, безсовѣстные . . .

Николай тоже всталъ, снова взглянулъ на часы.

— Такъ рѣшено — вы переѣдете въ городъ ко мнѣ?

Она молча кивнула головой.

— Когда? Вы скорѣе! — попросилъ онъ и мягко добавилъ: — Мнѣ будетъ тревожно за васъ, право!

Она удивленно взглянула на него — что ему до нея? Наклонивъ голову, смущенно улыбаясь, онъ стоялъ передъ нею сутулый, близорукій, одѣтый въ простой черный пиджакъ, и все на немъ было чужимъ ему . . .

— У васъ есть деньги? — спросилъ онъ, опустивъ глаза.

— Нѣтъ!

Онъ быстро вынулъ изъ кармана кошелекъ, открылъ его и протянулъ ей.

— Вотъ, пожалуйста, берите . . .

Мать невольно улыбнулась и, покачивая головой, замѣтила:

— Все по новому! И деньги безъ цѣны! Люди за нихъ на все идутъ, душу свою теряютъ . . . а для васъ онѣ — такъ себѣ, билетики да мѣдяшечки . . . Какъ будто изъ милости къ людямъ вы ихъ при себѣ держите . . .

Николай тихо засмѣялся.

— Ужасно неудобная и непріятная вещь деньги! Всегда неловко и брать ихъ, и давать . . .

Онъ взялъ ея руку, крѣпко пожалъ и еще разъ попросилъ ее:

— Такъ вы скорѣе, а?

И какъ всегда тихій ушелъ.

Проводивъ его, она подумала:

— Такой добрый — а не пожалѣлъ . . .

И не могла сказать себѣ — удивляетъ это ее или только непріятно . . .

II.

Она собралась къ нему на четвертый день послѣ его посѣщенія. И когда телѣга съ двумя ея сундуками выѣхала изъ слободки въ поле, она, обернувшись назадъ, вдругъ почувствовала, что навсегда уже бросаетъ это мѣсто, гдѣ прошла самая темная и тяжелая полоса ея жизни, гдѣ началась другая — пестрая, быстро поглощавшая дни, полная новаго горя и радости.

На землѣ, черной отъ копоти, огромнымъ темнокраснымъ паукомъ раскинулась фабрика, поднявъ высоко въ небо свои трубы. Къ ней прижимались одноэтажные домики рабочихъ. Сѣрые, приплюснутые, они толпились тѣсной кучкой на краю болота и жалобно смотрѣли другъ на друга маленькими, тусклыми окнами. Надъ ними поднималась церковь, тоже темно-красная подъ цвѣтъ фабрики, и колокольня ея, казалось, была ниже фабричныхъ трубъ.

Мать вздохнула, поправила воротъ кофты, давившій горло, ей было грустно, но грусть была сухая, какъ пыль жаркаго дня.

— Шагай! — бормоталъ извозчикъ, помахивая на лошадь возжами. Это былъ кривоногій человѣкъ неопредѣленнаго возраста, съ рѣдкими, выцвѣтшими волосами на лицѣ и головѣ, съ безцвѣтными глазами. Качаясь съ боку на

бокъ, онъ шелъ рядомъ съ телѣгой, и было ясно, что ему все равно, куда идти — направо, налѣво.

— Шагай! — говорилъ онъ безцвѣтнымъ голосомъ и смѣшно выкидывалъ свои кривыя ноги въ тяжелыхъ сапогахъ, съ присохшей грязью. Мать оглянулась вокругъ. Въ полѣ было пусто, какъ въ душѣ . . .

Уныло качая головой, лошадь тяжело упиралась ногами въ глубокій, нагрѣтый солнцемъ песокъ, и онъ тихо шуршалъ. Скрипѣла плохо смазанная, разбитая телѣга, и всѣ звуки вмѣстѣ съ пылью оставались сзади . . .

Николай Ивановичъ жилъ на окраинѣ города, въ пустынной улицѣ, въ маленькомъ зеленомъ флигелѣ, пристроенномъ къ двухэтажному, распухшему отъ старости, темному дому. Передъ флигелемъ былъ густой палисадникъ, и въ окна трехъ комнатъ квартиры ласково и свѣжо заглядывали вѣтви сиреней, акацій, серебрянные листья молодыхъ тополей. Въ комнатахъ было тихо, чисто, на полу безмолвно дрожали узорчатыя тѣни, по стѣнамъ тянулись полки, тѣсно уставленныя книгами, и висѣли портреты какихъ-то строгихъ, серьезныхъ людей.

— Вамъ удобно будетъ здѣсь? — спросилъ Николай, вводя мать въ небольшую комнату съ однимъ окномъ въ палисадникъ и другимъ на дворъ, густо поросшій травой. И въ этой комнатѣ всѣ стѣны тоже были заняты шкафами и полками книгъ.

— Я бы лучше въ кухнѣ! — сказала она. — Кухонька свѣтлая, чистая . . .

Ей показалось, что онъ испугался чего-то. А когда онъ неловко и смущенно сталъ отговаривать ее и она согласилась — сразу повеселѣлъ.

Всѣ три комнаты были полны какимъ-то особеннымъ воздухомъ — дышать было легко и пріятно, но голосъ невольно понижался, не хотѣлось говорить громко, нарушая мирную задумчивость людей, сосредоточенно смотрѣвшихъ со стѣнъ.

— Цвѣты-то надо полить! — сказала мать, пощупавъ землю въ горшкахъ съ цвѣтами на окнахъ.

— Да, да! — виновато сказалъ хозяинъ. — Я, знаете, люблю ихъ, а заниматься некогда . . .

Наблюдая за нимъ, она видѣла, что и въ своей уютной квартирѣ Николай тоже ходитъ осторожно, безшумно, чужой и далекій всему, что окружаетъ его. Приближалъ свое лицо вплоть къ тому, на что смотрѣлъ и, поправляя очки тонкими пальцами правой руки, прищуривался, прицѣливаясь безмолвнымъ вопросомъ въ предметъ, интересовавшій его. Иногда бралъ вещь — статуэтку или что-нибудь другое въ руки, подносилъ къ лицу и тщательно ощупывалъ глазами — казалось, онъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ матерью и, какъ ей, ему все здѣсь было незнакомо, непривычно. Видя его такимъ, мать сразу почувствовала себя на мѣстѣ въ этихъ комнатахъ. Она ходила за Николаемъ, замѣчая, гдѣ что стоитъ, спрашивала о порядкѣ жизни, онъ отвѣчалъ ей виноватымъ тономъ человѣка, который знаетъ, что онъ все дѣлаетъ не такъ, какъ нужно, а иначе не умѣетъ.

Поливъ цвѣты и уложивъ правильной стопой разбросанныя на піанино ноты, она посмотрѣла на самоваръ и замѣтила:

— Надо почистить . . .

Онъ провелъ пальцами по тусклому металлу, поднесъ палецъ къ носу и серьезно посмотрѣлъ на него. Мать ласково усмѣхнулась.

Когда она легла спать и вспомнила свой день, она удивленно приподняла голову съ подушки, оглядываясь. Первый разъ за всю жизнь она была въ домѣ у чужого человѣка, и это не стѣсняло ее. Она думала о Николаѣ заботливо и чувствовала ясное желаніе сдѣлать для него все какъ можно лучше, вложить что-то ласковое и грѣющее въ его жизнь. Ее трогала за сердце неловкость, смѣшное неумѣніе Николая, его отчужденность отъ обычнаго и что-то мудро-дѣтское въ свѣтлыхъ глазахъ. Потомъ ея мысль упруго остановилась на сынѣ, и передъ нею снова развернулся день.

Перваго Мая, весь одѣтый въ новые звуки, окрыленный новымъ смысломъ. И горе этого дня было, какъ весь онъ, особенное, оно не сгибало голову къ землѣ, какъ тупой, оглушающій ударъ кулака, оно кололо сердце многими уколами и вызывало въ немъ тихій гнѣвъ, выпрямляя согнутую спину.

— Идутъ въ мірѣ дѣти . . . — думала она, прислушиваясь къ незнакомымъ звукамъ ночной жизни города. Они ползли въ открытое окно шелестя листвой въ палисадникѣ, прилетали издалека усталые, блѣдные и тихо умирали въ комнатѣ.

Рано утромъ она вычистила самоваръ, поставила его, безшумно собрала посуду и стала сидя въ кухнѣ ожидать, когда проснется Николай. Вотъ раздался его кашель, и онъ вошелъ въ дверь одной рукой держа очки, другой прикрывая горло. Отвѣтивъ на его привѣтствіе, она унесла самоваръ въ комнату, а онъ сталъ умываться, расплескивая на полъ воду, роняя мыло, зубную щетку и недовольно фыркая на себя.

За чаемъ Николай разсказывалъ ей:

— Я занимаюсь въ земской управѣ очень печальной работой — наблюдаю, какъ раззоряются наши крестьяне . . .

И улыбаясь виновато повторилъ:

— Именно — наблюдаю! Люди голодаютъ, истощенные голодомъ преждевременно ложатся въ могилы, дѣти родятся слабыми, гибнутъ, какъ мухи осенью . . . мы все это знаемъ, знаемъ причины несчастія и, разсматривая ихъ, получаемъ жалованіе . . . А дальше ничего, собственно говоря . . .

— А вы кто — студентъ? — спросила она его.

— Нѣтъ, я сельскій учитель . . . Отецъ мой управляющій заводомъ въ Вяткѣ, а я пошелъ въ учителя. Но въ деревнѣ я сталъ мужикамъ книжки давать, и меня за это посадили въ тюрьму. Послѣ тюрьмы — служилъ прикащикомъ въ книжномъ магазинѣ, но — велъ себя неосторожно и снова попалъ въ тюрьму, потомъ — въ Архангельскую выслали . . . Тамъ у меня тоже вышли непріятности

съ губернаторомъ, меня заслали на берегъ Бѣлаго моря, въ деревушку, гдѣ я прожилъ пять лѣтъ.

Его говорокъ звучалъ въ свѣтлой, залитой солнцемъ комнатѣ спокойно и ровно. Мать уже много слышала такихъ исторій и никогда не понимала — почему ихъ разсказываютъ такъ спокойно, никого не обвиняя за свои страданія, относясь къ нимъ, какъ къ чему-то неизбѣжному.

— Сестра моя сегодня пріѣдетъ! — сообщилъ онъ.

— Замужняя?

— Вдова. Мужъ у нея былъ въ Сибирь сосланъ, но бѣжалъ оттуда, сильно простудился дорогой и умеръ заграницей два года тому назадъ . . .

— Она моложе васъ?

— Старше на шесть лѣтъ . . . Я ей очень многимъ обязанъ . . . Вотъ вы послушайте, какъ она играетъ! Это ея піанино . . . здѣсь вообще много ея вещей — мои книги . . .

— А она гдѣ живетъ?

— Вездѣ! — отвѣтилъ онъ, улыбаясь. — Гдѣ есть нужда въ смѣломъ человѣкѣ, тамъ и она.

— Тоже въ этомъ дѣлѣ? — спросила мать.

— Конечно! — сказалъ онъ.

Онъ скоро ушелъ на службу, а мать задумалась объ »этомъ дѣлѣ«, которое изо дня въ день упрямо и спокойно дѣлаютъ люди. И она чувствовала себя передъ ними, какъ передъ горою въ ночной часъ.

Около полудня явилась дама въ черномъ платьѣ, высокая и стройная. Когда мать отперла ей дверь, она бросила на полъ маленькій желтый чемоданъ и, быстро схвативъ руку Власовой, спросила:

— Вы Павла Михайловича мама, такъ?

— Да, это я! — отвѣтила мать, смущенная ея богатымъ костюмомъ.

— Я васъ такой и представляла себѣ! Братъ писалъ, что вы будете жить у него! — говорила дама, снимая передъ зеркаломъ шляпу. — Мы съ Павломъ Михайловичемъ давно друзья . . . Онъ часто разсказывалъ мнѣ про васъ . . .

Голосъ у нея былъ глуховатый, говорила она медленно, но двигалась сильно и быстро. Большіе сѣрые глаза улыбались молодо и ясно, а на вискахъ уже сіяли тонкія лучистыя морщинки, и надъ маленькими раковинами ушей серебристо блестѣли сѣдые волосы.

— Ѣсть хочу! — заявила она. — Теперь-бы чашку кофе выпить . . .

— Сейчасъ я сварю! — отозвалась мать и, доставая кофейный приборъ изъ шкафа, тихонько спросила: — А развѣ Паша говоритъ обо мнѣ?

— Конечно! И много . . .

Она вынула маленькій кожанный портсигаръ, закурила папиросу и, расхаживая по комнатѣ, спрашивала:

— Вы сильно боитесь за него?

Наблюдая какъ дрожатъ синіе языки огня спиртовой лампы подъ кофейникомъ, мать улыбалась. Ея смущеніе передъ дамой исчезло въ глубинѣ радости.

— Такъ онъ обо мнѣ разсказываетъ . . . хорошій мой! — думала она, а сама медленно говорила: — Вы спрашиваете — безпокойно мнѣ? . . Конечно, не легко . . . но раньше было-бы хуже . . . теперь я знаю — не одинъ онъ . . .

И, глядя въ лицо женщины, спросила ее:

— А какъ ваше имя?

— Софья! — отвѣтила та.

Мать зорко присматривалась къ ней. Въ этой женщинѣ было что-то размашистое, слишкомъ бойкое и торопливое . . .

Быстро прихлебывая кофе, она увѣренно говорила:

— Главное, чтобы всѣ они не долго сидѣли въ тюрьмѣ, скорѣе-бы осудили ихъ. А какъ только сошлютъ — мы сейчасъ-же устроимъ Павлу Михайловичу побѣгъ . . . онъ необходимъ здѣсь.

Мать недовѣрчиво взглянула на Софью, а та, поискавъ глазами куда-бы бросить окурокъ папиросы, сунула его въ землю цвѣточной банки.

— Портятся отъ этого цвѣты! — машинально замѣтила мать.

— Извините! — сказала Софья. — Николай тоже всегда говоритъ мнѣ это . . . — И, вынувъ изъ банки окурокъ, она выбросила его за окно.

Мать смущенно взглянула въ лицо ей и виновато проговорила:

— Вы извините меня! Я это такъ сказала, не подумавъ. Развѣ я могу учить васъ . . .

— А почему и не учить, если я неряха? — отозвалась Софья, пожавъ плечами. — Готовъ кофе? Спасибо! А почему одна чашка? Вы не будете пить?

И вдругъ, взявъ мать за плечи, привлекая къ себѣ и заглядывая въ глаза, она удивленно спросила:

— Неужели вы стѣсняетесь?

Мать, улыбаясь, отвѣтила:

— Только что я вамъ насчетъ окурка сказала, а вы меня спрашиваете — не стѣсняюсь-ли!

И, не скрывая своего удивленія, она заговорила, какъ-бы спрашивая:

— Вчера къ вамъ пріѣхала, а веду себя такъ, словно я дома и васъ давно знаю . . . ничего не боюсь, говорю, что хочу . . . даже вотъ разныя замѣчанія дѣлаю.

— Такъ и нужно! — воскликнула Софья.

— У меня голова кружится . . . и я какъ будто сама себѣ чужая . . . — тихо продолжала мать. — Бывало — ходишь, ходишь около человѣка, прежде чѣмъ что-нибудь скажешь ему отъ души . . . а теперь — всегда душа открыта и сразу говоришь такое, чего раньше не подумала-бы . . . и всего — много!

Софья снова закурила папиросу, ласково и молча освѣщая лицо матери своими сѣрыми глазами.

— Вы говорите — побѣгъ устроить . . . Ну, а какъ-же онъ жить будетъ бѣглый? — поставила мать волновавшій ее вопросъ.

— Это пустяки! — отвѣтила Софья, наливая себѣ еще кофе. — Будетъ жить, какъ живутъ десятки бѣжавшихъ... Я вотъ только что встрѣтила и проводила одного . . . тоже очень цѣнный человѣкъ . . . рабочій съ юга, былъ сосланъ на пять лѣтъ, а прожилъ въ ссылкѣ три съ половиной мѣсяца . . . Поэтому я пышная такая. Вы думаете, я всегда такъ одѣваюсь? Терпѣть не могу нарядовъ и пышныхъ шелестовъ . . . Человѣкъ простъ и долженъ одѣваться просто, красиво, но просто . . .

Мать пристально посмотрѣла на нее, улыбнулась и, задумчиво качая головой, тихо сказала:

— Нѣтъ, видно смялъ меня этотъ день, Первое Мая! Неловко мнѣ какъ-то, и точно по двумъ дорогамъ сразу я иду . . . то мнѣ кажется, что я все понимаю, а то вдругъ какъ въ туманъ попала . . . Вотъ теперь вы . . . смотрю на васъ — барыня . . . занимаетесь вы этимъ дѣломъ . . . Пашу знаете — и цѣните его, спасибо вамъ . . .

— Ну, ужъ это вамъ спасибо! — засмѣялась Софья.

— Что я? Не я его этому научила! — вздохнувъ, сказала мать. — Такъ я говорю — настойчиво продолжала она — то все мнѣ просто и близко, то вдругъ не могу я понять этой простоты. Тоже вотъ спокойно мнѣ и вдругъ боязно, что такъ спокойно. Всю свою жизнь боилась . . . а теперь и есть чего бояться . . . а я — мало боюсь . . . Отчего это? Не пойму! . .

Софья задумчиво отвѣтила:

— Придетъ время — все поймете! . . Ну, мнѣ пора снять съ себя все это великолѣпіе . . .

Положивъ окурокъ на блюдцѣ своей чашки, она тряхнула головой, ея золотистые волосы разсыпались густыми прядями по спинѣ, и она ушла.

Мать посмотрѣла вслѣдъ ей, вздохнула, оглянулась и безъ думъ въ полудремотномъ состояніи покоя, тяготившаго ее, стала убирать посуду.

III.

Часа въ четыре явился Николай. Обѣдали, и за обѣдомъ Софья разсказывала посмѣиваясь, какъ она встрѣчала и прятала бѣжавшаго изъ ссылки человѣка, какъ боялась шпіоновъ, видя ихъ во всѣхъ людяхъ и какъ смѣшно велъ себя этотъ бѣглый . . . Въ тонѣ ея было что-то напоминавшее матери похвальбу рабочаго, который хорошо сдѣлалъ трудную работу и — доволенъ.

Теперь она была одѣта въ легкое широкое платье стального цвѣта. Оно падало отъ плечъ ея къ ногамъ теплыми волнами и было мягкое, безшумное. Она казалась выше ростомъ въ этомъ платьѣ, глаза ея какъ будто потемнѣли, и движенія стали болѣе спокойными.

— Тебѣ, Софья, — заговорилъ Николай послѣ обѣда, придется взять еще дѣло . . . Ты знаешь, мы затѣяли газету для деревни . . . но связь съ людьми оттуда потеряна, благодаря послѣднимъ арестамъ. Вотъ только Пелагея Ниловна можетъ указать намъ, какъ найти человѣка, который возьметъ распространеніе газеты на себя. Ты съ ней поѣзжай туда . . . нужно скорѣе . . . .

— Хорошо! — покуривая папиросу сказала Софья. — Ѣдемъ, Пелагея Ниловна?

— Что-жъ, поѣдемте . . .

— Далеко?

— Верстъ восемьдесятъ . . .

— Чудесно! . . А теперь я поиграю. Вы какъ, Пелагея Ниловна, можете потерпѣть немного музыки?

— Вы меня не спрашивайте — будто нѣтъ меня тутъ! — сказала мать, усаживаясь въ уголокъ дивана, обитаго клеенкой. Она видѣла, что братъ и сестра какъ-бы не обращаютъ на нее вниманія и въ то-же время выходило такъ, что она все время невольно вмѣшивалась въ ихъ разговоръ, незамѣтно вызываемая ими.

— Вотъ слушай, Николай! Это — Григъ. Я сегодня привезла . . . Закрой окна.

Она открыла ноты, не сильно ударила по клавишамъ лѣвой рукой. Сочно и густо запѣли струны. Вздохнувъ глубокимъ вздохомъ, къ нимъ прилилась еще одна нота, богатая звукомъ, вздрагивающая отъ полноты. Изъ подъ пальцевъ правой руки, свѣтло звеня, тревожной стаей полетѣли странно прозрачные крики струнъ и закачались, забились, какъ испуганныя птицы, на темномъ фонѣ низкихъ нотъ, а эти пѣли мѣрно и стройно, какъ волны моря, утомленныя бурей. Въ отвѣтъ на пѣсню безнадежно отзывались густыя волны темныхъ звуковъ, широкія и гулкія, онѣ поглощали своей глубиной рой звенящихъ жалобъ, вопросовъ, стоновъ, слитыхъ въ тревожной пѣснѣ. Порой она отчаянно взлетала вверхъ, рыдая и тоскуя и снова падала, ползла, качалась на зыбкомъ и густомъ потокѣ басовыхъ нотъ, тонула, исчезала въ нихъ и снова прорываясь сквозь равномѣрный, безнадежно спокойный гулъ, росла, звенѣла и таяла, растворялась въ широкомъ взмахѣ влажныхъ нотъ, захлестнутая ими. А онѣ вздыхали все такъ-же сильно и спокойно, не уставая, не отвѣчая, безъ торжества . . .

Сначала мать не трогали всѣ эти звуки и были непонятны ей, въ ихъ теченіи она слышала только звенящій хаосъ. Слухъ ея не могъ поймать мелодіи въ сложномъ трепетѣ массы нотъ. Полудремотно она смотрѣла на Николая, сидѣвшаго поджавъ подъ себя ноги въ другомъ концѣ широкаго дивана, разглядывала строгій профиль Софьи и голову ея, согнутую тяжелой массой золотистыхъ волосъ. Заходило солнце и одинъ лучъ, задумчиво вздрагивая, сначала тепло освѣщалъ голову и плечо Софьи, потомъ легъ на клавиши рояли и затрепеталъ подъ пальцами женщины, обнимая ихъ. Музыка наполняла комнату все тѣснѣе и незамѣтно для матери будила сердце. Три ноты, звонкія, какъ голосъ Феди Мазина, правильно смѣняя одна другую и поддерживая другъ друга на одной высотѣ, блестѣли въ потокѣ звуковъ точно три серебряныя рыбы въ ручьѣ . . . Порою съ ними соединялась еще одна и вмѣстѣ онѣ пѣли что-то простое, касавшееся сердца ласково и грустно. Она стала слѣдить за

ними, ждать ихъ пѣнія и слушала только эти ноты, выдѣляя ихъ изъ тревожнаго хаоса звуковъ, который постепенно становился неслышенъ ей . . .

И почему-то предъ ней вставала изъ темной ямы прошлаго одна обида, давно забытая, но воскресавшая теперь съ горькой ясностью.

Однажды покойникъ мужъ пришелъ домой поздно ночью, сильно пьяный, схватилъ ее за руку, сбросилъ съ постели на полъ, ударилъ въ бокъ ногой и сказалъ:

— Ступай вонъ, сволочь, надоѣла ты мнѣ! . . Ступай!

Она, чтобы защитить себя отъ его ударовъ, быстро взяла на руки двухлѣтняго сына и, стоя на колѣняхъ, прикрылась его тѣломъ, какъ щитомъ. Онъ плакалъ, бился у нея въ рукахъ, испуганный, голенькій и теплый.

— Ступай! — кричалъ Михаилъ своимъ ревущимъ голосомъ.

Она вскочила на ноги, бросилась въ кухню, накинула на плечи кофту, закутала ребенка въ шаль и молча, безъ криковъ и жалобъ, босая, въ одной рубашкѣ и кофтѣ сверхъ нея, пошла по улицѣ. Былъ май и ночь была свѣжа, пыль улицы холодно приставала къ ногамъ, набиваясь между пальцами. Ребенокъ плакалъ, бился. Она раскрыла грудь, прижала сына къ тѣлу и, гонимая страхомъ, шла по улицѣ, шла, тихонько баюкая:

— О-о-о . . . о-о-о! .

А уже свѣтало, ей было боязно и стыдно ждать, что кто-нибудь выйдетъ на улицу, увидитъ ее полунагую . . . Она сошла къ болоту и сѣла на землю подъ тѣсной группой молодыхъ осинъ. И такъ сидѣла долго, объятая ночью, неподвижно глядя во тьму широко раскрытыми глазами, и боязливо пѣла, баюкая уснувшаго ребенка и обиженное сердце свое . . .

— О-о-о . . . о-о-о . . . о-о-о! . .

Въ одну изъ минутъ, проведенныхъ ею тамъ, надъ головой ея мелькнула, улетая вдаль, какая-то черная, тихая птица — она разбудила ее, подняла. Дрожащая отъ холода, она

пошла домой, навстрѣчу привычному ужасу побоевъ и новыхъ обидъ . . .

Послѣдній разъ вздохнулъ гулкій аккордъ, безразличный, холодный, вздохнулъ и замеръ.

Софья обернулась, негромко спрашивая брата:

— Понравилось?

— Очень! — сказалъ онъ, вздрогнувъ какъ разбуженный. — Очень . . .

Въ груди матери пѣло и дрожало эхо воспоминаній, ей хотѣлось еще музыки. И гдѣ-то сбоку, стороной, развивалась мысль:

— Вотъ живутъ люди . . . братъ и сестра, дружно, спокойно . . . Музыка . . . Не ругаются, не пьютъ водки, не спорятъ изъ-за куска . . . Нѣтъ у нихъ желанія обидѣть другъ друга, какъ это есть у людей черной жизни . . .

Софья быстро курила папиросу. Она курила много, почти безпрерывно.

— Это любимая вещь покойника Кости! — сказала она, торопливо затягиваясь дымомъ, и снова взяла негромкій, печальный аккордъ. — Какъ я любила играть ему. Какой онъ чуткій былъ, отзывчивый на все . . . всѣмъ полный . . .

— О мужѣ вспоминаетъ, должно быть . . . — мелькомъ отмѣтила мать. — А улыбается . . .

— Сколько далъ мнѣ счастья этотъ человѣкъ . . . — тихо говорила Софья, акомпанируя своимъ думамъ легкими звуками струнъ. — Какъ онъ умѣлъ жить . . . Всегда въ немъ горѣла радость, дѣтская, живая радость . . .

— Дѣтская . . . — повторила мать про себя, соглашаясь.

— Да-а! — сказалъ Николай, теребя свою бородку. — Пѣвучая душа! . .

Софья бросила куда то начатую папиросу, обернулась къ матери и спросила ее:

— Вамъ не мѣшаетъ мой шумъ, нѣтъ?

Мать отвѣтила съ легкой досадой, которую не могла сдержать.

— Вы меня не спрашивайте . . . я ничего не понимаю . . . сижу, слушаю, думаю про себя . . .

— Нѣтъ, вы должны понимать! — сказала Софья. — Женщина не можетъ не понять музыку . . . а особенно, если ей грустно . . .

Она сильно ударила по клавишамъ, и раздался громкій крикъ, точно кто-то услышалъ ужасную для себя вѣсть, она ударила его въ сердце и вырвала этотъ потрясающій звукъ. Испуганно затрепетали молодые голоса и бросились куда то торопливо, растерянно, и снова закричалъ громкій, гнѣвный голосъ, все заглушая . . . Должно быть случилось несчастіе, но вызвало къ жизни не жалобы, а гнѣвъ . . . Потомъ явился кто-то ласковый и сильный и запѣлъ простую красивую пѣснь, уговаривая и призывая за собой. Обиженно и глухо ворчали голоса басовыхъ струнъ . . .

Она играла долго, обильно сѣя массы пѣвучихъ звуковъ, и это волновало мать, возбуждая въ ней желаніе спросить — о чемъ говоритъ музыка, вызывая неясные образы, чувства, мысли, тотчасъ-же смѣнявшіеся другими. Печаль и тревога уступали мѣсто проблескамъ спокойной радости, казалось, въ комнатѣ летаетъ рой невидимыхъ птицъ, онѣ, проникая всюду, задѣваютъ за сердце нѣжными крыльями, тревожатъ и утѣшаютъ, играютъ и серьезно поютъ о чемъ-то, что невольно вызываетъ въ груди неуловимыя словами думы и бодрятъ сердце смутными надеждами, свѣжо и крѣпко ласкаютъ его.

Грудь матери полно налилась добрымъ желаніемъ сказать что-то хорошее и этимъ двумъ людямъ, и всѣмъ вообще. Она тихонько улыбалась, охмѣленная музыкой, чувствуя себя способной сдѣлать что-то нужное для брата и сестры.

И поискавъ глазами — что можно сдѣлать, тихонько пошла въ кухню ставить самоваръ.

Но это желаніе не исчезло у нея, оно билось въ груди настойчиво, ровно, и разливая чай, она говорила волнуясь, смущенно усмѣхаясь и какъ-бы отирая свое сердце словами теплой ласки, которую она давала равномѣрно имъ и себѣ.

— Мы, люди черной жизни, все чувствуемъ, но трудно выговорить сердце намъ, намъ это совѣстно, что вотъ понимаемъ, а сказать не можемъ. И часто отъ совѣсти сердимся мы на мысли наши. Да и на тѣхъ, кто ихъ внушаетъ, сердимся, гонимъ прочь. Вѣдь безпокойна жизнь — со всѣхъ сторонъ и бьетъ, и колетъ, хочется отдохнуть . . . а мысли будятъ душу, требуютъ — гляди!

Николай слушалъ и кивалъ головой, торопливо протирая очки, а Софья смотрѣла на нее, широко открывъ свои огромные глаза и забывая курить угасавшую папиросу. Она сидѣла у піанино вполоборота къ нему и порою тихо касалась клавишъ тонкими пальцами правой руки. Аккордъ осторожно вливался въ рѣчь матери, торопливо облекавшей чувства въ простыя, душевныя слова.

— Я вотъ теперь смогу сказать кое-что про себя, про своихъ людей . . . потому что понимаю жизнь . . . а стала понимать, когда могла сравнить. Раньше жила, и не съ чѣмъ было сравнивать. Вѣдь въ нашемъ быту всѣ живутъ одинаково. А теперь вижу, какъ другіе живутъ, смотрю, какъ сама жила и — горько вспомнить, тяжело . . . ну, назадъ не воротишь, а и воротишься — молодости не найдешь . .

Она понизила голосъ и продолжала:

— Можетъ быть я что-нибудь и не такъ говорю и не нужно этого говорить, потому что вы сами все знаете . . . но вѣдь и про себя говорю . . . это вы меня поставили рядомъ съ собой . . .

Слезы радостной благодарности зазвенѣли въ ея голосѣ, и, глядя на нихъ съ улыбкой въ глазахъ, она сказала:

— Хочется мнѣ сердце открыть передъ вами, чтобы видѣли вы, какъ я желаю вамъ добраго, хорошаго!

— Мы это видимъ! — тихо сказалъ Николай. — Вы дѣлаете праздникъ намъ.

— Мнѣ вѣдь что кажется? — улыбалась она, понижая голосъ. — Кажется, что я кладъ нашла, богата стала . . . И всѣхъ одарить могу! Это, можетъ быть, только глупость моя разыгралась . . .

— Не говорите такъ! — серьезно сказала Софья.

Она не могла насытить свое желаніе и снова говорила имъ то, что было ново для нея и казалось ей неоцѣнимо важнымъ. Потомъ она стала разсказывать о себѣ, о своей бѣдной жизни въ обидахъ и терпѣливомъ страданіи, разсказывала и — вдругъ останавливалась, ей казалось, что она отошла въ сторону сама отъ себя и говоритъ точно о комъ-то другомъ . . .

Въ простыхъ словахъ, беззлобно, съ усмѣшкой сожалѣнія на губахъ, она развертывала передъ ними однообразный, сѣрый свитокъ печальныхъ дней, перечисляя побои мужа, и сама поражалась ничтожностью поводовъ къ этимъ побоямъ, сама удивлялась своему неумѣнію отклонить ихъ . . .

Они оба слушали ее молча, внимательно, подавленные глубокимъ смысломъ простой исторіи человѣка, котораго считали скотомъ и который самъ долго и безропотно чувствовалъ себя тѣмъ, за кого его считали. Казалось, тысячи жизней говорятъ ея устами — обыденно и просто было все, чѣмъ она жила, но такъ просто и обычно жило безчисленное множество людей на землѣ, и ея исторія, все расширяясь въ ихъ глазахъ, принимала значеніе символа . . . Николай поставилъ локти на столъ, положилъ голову на ладони и не двигался, глядя на нее черезъ очки напряженно прищуренными глазами. Софья откинулась на спинку стула и порой вздрагивала, порой шептала что-то про себя, отрицательно покачивая головой. Лицо ея стало еще болѣе худымъ и блѣднымъ, и она не курила.

— Однажды я сочла себя несчастной, мнѣ показалось, что жизнь моя — лихорадка . . . — тихо заговорила она, опуская голову. — Это было въ ссылкѣ. Маленькій уѣздный городишко, дѣлать нечего, думать не о чемъ, кромѣ себя . . . Я складывала всѣ мои несчастія и взвѣшивала ихъ, отъ нечего дѣлать: вотъ — поссорилась съ отцомъ, котораго любила, прогнали изъ гимназіи и оскорбили, тюрьма, предательство товарища, который былъ близокъ мнѣ, арестъ мужа, опять тюрьма и ссылка, смерть мужа . . . И мнѣ тогда каза-

лось, что самый несчастный человѣкъ — это я . . . Но всѣ мои несчастія и въ десять разъ больше — не стоятъ мѣсяца вашей жизни, Пелагея Ниловна . . . не стоятъ! Это ежедневное истязаніе въ продолженіе годовъ . . . Гдѣ люди черпаютъ силу страдать?

— Привыкаютъ! — вздохнувъ, отвѣтила Власова.

— Мнѣ казалось — я знаю эту жизнь! — задумчиво сказалъ Николай. — Но когда о ней говоритъ не книга и не разрозненныя впечатлѣнія мои, а вотъ такъ, сама она — страшно! И страшны мелочи, страшно ничтожное, секунды, изъ которыхъ слагаются года . . .

Бесѣда вдумчиво текла, росла, охватывая черную жизнь со всѣхъ сторонъ, мать углублялась въ свои воспоминанія и, извлекая изъ сумрака прошлаго каждодневныя мелкія обиды, создавала тяжелую картину огромнаго нѣмого ужаса, въ которомъ утонула ея молодость. Наконецъ она сказала:

— Ой, заговорила я васъ . . . пора вамъ отдыхать! Всего не перескажешь . . .

Братъ и сестра простились съ нею молча. Ей показалось, что Николай поклонился ниже, чѣмъ всегда и крѣпче пожалъ руку. А Софья проводила ее до комнаты и, остановясь въ дверяхъ, сказала тихо:

— Отдыхайте . . . покойной ночи!

Отъ ея голоса вѣяло тепломъ, и сѣрые глаза такъ мягко ласкали лицо матери . . .

Она взяла руку Софьи и, сжимая ее своими руками, отвѣтила:

— Спасибо вамъ! . .

IV.

Дня три прошло въ непрерывныхъ разговорахъ съ Софьей и Николаемъ, въ разсказахъ о прошломъ, которое, взволнованно и настойчиво поднимаясь со дна проснувшейся души, ужасалось само себѣ и просило объясненія. И вниманіе, съ которымъ братъ и сестра слушали мать, все шире открывало ея сердце, освобождая его изъ тѣсной, темной клѣтки.

А на четвертый день она и Софья явились передъ Николаемъ двумя бѣдно одѣтыми мѣщанками, въ поношенныхъ ситцевыхъ платьяхъ и кофтахъ, съ котомками за плечами и съ палками въ рукахъ. Костюмъ убавилъ Софьѣ ростъ и сдѣлалъ еще строже ея блѣдное лицо.

Прощаясь съ сестрой, Николай крѣпко пожалъ ей руку, и мать еще разъ отмѣтила эту простоту и спокойствіе отношеній. Ни поцѣлуевъ, ни ласковыхъ словъ у этихъ людей, а относятся они другъ къ другу такъ душевно, заботливо. Тамъ, гдѣ она жила, люди много цѣлуются, часто говорятъ ласковыя слова и всегда кусаютъ другъ друга, какъ голодныя собаки.

Женщины молча прошли по улицамъ города, вышли въ поле и зашагали плечо къ плечу по широкой, избитой дорогѣ между двумя рядами старыхъ березъ.

— А не устанете вы? — спросила мать у Софьи.

— Вы думаете мало я ходила! Это мнѣ знакомо...

И съ улыбкой, весело, какъ будто она хвасталась славными шалостями дѣтства, Софья стала разсказывать матери о своей революціонной работѣ. Ей приходилось жить подъ чужимъ именемъ, пользуясь фальшивымъ документомъ, переодѣваться, скрываясь отъ шпіоновъ, возить пуды запрещенныхъ книгъ по разнымъ городамъ, устраивать побѣги для ссыльныхъ товарищей, сопровождать ихъ заграницу. Въ ея квартирѣ была устроена тайная типографія, и когда жандармы, узнавъ объ этомъ, явились съ обыскомъ, она, успѣвъ за минуту передъ ихъ приходомъ переодѣться горничной, ушла, встрѣтивъ у воротъ дома своихъ гостей и, безъ верхняго платья, въ легкомъ платкѣ на головѣ и съ жестянкой для керосина въ рукахъ, зимою, въ крѣпкій морозъ, прошла весь городъ изъ конца въ конецъ. Другой разъ она пріѣхала въ чужой городъ къ своимъ знакомымъ и когда уже шла по лѣстницѣ въ ихъ квартиру, замѣтила, что у нихъ обыскъ. Возвращаться назадъ было поздно, тогда она смѣло позвонила въ дверь этажемъ ниже квартиры знакомыхъ и,

войдя со своимъ чемоданомъ къ незнакомымъ людямъ, откровенно объяснила имъ свое положеніе.

— Можете выдать меня, если хотите, но я думаю вы не сдѣлаете этого, — сказала она увѣренно.

Они были сильно испуганы и всю ночь не спали, ожидая каждую минуту, что къ нимъ постучатъ, но не рѣшились выдать ее жандармамъ, а утромъ, вмѣстѣ съ нею смѣялись надъ ними. А однажды она, переодѣтая монахиней, ѣхала въ одномъ вагонѣ и на одной скамьѣ со шпіономъ, который выслѣживалъ ее, и, хвастаясь своей ловкостью, разсказывалъ ей, какъ онъ это дѣлаетъ. Онъ былъ увѣренъ, что она ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ въ вагонѣ второго класса, на каждой остановкѣ выходилъ и, возвращаясь, говорилъ ей:

— Не видно . . . спать легла, должно быть. Тоже и они устаютъ . . . жизнь трудная, вродѣ нашей!

Мать слушала ея разсказы, смѣялась и смотрѣла на нее ласкающими глазами. Высокая, сухая, Софья легко и твердо шагала по дорогѣ стройными и крѣпкими ногами. Въ ея походкѣ, словахъ, въ самомъ звукѣ голоса, хотя и глуховатомъ, но бодромъ, во всей ея прямой фигурѣ было много душевнаго здоровья, веселой смѣлости и жажды воздуха, простора. Ея глаза смотрѣли на все молодо и всюду видѣли что-то, радовавшее ее юной радостью.

— Смотрите, какая славная сосна! — восклицала Софья, указывая матери на дерево. Мать останавливалась и смотрѣла — сосна была не выше и не гуще другихъ.

— Ничего, хорошее дерево! — усмѣхаясь говорила она. И видѣла, какъ вѣтеръ игралъ сѣдыми волосами надъ ухомъ женщины.

— Жаворонокъ! — Сѣрые глаза Софьи ласково разгорались, и тѣло какъ будто поднималось отъ земли навстрѣчу музыкѣ, невидимо звенѣвшей въ ясной высотѣ. Порою она гибко наклоняясь срывала полевой цвѣтокъ и легкими прикосновеніями тонкихъ быстрыхъ пальцевъ любовно гладила дрожащіе лепестки. И что-то напѣвала, тихо и красиво.

Встрѣчались и обгоняли крестьяне, пѣшеходы и на телѣгахъ, говорили:

— Миръ дорогой!

Горѣло вешнее ласковое солнце, мягко сверкала голубая глубина, по сторонамъ дороги тянулся темный хвойный лѣсъ, ярко зеленѣли поля, пѣли птицы, густой, смолистый воздухъ тепло и нѣжно гладилъ щеки.

Все это подвигало сердце ближе къ женщинѣ со свѣтлыми глазами, и мать невольно жалась къ ней, стараясь идти въ ногу. Но порою въ словахъ Софьи вдругъ являлось что-то слишкомъ звонкое, рѣзкое, оно казалось матери лишнимъ и возбуждало у нея опасливую думу:

— Не понравится она Михайлѣ-то . . .

А черезъ минуту Софья снова говорила просто, душевно, и мать, любовно улыбаясь, заглядывала ей въ глаза.

— Какая молодая вы еще! — вздохнувъ сказала она.

— О, мнѣ ужъ тридцать два года! — воскликнула Софья.

Власова улыбнулась.

— Я не про это . . . съ лица вамъ можно больше дать. А посмотришь въ глаза ваши, послушаешь васъ и даже удивляешься . . . какъ будто вы дѣвушка. Жизнь ваша безпокойная и трудная, опасная, а сердце у васъ — улыбается.

— Я не чувствую, что мнѣ трудно и не могу представить жизнь лучше, интереснѣе этой . . . Я буду звать васъ — Ниловна, Пелагея — это не идетъ вамъ.

— Зовите, какъ хочется! — задумчиво сказала мать. — Какъ хочется, такъ и зовите . . . Я вотъ все смотрю на васъ, слушаю, думаю . . . И больше всего пріятно мнѣ видѣть, что всѣ вы знаете пути къ сердцу человѣческому. Все въ человѣкѣ передъ вами открывается безъ робости, безъ опасеній . . . такъ сама собой распахивается душа встрѣчу вамъ . . . И думаю я про всѣхъ васъ — одолѣютъ они злое въ жизни, непремѣнно одолѣютъ!

— Мы побѣдимъ, потому что мы съ рабочимъ народомъ! — увѣренно и громко сказала Софья. — Нашу силу работать,

нашу вѣру въ побѣду правды мы беремъ у народа, а народъ — неисчерпаемый источникъ силы и духовной, и рабочей . . . Въ немъ скрыты всѣ возможности и съ нимъ — все достижимо! . . Надо только разбудить его сознаніе, душу его, великую душу ребенка, которому не даютъ свободы рости . . .

Рѣчь ея будила въ сердцѣ матери сложное чувство — ей, почему-то, было жалко Софью не обидной дружеской жалостью, и хотѣлось слышать отъ нея другія слова, болѣе простыя . . .

— Кто васъ наградитъ за труды ваши? — спросила она тихо и печально.

Софья отвѣтила съ гордостью, какъ показалось матери:

— Мы уже награждены! . . Мы нашли для себя жизнь, которая удовлетворяетъ насъ, мы живемъ широко и полно, всѣми силами души — чего еще можно желать?

Мать взглянула на нее и опустила голову, снова подумавъ:

— Не понравится она Михайлѣ . . .

Вдыхая полной грудью сладкій воздухъ, онѣ шли не быстрой, но скорой походкой, и матери казалось, что она идетъ на богомолье. Ей вспоминалось дѣтство и та хорошая радость, съ которой она, бывало, ходила изъ села на праздникъ въ дальній монастырь къ чудотворной иконѣ.

Иногда Софья негромко, но красиво пѣла какія-то новыя пѣсни о небѣ, о любви или вдругъ начинала разсказывать стихи о полѣ и лѣсахъ, о Волгѣ, а мать, улыбаясь, слушала и невольно покачивала головой въ ритмъ стиха, поддаваясь музыкѣ его.

Въ груди у нея было тепло, тихо и задумчиво, точно въ маленькомъ старомъ саду лѣтнимъ вечеромъ.

V.

На третій день пришли къ селу, мать спросила мужика, работавшаго въ полѣ, гдѣ дегтярный заводъ, и скоро

онѣ спустились по крутой лѣсной тропинкѣ — корни деревьевъ лежали на ней какъ ступени — на небольшую круглую поляну, засоренную углемъ и щепой, залитую дегтемъ.

— Вотъ и пришли! — безпокойно оглядываясь сказала мать.

У шалаша изъ жердей и вѣтвей, за столомъ изъ трехъ нестроганыхъ досокъ, положенныхъ на козлы, врытые въ землю, сидѣли обѣдая — Рыбинъ, весь черный, въ разстегнутой на груди рубахѣ, Ефимъ и еще двое молодыхъ парней. Рыбинъ первый замѣтилъ ихъ и, приложивъ ладонь къ глазамъ, молча ждалъ.

— Здравствуйте, братецъ Михайло! — крикнула мать еще издали.

Онъ всталъ, не торопясь пошелъ встрѣчу, узнавъ ее, остановился и, улыбаясь, погладилъ бороду темной рукой.

— Идемъ на богомолье! — говорила мать подходя. — Дай, думаю, зайду, навѣщу брата! Вотъ моя подруга, Анной звать . . .

Гордясь своими выдумками, она искоса взглянула въ лицо Софьи, серьезное и строгое.

— Здравствуй! — сказалъ Рыбинъ, сумрачно усмѣхаясь, потрясъ ея руку, поклонился Софьѣ и продолжалъ: — Не ври, здѣсь не городъ, вранье не требуется! Все свои люди . . .

Ефимъ, сидя за столомъ, зорко разсматривалъ странницъ и что-то говорилъ товарищамъ, тихо жужжавшимъ голосомъ. Когда женщины подошли къ столу, онъ всталъ и молча поклонился имъ, его товарищи сидѣли неподвижно, какъ-бы не замѣчая гостей.

— Мы тутъ живемъ, какъ монахи! — сказалъ Рыбинъ, легонько ударяя Власову по плечу. — Никто не ходитъ къ намъ, хозяина въ селѣ нѣтъ, хозяйку въ больницу увезли, и я теперь вродѣ управляющаго . . . Садитесь-ка за столъ. Чай ѣсть хотите? Ефимъ, досталъ-бы молока!

Не торопясь Ефимъ пошелъ въ шалашъ, странницы снимали съ плечъ котомки, одинъ изъ парней, высокій и худой,

всталъ изъ-за стола, помогая имъ, другой, коренастый и лохматый, задумчиво облокотясь на столъ, смотрѣлъ на нихъ, почесывая голову и тихо мурлыкая пѣсню.

Тяжелый ароматъ свѣжаго дегтя сливался съ душнымъ запахомъ прѣлаго листа и кружилъ голову.

— Вотъ этого звать Яковъ, — указывая на высокаго парня, сказалъ Рыбинъ, — а тотъ — Игнатій . . . Ну, какъ сынъ твой?

— Въ тюрьмѣ! — вздохнувъ сказала мать.

— Опять въ тюрьмѣ? — воскликнулъ Рыбинъ. — Понравилось ему, однако . . .

Игнатій пересталъ пѣть, Яковъ взялъ палку изъ рукъ матери и сказалъ:

— Садись, бабушка . . .

— А что-же вы? Садитесь! — пригласилъ Рыбинъ Софью. Она молча сѣла на обрубокъ дерева, внимательно разглядывая Рыбина.

— Когда взяли? — спросилъ Рыбинъ, усаживаясь противъ матери и, качнувъ головой, воскликнулъ: — Не везетъ тебѣ, Ниловна!

— Ничего! — сказала она.

— Ну? Привыкаешь!

— Не привыкаю, а вижу — нельзя безъ этого!

— Такъ! — сказалъ Рыбинъ. — Ну, разсказывай . . .

Ефимъ принесъ горшокъ молока, взялъ со стола чашку, сполоснулъ водой и, наливъ въ нее молоко, подвинулъ къ Софьѣ, внимательно слушая разсказъ матери. Онъ двигался и дѣлалъ все безшумно, осторожно. Когда мать кончила свой краткій разсказъ — всѣ молчали съ минуту, не глядя другъ на друга. Игнатъ, сидя за столомъ, рисовалъ ногтемъ на доскахъ какой-то узоръ, Ефимъ стоялъ сзади Рыбина, облокотясь на его плечо, Яковъ, прислонясь къ стволу дерева, сложилъ на груди руки и опустилъ голову. Софья исподлобья оглядывала мужиковъ . . .

— Да-а! — медленно и угрюмо протянулъ Рыбинъ. — Вотъ оно какъ рѣшили . . . открыто . . .

— У насъ-бы, если такой парадъ устроить, — сказалъ Ефимъ и хмуро усмѣхнулся, — на смерть избили-бы мужики!

— Изобьютъ! — подтвердилъ Игнатъ, кивнувъ головой. — Нѣтъ, я на фабрику уйду, тамъ лучше . . .

— Судить, говоришь, будутъ Павла? — спросилъ Рыбинъ.

— Да, судить рѣшено . . . — сказала мать.

— И что-же, какое наказаніе . . . не слышала?

— Каторга или вѣчное поселеніе въ Сибири . . . — тихо отвѣтила она.

Трое парней всѣ сразу посмотрѣли на нее, а Рыбинъ опустилъ голову и медленно спросилъ:

— А онъ, когда затѣвалъ это дѣло, зналъ, что ему грозитъ?

— Не знаю . . . навѣрно зналъ . . .

— Зналъ! — громко сказала Софья.

Всѣ замолчали не двигаясь, какъ-бы застывъ въ одной холодной мысли.

— Такъ! — продолжалъ Рыбинъ сурово и важно. — Я тоже думаю, что зналъ онъ. Не смѣривъ — онъ не прыгаетъ, человѣкъ серьезный. Вотъ, ребята, видали? Зналъ человѣкъ, что и штыкомъ его ударить могутъ, и каторгой попотчуютъ, но — пошелъ. Надо было ему пойти — онъ пошелъ. Мать на дорогѣ ему лягь — перешагнулъ-бы и пошелъ . . . Пошелъ-бы, Ниловна, черезъ тебя?

— Пошелъ-бы! — вздрогнувъ сказала мать и оглянулась, тяжело вздохнувъ. Софья молча погладила ея руку и, сердито нахмуривъ брови, въ упоръ посмотрѣла на Рыбина.

— Это — человѣкъ! — сказалъ онъ негромко и оглянулъ всѣхъ темными глазами. И снова шестеро людей молчали. Тонкіе лучи солнца золотыми лентами висѣли въ воздухѣ. Гдѣ-то убѣжденно каркала ворона. Мать осматривалась, разстроенная воспоминаніями о Первомъ Маѣ, тоской о сынѣ и объ Андреѣ. На маленькой, тѣсной полянѣ

валялись разбитыя бочки изъ подъ дегтя, топырились выкорчеванные пни, дрожали стружки дерева. Дубы и березы, густо тѣснясь вокругъ поляны, незамѣтно надвигались на нее со всѣхъ сторонъ, точно желая стереть, уничтожить весь этотъ хламъ, всю грязь, обижавшую ихъ. И связанные тишиной, неподвижные, они бросали на землю темныя, теплыя тѣни.

Вдругъ Яковъ отшатнулся отъ дерева, шагнулъ въ сторону, остановился и, взмахнувъ головой, спросилъ сухо и громко:

— Это противъ такихъ насъ съ Ефимомъ поставятъ?

— А ты думаешь противъ кого? — отвѣтилъ Рыбинъ угрюмымъ вопросомъ. — Насъ душатъ нашими-же руками ... въ этомъ и фокусъ!

— Я, всетаки, пойду въ солдаты! — негромко и упрямо заявилъ Ефимъ.

— Кто отговариваетъ? — воскликнулъ Игнатъ. — Иди!

И, въ упоръ глядя на Ефима, усмѣхаясь, сказалъ:

— Только когда въ меня стрѣлять будешь, цѣль въ голову . . . не калѣчь, а сразу убивай!

— Слышалъ я это! — рѣзко крикнулъ Ефимъ.

— Погоди, ребята! — заговорилъ Рыбинъ, оглядывая ихъ, и поднялъ руку неторопливымъ движеніемъ. — Вотъ — женщина! — сказалъ онъ, указывая на мать. — Сынъ у нея, навѣрное, пропалъ теперь . . .

— Зачѣмъ ты это говоришь? — спросила мать, тоскливо и негромко.

— Надо! — отвѣтилъ онъ угрюмо. — Надо, чтобы твои волосы не зря сѣдѣли, чтобы не даромъ болѣло сердце . . . Ну, что-же, убили ее этимъ? Ниловна, ты книжекъ принесла?

Мать взглянула на него и, помолчавъ, отвѣтила:

— Принесла . . .

— Такъ! — сказалъ Рыбинъ, ударивъ ладонью по столу. — Я это сразу понялъ, какъ увидалъ тебя . . . зачѣмъ

тебѣ идти сюда, коли не для этого? Видали? Сына выбили изъ ряда — мать на его мѣсто встала!

Онъ выпрямился и, зловѣще грозясь рукой, крикнулъ глухо:

— Они — матерно выругался — не знаютъ что сѣютъ ихъ слѣпыя руки. Они увидятъ это, когда взростетъ наша сила и начнемъ мы косить проклятыя травы. Увидятъ!

Мать испугалась его крика, она смотрѣла на него и видѣла, что лицо Михаила рѣзко измѣнилось — похудѣло, борода стала неровной и подъ нею чувствовались кости скулъ. На синеватыхъ бѣлкахъ глазъ явились тонкія красныя жилки, какъ будто онъ долго не спалъ, носъ у него сталъ хрящеватѣе, хищно загнулся. Раскрытый воротъ пропитанной дегтемъ, когда-то красной, рубахи обнажалъ сухія ключицы, густую черную шерсть на груди, и во всей фигурѣ теперь было еще болѣе мрачнаго, траурнаго. Сухой блескъ воспаленныхъ глазъ освѣщалъ темное лицо огнемъ тоски и гнѣва, сверкавшаго во взглядѣ красными искрами. Софья, поблѣднѣвъ, молчала, не отрывая глазъ отъ мужиковъ. Игнатъ покачивалъ головой, сощуривъ глаза, а Яковъ, снова стоя у шалаша, темными пальцами сердито отламывалъ кору отъ жердей. Вдоль стола за спиной матери медленно шагалъ Ефимъ.

— Намедни, — продолжалъ Рыбинъ, — вызвалъ меня земскій . . . говоритъ мнѣ: ты что, мерзавецъ, сказалъ священнику? Почему я — мерзавецъ? Я зарабатываю хлѣбъ свой горбомъ, я ничего худого противъ людей не сдѣлалъ, говорю . . . вотъ. Онъ заоралъ, ткнулъ мнѣ въ зубы . . . и трое сутокъ я сидѣлъ подъ арестомъ. Такъ говорите вы съ народомъ! Такъ? Не жди прощенья, дьяволъ! Не я — другой, не тебѣ — дѣтямъ твоимъ возместитъ обиду мою . . . помни! Вспахали вы желѣзными когтями жадности вашей груди народу, посѣяли въ нихъ зло — не жди пощады, дьяволы наши! Вотъ.

Онъ былъ весь налитъ кипящей злобой, и въ голосѣ его вздрагивали звуки, пугавшіе мать.

— А что я сказалъ попу? — продолжалъ онъ спокойнѣе. — Послѣ схода въ селѣ сидитъ онъ съ мужиками на улицѣ и разсказываетъ имъ, что, дескать, люди — стадо, для нихъ всегда пастуха надо . . . такъ. А я пошутилъ — какъ назначатъ, молъ, въ лѣсу воеводой лису, пера будетъ много, а птицы — нѣтъ! Онъ покосился на меня, заговорилъ насчетъ того, что, молъ, терпѣть надо народу и больше Богу молиться, чтобы Онъ силу далъ для терпѣнья. А я сказалъ — что, молъ, народъ, молится много, да, видно, время нѣтъ у Бога, не слышитъ! Вотъ. Онъ привязался ко мнѣ — какими молитвами я молюсь? Я говорю — одной всю жизнь, какъ и весь народъ: Господи, научи таскать барамъ кирпичи, ѣсть каменья, выплевывать полѣнья! Онъ мнѣ и договорить не далъ . . . Вы — барыня? — вдругъ почему-то оборвавъ разсказъ, спросилъ Рыбинъ Софью.

— Почему я барыня? — быстро спросила она его, вздрогнувъ отъ неожиданности.

— Почему! — усмѣхнулся Рыбинъ. — Такая судьба, съ тѣмъ родились вы. Вотъ. Думаете ситцевымъ платочкомъ дворянскій грѣхъ можно скрыть отъ людей? Мы узнаемъ попа и въ рогожѣ . . . Вы вотъ локоть въ мокро на столѣ положили — вздрогнули, сморщились . . . и спина у васъ пряма для рабочаго человѣка . . .

Боясь, что онъ обидитъ Софью своимъ тяжелымъ голосомъ, усмѣшкой и словами, мать торопливо и строго заговорила:

— Она моя подруга, Михайло Иванычъ, она — хорошій человѣкъ . . . и въ этомъ дѣлѣ сѣдые волосы нажила . . . ты не очень . . .

Рыбинъ тяжело вздохнулъ.

— Развѣ я говорю обидное?

Софья, взглянувъ на него, сухо спросила:

— Вы что-то хотѣли сказать мнѣ?

— Я? . . Да! Вотъ тутъ недавно человѣкъ явился

новый, двоюродный братъ Якову, больной онъ, въ чахоткѣ, но понялъ кое-что! Позвать его — можно?

— Что-же, позовите! — отвѣтила Софья.

Рыбинъ взглянулъ на нее прищуривъ глаза и понизивъ голосъ сказалъ:

— Ефимъ, ты-бы пошелъ къ нему . . . скажи, что-бы къ ночи онъ сюда явился . . . вотъ.

Ефимъ пошелъ въ шалашъ, надѣлъ картузъ и молча, ни на кого не глядя и не торопясь скрылся въ лѣсу. Рыбинъ кивнулъ головой вслѣдъ ему, глухо говоря:

— Мучается! Упрямый онъ . . . Ему идти въ солдаты . . . ему и вотъ Якову . . . Яковъ просто говоритъ — не могу, а этотъ тоже не можетъ, а хочетъ идти . . . У него есть мысль . . . Думаетъ — можно солдатъ потревожить . . . Я полагаю — стѣны лбомъ не прошибешь . . . Вотъ они — штыки въ руку и пошли. Куда? Не видятъ, что противъ себя идутъ. Да-а . . . мучается! А Игнатій бередитъ ему сердце . . . напрасно, пожалуй.

— Вовсе не напрасно! — хмуро сказалъ Игнатъ, не глядя на Рыбина. — Его тамъ обработаютъ, и начнетъ палить не хуже другихъ . . .

— Нѣтъ, едва-ли! — задумчиво отозвался Рыбинъ. — Но, конечно, лучше бѣжать отъ этого . . . Россія велика — гдѣ найдешь? Паспортишко досталъ и ходи по деревнямъ . . .

— Я такъ и сдѣлаю! — замѣтилъ Игнатъ, постукивая себя щепой по ногѣ. — Ужъ какъ рѣшились идти напротивъ — иди прямо, скорѣе дойдешь . . .

Разговоръ оборвался. Заботливо кружились пчелы и осы, звеня въ тишинѣ и оттѣняя ее. Чирикали птицы, и гдѣ-то далеко звучала пѣсня, плутая по полямъ. Помолчавъ Рыбинъ сказалъ:

— Ну, намъ работать надо . . . вы, можетъ, отдохнете? Тамъ въ шалашѣ нары есть. Набери-ка имъ листа сухого, Яковъ . . . А ты, мать, давай книги . . . Гдѣ онѣ?

Мать и Софья начали развязывать котомки. Рыбинъ наклонился надъ ними и довольный говорилъ:

— Вотъ. Не мало принесли . . . ишь ты! Давно въ этихъ дѣлахъ . . . какъ васъ звать-то? — обратился онъ къ Софьѣ.

— Анна Ивановна! — отвѣтила она. — Двѣнадцать лѣтъ . . . А что?

— Ничего. Въ тюрьмѣ бывали, чай?

— Бывала.

— Видишь? — негромко и съ упрекомъ сказала мать. — А ты грубое говорилъ при ней . . .

Онъ помолчалъ и, забравъ въ руки кучу книгъ, сказалъ, оскаливъ зубы:

— Вы на меня не обижайтесь! Мужику съ бариномъ, какъ смолѣ съ водой, трудно вмѣстѣ . . . отскакиваетъ!

— Я не барыня, а человѣкъ! — возразила Софья, мягко усмѣхаясь.

— И это можетъ быть! — отозвался Рыбинъ. — Говорятъ, будто собака раньше волкомъ была . . . Пойду теперь, спрячу это.

Игнатъ и Яковъ подошли къ нему и оба протянули руки.

— Дай-ка намъ! — сказалъ Игнатъ.

— Всѣ что-ли одинаковы? — спросилъ Рыбинъ Софью.

— Нѣтъ, разныя. Тутъ газета есть . . .

— О?

Они всѣ трое поспѣшно ушли въ шалашъ.

— Горитъ мужикъ! — тихонько сказала мать, проводивъ ихъ задумчивымъ взглядомъ.

— Да, — тихо отозвалась Софья. — Никогда я еще не видала такого лица, какъ у него . . . великомученникъ какой-то! Пойдемъ и мы туда, мнѣ хочется взглянуть на нихъ . . .

— Вы на него не сердитесь, что суровъ онъ . . . — тихонько попросила мать.

Софья усмѣхнулась.

— Какая вы славная, Ниловна . . .

Когда онѣ встали въ дверяхъ, Игнатъ поднялъ голову, мелькомъ взглянулъ на нихъ и, запустивъ пальцы въ кудрявые волосы, наклонился надъ газетой, лежавшей на колѣняхъ у него; Рыбинъ, стоя, поймалъ на бумагу солнечный лучъ, проникшій въ шалашъ сквозь щель въ крышѣ, и, двигая газету подъ лучемъ, читалъ, шевеля губами; Яковъ, стоя на колѣняхъ, навалился на край наръ грудью и тоже читалъ.

Мать увидала, что Софья чувствуетъ ихъ жадность къ слову правды, ея лицо освѣтилось улыбкой. Осторожно пройдя въ уголъ шалаша, она сѣла тамъ, а Софья, обнявъ ее за плечи, молча наблюдала.

— Дядя Михайло — ругаютъ насъ, мужиковъ! — вполголоса сказалъ Яковъ, не оборачиваясь. Рыбинъ обернулся, взглянулъ на него и отвѣтилъ усмѣхаясь:

— Любя! Кто любитъ — что ни скажетъ — не обидитъ . . .

Игнатъ потянулъ въ себя воздухъ, поднялъ голову, засмѣялся и закрывъ глаза молвилъ:

— Написано тутъ — »крестьянинъ пересталъ быть человѣкомъ« — конечно, пересталъ!

По его простому, открытому лицу скользнула тѣнь обиды.

— На-ко, пойди, надѣнь мою шкуру, повертись въ ней . . . я погляжу, чѣмъ ты будешь . . . умникъ!

— Я лягу! — тихонько сказала мать Софьѣ. — Устала, всетаки, немного, и голова кружится отъ запаха. А вы?

— Не хочу.

Мать протянулась на нарахъ и задремала. Софья сидѣла надъ нею, наблюдая за читающими и, когда оса или шмель кружились надъ лицомъ матери, она заботливо отгоняла ихъ прочь. Мать видѣла это полузакрытыми глазами, и ей была пріятна забота Софьи.

Подошелъ Рыбинъ и спросилъ гулкимъ шопотомъ:

— Спитъ?

— Да.

Онъ помолчалъ, пристально посмотрѣлъ въ лицо матери, вздохнулъ и тихо заговорилъ:

— Она, можетъ быть, первая, которая пошла за сыномъ своимъ его дорогой . . . первая!

— Не будемъ ей мѣшать, уйдемте! — предложила Софья.

— Да, намъ работать надо . . . Поговорить хотѣлось-бы, да ужъ до вечера! Идемъ, ребята . . .

Они ушли всѣ трое, оставивъ Софью у шалаша. А мать подумала:

— Ну, ничего . . . слава Богу . . . подружились . . . И спокойно уснула, вдыхая пряный запахъ лѣса.

VI.

Пришли дегтярники, всѣ четверо довольные, что кончили работу.

Разбуженная ихъ голосами, мать вышла изъ шалаша, позѣвывая и улыбаясь.

— Вы работали, а я, будто барыня какая, спала! — сказала она, оглядывая всѣхъ ласковыми глазами.

— Ничего! Это прощается тебѣ! — отозвался Рыбинъ. Онъ былъ болѣе спокоенъ, усталость поглотила избытокъ возбужденія.

— Игнатъ, — сказалъ онъ, — схлопочи-ка насчетъ чая . . . Мы тутъ поочередно хозяйство ведемъ . . . сегодня онъ, Игнатій, насъ поитъ и кормитъ, такъ . . .

— Сегодня я-бы уступилъ свою очередь! — замѣтилъ Игнатъ и сталъ собирать щепки и сучья для костра, прислушиваясь.

— Всѣмъ гости интересны! — проговорилъ Ефимъ, усаживаясь рядомъ съ Софьей.

— Я тебѣ помогу, Игнатъ! — тихо сказалъ Яковъ, уходя въ шалашъ. Онъ вынесъ оттуда коровай хлѣба и началъ рѣзать его на куски, раскладывая по столу.

— Чу! — тихо воскликнулъ Ефимъ. — Кашляетъ . . .

Рыбинъ прислушался и сказалъ, кивнувъ головой:

— Да, идетъ . . .

И, обращаясь къ Софьѣ, объяснилъ:

— Сейчасъ придетъ свидѣтель . . . Я-бы его водилъ по городамъ, ставилъ на площадяхъ, чтобы народъ слушалъ его . . . Говоритъ онъ всегда одно, но это всѣмъ надо слышать . . .

Тишина и сумракъ становились гуще, голоса людей звучали мягче. Софья и мать наблюдали за мужиками — всѣ они двигались медленно, тяжело, съ какой-то странной осторожностью и тоже неотрывно слѣдили за женщинами.

Изъ лѣса на поляну вышелъ высокій, сутулый человѣкъ, онъ шелъ медленно, крѣпко опираясь на палку, и было слышно его хриплое дыханіе.

— Вотъ и Савелій! — воскликнулъ Яковъ.

— Вотъ и я! — сказалъ человѣкъ, остановился и началъ кашлять.

Онъ былъ одѣтъ въ длинное, до пятъ, потертое пальто, изъ-подъ круглой, измятой шляпы жидкими прядями безсильно свѣшивались желтоватые, прямые волосы. Свѣтлая бородка росла на его желтомъ костлявомъ лицѣ, ротъ у него былъ полуоткрытъ, глаза глубоко завалились подъ лобъ и лихорадочно блестѣли оттуда, изъ темныхъ ямъ.

Когда Рыбинъ познакомилъ его съ Софьей, онъ спросилъ ее:

— Книгъ, слышалъ я, принесли для народа?

— Принесла.

— Спасибо . . . за народъ . . . самъ онъ еще не можетъ понять книгу правды . . . не можетъ поблагодарить . . . такъ вотъ я, который понялъ . . . благодарю за него.

Онъ дышалъ быстро, хватая воздухъ короткими, жадными вздохами. Голосъ у него прерывался, костлявые пальцы безсильныхъ рукъ ползали по груди, стараясь застегнуть пуговицы пальто.

— Вамъ вредно быть въ лѣсу такъ поздно . . . Лѣсъ — лиственный, сыро и душно! — замѣтила Софья.

— Для меня уже нѣтъ полезнаго! — отвѣтилъ онъ, задыхаясь. — Мнѣ только смерть полезна . . .

Слушать его голосъ было тяжело, и вся его фигура вызывала то излишнее сожалѣніе, которое сознаетъ свое безсиліе и возбуждаетъ угрюмую досаду. Онъ присѣлъ на бочку, сгибая колѣни такъ осторожно, точно боялся, что колѣни у него переломятся, вытеръ потный лобъ. Волосы у него были сухіе, мертвые.

Вспыхнулъ костеръ, все вокругъ вздрогнуло, заколебалось, обожженныя тѣни пугливо бросились въ лѣсъ и надъ огнемъ мелькнуло круглое лицо Игната съ надутыми щеками. Огонь погасъ. Запахло дымомъ, снова тишина и мгла сплотились на полянѣ, насторожась и слушая хриплыя слова больного.

— Но для народа . . . я еще могу принести пользу, какъ свидѣтель преступленія . . . Вотъ, поглядите на меня... мнѣ двадцать восемь лѣтъ, но — помираю! А десять лѣтъ назадъ я безъ натуги поднималъ на плечи по двѣнадцати пудовъ . . . ничего! Съ такимъ здоровьемъ, думалъ я, лѣтъ семьдесятъ пройду до кладбища, не спотыкнусь . . . А прожилъ десять — и больше не могу. Обокрали меня хозяева, сорокъ лѣтъ жизни вырвали, ограбили . . . сорокъ лѣтъ...

— Вотъ она, его пѣсня! — глухо сказалъ Рыбинъ.

Снова вспыхнулъ огонь, но теперь уже сильнѣе, ярче, вновь метнулись тѣни къ лѣсу, снова отхлынули къ огню и задрожали вокругъ костра въ безмолвной, враждебной пляскѣ. Въ огнѣ трещали и ныли сырые сучья. Шепталась, шелестѣла листва деревьевъ, встревоженная волной нагрѣтаго воздуха. Веселые, живые языки пламени играли, обнимаясь, желтые и красные, вздымались кверху, сѣя искры, летѣлъ горящій листъ, а звѣзды въ небѣ улыбались искрамъ, маня къ себѣ.

— Это не моя пѣсня . . . ее тысячи людей поютъ про себя . . . поютъ, не понимая цѣлебнаго урока для народа въ своей несчастной жизни . . . Сколько замученныхъ работой, калѣкъ молча помираютъ съ голоду . . . Надо кричать,

братья, надо кричать! — Онъ закашлялся, сгибаясь и весь вздрагивая.

— Зачѣмъ? — сказалъ Ефимъ. — Мое горе — мое дѣло . . . Ты на радость мою гляди . . .

— Не мѣшай! — посовѣтовалъ Рыбинъ.

— Ты-же самъ говорилъ, чтобы горемъ не хвастаться! — хмуро замѣтилъ Ефимъ.

— Тутъ другое, общее, а не свое. Тутъ другое! — сказалъ Рыбинъ внушительно. — Здѣсь-человѣкъ промѣрилъ глубину и захлебнулся . . . теперь кричитъ міру — эй, не ходи этимъ мѣстомъ! . .

Яковъ поставилъ на столъ ведро квасу, бросилъ связку зеленаго луку и сказалъ больному:

— Иди, Савелій, я молока тебѣ принесъ . . .

Савелій отрицательно качнулъ головой, но Яковъ взялъ его подъ мышку, поднялъ и повелъ къ столу.

— Послушайте, — сказала Софья Рыбину тихо и съ упрекомъ, — зачѣмъ вы его сюда позвали? Онъ каждую минуту можетъ умереть . . .

— Можетъ! — согласился Рыбинъ. — Пускай умретъ на людяхъ . . . это легче, чѣмъ одному . . . Пока что — пусть говоритъ . . . Для пустяковъ жизнь погубилъ — для людей пусть еще потерпитъ . . . ничего! Вотъ.

— Вы точно любуетесь чѣмъ-то! — воскликнула Софья.

Рыбинъ взглянулъ на нее и угрюмо отвѣтилъ:

— Это господа Христомъ любуются, какъ Онъ на крестѣ стоналъ, а мы отъ человѣка учимся и хотимъ, чтобы вы поучились немного . . .

Мать пугливо подняла бровь и сказала имъ:

— А вы — полноте! . .

За столомъ больной снова заговорилъ:

— Истребляютъ людей работой . . . зачѣмъ? Жизнь у человѣка воруютъ — зачѣмъ, говорю? Нашъ хозяинъ, я на фабрикѣ Нефедова жизнь потерялъ, нашъ хозяинъ одной пѣвицѣ золотую посуду подарилъ для умыванья . . . и даже ночной горшокъ золотой былъ . . . Въ этомъ горшкѣ моя

сила, моя жизнь . . . Вотъ для чего она пошла . . . человѣкъ убилъ меня работой, чтобы любовницу свою утѣшить кровью моей . . . ночной горшокъ золотой купилъ ей на кровь мою.

— Человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, — сказалъ Ефимъ усмѣхаясь, — а его вотъ куда тратятъ . . . хорошо!

— А не молчи! — воскликнулъ Рыбинъ, ударивъ ладонью по столу.

— Не терпи! — тихо добавилъ Яковъ.

Игнатъ усмѣхнулся.

Мать замѣтила, что парни, всѣ трое, слушали съ ненасытнымъ вниманіемъ голодныхъ душъ и каждый разъ, когда говорилъ Рыбинъ, они смотрѣли ему въ лицо подстерегающими глазами . . . Рѣчь Савелья вызывала на лицахъ у нихъ странныя и острыя усмѣшки. Въ нихъ не чувствовалось жалости къ больному . . .

Нагнувшись къ Софьѣ, мать тихонько спросила:

— Неужто правду говоритъ онъ?

Софья отвѣтила громко:

— Да, это правда! О такомъ подаркѣ въ газетахъ писали . . . это было въ Москвѣ . . .

— И казни ему не было никакой . . . — глухо сказалъ Рыбинъ. — А надо-бы его казнить . . . вывести на народъ и разрубить въ куски и мясо его поганое бросить собакамъ . . . Великія казни будутъ народомъ сдѣланы, когда встанетъ онъ. Много крови прольетъ онъ, чтобы смыть обиды свои . . . Эта кровь — его кровь, изъ его жилъ она выпита, онъ ей хозяинъ.

— Холодно! — сказалъ больной.

Яковъ помогъ ему встать и отвелъ къ огню.

Костеръ горѣлъ ровно, ярко, и безлицыя тѣни дрожали вокругъ него, изумленно наблюдая веселую игру огня. Савелій сѣлъ на пень и протянулъ къ огню прозрачныя, сухія руки. Рыбинъ кивнулъ въ его сторону и сказалъ Софьѣ:

— Это — рѣзче книгъ! Это — надо знать! . . Когда машина руку оторветъ или убьетъ рабочаго, это объясняется — самъ виноватъ. А вотъ когда высосутъ кровь у человѣка и бросятъ его, какъ падаль . . . это не объясняется ничѣмъ. Всякое убійство я пойму . . . а истязаніе шутки ради — этого не понимаю! . . А для чего истязуютъ народъ, для чего всѣхъ насъ мучаютъ? Ради шутокъ, ради веселья, чтобы забавно было жить на землѣ, чтобы все можно было купить на кровь народа — пѣвицу, лошадей, ножи серебряные, посуду золотую . . . игрушки дорогія ребятишкамъ. Ты работай, работай больше, а я накоплю денегъ твоимъ трудомъ и любовницѣ урыльникъ золотой подарю.

Мать слушала, смотрѣла, и еще разъ передъ нею во тьмѣ сверкнулъ и легъ свѣтлой полосой путь Павла и всѣхъ, съ кѣмъ онъ шелъ.

Окончивъ ужинъ, всѣ расположились вокругъ костра, передъ ними, торопливо поѣдая дерево, горѣлъ огонь, а сзади нихъ нависла тьма, окутавъ лѣсъ и небо . . . Больной, широко открывъ глаза, смотрѣлъ въ огонь, непрерывно кашлялъ, весь дрожалъ — казалось, что остатки жизни нетерпѣливо рвутся изъ его груди, стремясь покинуть сухое тѣло, источенное недугомъ. Отблески пламени дрожали на его лицѣ, не оживляя мертвой кожи. Только глаза больного горѣли синеватымъ, угасающимъ огнемъ.

— Можетъ, въ шалашъ уйти тебѣ, Савелій, а? — спросилъ Яковъ, наклонясь надъ нимъ.

— Зачѣмъ? — отвѣтилъ онъ съ натугой. — Я посижу . . . не долго мнѣ осталось съ людьми побыть! . . .

Онъ оглянулъ всѣхъ, помолчалъ и, блѣдно усмѣхнувшись, продолжалъ:

— Мнѣ съ вами хорошо . . . смотрю на васъ и думаю — можетъ эти возмѣстятъ за тѣхъ, кого ограбили . . . за весь народъ, убитый для жадности . . .

Ему не отвѣтили, и скоро онъ задремалъ, безсильно свѣсивъ голову на грудь. Рыбинъ посмотрѣлъ на него и тихонько заговорилъ:

— Приходитъ къ намъ, сидитъ и разсказываетъ всегда одно . . . про эту издѣвку надъ человѣкомъ. Въ ней — вся его душа, какъ будто ею глаза ему выбили и больше онъ ничего не видитъ.

— Да вѣдь чего-же надо еще? — задумчиво сказала мать. — Ужъ если люди тысячами день за днемъ убиваются въ работѣ для того, чтобы хозяинъ могъ деньги на шутки бросать . . . чего-же? . .

— Скучно слушать его! — сказалъ тихо Игнатъ. — Это и одинъ разъ услышишь — не забудешь . . . а онъ всегда одно говоритъ!

— Тутъ въ одномъ все стиснуто . . . вся жизнь его, пойми! — угрюмо замѣтилъ Рыбинъ. — И — много жизней. Я десять разъ слыхалъ его судьбу . . . а всетаки иной разъ усомнишься. Бываютъ добрые часы, когда не хочешь вѣрить въ гадость человѣка . . . въ безумства его . . . когда всѣхъ жалко и богатаго, какъ бѣднаго . . . и богатый тоже заблудился! . . Одинъ слѣпъ отъ голода, другой — отъ золота . . . Эхъ, люди, думаешь, эхъ, братья! Встряхнись, подумай честно, подумай, не щадя уюта своего, подумай!

Больной качнулся, открылъ глаза, легъ на землю. Яковъ безшумно всталъ, сходилъ въ шалашъ, принесъ оттуда полушубокъ, одѣлъ брата и снова сѣлъ рядомъ съ Софьей.

Веселое, румяное лицо огня, задорно улыбаясь, освѣщало темныя фигуры вокругъ него, и голоса людей задумчиво вливались въ тихій трескъ и шелестъ пламени.

Софья разсказывала о всемірномъ боѣ народа за право на жизнь, о давнихъ битвахъ крестьянъ Германіи, о несчастіяхъ ирландцевъ, о великихъ подвигахъ рабочихъ французовъ въ частыхъ битвахъ за свободу . . .

Въ лѣсу, одѣтомъ бархатомъ ночи, на маленькой полянѣ, огражденной безмолвными деревьями, покрытой темнымъ небомъ, передъ играющимъ лицомъ огня, въ кругу враждебно удивленныхъ тѣней — воскресали событія, потрясавшія міръ сытыхъ и безумно жадныхъ, проходили одинъ за другимъ

народы земли, истекая кровью, утомленные битвами, вспоминались имена борцовъ за свободу и правду.

Тихо звучалъ глуховатый голосъ женщины. Какъ-бы доходя изъ прошлаго, онъ будилъ надежды, внушалъ увѣренность, и люди молча слушали его музыку, великую повѣсть о своихъ братьяхъ по духу. Они смотрѣли въ лицо женщины, худое и блѣдное, отвѣтно улыбались улыбкамъ сѣрыхъ глазъ, а передъ ними все ярче освѣщалось святое дѣло всѣхъ народовъ міра — безконечная борьба за свободу и равенство. Человѣкъ видѣлъ свои желанія и думы въ далекомъ, занавѣшенномъ темной, кровавой завѣсой прошломъ, среди невѣдомыхъ ему иноплеменниковъ и внутренно, умомъ и сердцемъ, пріобщался къ міру, видя въ немъ друзей, которые давно уже единомышленно и твердо рѣшили добиться на землѣ правды, освятили свое рѣшеніе неисчислимыми страданіями, пролили рѣки крови своей ради торжества жизни новой, свѣтлой и радостной . . . Возникало и росло чувство духовной близости со всѣми, рождалось новое сердце земли, полное горячимъ стремленіемъ все понять, все объединить въ себѣ.

— Наступитъ день, когда рабочіе всѣхъ странъ поднимутъ головы и твердо скажутъ — довольно! Мы не хотимъ болѣе этой жизни! — увѣренно звучалъ голосъ Софьи. — И тогда рухнетъ призрачная сила сильныхъ своей жадностью, уйдетъ земля изъ-подъ ногъ ихъ, и не на что будетъ опереться имъ . . .

— Такъ и будетъ! — сказалъ Рыбинъ, наклоняя голову. — Не жалѣй себя — все одолѣешь!

Мать слушала, высоко поднявъ бровь, съ улыбкой радостнаго удивленія, застывшей на лицѣ. Она видѣла, что все рѣзкое, звонкое, размашистое, все, что казалось лишнимъ въ Софьѣ, теперь исчезло, утонуло въ горячемъ, ровномъ потокѣ ея разсказа. Ей нравилась тишина ночи, игра огня, лицо Софьи, но больше всего — строгое вниманіе мужиковъ. Они сидѣли неподвижно, стараясь ничѣмъ не нарушать спокойное теченіе разсказа, боясь оборвать свѣтлую нить, связывавшую

ихъ съ міромъ. Лишь порою кто-нибудь изъ нихъ осторожно подкладывалъ дровъ въ огонь, и, когда изъ костра поднимались рои искръ и дымъ, парень отгонялъ искры и дымъ отъ женщинъ, помахивая въ воздухѣ рукой.

Однажды Яковъ всталъ, тихонько попросилъ:

— Подождите говорить . . .

Сбѣгалъ въ шалашъ, принесъ оттуда одежду и вмѣстѣ съ Игнатомъ они молча окутали ноги и плечи женщинъ. И снова Софья говорила, рисуя день побѣды, внушая людямъ вѣру въ свои силы, будя въ нихъ сознаніе общности со всѣми, кто отдаетъ свою жизнь безплодному труду на глупыя забавы пресыщенныхъ. Слова не волновали мать, но вызванное разсказомъ Софьи большое, всѣхъ обнявшее чувство наполняло и ея грудь благодарно молитвенной думой о людяхъ, которые среди опасностей идутъ къ тѣмъ, кто окованъ цѣпями труда, и приносятъ съ собою для нихъ дары честнаго разума, дары любви къ правдѣ.

— Помоги, Господи . . . — думала она, закрывая глаза.

На разсвѣтѣ Софья, утомленная, замолчала и улыбаясь оглянула задумчивыя, посвѣтлѣвшія лица вокругъ себя.

— Пора намъ идти! — сказала мать.

— Пора! — устало молвила Софья.

Кто-то изъ парней шумно вздохнулъ.

— Жалко, что уходите вы! — необычно мягкимъ голосомъ сказалъ Рыбинъ. — Хорошо говорите . . . большое это дѣло — породнить людей между собой! Когда вотъ знаешь, что милліоны хотятъ того-же, что и мы . . . сердце становится добрѣе . . . А въ добротѣ — большая сила!

— Ты его добромъ, а онъ тебя коломъ! — тихонько усмѣхнувшись сказалъ Ефимъ и быстро вскочилъ на ноги. — А уходить имъ пора, дядя Михайло, покуда не видалъ ихъ никто . . . Раздадимъ въ народъ книжки — начальство будутъ искать — откуда онѣ явились. Кто-нибудь вспомнитъ — а вотъ странницы приходили . . .

— Ну, спасибо, мать, за труды твои! — заговорилъ

Рыбинъ, прервавъ Ефима. — Я все про Павла думаю, глядя на тебя . . . хорошо ты пошла!

Смягченный, онъ улыбался широкой и доброй улыбкой. Было свѣжо, а онъ стоялъ въ одной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, глубоко обнажавшимъ грудь. Мать оглянула его большую фигуру и ласково посовѣтовала:

— Надѣлъ-бы что-нибудь — холодно!

— Изнутри грѣетъ! — отвѣтилъ онъ.

Трое парней, стоя у костра, тихо бесѣдовали, а у ногъ ихъ лежалъ больной, закрытый полушубками. Блѣднѣло небо, таяли тѣни, вздрагивали листья, ожидая солнца.

— Ну, прощайте, значитъ! — говорилъ Рыбинъ, пожимая руку Софьи. — А какъ васъ въ городѣ найти?

— Это ты меня ищи! — сказала мать.

Парни медленно, тѣсной группой подошли къ Софьѣ и жали ей руку молча, неуклюже ласковые. Въ каждомъ ясно было видно скрытое довольство, благодарное и дружеское, и это чувство, должно быть, смущало ихъ своей новизной. Улыбаясь сухими отъ безсонной ночи глазами, они молча смотрѣли въ лицо Софьи и переминались съ ноги на ногу.

— Молока не выпьете-ли на дорогу? — спросилъ Яковъ.

— Да есть-ли оно! — сказалъ Ефимъ.

— Немного есть . . .

Игнатъ, смущенно приглаживая волосы, заявилъ:

— Нѣту . . . пролилъ я его . . .

И всѣ трое усмѣхнулись.

Говорили о молокѣ, но мать чувствовала, что они думаютъ о другомъ, безъ словъ желая Софьѣ и ей добраго, хорошаго. Это замѣтно трогало Софью и тоже вызывало у нея смущеніе, цѣломудренную скромность, которая не позволила ей сказать что-нибудь иное, кромѣ тихаго:

— Спасибо, товарищи!

Они переглянулись, точно это слово мягко покачнуло ихъ.

Раздался глухой кашель больного. Угасли угли въ горѣвшемъ кострѣ.

— Прощайте! — вполголоса говорили мужики, и грустное слово долго провожало женщинъ.

Онѣ не торопясь шли въ предутреннемъ сумракѣ по лѣсной тропѣ, и мать, шагая сзади Софьи, говорила:

— Хорошо все это . . . словно во снѣ, такъ хорошо! А хотятъ люди правду знать, милая вы моя, хотятъ! И похоже это, какъ въ церкви, предъ утреней на большой праздникъ . . . еще священникъ не пришелъ, темно и тихо, жутко во храмѣ, а народъ уже собирается . . . тамъ зажгутъ свѣчу предъ образомъ, тутъ затеплятъ и — понемножку гонятъ темноту, освѣщая Божій домъ.

— Вѣрно! — весело отвѣтила Софья. — Только здѣсь Божій домъ — вся земля!

— Вся земля! — задумчиво качая головой, повторила мать. — Такъ это хорошо, и повѣрить трудно даже . . . И хорошо говорили вы, дорогая моя . . . очень хорошо! А я боялась — не понравитесь вы имъ . . .

Софья помолчавъ отвѣтила тихо и не весело:

— Съ ними становишься проще . . .

И вдругъ еще болѣе грустно воскликнула:

— А намъ всѣмъ это такъ нужно — быть проще . . . проще!

Онѣ шли и разговаривали о Рыбинѣ, о больномъ, о парняхъ, которые такъ внимательно молчали и такъ неловко, но краснорѣчиво выражали свое чувство благодарной дружбы мелкими заботами о женщинахъ. Вышли въ поле. Встрѣчу поднималось солнце. Еще невидимое глазомъ, оно раскинуло по небу прозрачный вѣеръ розовыхъ лучей, и капли росы въ травѣ заблестѣли разноцвѣтными искрами бодрой, вешней радости. Просыпались птицы, оживляя утро веселымъ звономъ. Хлопотливо каркая, тяжело махая крыльями летѣли толстыя вороны, въ озимяхъ прыгали черные грачи, отрывисто разговаривая, гдѣ-то тревожно свистѣла иволга. Открывались дали, снимая встрѣчу солнцу ночныя тѣни со своихъ холмовъ.

— Иной разъ говоритъ, говоритъ человѣкъ, а ты его не понимаешь,. покуда не удастся ему сказать тебѣ какое-то простое слово, и одно оно вдругъ все освѣтитъ! — вдумчиво разсказывала мать. — Такъ вотъ и этотъ больной . . . Я слышала и сама знаю, какъ жмутъ рабочихъ на фабрикахъ и вездѣ . . . Но къ этому съизмала привыкаешь и не очень это задѣваетъ сердце . . . А онъ вдругъ сказалъ такое обидное, такое дрянное . . . Господи! неужели для того всю жизнь работѣ люди отдаютъ, чтобы хозяева насмѣшки позволяли себѣ? . . Это . . . безъ оправданія!

Мысль матери остановилась на случаѣ, и онъ своимъ тупымъ, нахальнымъ блескомъ освѣщалъ передъ нею рядъ однородныхъ выходокъ, когда-то извѣстныхъ ей и забытыхъ ею.

— Видно ужъ всѣмъ они сыты и тошно имъ! Знаю я — земскій начальникъ одинъ заставлялъ мужиковъ лошади его кланяться, когда ее по деревнѣ вели, и кто не кланялся, того онъ подъ арестъ сажалъ . . . Ну, зачѣмъ это нужно было ему? Нельзя понять . . . нельзя!

Софья негромко запѣла пѣсню, бодрую, какъ утро . . .

VII.

Жизнь Ниловны потекла странно спокойно. Спокойствіе это порой удивляло ее. Сынъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, она знала, что его ждетъ тяжелое наказаніе, но каждый разъ, когда она думала объ этомъ, память ея помимо воли вызывала передъ нею Андрея, Федю и длинный рядъ другихъ лицъ. Фигура сына, поглощая всѣхъ людей одной судьбы съ нимъ, разросталась въ ея глазахъ, вызывала созерцательное чувство, невольно и незамѣтно расширяя думы о Павлѣ, отклоняя ихъ во всѣ стороны. Онѣ раскидывались всюду тонкими, неровными лучами, всего касаясь, пытались все освѣтить, собрать въ одну картину и мѣшали ей остановиться на чемъ-нибудь одномъ, мѣшали плотно сложиться тоскѣ о сынѣ и страху за него.

Софья скоро уѣхала куда-то, дней черезъ пять явилась веселая, живая, а черезъ нѣсколько часовъ снова исчезла и вновь явилась недѣли черезъ двѣ. Казалось, что она носится въ жизни широкими кругами, порою заглядывая къ брату, чтобы наполнить его квартиру своей бодростью и музыкой.

Музыка стала пріятна матери и почти нужна ей. Слушая ее, она чувствовала, что какія-то теплыя волны бьются ей въ грудь, вливаются въ сердце, оно стучитъ ровнѣе и, какъ зерна въ землѣ обильно увлажненной, глубоко вспаханной, въ немъ быстро, бодро ростутъ волны думъ, легко и красиво цвѣтутъ слова, разбуженныя силою звуковъ.

Матери трудно было мириться съ неряшливостью Софьи, которая повсюду разбрасывала свои вещи, окурки, пепелъ, и еще труднѣе съ ея размашистыми рѣчами — все это слишкомъ кололо глаза рядомъ со спокойной увѣренностью Николая, съ неизмѣнной, мягкой серьезностью его словъ. Софья казалась ей подросткомъ, который торопится выдать себя за взрослаго, а на людей смотритъ все еще какъ на любопытныя игрушки. Она много говорила о святости труда и безтолково увеличивала трудъ матери своимъ неряшествомъ, говорила о свободѣ и замѣтно для матери стѣсняла всѣхъ рѣзкой нетерпимостью, постоянными спорами и желаніемъ выдвинуть себя на первое мѣсто. Въ ней было много противорѣчиваго, и мать, видя это, относилась къ ней съ напряженной осторожностью, съ подстерегающимъ вниманіемъ, и безъ того постояннаго тепла въ сердцѣ, которое вызывалъ у нея Николай.

Онъ, всегда озабоченный, жилъ изо дня въ день однообразной, размѣренной жизнью: въ восемь часовъ утра пилъ чай и, читая газету, сообщалъ матери новости. Слушая его, мать съ поражающей ясностью видѣла, какъ тяжелая машина жизни безжалостно перемалываетъ людей въ деньги. Она чувствовала въ немъ нѣчто общее съ Андреемъ. Какъ и хохолъ, онъ говорилъ о людяхъ беззлобно, считая всѣхъ виноватыми въ дурномъ устройствѣ жизни, но вѣра въ но-

вую жизнь была у него не такъ горяча, какъ у Андрея и не такъ ярка. Онъ говорилъ всегда спокойно, голосомъ честнаго и строгаго судьи и, хотя даже говоря о страшномъ улыбался тихой улыбкой сожалѣнія, но его глаза блестѣли холодно и твердо. Видя ихъ блескъ, мать понимала, что этотъ человѣкъ никому и ничего не прощаетъ, не можетъ простить, и, чувствуя, что для него тяжела эта твердость, жалѣла Николая. И все болѣе онъ нравился ей.

Въ девять часовъ онъ уходилъ на службу, она убирала комнаты, готовила обѣдъ, умывалась, надѣвала чистое платье и, сидя въ своей комнатѣ, разсматривала картинки въ книгахъ. Она уже научилась читать, но это всегда требовало отъ нея напряженія, и читая она быстро утомлялась, переставала понимать связь словъ. А разсматриваніе картинокъ увлекало ее какъ ребенка — онѣ открывали передъ нею понятный, почти осязаемый міръ, новый и чудесный. Вставали огромные города, прекрасныя зданія, машины, корабли, монументы, неисчислимыя богатства, созданныя людьми и поражающее умъ разнообразіе творчества природы. Жизнь расширялась безконечно, каждый день открывая глазамъ огромное, невѣдомое, чудесное и все сильнѣе возбуждала проснувшуюся голодную душу женщины обиліемъ своихъ богатствъ, неисчислимостью красотъ. Она особенно любила разсматривать фоліанты зоологическаго атласа, и хотя онъ былъ напечатанъ на иностранномъ языкѣ, но давалъ ей наиболѣе яркое представленіе о красотѣ, богатствѣ и обширности земли.

— Велика земля! — говорила она Николаю за обѣдомъ.

— Да . . . а вотъ люди стѣснены . . .

Болѣе всего умиляли ее насѣкомыя и особенно бабочки, она съ изумленіемъ разсматривала рисунки, изображавшіе ихъ, и разсуждала:

— Красота какая, Николай Ивановичъ, а? И сколько вездѣ красоты этой милой, но все отъ насъ закрыто и все мимо летитъ, невидимое нами. Люди мечутся — ничего не знаютъ, ничѣмъ не могутъ любоваться, ни времени у нихъ

на это, ни охоты. Сколько могли-бы взять радости, если-бы знали, какъ земля богата, какъ много на ней удивительнаго живетъ. И все — для всѣхъ, каждый — для всего — такъ-ли?

— Именно! — говорилъ Николай улыбаясь. И приносилъ еще книгъ съ картинками.

По вечерамъ у него часто собирались гости — приходилъ Алексѣй Васильевичъ, красивый мужчина съ блѣднымъ лицомъ и черной бородой, солидный и молчаливый; Романъ Петровичъ, угреватый, круглоголовый человѣкъ, всегда съ сожалѣніемъ чмокавшій губами; Иванъ Даниловичъ, худенькій и маленькій, съ острой бородкой и тонкимъ голосомъ, задорный, крикливый и острый, какъ шило; Егоръ, всегда шутившій надъ собою, товарищами и своей болѣзнью, все разроставшейся въ немъ. Являлись и другіе люди, пріѣзжавшіе изъ разныхъ дальнихъ городовъ. Николай велъ съ ними долгія и тихія бесѣды, всегда объ одномъ — о рабочихъ людяхъ земли. Спорили, горячились, размахивая руками, пили много чая, иногда Николай, подъ шумъ бесѣды, молча сочинялъ прокламаціи, потомъ читалъ товарищамъ, ихъ тутъ-же переписывали печатными буквами, мать тщательно собирала кусочки разорванныхъ черновиковъ и сжигала ихъ.

Она разливала чай и удивлялась горячности, съ которой они говорили о жизни и судьбѣ рабочаго народа, о томъ, какъ скорѣе и лучше посѣять среди него мысли о правдѣ, поднять его духъ. Часто они, сердясь, не соглашались другъ съ другомъ, обвиняли одинъ другого въ чемъ-то, обижались и снова спорили.

Мать чувствовала, что она знаетъ жизнь рабочихъ лучше, чѣмъ эти люди, ей казалось, что она яснѣе ихъ видитъ огромность взятой ими на себя задачи, и это позволяло ей относиться ко всѣмъ нимъ съ снисходительнымъ, немного грустнымъ чувствомъ взрослаго къ дѣтямъ, которые играютъ въ мужа и жену, не понимая драмы этихъ отношеній. Она невольно сравнивала ихъ рѣчи съ рѣчами сына, Андрея и, сравнивая, чувствовала разницу, которой сначала не могла

понять. Порою ей казалось, что здѣсь кричатъ сильнѣе, чѣмъ бывало кричали въ слободкѣ, она объясняла это себѣ:

— Знаютъ больше — говорятъ громче . . .

Но слишкомъ часто она видѣла, что всѣ эти люди какъ будто нарочно подогрѣваютъ другъ друга и горячатся на показъ, точно каждый изъ нихъ хочетъ доказать товарищамъ, что для него правда ближе и дороже, чѣмъ для нихъ, а другіе обижались на это и, въ свою очередь доказывая близость къ правдѣ, начинали спорить рѣзко, грубо. Каждый хотѣлъ вскочить выше другого, казалось ей, и это вызывало у нея тревожную грусть. Она двигала бровью и, глядя на всѣхъ умоляющими глазами, думала:

— Забыли про Пашу-то съ товарищами . . . забыли!

Всегда напряженно вслушиваясь въ споры, конечно, не понимая ихъ, она искала за словами чувство и видѣла — когда въ слободкѣ говорили о добрѣ — его брали круглымъ, въ цѣломъ, а здѣсь все разбивалось на куски и мельчало, тамъ глубже и сильнѣе чувствовали, здѣсь была область острыхъ, все разрѣзающихъ думъ. И здѣсь больше говорили о разрушеніи стараго, а тамъ мечтали о новомъ, отъ этого рѣчи сына и Андрея были ближе, понятнѣе ей . . .

Смутное недовольство людьми тихо вкрадывалось ей въ душу и тревожило ее, будя недовѣріе, вызывая желаніе скорѣе понять все самой и самой заговорить о жизни своимъ словомъ, изъ своей души.

Замѣчала она также, что когда къ Николаю приходилъ кто-либо изъ рабочихъ — хозяинъ становился необычно развязенъ, что-то сладкое являлось на лицѣ его, а говорилъ онъ иначе, чѣмъ всегда, не то грубѣе, не то небрежнѣе.

— Старается, чтобы поняли его! — думала она.

Но это ее не утѣшало, и она видѣла, что гость — рабочій тоже ежится, точно связанъ изнутри и не можетъ говорить такъ легко и свободно, какъ онъ говоритъ съ нею, простой женщиной. Однажды, когда Николай вышелъ, она замѣтила какому-то парню:

— Чего ты стѣсняешься? Чай не мальчонка на экзаментѣ . . .

Тотъ широко усмѣхнулся.

— Съ непривычки и раки краснѣютъ . . . всетаки . . . не свой братъ . . .

И опустилъ голову.

— Ничего! — сказала мать. — Онъ — простой . . .

Парень взглянулъ въ лицо ей — оба усмѣхнулись и — замолчали.

Иногда приходила Сашенька, она никогда не сидѣла долго, всегда говорила дѣловито, не смѣясь и каждый разъ уходя спрашивала мать:

— Что Павелъ Михайловичъ — здоровъ?

— Слава Богу! — говорила мать. — Ничего, веселый!

— Кланяйтесь ему! — просила дѣвушка и исчезала.

Порою мать жаловалась ей, что долго держатъ Павла, не назначаютъ суда надъ нимъ. Сашенька хмурилась и молчала, а пальцы у нея быстро шевелились.

Ниловна ощущала желаніе сказать ей:

— Милая вы моя, вѣдь я знаю, что любите вы его . . . знаю!

Но не рѣшалась — суровое лицо дѣвушки, ея плотно сжатыя губы и сухая дѣловитость рѣчи какъ-бы заранѣе отталкивали ласку. Вздыхая, мать безмолвно жала протянутую ей руку и думала:

— Несчастная ты моя . . .

Однажды пріѣхала Наташа. Она очень обрадовалась, увидѣвъ мать, расцѣловала ее и, между прочимъ, какъ-то вдругъ и тихонько сообщила:

— А моя мама умерла . . . умерла, бѣдная . . .

Тряхнула головой, быстрымъ жестомъ руки отерла глаза и продолжала:

— Жалко мнѣ ее . . . ей не было пятидесяти лѣтъ . . . могла-бы долго еще жить. А посмотришь съ другой стороны и невольно думаешь — смерть, вѣроятно, легче этой жизни? Всегда одна, всегда всѣмъ чужая, ненужная

никому, запуганная окриками отца моего — развѣ она жила? Живутъ — ожидая чего-нибудь хорошаго, а ей нечего было ждать, кромѣ обидъ . . .

— Вѣрно вы говорите, Наташа! — сказала мать подумавъ. — Живутъ — ожидая хорошаго, а если нечего ждать — какая жизнь? — И ласково погладивъ руку дѣвушки, она спросила: — Одна теперь остались вы?

— Одна! — легко отвѣтила Наташа.

Мать помолчала и вдругъ замѣтила съ улыбкой:

— Ничего! Хорошій человѣкъ одинъ не живетъ, къ нему всегда люди пристанутъ . . .

VIII.

Наташа поступила учительницей въ уѣздъ на ткацкую фабрику, и Ниловна изрѣдка начала доставлять къ ней запрещенныя книжки, прокламаціи, газеты.

Это стало ея дѣломъ. По нѣскольку разъ въ мѣсяцъ переодѣтая монахиней, торговкой кружевами и ручнымъ полотномъ, зажиточной мѣщанкой или богомолкой странницей, она разъѣзжала и расхаживала по губерніи, съ мѣшкомъ за спиной или чемоданомъ въ рукахъ. Въ вагонахъ и на пароходахъ, въ гостинницахъ и на постоялыхъ дворахъ, она вездѣ держалась просто и спокойно, первая вступала въ бесѣды съ незнакомыми людьми, безбоязненно привлекая къ себѣ вниманіе своей ласковой, общительной рѣчью и увѣренными манерами бывалаго, много видѣвшаго человѣка.

Ей нравилось говорить съ людьми, нравилось слушать ихъ разсказы о жизни, жалобы, недоумѣнія и вздохи. Сердце ея обливалось радостью каждый разъ, когда она замѣчала въ человѣкѣ острое недовольство, то недовольство, которое, протестуя противъ ударовъ судьбы, напряженно ищетъ отвѣтовъ на вопросы уже сложившіеся въ умѣ. Передъ нею все шире и пестрѣе развертывалась картина жизни человѣческой, суетливой и тревожной жизни въ борьбѣ за сытость. Всюду было ясно видно грубо голое, нагло откровенное стремленіе

[redacted]

обмануть человѣка, обобрать его, выжать изъ него побольше пользы для себя, испить его крови. И она видѣла, что всего было много на землѣ, а народъ нуждался и жилъ вокругъ неисчислимыхъ богатствъ полуголодный. Въ городахъ стоятъ храмы, наполненные золотомъ и серебромъ ненужнымъ Богу, а на папертяхъ храмовъ дрожатъ нищіе, тщетно ожидая, когда имъ сунутъ въ руку маленькую мѣдную монету. Она и раньше видала это — богатыя церкви и шитые золотомъ ризы поповъ, лачуги нищаго народа и его позорныя лохмотья, но раньше это казалось ей естественнымъ, а теперь — непримиримымъ и оскорбляющимъ бѣдныхъ людей, которымъ — она знала — церковь и ближе, и нужнѣе, чѣмъ богатымъ.

По картинкамъ, изображавшимъ Христа, по разсказамъ о Немъ, она знала, что Онъ, другъ бѣдныхъ, одѣвался просто, а въ церквахъ, куда бѣднота приходила къ Нему за утѣшеніемъ, она видѣла Его закованнымъ въ наглое золото и шелкъ, брезгливо шелестѣвшій при видѣ нищеты. И невольно вспоминались ей слова Рыбина:

— И Богомъ обманули насъ! Въ ложь и клевету одѣли Его, чтобы убить души намъ! . .

Незамѣтно для нея, она стала меньше молиться, но все больше думала о Христѣ и о людяхъ, которые, не упоминая имени Его, какъ будто даже не зная о Немъ, жили, казалось ей, по Его завѣтамъ и, подобно Ему, считая землю царствомъ бѣдныхъ, желали раздѣлить поровну между людьми всѣ богатства земли. Думала она объ этомъ много, и росла въ душѣ ея эта дума, углубляясь и обнимая все видимое ею, все, что слышала она, росла, принимая свѣтлое лицо молитвы, ровнымъ огнемъ обливавшей весь темный міръ, всю жизнь и всѣхъ людей. И ей казалось, что самъ Христосъ, котораго она всегда любила смутной любовью, сложнымъ чувствомъ, гдѣ страхъ былъ тѣсно связанъ съ надеждой и умиленіе съ печалью — теперь сталъ ближе къ ней и былъ уже инымъ — выше и виднѣе для нея, радостнѣе и свѣтлѣе лицомъ. Теперь Его глаза улыбались ей съ увѣренностью и живой вну-

тренней силой, точно Онъ въ самомъ дѣлѣ воскресалъ для жизни, омытый и оживленный горячею кровью, которую они щедро пролили во имя Его, цѣломудренно не возглашая имени несчастнаго друга людей. Изъ своихъ путешествій она всегда возвращалась къ Николаю радостно возбужденная тѣмъ, что видѣла и слышала дорогой, бодрая и довольная исполненной работой.

— Хорошо это ѣздить вездѣ и много видѣть! — говорила она Николаю по вечерамъ. — Понимаешь, какъ строится жизнь. Оттираютъ, откидываютъ народъ на край ея, и обиженный копошится онъ тамъ, но — хочетъ не хочетъ — а думаетъ — за что? Почему меня прочь отгоняютъ? Почему всего много, а голоденъ я? И сколько ума вездѣ, а я глупъ и теменъ? И гдѣ Онъ, Богъ милостивый, предъ которымъ нѣтъ богатаго и бѣднаго, но всѣ — дѣти дорогія сердцу? Возмущается понемногу народъ жизнью своей . . . чувствуетъ, что неправда задушитъ его, коли онъ не подумаетъ о себѣ!

И все чаще она ощущала требовательное желаніе самой, своимъ языкомъ говорить людямъ о несправедливостяхъ жизни, и часто ей трудно было подавить это желаніе . . .

Николай, заставая ее надъ картинами, улыбаясь, разсказывалъ что-нибудь всегда чудесное. Пораженная дерзостью задачъ человѣка, она недовѣрчиво спрашивала Николая:

— Да развѣ это можно?

И онъ настойчиво, съ непоколебимой увѣренностью въ правдѣ своихъ пророчествъ, глядя черезъ очки въ лицо ея добрыми глазами, говорилъ ей сказки о будущемъ.

— Желаніямъ человѣка нѣтъ мѣры, его сила — неисчерпаема! Но міръ, всетаки, еще очень медленно богатѣетъ духомъ, потому что теперь каждый, желая освободить себя отъ зависимости, принужденъ копить не знанія, а деньги. А когда люди убьютъ жадность, когда они освободятъ себя изъ плѣна подневольнаго труда . . .

Она рѣдко понимала смыслъ его словъ, но чувство спо-

[redacted]

койной вѣры, оживлявшее ихъ, становилось все болѣе доступно для нея.

— На землѣ слишкомъ мало свободныхъ людей, вотъ ея несчастіе! — говорилъ онъ.

Это было понятно — она знала освободившихся отъ жадности и злобы, она понимала, что если-бы такихъ людей было больше — темное и страшное лицо жизни стало-бы привѣтливѣе и проще, болѣе добрымъ и свѣтлымъ.

— Человѣкъ невольно долженъ быть жестокимъ! — съ грустью говорилъ Николай.

Она утвердительно кивала головой, вспоминая рѣчи хохла.

IX.

Однажды Николай, всегда аккуратный, пришелъ со служды много позднѣе, чѣмъ всегда, и, не раздѣваясь, возбужденно потирая руки, торопливо сказалъ:

— Знаете, Ниловна, сегодня во время свиданій изъ тюрьмы бѣжалъ одинъ изъ нашихъ товарищей . . . Но кто онъ? Не удалось узнать . . .

Мать покачнулась на ногахъ, охваченная волненіемъ, сѣла на стулъ, спрашивая шепотомъ:

— Можетъ быть Паша?

— Можетъ быть! — отвѣтилъ Николай, вздернувъ плечи. — Но какъ ему помочь скрыться, гдѣ его найти? Я сейчасъ ходилъ по улицамъ — не встрѣчу-ли? Это глупо, но надо что-нибудь дѣлать! И я снова пойду . . .

— Я тоже . . . — крикнула мать.

— Вы пойдите къ Егору, не знаетъ-ли онъ что-нибудь? — предложилъ Николай, поспѣшно исчезая.

Она накинула платокъ на голову и, охваченная надеждой, быстро вышла на улицу вслѣдъ за нимъ. Рябило въ глазахъ, и сердце стучало торопливо, заставляя ее почти бѣжать. Она шла встрѣчу возможнаго опустивъ голову и ничего не замѣчала вокругъ.

— Приду туда, а онъ тамъ ужъ . . . — мелькала надежда, толкая ее . . .

Было жарко, она задыхалась отъ усталости и, когда дошла до лѣстницы въ квартиру Егора, остановилась, не имѣя силъ идти дальше, обернулась и удивленно, тихонько крикнувъ, на мигъ закрыла глаза — ей показалось, что въ воротахъ стоитъ Николай Вѣсовщиковъ, засунувъ руки въ карманы и съ улыбкой смотритъ на нее. Но когда она снова взглянула, — никого не было . . .

— Почудилось! — мысленно сказала она, шагая по ступенямъ и прислушиваясь. Внизу на дворѣ былъ слышенъ глухой топотъ медленныхъ шаговъ . . . Остановясь на поворотѣ лѣстницы, она, нагнувшись, посмотрѣла внизъ и снова увидала рябое лицо, улыбавшееся ей.

— Николай . . . Николай . . . — воскликнула мать, опускаясь встрѣчу ему, а сердце разочарованно заныло.

— А ты иди! Иди . . . — негромко отвѣтилъ онъ, махнувъ рукой.

Она быстро взбѣжала по лѣстницѣ, вошла въ комнату Егора и, увидавъ его лежащимъ на диванѣ, задыхаясь прошептала:

— Николай бѣжалъ . . . изъ тюрьмы . . .

— Какой? — хрипло спросилъ Егоръ, поднимая голову съ подушки. — Ихъ тамъ двое . . .

— Вѣсовщиковъ . . . Идетъ сюда! . . .

— Чудесно! Но я не встану встрѣтить его . . .

Онъ уже вошелъ въ комнату, заперъ дверь на крюкъ и, снявъ шапку, тихо смѣялся, приглаживая волосы на головѣ. Упираясь локтями въ диванъ, Егоръ поднялся, крякнулъ, кивая головой.

— Пожалуйте . . . не стѣсняйтесь . . .

Широко улыбаясь, Николай подошелъ къ матери, схватилъ ея руку:

— Ка-бы не увидалъ я тебя — хоть назадъ въ тюрьму иди! Никого въ городѣ не знаю, а въ слободу идти — сей-

часъ-же схватятъ . . . Хожу и думаю — дуракъ! Зачѣмъ ушелъ? Вдругъ вижу — Ниловна бѣжитъ! Я за тобой . . .

— Какъ это ты ушелъ? — спросила мать.

Онъ неловко присѣлъ на край дивана и говорилъ, смущенно пожимая плечами:

— Не знаю какъ . . . просто случай подвернулся! Гулялъ я . . . а уголовные начали надзирателя бить . . . тамъ одинъ есть такой, изъ жандармовъ, за воровство выгнанъ . . . шпіонитъ, доноситъ, жить не даетъ никому! . . Бьютъ они его, суматоха, надзиратели испугались, бѣгаютъ, свистятъ . . . я вижу — ворота открыты, подошелъ, смотрю — площадь, городъ . . . Потянуло меня впередъ . . . И пошелъ, не торопясь . . . такъ, какъ-бы во снѣ . . . Отошелъ немного, опомнился — куда идти? Смотрю — а ворота тюрьмы уже заперты . . . Неловко мнѣ стало . . . товарищей жалко и вообще . . . глупо какъ-то . . . не думалъ я уходить . . .

— Гм! — сказалъ Егоръ. — А вы-бы, господинъ, воротились, вѣжливо постучали въ дверь и попросили пустить васъ. Извините, молъ, я нѣсколько увлекся . . .

— Да, — усмѣхаясь продолжалъ Николай, — это тоже глупость, я понимаю. Ну, а, всетаки, передъ товарищами нехорошо . . . никому не сказалъ ничего . . . ушелъ . . . Иду. Вижу — покойника несутъ, ребенка. Пошелъ за гробомъ, голову наклонилъ, не гляжу ни на кого . . . Посидѣлъ на кладбищѣ, обвѣяло меня воздухомъ . . . и одна мысль въ голову пришла . . .

— Одна? — спросилъ Егоръ и, вздохнувъ, добавилъ: — Я думаю, ей тамъ не тѣсно . . .

Вѣсовщиковъ безобидно засмѣялся, тряхнувъ головой.

— Ну, теперь у меня голова не такая пустая, какъ была . . . А ты, Егоръ Ивановичъ, все хвораешь . . .

— Каждый дѣлаетъ, что можетъ! — отвѣтилъ Егоръ, влажно кашляя. — Продолжай!

— Потомъ пошелъ въ земскій музей . . . Походилъ тамъ, поглядѣлъ, а самъ все думаю — какъ-же, куда я

теперь? Даже разсердился на себя . . . и очень ѣсть захотѣлось! Вышелъ на улицу, хожу, досадно мнѣ . . . а ужъ вижу полицейскіе присматриваются ко всѣмъ . . . ну, думаю, съ моей рожей скоро попаду на судъ Божій! . . Вдругъ Ниловна навстрѣчу бѣжитъ . . . я посторонился, да за ней . . . вотъ и все!

— А я тебя и не замѣтила! — виновато молвила мать. Она разсматривала Вѣсовщикова, и ей казалось, что онъ какъ будто легче сталъ.

— Вѣрно товарищи безпокоятся . . . гдѣ онъ, дескать? — почесывая голову, сказалъ Николай.

— А начальства тебѣ не жалко? Оно вѣдъ тоже безпокоится! — замѣтилъ Егоръ. Онъ открылъ ротъ и началъ такъ двигать губами, точно жевалъ воздухъ. — Однако, шутки прочь! Надо тебя прятать, что не суть легко, хотя и пріятно . . . Если-бы я могъ встать . . . — онъ задохнулся, бросилъ руки къ себѣ на грудь и слабыми движеніями сталъ растирать ее.

— Сильно ты расхворался, Егоръ Ивановичъ! — сказалъ Николай и опустилъ голову. Мать вздохнула, тревожно обвела глазами маленькую, тѣсную комнату.

— Это мое личное дѣло! — отвѣтилъ Егоръ. — Вы, бабуля, спрашивайте о Павлѣ, нечего притворяться!

Вѣсовщиковъ широко улыбнулся.

— Павелъ ничего! Здоровъ. Онъ вродѣ старосты у насъ тамъ. Съ начальствомъ разговариваетъ и вообще — командуетъ . . . Его уважаютъ . . .

Власова кивала головой, слушая разсказы Вѣсовщикова и искоса смотрѣла на отекшее, синеватое лицо Егора. Неподвижно застывшее, лишенное выраженія, оно казалось странно плоскимъ, и только глаза на немъ сверкали живо и весело.

— Дали-бы вы мнѣ поѣсть . . . ей-Богу, очень хочется! — неожиданно воскликнулъ Николай.

— Бабуля, на полкѣ лежитъ хлѣбъ, дайте ему, потомъ пойдите въ коридоръ, налѣво вторая дверь — постукайте

въ нее. Откроетъ женщина, такъ вы скажите ей, пусть идетъ сюда и захватитъ съ собой все, что имѣетъ съѣдобнаго.

— Куда-же — все? — запротестовалъ Николай.

— Не волнуйся — это немного . . . а, можетъ быть, — ничего!

Мать вышла, постучала въ дверь и, прислушиваясь къ тишинѣ за нею, съ печалью подумала о Егорѣ.

— Умираетъ . . .

— Кто это? — спросили за дверью.

— Отъ Егора Ивановича! — негромко отвѣтила мать. — Проситъ васъ къ себѣ . . .

— Сейчасъ приду! — не открывая отвѣтили ей. Она подождала немного и снова постучалась. Тогда дверь быстро отворилась, и въ корридоръ вышла высокая женщина въ очкахъ. Торопливо оправляя смятый рукавъ кофточки, она сурово спросила мать:

— Вамъ что угодно?

— Я отъ Егора Ивановича . . .

— Ага! Идемте . . . О, да я-же знаю васъ! — тихо воскликнула женщина. — Здравствуйте! Темно здѣсь . . .

Власова взглянула на нее и вспомнила, что она бывала изрѣдка у Николая.

— Все свои! — мелькнуло у нея въ головѣ.

Наступая на Власову, женщина заставила ее идти впередъ, а сама, идя сзади, спрашивала:

— Ему плохо?

— Да, лежитъ. Просилъ васъ принести покушать . . .

— Ну, это лишнее . . .

Когда онѣ входили къ Егору, ихъ встрѣтилъ его хрипъ:

— Направляюсь къ праотцамъ, другъ мой . . . Людмила Васильевна, сей мужъ ушелъ изъ тюрьмы безъ разрѣшенія начальства — дерзкій! Прежде всего накормите его, потомъ спрячьте куда-нибудь.

Женщина кивнула головой и, внимательно глядя въ лицо больного, строго сказала:

— Вы, Егоръ, должны были послать за мной тотчасъже, какъ только къ вамъ пришли! И вы дважды, я вижу, не принимали лекарство — что за небрежность? Сами-же говорите, что вамъ легче дышать послѣ пріема . . . Товарищъ, идите ко мнѣ! . . Сейчасъ сюда явятся изъ больницы за Егоромъ . . .

— Всетаки въ больницу меня? — спросилъ Егоръ.

— Да. Я буду тамъ съ вами . . .

— И тамъ?

— Не дурите . . .

Разговаривая, женщина поправила одѣяло на груди Егора, пристально осмотрѣла Николая, измѣрила глазами лекарство въ пузырькѣ . . . Говорила она ровно, негромко, но звучнымъ голосомъ, движенія у нея были плавны, лицо блѣдное, темныя брови почти сходились надъ переносьемъ. Ея лицо не нравилось матери — оно казалось надменнымъ, а глаза смотрѣли безъ улыбки, безъ блеска. И говорила она такъ, точно командовала.

— Мы уйдемъ! — продолжала она. — Я скоро ворочусь! Вы дайте Егору столовую ложку вотъ этого. Не позволяйте ему говорить . . .

И она ушла, уводя съ собой Николая.

— Чудесная женщина! — сказалъ Егоръ, вздохнувъ. — Великолѣпная женщина . . . Васъ, бабуля, надо-бы къ ней пристроить . . . она устаетъ очень . . .

— А ты не говори! На-ко, выпей лучше! . . . — мягко попросила мать.

Онъ проглотилъ лекарство и продолжалъ почему-то прищуривъ глаза:

— Все равно я умру, если и буду молчать . . .

Другимъ глазомъ онъ смотрѣлъ въ лицо матери, а губы его медленно раздвигались въ улыбку. Мать наклонила голову, острое чувство жалости вызывало у нея слезы.

— Ничего, бабуля, это естественно . . . Удовольствіе жить влечетъ за собой обязанность умереть . . .

[redacted]

Мать положила руку на голову его и снова тихо сказала:

— Помолчи, а? . .

Онъ закрылъ глаза, какъ-бы прислушиваясь къ хрипамъ въ груди своей, и упрямо продолжалъ:

— Безсмысленно молчать, бабуля . . . Что я выиграю молчаніемъ? Нѣсколько лишнихъ секундъ агоніи, а проиграю большое удовольствіе поболтать съ хорошимъ человѣкомъ . . . Я думаю, что на томъ свѣтѣ нѣтъ такихъ хорошихъ людей, какъ на этомъ . . .

Мать безпокойно перебила его рѣчь:

— Вотъ придетъ она, барыня-то, и будетъ ругать меня за то, что ты говоришь . . .

— Она не барыня, а революціонерка, товарищъ, чудесная душа . . . Ругать васъ, бабуля, она непремѣнно будетъ. Всѣхъ ругаетъ и всегда . . .

И медленно, съ усиліемъ двигая губами, Егоръ сталъ разсказывать исторію жизни своей сосѣдки. Глаза его улыбались, мать видѣла, что онъ нарочно поддразниваетъ ее и, глядя на его лицо, подернутое влажной синевой, тревожно думала:

— Умретъ . . .

Вошла Людмила и, тщательно закрывая за собой дверь, заговорила, обращаясь къ Власовой:

— Вашему знакомому необходимо переодѣться и возможно скорѣе уйти отъ меня, такъ вы, Пелагея Ниловна, сейчасъ-же идите, достаньте платье для него и принесите все сюда. Жаль — нѣтъ Софьи . . . это ея спеціальность — прятать людей.

— Она завтра пріѣдетъ! — замѣтила Власова, накидывая платокъ на плечи.

Каждый разъ, когда ей давали какое-нибудь порученіе, ее, сразу и крѣпко, охватывало желаніе исполнить это дѣло быстро и хорошо, и она уже не могла думать ни о чемъ, кромѣ своей задачи. И теперь, озабоченно опустивъ брови, она дѣловито спрашивала:

— Какъ одѣть его думаете вы?

— Все равно! Онъ пойдетъ ночью . . .

— Ночью хуже — людей меньше на улицахъ, слѣдятъ больше, а онъ не очень ловкій . . .

Егоръ хрипло засмѣялся.

— Молодая вы еще, бабуля!

— А можно въ больницу къ тебѣ придти? — спросила мать.

Онъ, кашляя, кивнулъ головой. Людмила заглянула въ лицо матери темными глазами и предложила:

— Хотите дежурить у него въ очередь со мной? Да? Хорошо! . . А теперь идите скорѣе . . .

Ласково, но властно взявъ мать подъ руку, она вывела ее за дверь и тамъ тихо сказала:

— Не обижайтесь, что я такъ выпроваживаю васъ . . . я знаю, это грубо . . . Но ему вредно говорить . . . а у меня есть надежда . . .

Она сжала руки, пальцы ея хрустнули, а вѣки утомленно опустились на глаза . . .

Это объясненіе смутило мать, и она пробормотала:

— Что это вы? Развѣ такія грубости бываютъ . . . Иду, до свиданья . . .

— Смотрите, нѣтъ-ли шпіоновъ! — тихо сказала женщина. Поднявъ руки къ лицу, она потирала виски, губы у нея вздрагивали, лицо стало мягче . . .

— Знаю! . . — отвѣтила ей мать не безъ гордости.

Выйдя изъ воротъ, она остановилась на минуту поправляя платокъ и незамѣтно, но зорко оглянулась вокругъ. Она уже почти безошибочно умѣла отличить шпіона въ уличной толпѣ. Ей были хорошо знакомы подчеркнутая безпечность походки, натянутая развязность жестовъ, выраженіе утомленности и скуки на лицѣ и плохо спрятанное за всѣмъ этимъ опасливое, виноватое мерцаніе безпокойныхъ, непріятно острыхъ глазъ.

На этотъ разъ она не замѣтила знакомаго лица и не торопясь пошла по улицѣ, а потомъ наняла извозчика и ве-

лѣла отвезти себя на рынокъ. Покупая платье для Николая, она жестоко торговалась съ продавцами и, между прочимъ, ругала своего пьяницу мужа, котораго ей приходится одѣвать чуть не каждый мѣсяцъ во все новое. Эта выдумка мало дѣйствовала на торговцевъ, но очень нравилась ей самой — дорогой она сообразила, что полиція конечно пойметъ необходимость для Николая перемѣнить платье и пошлетъ сыщиковъ на рынокъ. Съ такими-же наивными предосторожностями она возвратилась на квартиру Егора, потомъ ей пришлось провожать Николая на окраину города. Они шли съ Николаемъ по разнымъ сторонамъ улицы, и матери было смѣшно и пріятно видѣть, какъ Вѣсовщиковъ тяжело шагалъ, опустивъ голову и путаясь ногами въ длинныхъ полахъ рыжаго пальто, и какъ онъ поправлялъ шляпу, сползавшую ему на носъ. Въ одной изъ пустынныхъ улицъ ихъ встрѣтила Сашенька, и мать, простясь съ Вѣсовщиковымъ кивкомъ головы, пошла домой.

— А Паша сидитъ . . . и Андрюша . . . — думала она печально.

X.

Николай встрѣтилъ ее тревожнымъ восклицаніемъ:

— Вы знаете — Егору очень плохо . . . очень! Его свезли въ больницу . . . здѣсь была Людмила, она проситъ васъ придти туда къ ней . . .

— Въ больницу?

Нервнымъ движеніемъ поправивъ очки, Николай помогъ ей надѣть кофту и, пожимая руку ея сухой, теплой рукой, сказалъ вздрагивающимъ голосомъ:

— Да! Захватите вотъ этотъ свертокъ . . . Устроили Вѣсовщикова?

— Все хорошо . . .

— Я тоже приду туда . . . къ Егору . . .

Отъ усталости у матери кружилась голова, а тревожное настроеніе Николая вызвало у нея тоскливое предчувствіе драмы.

— Значитъ — умираетъ . . . — тупо стучала въ головѣ ея темная мысль.

Но когда она пришла въ маленькую, чистую и свѣтлую комнату больницы и увидала, что Егоръ, сидя на койкѣ въ бѣлой грудѣ подушекъ, хрипло хохочетъ — это сразу успокоило ее. Она улыбаясь встала въ дверяхъ и слушала, какъ больной говоритъ доктору:

— Леченіе — это реформа . . .

— Не балагань, Егоръ! — тонкимъ голосомъ озабоченно воскликнулъ докторъ.

— А я революціонеръ . . . ненавижу реформы . . .

Докторъ осторожно положилъ руку Егора на колѣни ему, всталъ со стула и, задумчиво дергая бороду, началъ щупать пальцами отеки на лицѣ больного.

Мать хорошо знала доктора, онъ былъ однимъ изъ близкихъ товарищей Николая, его звали Иванъ Даниловичъ. Она подошла къ Егору — онъ высунулъ языкъ встрѣчу ей. Докторъ обернулся.

— А, Ниловна! . . Здравствуйте . . . садитесь! Что у васъ въ рукахъ?

— Книги, должно быть.

— Ему нельзя читать! — замѣтилъ маленькій докторъ.

— Онъ хочетъ сдѣлать меня идіотомъ! — пожаловался Егоръ.

— Молчи! — сказалъ докторъ.

Короткіе, тяжелые вздохи съ влажнымъ хрипомъ вырывались изъ груди Егора, лицо его было покрыто мелкимъ потомъ, и, медленно поднимая непослушныя, тяжелыя руки, онъ отиралъ ладонью лобъ. Странная неподвижность опухшихъ щекъ изуродовала его широкое, доброе лицо, всѣ черты исчезли подъ мертвенной маской и только глаза, глубоко запавшіе въ отекахъ, смотрѣли ясно, улыбаясь снисходительной улыбкой.

— Эй, наука! Я усталъ . . . можно лечь? . . — спросилъ онъ.

— Нельзя! — кратко сказалъ докторъ.

[redacted]

— Ну, я лягу, когда ты уйдешь . . .

— Вы, Ниловна, не позволяйте ему этого! Поправьте подушки . . . И, пожалуйста, не говорите съ нимъ, это ему вредно . . .

Мать кивнула головой. Докторъ ушелъ быстрыми, мелкими шагами. Егоръ закинулъ голову, закрылъ глаза и замеръ, только пальцы его рукъ тихо шевелились. Отъ бѣлыхъ стѣнъ маленькой комнаты вѣяло сухимъ холодомъ и блѣдной, тусклой печалью . . . Въ большое окно смотрѣли кудрявыя вершины липъ, въ темной, пыльной листвѣ ярко блестѣли желтыя пятна — холодные прикосновенія грядущей осени.

— Смерть подходитъ ко мнѣ медленно . . . неохотно . . . — не двигаясь и не открывая глазъ заговорилъ Егоръ. — Ей, видимо, немного жалъ меня — такой былъ славный, уживчивый парень . . .

— Ты-бы молчалъ, Егоръ Ивановичъ! — просила мать, тихонько поглаживая его руку.

— Подождите, бабуля, замолчу . . .

Задыхаясь, произнося слова съ огромнымъ напряженіемъ, онъ продолжалъ, прерывая рѣчь длинными паузами безсилія.

— Это превосходно, что вы съ нами . . . пріятно видѣть ваше лицо, бабуля . . . и ваши глаза, чутко открытые . . . вашу наивность . . . Чѣмъ она кончитъ? — спрашиваю я себя — и грустно, когда подумаешь, что васъ, какъ всѣхъ, ждетъ тюрьма, ссылка и всякое свинство . . . Вы не боитесь тюрьмы?

— Нѣтъ! — просто отвѣтила она.

— Ну, да, конечно . . . А, всетаки, тюрьма — дрянь . . . это вотъ она искалѣчила меня . . . Говоря по совѣсти — я не хочу умирать . . .

— Можетъ не умрешь еще! — хотѣла скзать она, но, взглянувъ въ его лицо, промолчала.

— Я-бы могъ еще работать . . . недурно . . . Но, если нельзя работать, нечѣмъ жить и глупо житъ . . .

— Справедливо, а не утѣшаетъ! — невольно вспомнила мать слова Андрея и тяжело вздохнула. Она очень устала за день и ей хотѣлось ѣсть. Однотонный влажный шопотъ больного, наполняя комнату, безпомощно ползалъ по гладкимъ стѣнамъ. Вершины липъ за окномъ были подобны низко опустившимся тучамъ и удивляли своей печальной чернотой. Все странно замирало въ сумрачной неподвижности, въ уныломъ ожиданіи ночи.

— Какъ мнѣ нехорошо! — сказалъ Егоръ и закрывъ глаза умолкъ.

— Усни! — посовѣтовала мать. — Можетъ быть лучше будетъ.

Потомъ прислушалась къ его дыханію, оглянулась, просидѣла нѣсколько минутъ неподвижно, охваченная холодной печалью и задремала.

Осторожный шумъ у двери разбудилъ ее, вздрогнувъ, она увидѣла открытые глаза Егора.

— Заснула . . . ты прости! — тихонько сказала она.

— И ты прости . . . — повторилъ онъ тоже тихо.

Въ окно смотрѣлъ вечерній сумракъ, мутный холодъ давилъ глаза, все странно потускнѣло, лицо больного стало темнымъ.

Раздался шорохъ и голосъ Людмилы.

— Сидятъ въ темнотѣ и шепчутся . . . Гдѣ-же здѣсь кнопка?

Комната вдругъ вся налилась бѣлымъ, неласковымъ свѣтомъ. Среди нея стояла Людмила, вся черная, высокая, прямая.

Егоръ сильно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, поднялъ руку къ груди.

— Что? — вскрикнула Людмила, подбѣгая къ нему.

Онъ смотрѣлъ на мать остановившимися глазами, и теперь они казались большими и странно яркими.

— Подожди . . . — прошепталъ онъ.

Широко открывъ ротъ, онъ поднималъ голову вверхъ, а руку протянулъ впередъ . . . Мать осторожно взяла его

руку и, сдерживая дыханіе, смотрѣла въ лицо Егора. Судорожнымъ и сильнымъ движеніемъ шеи онъ запрокинулъ голову и громко сказалъ:

— Не могу . . . кончено . . .

Тѣло его мягко вздрогнуло, голова безсильно упала на плечо, и въ широко открытыхъ глазахъ мертво отразился холодный свѣтъ лампы, горѣвшій надъ койкой.

— Голубчикъ мой! — прошептала мать.

Людмила медленно отошла отъ койки, остановилась у окна и, глядя куда-то передъ собой, незнакомымъ Власовой, необычно громкимъ голосомъ сказала:

— Умеръ . . .

Она согнулась, поставила локти на подоконникъ и заговорила вздрагивающимъ голосомъ:

— Умеръ . . . спокойно и мужественно . . . безъ жалобъ . . .

И вдругъ, точно ее ударили по головѣ, безсильно опустилась на колѣни, закрыла лицо руками и подавленно, глухо застонала.

Сложивъ тяжелыя руки Егора на груди его, поправивъ на подушкѣ странно теплую голову, мать, молча отирая слезы, подошла къ Людмилѣ, наклонилась надъ нею и тихо погладила ея густые волосы. Женщина медленно повернулась къ ней — ея матовые глаза болѣзненно расширились, она встала на ноги и дрожащими губами зашептала:

— Я его знаю давно . . . мы вмѣстѣ жили въ ссылкѣ, шли туда, сидѣли въ тюрьмахъ . . . порою было невыносимо, отвратительно, многіе падали духомъ . . .

Сухое, громкое рыданіе перехватило ей горло, она съ усиліемъ поборола его и, приблизивъ къ лицу матери свое лицо, смягченное нѣжнымъ, грустнымъ чувствомъ, помолодившимъ ее, продолжала быстрымъ шопотомъ, рыдая безъ слезъ:

— А онъ всегда былъ неутомимо веселъ, шутилъ, смѣялся . . . мужественно скрывая свои страданія . . . старался ободрить слабыхъ . . . добрый, чуткій, милый . . . Тамъ,

въ Сибири, бездѣлье развращаетъ людей, часто вызываетъ къ жизни дурныя чувства — какъ онъ умѣлъ бороться съ ними . . . какой это былъ товарищъ, если-бы вы знали. Тяжела, мучительна была его личная жизнь . . . но знаю, никто не слыхалъ жалобъ его . . . никто, никогда. Вотъ я была близкимъ другомъ ему . . . я многимъ обязана его сердцу, онъ далъ мнѣ все, что могъ отъ своего ума, и одинокій, усталый никогда не просилъ взамѣнъ ни ласки, ни вниманія . . .

Она подошла къ Егору, наклонилась и, цѣлуя его руку, тоскливо, негромко говорила:

— Товарищъ . . . дорогой мой, милый, благодарю, благодарю всѣмъ сердцемъ . . . прощай! Буду работать, какъ ты . . . не уставая, безъ сомнѣній . . . всю жизнь . . . прощай!

Острыя рыданія потрясали ея тѣло и, задыхаясь, она положила голову на койку у ногъ Егора. Мать молча плакала обильными слезами, горячія, онѣ жгли ей кожу щекъ. Она почему-то старалась удержать ихъ, ей хотѣлось приласкать Людмилу особой, сильной лаской и хотѣлось говорить о Егорѣ хорошими словами любви и печали . . . Сквозь слезы она смотрѣла въ его опавшее лицо, въ глаза, дремотно прикрытые опущенными вѣками, и на губы, темныя, застывшія въ легкой улыбкѣ. Было тихо и скучно свѣтло . . .

Вошелъ Иванъ Даниловичъ, какъ всегда торопливыми, мелкими шагами, вошелъ, вдругъ остановился среди комнаты и, быстрымъ жестомъ сунувъ руки въ карманы, спросилъ нервно и громко:

— Давно? . .

— Ему не отвѣтили. Онъ, тихо покачиваясь на ногахъ и потирая лобъ, подошелъ къ Егору, пожалъ руку его и отошелъ въ сторону.

— Не удивительно . . . съ его сердцемъ . . . это должно было случиться полгода назадъ . . . по крайней мѣрѣ . . .

Его высокій, неумѣстно громкій, насильственно спокойный голосъ вдругъ порвался. Прислонясь спиной къ стѣнѣ,

онъ быстрыми пальцами крутилъ бородку и часто мигая глазами смотрѣлъ на группу у койки.

— Еще одинъ . . . — сказалъ онъ тихо.

Людмила встала, отошла къ окну, открыла его. Мать подняла голову, оглянулась, вздыхая. Черезъ минуту они всѣ трое стояли у окна, тѣсно прижимаясь другъ къ другу, и смотрѣли въ сумрачное лицо осенней ночи. Надъ черными вершинами деревьевъ сверкали звѣзды, безконечно углубляя даль небесъ . . .

Людмила взяла мать подъ руку и молча прижалась къ ея плечу. Докторъ, низко наклонивъ голову, протиралъ платкомъ пенснэ. Въ тишинѣ за окномъ устало вздыхалъ вечерній шумъ города, холодъ вѣялъ въ лица, шевелилъ волосы на головахъ. Людмила вздрагивала, и по щекѣ ея текла слеза . . . Въ корридорѣ больницы заглушенно метались измятые, напуганные звуки, торопливое шарканье ногъ, блѣдные стоны, унылый шопотъ. Люди, неподвижно стоя у окна, смотрѣли во тьму и молчали.

Мать почувствовала себя лишней и, осторожно освободивъ руку, пошла къ двери, поклонясь Егору.

— Вы уходите? — тихо и не оглядываясь спросилъ докторъ.

— Да . . .

На улицѣ она подумала о Людмилѣ, вспомнивъ ея скупыя слезы:

— И поплакать-то не умѣетъ . . .

Предсмертныя слова Егора вызвали у нея тихій вздохъ. Медленно шагая по улицѣ, она вспоминала его живые глаза, его шутки, разсказы о жизни.

— Хорошему человѣку жить трудно, умереть — легко . . . Какъ-то я помирать буду? . .

Потомъ представила себѣ Людмилу и доктора у окна въ бѣлой, слишкомъ свѣтлой комнатѣ, мертвые глаза Егора позади нихъ и охваченная гнетущей жалостью къ людямъ тяжело вздохнула и пошла быстрѣе — какое-то смутное чувство торопило ее.

— Надо скорѣе! — думала она, подчиняясь грустной, но бодрой силѣ, мягко толкавшей ее изнутри.

XI.

Весь слѣдующій день мать провела въ хлопотахъ, устраивая похороны, а вечеромъ, когда она, Николай и Софья пили чай, явилась Сашенька, странно шумная и оживленная... На щекахъ у нея горѣлъ румянецъ, глаза весело блестѣли, и вся она, казалось матери, была наполнена какой-то радостной надеждой. Ея настроеніе рѣзко и бурно вторглось въ печальный тонъ воспоминаній объ умершемъ и, не сливаясь съ нимъ, смутило всѣхъ и ослѣпило, точно огонь, неожиданно вспыхнувшій во тьмѣ. Николай, задумчиво постукивая пальцемъ по столу, сказалъ:

— Вы не похожи на себя сегодня, Саша...

— Да? Можетъ быть! — отвѣтила она и засмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

Мать посмотрѣла на нее съ молчаливымъ упрекомъ, а Софья напоминающимъ тономъ замѣтила:

— А мы говорили объ Егорѣ Ивановичѣ...

— Какой чудесный человѣкъ, неправда-ли? — воскликнула Саша. — Я не видала его безъ улыбки на лицѣ, безъ шутки... И какъ онъ работалъ! Это былъ художникъ революціи, онъ владѣлъ революціонной мыслью, какъ великій мастеръ. Съ какой простотой и силой онъ рисовалъ всегда картины лжи, насилій, неправды... Я многимъ обязана ему и никогда не забуду работы его мысли надъ моими недоумѣніями...

Она говорила негромко, съ задумчивой улыбкой въ глазахъ, но эта улыбка не угашала въ ея взглядѣ огня непонятнаго никому, но всѣми ясно видимаго ликованія.

Люди любятъ свои чувства порою во вредъ самимъ себѣ, они любуются ими и часто даже изъ горя своего создаютъ для себя острую забаву, разъѣдающую сердце.

Имъ не хотѣлось уступить охватившее ихъ настроеніе печали о товарищѣ чувству радости, внесенному Сашей, и безсознательно защищая свое грустное право питаться горемъ, они невольно старались ввести дѣвушку въ кругъ своего настроенія . . .

— И вотъ онъ умеръ! — внимательно глядя на нее настойчиво сказала Софья.

Саша оглянула всѣхъ быстрымъ, спрашивающимъ взглядомъ, брови ея нахмурились. И опустивъ голову замолчала, поправляя волосы медленнымъ жестомъ.

— Умеръ? — громко сказала она послѣ паузы и снова окинула всѣхъ вызывающими глазами. — Мнѣ трудно помириться съ этимъ . . .

Она прошлась по комнатѣ и вдругъ остановившись заговорила страннымъ голосомъ:

— Что значитъ — умеръ? Что умерло? Развѣ умерло мое уважаніе къ Егору, моя любовь къ нему, товарищу, память о работѣ мысли его, развѣ умерла эта работа, исчезли чувства, которыя онъ вызвалъ въ моемъ сердцѣ, разбито представленіе мое о немъ, какъ о мужественномъ, честномъ человѣкѣ? Развѣ все это умерло? Это, лучшее въ немъ, не умретъ для меня никогда, я знаю . . . Мнѣ кажется, мы слишкомъ торопимся сказать о человѣкѣ — онъ умеръ. Мертвы уста его, но слово — будетъ жить въ сердцахъ живыхъ!

Взволнованная, она снова сѣла къ столу, облокотилась на него и тише, вдумчивѣе, продолжала съ улыбкой глядя на товарищей затуманенными глазами.

— Можетъ быть я говорю глупо, но — я вѣрю, товарищи, въ безсмертіе честныхъ людей . . . въ безсмертіе тѣхъ, кто далъ мнѣ счастье жить прекрасной, полной жизнью, которой я живу, которая радостно опьяняетъ меня удивительной сложностью своей, разнообразіемъ явленій и ростомъ идей, дорогихъ мнѣ, какъ сердце мое. Мы, можетъ быть, слишкомъ бережливы въ тратѣ своихъ чувствъ, много живемъ

мыслью, и это нѣсколько искажаетъ насъ, мы оцѣниваемъ, а не чувствуемъ . . .

— Съ вами случилось что-нибудь хорошее? — спросила Софья улыбаясь.

— Да! — кивнувъ головой, сказала Саша. — Очень, мнѣ кажется! Я всю ночь бесѣдовала съ Вѣсовщиковымъ . . . Я не любила его раньше, онъ мнѣ казался грубымъ и темнымъ. Да онъ и былъ такимъ, несомнѣнно . . . Въ немъ жило неподвижное, темное раздраженіе на всѣхъ, онъ всегда какъ-то убійственно тяжело ставилъ себя въ центрѣ всего и грубо, озлобленно говорилъ — я, я, я. Въ этомъ было что-то мѣщанское, низменное и раздражающее . . .

Она улыбнулась и снова обвела всѣхъ сіяющимъ взглядомъ.

— Теперь онъ говоритъ — товарищи! И надо слышать, какъ онъ это говоритъ . . . Съ какой-то смущенной, мягкой любовью . . . этого не передашъ словами. Сталъ удивительно простъ и искрененъ и весь переполненъ желаніемъ работы. Онъ нашелъ себя, видитъ свою силу, знаетъ, чего у него нѣтъ . . . главное, въ немъ родилось истинно товарищеское чувство . . . широкое, любовное . . . улыбающееся навстрѣчу всему тяжелому въ жизни . . .

Власова слушала рѣчь Саши, и ей было пріятно видѣть всегда суровую дѣвушку смягченной, радостной. Но, въ тоже время, гдѣ-то глубоко въ ея душѣ зарождалась ревнивая мысль:

— А какъ-же Паша-то? . .

— Онъ — продолжала Саша — весь охваченъ мыслями о товарищахъ и, знаете, въ чемъ убѣждаетъ меня? Въ необходимости устроить для нихъ побѣгъ . . . да! Онъ говоритъ, что это очень просто и легко . . .

Софья подняла голову и оживленно сказала:

— А вы какъ думаете, Саша? Это мысль?

Чашка чая въ рукѣ матери задрожала, и она поставила ее на столъ. Саша нахмурила брови, сдерживая свое ожив-

леніе, помолчала и серьезнымъ голосомъ, но радостно улыбаясь, сбивчиво проговорила:

— Онъ увѣренъ . . . если, дѣйствительно, все такъ, какъ онъ говоритъ — мы должны попытаться . . . это наша обязанность! . .

Она покраснѣла, опустилась на стулъ, замолчала.

— Милая ты моя, милая! — улыбаясь думала мать. Софья тоже улыбнулась, а Николай, мягко глядя въ лицо Саши, тихо засмѣялся. Тогда дѣвушка подняла голову, строго посмотрѣла на всѣхъ и блѣдная, сверкнувъ глазами, сухо, съ обидой въ голосѣ, сказала:

— Вы смѣетесь . . . . я понимаю васъ . . . Вы считаете меня лично заинтересованной въ побѣгѣ, да? .

— Почему, Саша? — лукаво спросила Софья, вставая и подходя къ ней. Вопросъ этотъ показался матери лишнимъ и обиднымъ для дѣвушки, она вздохнула и, поднявъ бровь, съ упрекомъ посмотрѣла на Софью.

— Но я отказываюсь! — воскликнула Саша. — Я не приму участія въ рѣшеніи вопроса, если вы будете разсматривать его . . .

— Перестаньте, Саша! — спокойно сказалъ Николай.

Мать тоже подошла къ ней и, наклонясь осторожно, погладила ея голову. Саша схватила ея руку и, поднявъ кверху покраснѣвшее лицо, смущенно взглянула въ лицо матери. Та улыбнулась и, не найдя, что сказать Сашѣ, печально вздохнула. А Софья сѣла рядомъ съ Сашей на стулъ, обняла за плечи и, съ любопытной улыбкой заглядывая ей въ глаза, сказала:

— Вы чудачка! . .

— Да, я, кажется, наглупила . . . Но я не люблю тѣней . . .

— Какъ могли вы подумать . . . — продолжала Софья. Но Николай дѣловито и серьезно прервалъ ее:

— Объ устройствѣ побѣга, если онъ возможенъ, не можетъ быть двухъ мнѣній. Но прежде всего — мы должны знать, хотятъ-ли этого заключенные товарищи . . .

Саша опустила голову.

Софья, закуривая папиросу, взглянула на брата и широкимъ жестомъ бросила спичку куда-то въ уголъ.

— Какъ чай имъ не хотѣть! — вздохнувъ сказала мать. — Только не вѣрю я, что можно это . . .

Всѣ молчали, а она смотрѣла на нихъ съ недоумѣніемъ — ей такъ хотѣлось послушать еще о возможности побѣга.

— Мнѣ нужно повидаться съ Вѣсовщиковымъ! — сказала Софья.

— Хорошо! Завтра я скажу вамъ, когда и гдѣ! — негромко отвѣтила Саша.

— Что онъ будетъ дѣлать? — спросила Софья, расхаживая по комнатѣ.

— Его рѣшили пристроить наборщикомъ въ новую типографію . . . А до того времени поживетъ у лѣсничаго.

Брови Саши нахмурились, лицо приняло обычное, суровое выраженіе, и голосъ звучалъ сухо. Николай подошелъ къ матери, перемывавшей чашки и сказалъ ей:

— Вы послѣзавтра на свиданіе идете . . . такъ надо передать Павлу записку . . . Понимаете — нужно знать . . .

— Я понимаю, понимаю! — торопливо отозвалась она. — Я ужъ передамъ . . . это мое дѣло . . .

— Я ухожу! — заявила Саша и, быстро, молча пожавъ всѣмъ руки, шагая какъ-то особенно твердо, ушла, прямая и сухая.

Софья положила руки на плечи матери и, покачивая ее на стулѣ, съ улыбкой спросила:

— Вы, Ниловна, любили-бы такую дочь? . .

— О, Господи! Хоть-бы день одинъ видѣть ихъ вмѣстѣ! — воскликнула Власова, готовая заплакать.

— Да, немножко счастья . . . это хорошо для каждаго! . . — негромко замѣтилъ Николай. — Но нѣтъ людей, которые желали-бы немножко счастья . . . А когда его много — оно дешево . . .

Софья сѣла за піанино и начала играть что-то грустное.

XII.

На другой день поутру нѣсколько десятковъ мужчинъ и женщинъ стояли у воротъ больницы, ожидая, когда вынесутъ на улицу гробъ ихъ товарища. Вокругъ нихъ осторожно кружились шпіоны, ловя чуткими ушами отдѣльные возгласы, запоминая лица, манеры и слова, а съ другой стороны улицы на нихъ смотрѣла группа полицейскихъ съ револьверами у пояса. Нахалство шпіоновъ, насмѣшливыя улыбки полиціи и ея готовность показать свою силу раздражали толпу. Иные, скрывая свое раздраженіе, шутили, другіе угрюмо смотрѣли въ землю, стараясь не замѣчать оскорбительнаго, третьи, не сдерживая гнѣва, иронически смѣялись надъ администраціей, которая боится людей, вооруженныхъ только словомъ. Блѣдно голубое небо осени свѣтло смотрѣло въ улицу, вымощенную круглыми сѣрыми камнями, усѣянную желтой листвой, и вѣтеръ, взметывая листья, бросалъ ихъ подъ ноги людей.

Мать стояла въ толпѣ и, наблюдая знакомыя лица, съ грустью думала:

— Немного васъ... немного! А рабочаго народа — нѣтъ почти...

Отворились ворота, на улицу вынесли крышку гроба съ вѣнками въ красныхъ лентахъ. Люди молча дружно сняли шляпы — точно стая черныхъ птицъ взлетѣла надъ ихъ головами. Высокій полицейскій офицеръ съ густыми черными усами на красномъ лицѣ быстро шелъ въ толпу, за нимъ, безцеремонно расталкивая людей, шагали солдаты, громко стуча тяжелыми сапогами по камнямъ. Офицеръ сказалъ сиплымъ, командующимъ голосомъ:

— Прошу снять ленты!

Его тѣсно окружили мужчины и женщины, что-то говорили ему, размахивая руками, волнуясь, отталкивая другъ друга. Передъ глазами матери мелькали блѣдныя, возбужденныя лица съ трясущимися губами, по лицу одной женщины катились крупныя слезы обиды...

— Долой насиліе! — крикнулъ чей-то молодой голосъ и одиноко потерялся въ шумѣ спора.

Мать тоже почувствовала въ сердцѣ горечь и, обращаясь къ сосѣду своему, бѣдно одѣтому молодому человѣку, сказала возмущенно:

— И похоронить человѣка не даютъ, какъ хочется товарищамъ . . . что ужъ это!

Росла враждебность, надъ головами людей качалась крышка гроба, вѣтеръ игралъ лентами, окутывая головы и лица, и былъ слышенъ сухой и нервный шелестъ шелка.

Мать обнялъ холодный страхъ возможнаго столкновенія, она торопливо и негромко говорила направо и налѣво:

— Богъ съ ними, коли такъ . . . снять-бы ленты . . . уступить-бы ужъ . . . что ужъ! . .

Громкій и рѣзкій голосъ звучалъ, заглушая шумъ:

— Мы требуемъ, чтобы намъ не мѣшали проводить въ послѣдній путь замученнаго вами . . .

Кто-то, должно быть дѣвушка, высоко и тонко запѣла:

»Вы жертвою пали въ борьбѣ . . .«

— Прошу снять ленты! Яковлевъ, срѣжь!

Былъ слышенъ лязгъ вынимаемой шашки. Мать закрыла глаза ожидая крика . . . Но стало тише, люди ворчали, огрызались, какъ затравленные волки. Потомъ молча, низко опустивъ головы, они двинулись впередъ, наполняя улицу шорохомъ шаговъ.

Впереди плыла въ воздухѣ ограбленная крышка гроба со смятыми вѣнками, и, качаясь сбоку на бокъ, ѣхали верхомъ полицейскіе. Мать шла по тротуару, ей не было видно гроба въ густой, тѣсно окружившей его толпѣ, которая незамѣтно выросла и заполнила собой всю ширoту улицы. Сзади толпы тоже возвышались сѣрыя фигуры верховыхъ, по бокамъ, держа руки на шашкахъ, шагала пѣшая полиція, и всюду мелькали знакомые матери острые глаза шпіоновъ, внимательно щупавшіе лица людей.

»Прощай, нашъ товарищъ, прощай . . .« — грустно запѣли два красивыхъ голоса . . .

— Не надо! — раздался крикъ. — Будемъ молчать, господа!

Въ этомъ крикѣ было что-то суровое, внушительное, что-то грозно обѣщавшее, и онъ подчинилъ толпу. Печальная пѣсня оборвалась, шумъ говора сталъ тише, и только твердые удары ногъ о камни наполняли улицу глухимъ, ровнымъ звукомъ. Онъ поднимался надъ головами людей уплывая въ прозрачное небо и сотрясалъ воздухъ подобно отзвуку перваго грома еще далекой грозы. Холодный вѣтеръ, все усиливаясь, враждебно несъ встрѣчу людямъ пыль и соръ городскихъ улицъ, раздувалъ платье и волосы, слѣпилъ глаза, билъ въ грудь и путался въ ногахъ . . .

Эти молчаливые похороны безъ поповъ и щемящаго душу пѣнія, задумчивыя лица, нахмуренныя брови и твердые удары ногъ о землю вызывали у матери жуткое чувство, а мысль ея, медленно кружась, одѣвала впечатлѣнія въ грустныя слова.

— Немного васъ, которые за правду . . .

Она шагала опустивъ голову и ей казалось, что это хоронятъ не Егора, котораго она знала, а что-то другое, привычное и потому близкое и нужное ей. Ей было тоскливо, неловко. Сердце наполнялось шороховатымъ тревожнымъ чувствомъ несогласія съ людьми, провожавшими Егора.

— Конечно, — думала она — Егорушка въ Бога не вѣрилъ, и всѣ они тоже . . .

Но не хотѣла окончить свою мысль и вздыхала, желая столкнуть тяжесть съ души.

— О, Господи, Господи . . . Іисусе Христе . . . Неужто и меня вотъ такъ . . .

Пришли на кладбище и долго кружились тамъ по узкимъ дорожкамъ среди могилъ, пока не вышли на открытое пространство, усѣянное низенькими бѣлыми крестами. Столпились около могилы и замолчали. И это суровое молчаніе живыхъ среди могилъ обѣщало что-то страшное, отчего сердце

матери вздрогнуло и замерло въ ожиданіи. Между крестовъ свистѣлъ и вылъ вѣтеръ, на крышкѣ гроба печально трепетали измятые цвѣты . . .

Полиція насторожилась, вытянулась, глядя на своего начальника. Надъ могилой всталъ высокій молодой человѣкъ безъ шапки, съ длинными волосами, чернобровый и блѣдный. И въ то-же время раздался сиплый голосъ начальника полиціи:

— Господа . . .

— Товарищи! — громко и звучно началъ чернобровый.

— Позвольте! — крикнулъ полицейскій. — Объявляю вамъ, что не могу допустить рѣчей . . .

— Я скажу всего нѣсколько словъ! — спокойно заявилъ молодой человѣкъ. — Товарищи! Надъ могилой нашего учителя и друга давайте поклянемся, что не забудемъ никогда его завѣты, что каждый изъ насъ будетъ всю жизнь неустанно рыть могилу источнику всѣхъ бѣдъ нашей родины, злой силѣ, угнетающей ее — самодержавію!

— Арестовать! — крикнулъ полицейскій, но его голосъ заглушилъ нестройный взрывъ криковъ:

— Долой самодержавіе!

Расталкивая толпу, полицейскіе бросились къ оратору, а онъ, тѣсно окруженный со всѣхъ сторонъ, кричалъ, взмахнувъ рукой:

— Да здравствуетъ свобода! Съ этимъ жить и умереть!

Мать оттолкнули въ сторону, тамъ она въ страхѣ прислонилась къ кресту и, ожидая удара, закрыла глаза. Буйный вихрь нестройныхъ звуковъ оглушалъ ее, земля качалась подъ ногами, вѣтеръ и страхъ затрудняли дыханіе. Тревожно носились по воздуху свистки полицейскихъ, раздавался грубый, командующій голосъ, истерично кричали женщины, трещало дерево оградъ, и глухо звучалъ тяжелый топотъ ногъ по сухой землѣ. . . Это длилось долго, и стоять съ закрытыми глазами ей стало невыносимо страшно . . .

Она взглянула и, крикнувъ, бросилась впередъ, протягивая руки. Недалеко отъ нея, на узкой дорожкѣ, среди могилъ, полицейскіе, окруживъ длинноволосаго человѣка, отбивались отъ толпы нападавшей на нихъ со всѣхъ сторонъ. Въ воздухѣ бѣло и холодно мелькали обнаженныя шашки, взлетая надъ головами и быстро падая внизъ. Мелькали трости, обломки оградъ, въ дикой пляскѣ кружились крики сцѣпившихся людей, возвышалось блѣдное лицо молодого человѣка, надъ бурей злобнаго раздраженія гудѣлъ его крѣпкій голосъ:

— Товарищи! На что вы тратите себя? . .

Онъ побѣждалъ. Бросая палки, люди одинъ за другимъ отскакивали прочь, а мать все пробивалась впередъ, увлекаемая неодолимой силой, и видѣла, какъ Николай въ шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, отталкивалъ въ сторону охмѣленныхъ злобой людей, слышала его упрекающій голосъ.

— Вы съ ума сошли . . . Да успокойтесь-же! . .

Ей казалось, что одна рука у него красная . . .

— Николай Ивановичъ, уйдите! — закричала она, бросаясь къ нему.

— Куда вы? Васъ тамъ ударятъ . . .

Схвативъ ее за плечо, рядомъ съ нею стояла Софья безъ шляпы, съ растрепанными волосами, поддерживая молодого парня, почти мальчика. Онъ отиралъ рукой разбитое, окровавленное лицо и бормоталъ дрожащими губами:

— Пустите . . . ничего . . .

— Займитесь имъ . . . отвезите его домой, къ намъ . . . Вотъ платокъ . . . завяжите лицо! . . — быстро говорила Софья и, вложивъ руку парня въ руку матери, побѣжала прочь, говоря:

— Скорѣе уходите, арестуютъ! . .

По всѣмъ направленіямъ кладбища расходились люди, за ними, между могилъ, тяжело шагали полицейскіе, неуклюже путаясь въ полахъ шинелей, ругаясь и размахивая шашками. Парень провожалъ ихъ волчьимъ взглядомъ.

— Идемъ скорѣе! — тихо крикнула мать, отирая платкомъ его лицо.

Онъ бормоталъ, выплевывая кровь:

— Да вы не безпокойтесь . . . не больно мнѣ . . . Онъ меня ручкой сабли . . . по лицу и по головѣ . . . Ну, и я его тоже . . . ка-акъ дамъ палкой! . . даже завылъ онъ! . .

И, потрясая окровавленнымъ кулакомъ, закончилъ срывающимся голосомъ:

— Погодите . . . не то будетъ. Мы васъ раздавимъ безъ драки . . . когда мы встанемъ, весь рабочій народъ!

— Скорѣе! — торопила мать, быстро шагая къ маленькой калиткѣ въ оградѣ кладбища. Ей казалось, что тамъ, за оградой, въ полѣ спряталась и ждетъ ихъ полиція и, какъ только они выйдутъ — она бросится на нихъ, начнетъ бить. Но когда, осторожно открывъ дверку, она выглянула въ поле, одѣтое сѣрыми тканями осеннихъ сумерекъ — тишина и безлюдье сразу успокоили ее.

— Дайте-ка я завяжу вамъ лицо-то! — говорила она.

— Да не надо . . . мнѣ и такъ не стыдно! Вѣдь это драка честная — онъ — меня, я — его . . .

Мать наскоро перевязала рану. Видъ крови, свѣжей и алой, наполнялъ ей грудь жалостью, и, когда пальцы ея ощущали влажную теплоту, дрожь ужаса охватывала ее. Она молча и быстро повела раненаго полемъ, держа его за руку. Освободивъ ротъ, онъ съ усмѣшкой въ голосѣ говорилъ:

— Да куда вы меня тащите, товарищъ? Я самъ могу идти! . .

Но она чувствовала, что онъ шатается, ноги его шагаютъ не твердо и рука дрожитъ. Слабѣющимъ голосомъ онъ говорилъ и спрашивалъ ее, не дожидаясь отвѣта:

— Я жестянникъ Иванъ . . . а вы кто? Насъ трое было въ кружкѣ Егора Ивановича . . . жестянниковъ трое . . . а всѣхъ одиннадцать . . . Очень мы любили его . . . царство ему небесное! . . Хоть я не вѣрю въ Бога . . .

Въ одной изъ улицъ мать наняла извозчика, усадивъ Ивана въ экипажъ, шепнула ему:

— Теперь молчите! . . — и осторожно закутала ротъ ему платкомъ.

Онъ поднялъ руку къ лицу и — уже не могъ освободить рта, рука безсильно упала на колѣни. Но, всетаки, продолжалъ бормотать сквозь платокъ:

— Ударовъ этихъ я вамъ не забуду, милые мои . . . А до него съ нами занимался студентъ Титовичъ . . . политической экономіей . . . Былъ онъ строгій очень . . . Потомъ арестовали его . . .

Мать, обнявъ Ивана, положила его голову себѣ на грудь, парень вдругъ весь отяжелѣлъ и замолчалъ. Замирая отъ страха она исподлобья смотрѣла по сторонамъ, ей казалось, что вотъ откуда нибудь изъ-за угла выбѣгутъ полицейскіе, увидятъ завязанную голову Ивана, схватятъ его и убьютъ.

— Выпилъ? — спросилъ извозчикъ, обернувшись на козлахъ и добродушно улыбаясь.

— Хватилъ горячаго до слезъ! — вздохнувъ отвѣтила мать.

— Сынъ?

— Да, сапожникъ . . . А я въ кухаркахъ живу . . .

— Маешься. Та-акъ . . .

Махнувъ кнутомъ на лошадь, извозчикъ опять обернулся и тише продолжалъ:

— А сейчасъ, слышь, на кладбищѣ драка была! . . Хоронили, значитъ, одного политическаго человѣка . . . изъ этакихъ, которые противъ начальства . . . тамъ у нихъ съ начальствомъ спорныя дѣла . . . Хоронили его тоже этакіе, дружки его, стало быть . . . И давай тамъ кричать — долой начальство, оно, дескать, народъ разоряетъ . . . Полиція бить начала ихъ . . . Говорятъ, которыхъ порубили на смерть . . . Ну, и полиціи тоже попало . . . — Онъ замолчалъ и, сокрушенно покачивая головой, страннымъ голосомъ выговорилъ:

— Мертвыхъ безпокоятъ . . . покойниковъ будятъ . . .

Пролетка съ трескомъ подпрыгивала по камнямъ, голова Ивана мягко толкала грудь матери, извозчикъ, сидя вполоборота, задумчиво бормоталъ:

— Идетъ волненіе въ народѣ . . . безпорядокъ поднимается съ земли . . . да. Вчера ночью въ сосѣдяхъ у насъ пришли жандармы, хлопотали чего-то вплоть до утра, а утромъ забрали съ собой кузнеца одного и увели. Говорятъ, отведутъ его ночью на рѣку и тайно утопятъ. А кузнецъ, ничего, умный человѣкъ былъ . . .

— Какъ звали его? — спросила мать.

— Кузнеца-то? Савелъ, а прозвище Евченка. Молодой еще, а ужъ много понималъ . . . понимать-то, видно, запрещается! . . Придетъ, бывало, и говоритъ: какая ваша жизнь, извозчики? Вѣрно, говоримъ, жизнь хуже собачьей . . . да . . .

— Стой! — сказала мать.

Иванъ очнулся отъ толчка и тихо застоналъ.

— Развезло парня! — замѣтилъ извозчикъ. — Эхъ, ты, водка — водочка . . .

Съ трудомъ переставляя ноги, качаясь всѣмъ тѣломъ, Иванъ шелъ по двору и говорилъ:

— Ничего . . . я могу . . .

XIII.

Софья была уже дома, она встрѣтила мать съ папиросой въ зубахъ, суетливая, возбужденная.

Укладывая раненаго на диванъ, она ловко развязывала его голову и распоряжалась, щуря глаза отъ дыма папиросы.

— Иванъ Даниловичъ, привезли . . . Вы устали, Ниловна? Напугались, да? Ну, отдыхайте . . . Николай, давай скорѣе чаю Ниловнѣ и рюмку портвейна!

Ошеломленная пережитымъ, тяжело дыша и ощущая въ груди болѣзненное покалываніе, мать бормотала:

— Вы обо мнѣ не безпокойтесь . . .

[redacted]

И всѣмъ существомъ своимъ трепетно просила вниманія къ себѣ, успокаивающей ласки.

Изъ сосѣдней комнаты вышли Николай, съ перевязанной рукой и докторъ Иванъ Даниловичъ, весь растрепанный, ощетинившійся, какъ ежъ. Онъ быстро подошелъ къ Ивану, наклонился надъ нимъ, говоря:

— Воды, больше воды . . . чистыхъ полотнянныхъ тряпокъ, ваты . . .

Мать двинулась въ кухню, но Николай взялъ ее подъ руку лѣвой рукой и ласково сказалъ, уводя ее въ столовую:

— Это не вамъ говорятъ, а Софьѣ . . . Наволновались вы, милый человѣкъ, да?

Мать встрѣтила его пристальный, участливый взглядъ и съ рыданіемъ, котораго не могла удержать, воскликнула:

— Что это было . . . голубчикъ вы мой! Рубили . . . людей рубили!

— Я видѣлъ! — подавая ей вино и кивнувъ головой, сказалъ Николай. — Погорячились немного обѣ стороны . . . Но вы не безпокойтесь — они били плашмя, и серьезно раненъ, кажется, только одинъ . . . Его ударили на моихъ глазахъ, я его и вытащилъ изъ свалки . . .

Лицо Николая и голосъ, тепло и свѣтъ въ комнатѣ успокаивали Власову. Благодарно взглянувъ на него, она спросила:

— Васъ тоже ударили?

— Это я самъ, кажется . . . неосторожно задѣлъ рукой за что-то и сорвалъ кожу. Пейте чай . . . холодно, а вы одѣты легко . . .

Она протянула руку къ чашкѣ, увидала, что пальцы ея покрыты пятнами запекшейся крови, невольнымъ движеніемъ опустила руку на колѣни — юбка была влажная. Широко открывъ глаза, поднявъ бровь, она искоса смотрѣла на свои пальцы, голова у нея кружилась и въ сердцѣ стучало:

— Вотъ . . . вотъ . . . такъ вотъ однажды и Пашу тоже . . .

Вошелъ Иванъ Даниловичъ въ одномъ жилетѣ, съ за-

сученными рукавами рубашки и на молчаливый вопросъ Николая сказалъ своимъ тонкимъ голосомъ:

— На лицѣ незначительная рана, а черепъ проломленъ, хотя тоже не сильно . . . парень здоровый . . . однако много потерялъ крови . . . Будемъ отправлять въ больницу?

— Зачѣмъ? Пускай остается здѣсь! — воскликнулъ Николай.

— Сегодня можно . . . ну, пожалуй, завтра, а потомъ мнѣ удобнѣе будетъ, чтобы онъ легъ въ больницу. У меня нѣтъ времени дѣлать визиты! Ты напишешь листокъ о событіи на кладбищѣ?

— Конечно! — отвѣтилъ Николай.

Мать тихо встала и пошла на кухню.

— Куда вы, Ниловна? — безпокоясь остановилъ онъ ее. — Соня одна управится!

Она взглянула на него и, вздрагивая, отвѣтила, странно и невольно усмѣхаясь:

— Въ крови я . . . облита кровью . . .

Переодѣваясь въ своей комнатѣ, она еще разъ задумалась о спокойствіи этихъ людей, о ихъ способности быстро переживать страшное. Это отрезвляло ее, изгоняя страхъ изъ сердца. Когда она вошла въ комнату, гдѣ лежалъ раненый, Софья, наклонясь надъ нимъ, говорила ему:

— Глупости, товарищъ!

— Да я стѣснять васъ буду! — возражалъ онъ слабымъ голосомъ.

— А вы молчите, это вамъ полезнѣе . . .

Мать встала позади Софьи и, положивъ руки на ея плечо, съ улыбкой глядя въ блѣдное лицо раненаго, усмѣхаясь заговорила, какъ онъ бредилъ на извозчикѣ и пугалъ ее неосторожными словами. Иванъ слушалъ, глаза его лихорадочно горѣли, онъ чмокалъ губами и тихо, смущенно восклицалъ:

— Охъ . . . экій дуракъ! . .

— Ну, мы васъ оставимъ! — поправивъ на немъ одѣяло, заявила Софья. — Отдохните . . .

Онѣ обѣ ушли въ столовую и тамъ долго бесѣдовали пониженными голосами о событіи дня. И уже относились къ драмѣ этой какъ къ чему-то далекому, увѣренно заглядывая въ будущее, обсуждая пріемы работы на завтра. Лица были утомлены, но мысли бодры, и, говоря о своемъ дѣлѣ, люди не скрывали недовольства собой. Нервно двигаясь на стулѣ, докторъ, съ усиліемъ притупляя свой тонкій, острый голосъ, говорилъ:

— Пропаганда, пропаганда! Этого мало теперь, рабочая молодежь права! Нужно шире поставить агитацію... рабочіе правы, я говорю . . .

Николай хмуро и въ тонъ ему отозвался:

— Отовсюду идутъ жалобы на недостатокъ литературы, а мы все еще не можемъ поставить хорошую типографію. Людмила изъ силъ выбивается, она захвораетъ, если мы не дадимъ ей помощниковъ . . .

— А Вѣсовщиковъ? — спросила Софья.

— Онъ не можетъ жить въ городѣ . . . Онъ возьмется за дѣло только въ новой типографіи . . . а для нея не хватаетъ еще одного человѣка . . .

— Я не подойду? — тихо спросила мать.

Они всѣ трое взглянули на нее и нѣсколько секундъ молчали.

— Хорошая мысль! — воскликнула Софья оживленно и какъ-то вдругъ.

— Нѣтъ, это трудно для васъ, Ниловна! — сухо сказалъ Николай. — Вамъ пришлось-бы жить за городомъ, прекратить свиданія съ Павломъ и вообще . . .

Вздохнувъ она возразила:

— Для Паши это не велика потеря . . . да и мнѣ эти свиданія только душу рвутъ! . . Говорить ни о чемъ нельзя . . . стоишь противъ сына дурой . . . а тебѣ въ ротъ смотрятъ, ждутъ — не скажешь-ли чего лишняго . . .

Событія послѣднихъ дней утомили ее, и теперь, услышавъ о возможности для себя жить внѣ города, вдали отъ его драмъ, она жадно ухватилась за эту возможность.

Но Николай замялъ разговоръ.

— О чемъ думаешь, Иванъ? — обратился онъ къ доктору.

Поднявъ низко опущенную надъ столомъ голову, докторъ угрюмо отвѣтилъ:

— Мало насъ, вотъ о чемъ! Необходимо работать энергичнѣе . . . и необходимо убѣдить Павла и Андрея бѣжать, они оба слишкомъ цѣнны для того, чтобы сидѣть безъ дѣла . . .

Николай нахмурилъ брови и сомнительно покачалъ головой, мелькомъ взглянувъ на мать. Она поняла, что при ней имъ неловко говорить о ея сынѣ, и, простясь ушла въ свою комнату, унося въ груди тихую обиду на людей за то, что они отнеслись такъ невнимательно къ ея желанію. Лежа въ постели съ открытыми глазами, она, подъ тихій шопотъ голосовъ, отдалась во власть тревогъ.

Истекшій день былъ мрачно непонятенъ и полонъ зловѣщихъ намековъ, но ей тяжело было думать о немъ, и отталкивая отъ себя угрюмыя впечатлѣнія, она задумалась о Павлѣ. Ей хотѣлось видѣть его на свободѣ, и въ тоже время это пугало ее: она чувствовала, что вокругъ нея все обостряется, волнуется, грозитъ рѣзкими столкновеніями. Молчаливое терпѣніе людей исчезало, уступая мѣсто напряженному ожиданію, замѣтно росло раздраженіе, звучали рѣзкія слова, отовсюду вѣяло чѣмъ-то новымъ, возбуждающимъ . . . Каждая прокламація вызывала на базарѣ, въ лавкахъ, среди прислуги и ремесленниковъ оживленные толки, каждый арестъ въ городѣ будилъ пугливое, недоумѣвающее, а иногда и безсознательно сочувственное эхо сужденій о причинахъ ареста. Все чаще слышала она среди простыхъ людей когда-то пугавшія ее слова: бунтъ, соціалисты, политика — ихъ произносили насмѣшливо, но за насмѣшкой неумѣло прятался пытливый вопросъ; — со злобой, — и за нею звучалъ страхъ; — задумчиво, съ надеждой и угрозой . . . Медленно, но широкими кругами по устоявшейся темной жизни расходилось волненіе, просыпалась сонная мысль, и

привычное, вынужденно спокойное отношеніе къ содержанію дня колебалось. Все это она видѣла яснѣе другихъ, ибо лучше ихъ знала унылое лицо жизни, ближе стояла къ нему, и теперь, видя на немъ морщины раздумья и раздраженія, она и радовалась, и пугалась. Радовалась, потому что считала это дѣломъ своего сына, боялась, зная, что если онъ выйдетъ изъ тюрьмы, то встанетъ впереди всѣхъ, на самомъ опасномъ мѣстѣ . . . И погибнетъ.

Иногда образъ сына выросталъ передъ нею до размѣровъ гиганта старой сказки, онъ соединялъ въ себѣ всѣ честныя, смѣлыя слова, которыя она слышала, всѣхъ людей, которые ей нравились, все героическое и свѣтлое, что она знала. Тогда умиленная, гордая, въ тихомъ восторгѣ, она любовалась имъ и полная надеждъ думала:

— Все будетъ хорошо . . . все!

Ея любовь, любовь матери, разгоралась, сжимая сердце почти до боли, потомъ материнское мѣшало росту человѣческаго, сжигало его, и на мѣстѣ великаго чувства, въ сѣромъ пеплѣ тревоги, робко билась унылая мысль:

— Погибнетъ . . . пропадетъ . . .

Она заснула поздно, тяжелымъ сномъ и проснулась рано, съ ломотой въ костяхъ и головной болью.

XIV.

Въ полдень она сидѣла въ тюремной канцеляріи противъ Павла и, сквозь туманъ въ глазахъ разсматривая его бородатое лицо, искала случая передать ему записку, крѣпко сжатую между пальцевъ.

— Здоровъ и всѣ здоровы! — говорилъ онъ негромко. — Ну, а ты какъ?

— Ничего! Егоръ Ивановичъ скончался! — машинально сказала она.

— Да? — воскликнулъ Павелъ и тихо опустилъ голову.

— На похоронахъ полиція дралась, арестовали одного!

— простодушно продолжала она. Помощникъ начальника тюрьмы возмущенно чмокнулъ тонкими губами и, вскочивъ со стула, забормоталъ:

— Это — лишнее . . . Это запрещено, надо-же понять! Запрещено говорить о политикѣ! . .

Мать тоже поднялась со стула и, какъ-бы не понимая, виновато заявила:

— Я не о политикѣ, а о дракѣ! А дрались они, это вѣрно . . . И даже одному голову разбили . . .

— Все равно! Я прошу васъ молчать! То есть, молчать обо всемъ, что не касается лично васъ . . . семьи и вообще дома вашего.

Чувствуя, что запутался, онъ сѣлъ за столомъ и, разбирая бумаги, уныло и утомленно добавилъ:

— Я — отвѣчаю, да . . .

Мать оглянулась и, быстро сунувъ записку въ руку Павла, облегченно вздохнула.

— Не понимаешь, о чемъ говорить . . .

Павелъ усмѣхнулся.

— Я тоже не понимаю . . .

— Тогда не нужны и свиданія! — раздраженно замѣтилъ чиновникъ. — Говорить не о чемъ, а ходятъ, безпокоятъ . . .

— Скоро-ли судъ-то? — помолчавъ спросила мать.

— На дняхъ прокуроръ былъ, сказалъ, что скоро . . .

Они говорили другъ другу незначительныя, ненужныя обоимъ слова, мать видѣла, что глаза Павла смотрятъ въ лицо ей мягко, любовно. Все такой-же ровный и спокойный, какъ всегда, онъ не измѣнился, только борода сильно отросла и старила его, да кисти рукъ стали бѣлѣе. Ей захотѣлось сдѣлать ему пріятное, сказать о Николаѣ, и она, не измѣняя голоса, тѣмъ-же тономъ, какимъ говорила ненужное и неинтересное, продолжала:

— Крестника твоего видѣла . . .

Павелъ пристально взглянулъ ей въ глаза, молча спра-

шивая. Желая напомнить ему о рябомъ лицѣ Вѣсовщикова, она постучала себя пальцемъ по щекѣ . . .

— Ничего, мальчикъ живъ и здоровъ, на мѣсто скоро опредѣлится . . . Помнишь, онъ все тяжелой работы просилъ?

Сынъ понялъ, кивнулъ ей головой и съ веселой улыбкой въ глазахъ отвѣтилъ:

— Какъ-же . . . помню!

— Ну, вотъ! — удовлетворенно произнесла она, довольная собой, тронутая его радостью.

Прощаясь съ нею онъ крѣпко пожалъ руку ея.

— Спасибо, мать!

Ей хмѣлемъ бросилось въ голову радостное чувство сердечной близости къ нему, и, не находя силъ отвѣтить словами, она отвѣтила молчаливымъ рукопожатіемъ.

Дома она застала Сашу. Дѣвушка обычно являлась къ Ниловнѣ въ тѣ дни, когда мать бывала на свиданіи. Она никогда не разспрашивала о Павлѣ, и если мать сама не говорила о немъ, Саша пристально смотрѣла въ лицо ея и удовлетворялась этимъ. Но теперь она встрѣтила ее безпокойнымъ вопросомъ:

— Ну, что онъ?

— Ничего, здоровъ!

— Записку отдали?

— Конечно! Я такъ ловко ее сунула . . .

— Онъ читалъ?

— Гдѣ-же? Развѣ можно!

— Да, я забыла! — медленно сказала дѣвушка. — Подождемъ еще недѣлю . . . еще недѣлю . . . А какъ вы думаете — онъ согласится?

Она нахмурила брови и смотрѣла въ лицо матери остановившимися глазами.

— Да, я не знаю . . . Я думаю — уйдетъ онъ . . . — размышляла мать. — Почему не уйти, если безъ опасности это? . .

Саша тряхнула головой и сухо спросила:

— Вы не знаете, что можно ѣсть больному? Онъ проситъ ѣсть.

— Все можно . . . все! Я сейчасъ . . .

Она пошла въ кухню, Саша медленно двинулась за ней.

— Помочь вамъ?

— Спасибо . . . что вы?!

Мать наклонилась къ печкѣ, доставая горшокъ. Дѣвушка тихо сказала ей:

— Подождите . . .

Лицо ея поблѣднѣло, глаза тоскливо расширились, и дрожащія губы съ усиліемъ зашептали горячо и быстро:

— Я хочу васъ просить . . . Я знаю — онъ не согласится! Уговорите его! Онъ — нуженъ . . . скажите ему, что онъ необходимъ для дѣла . . . что я боюсь — онъ захвораетъ . . . вы видите — судъ все еще не назначенъ . . .

Ей, видимо, трудно было говорить. Она вся выпрямилась въ напряженіи, смотрѣла въ сторону, голосъ у нея звучалъ неровно, точно струна, которую настраиваютъ, и неожиданно оборвался. Утомленно опустивъ вѣки, дѣвушка кусала губы, а пальцы крѣпко сжатыхъ рукъ хрустѣли.

Мать была смята ея порывомъ, но поняла его и, взволнованная, полная грустнаго чувства, обнявъ Сашу, тихонько отвѣтила:

— Дорогая вы моя! . . . никого онъ кромѣ себя не послушаетъ . . . никого!

Онѣ обѣ молчали тѣсно прижавшись другъ къ другу. Потомъ Саша осторожно сняла съ своихъ плечъ руки матери и сказала вздрагивая:

— Да . . . ваша правда! Все это глупости . . . нервы . . .

И вдругъ, серьезная, просто кончила:

— Однако, давайте, покормимъ раненаго . . .

Сидя у постели Ивана она уже заботливо и ласково спрашивала:

— Сильно болитъ голова?

— Не очень . . . только смутно все . . . и слабость . . . — конфузливо натягивая одѣяло къ подбородку, отвѣчалъ Иванъ и прищуривалъ глаза точно отъ яркаго свѣта. Замѣтивъ, что онъ не рѣшается ѣсть при ней, Саша встала и ушла.

Иванъ сѣлъ на постели, взглянулъ вслѣдъ ей и мигая сказалъ:

— Кра-асивая! . . .

Глаза у него были свѣтлые и веселые, зубы мелкіе, плотные, голосъ еще не установился.

— Вамъ сколько лѣтъ? — задумчиво спросила мать.

— Семнадцать . . .

— Родители-то гдѣ?

— Въ деревнѣ . . . а я съ десяти лѣтъ здѣсь . . . кончилъ школу и — сюда! А васъ какъ звать, товарищъ?

Мать всегда смѣшило и трогало это слово, обращенное къ ней. И теперь улыбаясь она спросила:

— На что вамъ знать?

Юноша смущенно помолчавъ объяснилъ:

— Видите, студентъ изъ нашего кружка . . . то есть, который читалъ съ нами . . . онъ говорилъ намъ про мать Павла Власова, рабочаго . . . знаете, демонстрація Перваго Мая?

Она кивнула головой и насторожилась.

— Онъ первый открыто поднялъ знамя нашей партіи! — съ гордостью заявилъ юноша, и его гордость созвучно отозвалась въ сердцѣ матери.

— Меня при томъ не было . . . мы тогда думали здѣсь свою демонстрацію наладить — сорвалось! Мало насъ было тогда. А на тотъ годъ — пожалуйте! . . Увидите!

Онъ захлебнулся отъ волненія, предвкушая будущія событія, потомъ, размахивая въ воздухѣ ложкой, продолжалъ:

— Такъ вотъ Власова — мать, говорю . . . Она тоже вошла въ партію послѣ этого . . . Говорятъ, такая старуха . . . просто чудеса!

Мать широко улыбнулась, ей было пріятно слышать восторженныя похвалы мальчика. Пріятно и неловко. Она даже хотѣла сказать ему — это я Власова! . . но удержалась и съ мягкой насмѣшкой, съ грустью, сказала себѣ:

— Эхъ ты, старая дура! . .

— А вы кушайте больше . . . Выздоравливайте скорѣе для хорошаго дѣла! — вдругъ взволнованно заговорила она, наклоняясь къ нему. — Оно ждетъ крѣпкихъ, молодыхъ рукъ, чистаго сердца, честнаго ума . . . этими силами и живо оно, ими и одолѣетъ все злобное, все гадкое . . .

Дверь отворилась, пахнуло сырымъ осеннимъ холодомъ, вошла Софья, румянная, веселая.

— Шпіоны за мной ухаживаютъ, точно женихи за богатой невѣстой, честное слово! Надо мнѣ убираться отсюда . . . Ну, какъ вы, Ваня? Хорошо? Что Павелъ, Ниловна? Саша здѣсь?

Закуривая папиросу она спрашивала и не ждала отвѣтовъ, лаская мать и юношу взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Мать смотрѣла на нее и, внутренно улыбаясь, думала:

— Вотъ и я тоже въ люди выхожу . . . въ хорошіе люди!

И снова наклонясь къ Ивану сказала:

— Выздоравливайте, сынокъ!

И ушла въ столовую. Тамъ Софья разсказывала Сашѣ:

— У нея уже готово триста экземпляровъ! Она убьетъ себя такой работой! . . Вотъ — героизмъ! Знаете, Саша, это большое счастье жить среди такихъ людей, быть ихъ товарищемъ, работать съ ними . . .

— Да! — тихо отвѣтила дѣвушка.

Вечеромъ за чаемъ Софья сказала матери:

— А вамъ, Ниловна, снова надо посѣтить деревню . . .

— Ну, что-же! Когда?

— Дня черезъ три — можете?

— Хорошо . . .

— Вы поѣзжайте! — негромко посовѣтовалъ Николай.

[redacted]

— Наймите почтовыхъ лошадей и, пожалуйста, другой дорогой, черезъ Никольскую волость . . .

Онъ замолчалъ и нахмурился. Это не шло къ его лицу, странно и некрасиво измѣняя всегда спокойное выраженіе.

— Черезъ Никольское далеко! — замѣтила мать. — И дорого на лошадяхъ . . .

— Видите-ли что . . . — продолжалъ Николай. — Я вообще противъ этой поѣздки. Тамъ безпокойно . . . были уже аресты, взятъ какой-то учитель, надо быть осторожнѣе . . . Слѣдовало-бы выждать время . . .

— Этого не миновать! — сказала Власова. — Вѣдь, говорите, не пытаютъ? — И усмѣхнулась.

Софья, постукивая пальцами по столу, замѣтила:

— Намъ важно сохранить непрерывность въ распространеніи литературы . . . Вы не боитесь ѣхать, Ниловна? — вдругъ спросила она.

Мать почувствовала себя задѣтой.

— Когда-же я боялась? И въ первый разъ дѣлала это безъ страха . . . а тутъ вдругъ . . . — Не кончивъ фразу, она опустила голову. Каждый разъ, когда ее спрашивали — не боится-ли она, удобно-ли ей, можетъ-ли она сдѣлать то или это — она слышала въ подобныхъ вопросахъ просьбу къ ней, ей казалось, что люди отодвигаютъ ее отъ себя въ сторону, относятся къ ней иначе, чѣмъ другъ къ другу. И когда наступали дни наиболѣе полные содержаніемъ, сначала они немного тревожили ее быстротой своего хода и обиліемъ волненій, но скоро она втягивалась въ суету, и возбужденное толчками впечатлѣній, богатое чувствомъ, сердце наполнялось ревнивой жаждой работы . . . Такое настроеніе она переживала въ этотъ день, и тѣмъ болѣе непріятенъ былъ для нея вопросъ Софьи.

— Напрасно вы меня спрашиваете объ этомъ — боюсь-ли я . . . разное! — заговорила она вздыхая. — Бояться мнѣ нечего . . . это тѣ боятся, у кого что-нибудь есть . . . а у меня — что? Только сынъ . . . За него боялась . . .

пытокъ тоже боялась для него . . . и для себя . . . а если пытокъ нѣтъ — что-же?

— Вы обидѣлись! — воскликнула Софья.

— Нѣтъ . . . только другъ друга вы не спрашиваете насчетъ страха . . .

Николай торопливо снялъ очки, снова надѣлъ ихъ и пристально взглянулъ въ лицо сестры. Смущенное молчаніе встревожило Власову, она виновато поднялась со стула, желая что-то сказать имъ, но Софья дотронулась до ея руки и тихонько попросила:

— Простите меня . . . Я больше не буду!

Это разсмѣшило мать, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое озабоченно и дружно говорили о поѣздкѣ въ деревню.

XV.

На разсвѣтѣ мать тряслась въ почтовой бричкѣ по размытой осеннимъ дождемъ дорогѣ. Дулъ сырой вѣтеръ, летѣли брызги грязи, а ямщикъ, сидя на облучкѣ вполоборота къ ней, задумчиво и гнусаво жаловался:

— Я ему говорю, брату, то есть, что-жъ, давай дѣлиться! Начали мы дѣлиться . . .

Онъ вдругъ хлестнулъ кнутомъ лѣвую лошадь и озлобленно крикнулъ:

— Н-но! Играй, мать твоя вѣдьма! . .

Жирныя осеннія вороны озабоченно шагали по голымъ пашнямъ, холодно посвистывая налеталъ на нихъ вѣтеръ. Вороны подставляли ударамъ вѣтра свои бока, онъ раздувалъ имъ перья, сбивая съ ногъ, тогда онѣ, уступая силѣ, лѣнивыми взмахами крыльевъ перелетали на новое мѣсто.

— Ну, обдѣлилъ онъ меня . . . вижу я — нечѣмъ мнѣ взяться . . . — говорилъ ямщикъ.

Мать слышала его слова точно сквозь сонъ, въ сердцѣ ея росла нѣмая дума, память строила передъ нею длинный рядъ событій, пережитыхъ за послѣдніе годы, и пересматривая ихъ, она повсюду видѣла себя. Раньше жизнь созда-

валась гдѣ-то вдали, неизвѣстно кѣмъ и для чего, а вотъ теперь многое дѣлается на ея глазахъ съ ея помощью. И это вызывало у нея спутанное чувство недовѣрія къ себѣ и довольства собой, недоумѣнія и тихой грусти . . .

Все вокругъ колебалось въ медленномъ движеніи, въ небѣ, тяжело обгоняя другъ друга, плыли сѣрыя тучи, по сторонамъ дороги мелькали мокрыя деревья, качая нагими вершинами, расходились кругомъ поля, выступали холмы, расплывались, весь мутный день точно спѣшилъ навстрѣчу чего-то далекаго, нужнаго.

Гнусавый голосъ ямщика, звонъ бубенцовъ, влажный свистъ и шорохъ вѣтра сливались въ трепетный, извилистый ручей, онъ текъ надъ полемъ съ однообразной силой и будилъ думы . . .

— Богатому и въ раю тѣсно . . . ужъ такое дѣло! . . . Началъ онъ жать . . . начальство ему пріятели . . . — качаясь на облучкѣ тянулъ ямщикъ.

Когда пріѣхали на станцію, онъ отпрягъ лошадей и сказалъ матери безнадежнымъ голосомъ:

— Дала-бы ты мнѣ пятакъ . . . хоть-бы выпилъ я . . .

Она дала монету, и, встряхнувъ ее на ладони, ямщикъ тѣмъ-же тономъ извѣстилъ мать:

— На три — водки выпью, а на двѣ — хлѣба съѣмъ . . .

Послѣ полудня, разбитая и озябшая, мать пріѣхала въ большое село Никольское, прошла на станцію, спросила себѣ чаю и сѣла у окна, поставивъ подъ лавку свой тяжелый чемоданъ. Изъ окна было видно небольшую площадь, покрытую затоптаннымъ ковромъ желтой травы, волостное правленіе — темно-сѣрый домъ съ провисшей крышей. На крыльцѣ волости сидѣлъ лысый длиннобородый мужикъ въ одной рубахѣ и курилъ трубку. По травѣ шла свинья. Недовольно встряхивая ушами, она тыкалась рыломъ въ землю и покачивала головой.

Плыли тучи темными массами, наваливались другъ на друга . . . Было тихо, сумрачно и скучно, жизнь точно спряталась куда-то, притаилась.

Вдругъ на площадь галопомъ прискакалъ урядникъ, осадилъ рыжую лошадь у крыльца волости и, размахивая въ воздухѣ нагайкой, закричалъ на мужика — крики толкались въ стекла окна, но словъ не было слышно . . . Мужикъ всталъ, протянулъ руку, указывая вдаль, урядникъ прыгнулъ на землю, зашатался на ногахъ, бросилъ мужику поводъ, хватаясь руками за перила, тяжело поднялся на крыльцо и исчезъ въ дверяхъ волости . . .

Снова стало тихо. Лошадь дважды ударила копытомъ по мягкой землѣ . . . Въ комнату вошла дѣвочка подростокъ, съ короткой желтой косой на затылкѣ и ласковыми глазами на кругломъ лицѣ. Закусивъ губы, она несла на вытянутыхъ рукахъ большой, уставленный посудой подносъ съ измятыми краями и кланялась, часто кивая головой.

— Здравствуй, умница! — ласково сказала мать.

— Здравствуйте!

Разставляя по столу тарелки и чайную посуду, дѣвочка вдругъ оживленно объявила:

— Сейчасъ разбойника поймали . . . ведутъ!

— Какого-же это разбойника?

— Я не знаю . . .

— А что онъ сдѣлалъ?

— Не знаю! — повторила дѣвочка. — Я только слышала — поймали . . . Сторожъ изъ волости за становымъ побѣжалъ и крикнулъ — поймали, говоритъ, ведутъ! . .

Мать посмотрѣла въ окно — на площади явились мужики. Иные шли медленно и степенно, другіе — торопливо застегивая на ходу полушубки. Останавливаясь у крыльца волости, всѣ смотрѣли куда-то влѣво . . . Было странно тихо . . .

Дѣвочка тоже взглянула на улицу и убѣжала изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью. Мать вздрогнула, подвинула свой чемоданъ глубже подъ лавку и, накинувъ на голову шаль, пошла къ двери, спѣша и сдерживая вдругъ охватившее ее непонятное желаніе идти скорѣе, бѣжать . . .

Когда она вышла на крыльцо, острый холодъ ударилъ

[redacted]

ей въ глаза, въ грудь, она задохнулась и у нея одеревенѣли ноги — посрединѣ площади шелъ Рыбинъ со связанными за спиной руками, рядомъ съ нимъ шагали двое сотскихъ, мѣрно ударяя о землю палками, а у крыльца волости стояла толпа людей и молча ждала.

Ошеломленная, ничего не сознавая, мать неотрывно смотрѣла — Рыбинъ что-то говорилъ, она слышала его голосъ, но слова исчезали безъ эха въ темной дрожащей пустотѣ ея сердца . . .

Она очнулась, перевела дыханіе — у крыльца стоялъ мужикъ съ широкой, свѣтлой бородой, пристально глядя голубыми глазами въ лицо ей. Кашляя и потирая горло обезсиленными страхомъ руками, она съ трудомъ спросила его:

— Это что-же?

— А вотъ — глядите . . . — отвѣтилъ мужикъ и отвернулся. Подошелъ еще мужикъ и всталъ рядомъ.

Сотскіе остановились передъ толпой, она все росла быстро, но молча, и вотъ надъ ней вдругъ густо поднялся голосъ Рыбина.

— Православные! Слыхали вы о вѣрныхъ грамотахъ, въ которыхъ правда писалась про наше крестьянское житье? — такъ вотъ за эти грамоты страдаю . . . это я ихъ въ народъ раздавалъ!

Люди окружили Рыбина тѣснѣе . . . Голосъ его звучалъ спокойно, мѣрно. Это отрезвляло мать.

— Слышишь? — толкнувъ въ бокъ голубоглазаго мужика, тихонько спросилъ другой. Тотъ не отвѣчая поднялъ голову и снова взглянулъ въ лицо матери. И другой мужикъ тоже посмотрѣлъ на нее — онъ былъ моложе перваго, съ темной рѣдкой бородкой и пестрымъ отъ веснушекъ, худымъ лицомъ . . . Потомъ оба они отодвинулись отъ крыльца въ сторону.

— Боятся! — невольно отмѣтила мать.

Вниманіе ея обострялось. Съ высоты крыльца она ясно видѣла избитое, черное лицо Михаила Ивановича, различала горячій блескъ его глазъ, ей хотѣлось, что-бы онъ тоже уви-

далъ ее, и она, приподнимаясь на ногахъ, вытягивала шею къ нему.

Люди смотрѣли на него хмуро, съ недовѣріемъ и молчали. Только въ заднихъ рядахъ толпы былъ слышенъ подавленный говоръ.

— Крестьяне! — полнымъ и тугимъ голосомъ говорилъ Рыбинъ. — Бумагамъ этимъ вѣрьте . . . я теперь за нихъ, можетъ, смерть приму, били меня, истязали, хотѣли выпытать — откуда я ихъ взялъ, и еще бить будутъ . . . все стерплю! . . . Потому въ этихъ грамотахъ правда положена, правда эта дороже хлѣба для насъ должна быть . . . вотъ!

— Зачѣмъ онъ это говоритъ? — тихо воскликнулъ одинъ изъ мужиковъ у крыльца. Голубоглазый медленно отвѣтилъ:

— Теперь все равно — двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать . . .

Люди стояли молчаливо, смотрѣли исподлобья, сумрачно, на всѣхъ какъ будто лежало что-то невидимое, но тяжелое.

На крыльцѣ явился урядникъ и, качаясь, пьянымъ голосомъ заревѣлъ:

— Это кто говоритъ?

Онъ вдругъ скатился съ крыльца, схватилъ Рыбина за волосы и дергая его голову впередъ, отталкивая назадъ, кричалъ:

— Это ты говоришь, сукинъ сынъ . . . это ты . . .

Толпа покачнулась, загудѣла. Мать въ безсильной тоскѣ опустила голову. И снова раздался голосъ Рыбина:

— Вотъ, глядите, люди добрые . . .

— Молчать! — Урядникъ ударилъ его въ ухо. Рыбинъ пошатнулся на ногахъ, повелъ плечами.

— Связали руки вамъ и мучаютъ, какъ хотятъ . . .

— Сотскіе! Веди его! Разойдись, народъ! — Прыгая передъ Рыбинымъ, какъ цѣпная собака передъ кускомъ мяса, урядникъ толкалъ его кулаками въ лицо, въ грудь, въ животъ . . .

— Не бей! — крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Зачѣмъ бьешь? — поддержалъ другой голосъ.

— Идемъ! — сказалъ голубоглазый мужикъ, кивнувъ головой. И они оба не спѣша пошли къ волости, а мать проводила ихъ добрымъ взглядомъ. Она облегченно вздохнула — урядникъ снова тяжело взбѣжалъ на крыльцо и оттуда, грозя кулакомъ, изступленно оралъ:

— Веди его сюда! Я говорю . . .

— Не надо! — раздался въ толпѣ сильный голосъ — мать поняла, что это говорилъ мужикъ съ голубыми глазами. — Не допускай, ребята! . . Уведутъ туда — забьютъ до смерти . . . Да на насъ-же потомъ скажутъ . . . мы, дескать, убили . . . Не допускай!

— Крестьяне! — гудѣлъ голосъ Михайлы. — Развѣ вы не видите жизни своей, не понимаете, какъ васъ грабятъ, какъ обманываютъ, кровь вашу пьютъ? Все вами держится, вы — первая сила на землѣ . . . вся сила ея . . . а какія права имѣете? Съ голоду издыхать — одно ваше право! . .

Мужики вдругъ закричали, перебивая другъ друга.

— Правильно говоритъ человѣкъ! . .

— Становаго зовите! Гдѣ становой? . . .

— Урядникъ поскакалъ за нимъ . . .

— Куда онъ поскакалъ? Пьяный-то! . .

— Не наше дѣло начальство собирать . . .

Шумъ все росъ, поднимался выше.

— Говори! Не дадимъ бить . . .

— Чего ты натворилъ, а?

— Развяжите руки ему . . .

— Не надо этого, братцы . . .

— Развязать . . . чего тамъ?

— Глядите . . . грѣха не было-бы! . .

— Больно руки мнѣ! — покрывая всѣ голоса, ровно и звучно говорилъ Рыбинъ. — Не убѣгу я, мужики! Отъ правды моей не скроюсь . . . она во мнѣ живетъ . . .

Нѣсколько человѣкъ солидно отошли отъ толпы въ разныя стороны, вполголоса переговариваясь и покачивая головами, иные смѣялись . . . Но все больше сбѣгалось плохо

и наскоро одѣтыхъ, возбужденныхъ людей . . . Они кипѣли темной пѣной вокругъ Рыбина, а онъ стоялъ среди нихъ, какъ часовня въ лѣсу, поднявъ руки надъ головой и, потрясая ими, кричалъ въ толпу:

— Спасибо, люди добрые, спасибо! Мы сами должны другъ дружкѣ руки освободить . . . такъ! Кто намъ поможетъ?

Онъ отеръ бороду и снова поднялъ руку всю въ крови.

— Вотъ кровь моя . . . за правду льется она . . .

Мать сошла съ крыльца, но съ земли ей не видно было Михайла, сжатаго народомъ, и она снова поднялась на ступени. Въ груди у нея было горячо и что-то неясно радостное трепетало тамъ.

— Крестьяне! Ищите грамотки, читайте, не вѣрьте начальству и попамъ, когда они будутъ говорить, что безбожники и бунтовщики тѣ люди, которые для насъ правду несутъ . . . Правда тайно ходитъ по землѣ, она гнѣздъ ищетъ въ народѣ . . . начальству она вродѣ ножа и огня, не можетъ оно принять ее, зарѣжетъ она его, сожжетъ! Правда вамъ — другъ добрый, а начальству — заклятый врагъ! Вотъ отчего она прячется! . .

Снова въ толпѣ вспыхнуло нѣсколько восклицаній.

— Слушай, православные! . .

— Эхъ, братъ, пропадешь ты . . .

— Кто тебя выдалъ? . .

— Попъ! — сказалъ одинъ изъ сотскихъ.

Двое мужиковъ крѣпко выругались.

— Гляди, ребята! — раздался предупреждающій крикъ.

XVI.

Къ толпѣ шелъ становой приставъ, высокій, плотный человѣкъ съ круглымъ лицомъ. Фуражка у него была надѣта на бокъ, одинъ усъ закрученъ кверху, а другой опускался внизъ, и отъ этого лицо его казалось кривымъ, обезображеннымъ тупой, мертвой улыбкой. Въ лѣвой рукѣ онъ несъ

шашку, а правой широко размахивалъ въ воздухѣ. Были слышны его шаги, тяжелые и твердые. Толпа разступалась передъ нимъ. Что-то угрюмое и подавленное появилось на лицахъ. И шумъ смолкалъ, понижался, точно уходилъ въ землю. Мать чувствовала, что на лбу у нея дрожитъ кожа и глазамъ стало горячо. Ей снова захотѣлось пойти туда, въ толпу, она наклонилась впередъ и замерла въ напряженной позѣ.

— Что такое? — спросилъ приставъ, остановясь противъ Рыбина и мѣряя его глазами. — Почему не связаны руки? Сотскіе, почему? Связать!

Голосъ у него былъ высокій и звонкій, но безцвѣтный.

— Были связаны . . . народъ развязалъ! — отвѣтилъ одинъ изъ сотскихъ.

— Что? Народъ? Какой народъ?

Становой посмотрѣлъ на людей стоявшихъ передъ нимъ полукругомъ. И тѣмъ-же однотоннымъ, бѣлымъ голосомъ, не повышая, не понижая его, продолжалъ:

— Это кто — народъ?

Онъ ткнулъ наотмашь эфесомъ шашки въ грудь голубоглазаго мужика.

— Это ты, Чумаковъ, народъ? Ну, кто еще? Ты, Мишинъ?

И дернулъ кого-то правой рукой за бороду.

— Разойдись, сволочь! . . а то я васъ . . . я вамъ покажу!

Въ голосѣ, на лицѣ его не было ни раздраженія ни угрозы, онъ говорилъ съ мертвымъ спокойствіемъ и билъ людей привычными, ровными движеніями крѣпкихъ, длинныхъ рукъ. Люди отступали передъ нимъ, опуская головы, повертывая всторону лица.

— Ну? Вы что-же? — обратился онъ къ сотскимъ. — Вяжи!

Выругался циничными словами, снова посмотрѣлъ на Рыбина и громко сказалъ ему:

— Руки назадъ . . . ты!

— Не хочу я, чтобы вязали руки мнѣ! — заговорилъ Рыбинъ. — Бѣжать не собираюсь и не дерусь . . . зачѣмъ связывать меня?

— Что? — спросилъ приставъ, шагнувъ къ нему.

— Довольно вамъ мучить народъ, звѣри! — возвышая голосъ продолжалъ Рыбинъ. — Скоро придетъ и для васъ красный день . . .

Становой стоялъ передъ нимъ и смотрѣлъ въ его лицо шевеля усами. Потомъ онъ отступилъ на шагъ и свистящимъ голосомъ изумленно запѣлъ:

— А-а-ахъ, сукинъ сынъ . . . Ка-акія слова?

И вдругъ быстро и крѣпко ударилъ Рыбина по лицу.

— Кулакомъ правду не убьешь! — крикнулъ Рыбинъ, наступая на него. — И бить меня не имѣешь права, собака ты паршивая!

— Не смѣю? Я? — протяжно взвылъ становой.

И снова взмахнулъ рукой, цѣля въ голову Рыбина. Рыбинъ присѣлъ, ударъ не коснулся его, и становой, пошатнувшись, едва устоялъ на ногахъ. Въ толпѣ кто-то громко фыркнулъ, и снова раздался гнѣвный крикъ Михаила.

— Не смѣй, говорю, бить меня, дьяволъ!

Становой оглянулся — люди угрюмо и молча сдвигались въ тѣсное, темное кольцо . . .

— Никита! — громко позвалъ становой, оглядываясь. — Никита, эй!

Изъ толпы выдвинулся коренастый, невысокій мужикъ, въ короткомъ полушубкѣ. Онъ смотрѣлъ въ землю, опустивъ большую, лохматую голову.

— Никита! — покручивая усъ и не торопясь сказалъ становой. — Дай ему въ ухо . . . хорошенько!

Мужикъ шагнулъ впередъ, остановился противъ Рыбина, поднялъ голову. Въ упоръ, въ лицо ему Рыбинъ билъ тяжелыми, вѣрными словами.

— Вотъ, глядите, люди, какъ звѣрье душитъ васъ вашей-же рукой! . . Глядите, думайте!

Мужикъ медленно поднялъ руку и лѣниво ударилъ его по головѣ.

— Развѣ такъ, сукинъ ты сынъ?! — взвизгнулъ становой.

— Эй, Никита! . . — негромко сказали изъ толпы. — Бога не забывай!

— Бей, говорю! — крикнулъ становой, толкая мужика въ шею.

Мужикъ шагнулъ въ сторону и угрюмо сказалъ, наклонивъ голову:

— Не буду больше . . .

— Что?

Лицо становового дрогнуло, онъ затопалъ ногами и, ругаясь, бросился на Рыбина. Тупо хлястнулъ ударъ, Михайло покачнулся, взмахнулъ рукой, но вторымъ ударомъ становой опрокинулъ его на землю и, прыгая вокругъ, съ ревомъ началъ бить ногами въ грудь, бока, въ голову Рыбина.

Толпа враждебно загудѣла, закачалась, надвигаясь на становового, онъ замѣтилъ это, отскочилъ и выхватилъ шашку изъ ноженъ.

— Вы такъ? Бунтовать? А-а? . . Вотъ оно что? . .

Голосъ у него вздрогнулъ, взвизгнулъ и точно переломился, захрипѣлъ . . . Вмѣстѣ съ голосомъ онъ вдругъ потерялъ свою силу, втянулъ голову въ плечи, согнулся и, вращая во всѣ стороны пустыми глазами, попятился, осторожно ощупывая ногами почву сзади себя. Отступая, онъ кричалъ хрипло и тревожно:

— Хорошо! . . Берите его . . . я ухожу . . . ну-ка? Знаете-ли вы, сволочь проклятая, что онъ политическій преступникъ, противъ царя идетъ, бунты заводитъ, знаете? . . А вы его защищать, а? Вы бунтовщики? . . Ага-а . . .

Не шевелясь, не мигая глазами, безъ силъ и мысли, мать стояла точно въ тяжеломъ снѣ, раздавленная страхомъ и жалостью. Въ головѣ у нея, какъ шмели, жужжали

обиженные, угрюмые и злые крики людей, дрожалъ голосъ становаго, шуршали чьи-то шопоты . . .

— Коли онъ провинился — суди! . .

— А не бей! . .

— Вы помилуйте его, ваше благородіе . . .

— Что вы, въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго закону? . .

— Развѣ можно? Этакъ всѣ начнутъ бить . . . тогда что будетъ? . .

— Дьяволы! Мучители наши! . .

Люди разбились на двѣ группы — одна, окруживъ становаго, кричала и уговаривала его, другая, меньше числомъ, осталась вокругъ избитаго и глухо, угрюмо гудѣла. Нѣсколько человѣкъ подняли его съ земли, сотскіе снова хотѣли вязать руки ему.

— Погодите вы, черти! — кричали имъ.

Михайло отиралъ съ лица и бороды грязь, кровь и молчалъ, оглядываясь. Взглядъ его скользнулъ по лицу матери — она, вздрогнувъ, потянулась къ нему, невольно взмахнула рукою — онъ отвернулся. Но черезъ нѣсколько минутъ его глаза снова остановились на лицѣ ея. Ей показалось — онъ выпрямился, поднялъ голову, окровавленныя щеки задрожали . . .

— Узналъ . . . неужели узналъ? . .

И закивала ему головой, вздрагивая отъ тоскливой, жуткой радости. Но въ слѣдующій моментъ она увидѣла, что около него стоитъ голубоглазый мужикъ и тоже смотритъ на нее. Его взглядъ на минуту разбудилъ въ ней сознаніе опасности . . .

— Что-же это я? . . Вѣдь и меня схватятъ!

Мужикъ что-то сказалъ Рыбину, тотъ тряхнулъ головой и вздрагивающимъ голосомъ, но четко и бодро, заговорилъ:

— Ничего! Не одинъ я на землѣ . . . всю правду не выловятъ они! Гдѣ я былъ, тамъ обо мнѣ память останется . . . вотъ! Хоть и разорили они гнѣздо, нѣтъ тамъ больше друзей-товарищей . . .

— Это онъ для меня говоритъ! — быстро сообразила мать.

— Но будетъ день, вылетятъ на волю орлы . . . освободится народъ!

Какая-то женщина принесла ведро воды и стала, охая и причитая, обмывать лицо Рыбина. Ея тонкій, жалобный голосъ путался въ словахъ Михаила и мѣшалъ матери понимать ихъ. Подошла толпа мужиковъ со становымъ впереди, кто-то громко кричалъ:

— Давай подводу подъ арестанта, эй! . . Чья очередь?

Потомъ раздался новый, какъ-бы обиженный голосъ станового:

— Я тебя могу ударить, а ты меня нѣтъ, не можешь, не смѣешь . . . болванъ!

— Такъ! А ты кто — Богъ? — крикнулъ Рыбинъ.

Нестройный и негромкій взрывъ восклицаній заглушилъ голосъ его.

— Не спорь, дядя! Тутъ — начальство! . .

— Не сердись, ваше благородіе! . . Не въ себѣ человѣкъ . . .

— Ты молчи, чудакъ! . .

— Вотъ сейчасъ въ городъ тебя повезутъ . . .

— Тамъ закону больше! . .

Крики толпы звучали умиротворяюще, просительно, они сливались въ неясную суету, и все было въ ней безнадежно, жалобно. Сотскіе повели Рыбина подъ руки на крыльцо волости, скрылись въ двери. Мужики медленно расходились по площади, мать видѣла, что голубоглазый направляется къ ней и исподлобья смотритъ на нее. У нея задрожали ноги подъ колѣнками — унылое чувство одиночества засосало сердце, вызывая тошноту.

— Не надо уходить! — подумала она. — Не надо!

И, крѣпко держась за перила, ждала.

Становой, стоя на крыльцѣ волости, говорилъ, размахи-

вая руками, упрекающимъ, уже снова бѣлымъ, бездушнымъ голосомъ:

— Дураки вы, сукины дѣти! Ничего не понимая лезете въ такое дѣло . . . въ государственное дѣло! Скоты! Благодарить меня должны, въ ноги мнѣ поклониться за доброту мою! Захочу я — всѣ пойдете въ каторгу . . .

Десятка два мужиковъ стояли снявъ шапки и слушали . . . Темнѣло, тучи опускались ниже . . . Голубоглазый подошелъ къ крыльцу и сказалъ, вздохнувъ:

Вотъ какія дѣла у насъ . . .

— Да-а . . . — тихо отозвалась она.

Онъ посмотрѣлъ на нее открытымъ взглядомъ и спросилъ:

— Чѣмъ занимаетесь?

— Кружева скупаю у бабъ . . . полотна тоже . . .

Мужикъ медленно погладилъ бороду. Потомъ, глядя по направленію къ волости, сказалъ скучно и негромко:

— Этого у насъ не найдется . . .

Мать смотрѣла на него сверху внизъ и ждала момента, когда удобнѣе уйти въ комнату. Лицо у мужика было задумчивое, красивое, глаза грустные. Широкоплечій и высокій, онъ былъ одѣтъ въ кафтанъ сплошь покрытый заплатами, въ чистую ситцевую рубаху, рыжіе, деревенскаго сукна штаны и опорки, надѣтые на босую ногу . . .

Мать почему-то облегченно вздохнула. И вдругъ, подчиняясь чутью, опередившему неясную мысль, она неожиданно для себя спросила его:

— А что ночевать у тебя можно будетъ?

Спросила и все въ ней туго натянулось, мускулы, кости. Она выпрямилась, глядя на мужика остановившимися глазами. Въ головѣ у нея быстро мелькали колючія мысли:

— Погублю Николая Ивановича . . . Пашу не увижу . . . долго! . . Изобьютъ!

Глядя въ землю и не торопясь, мужикъ отвѣтилъ, запахивая кафтанъ на груди:

— Ночевать? Можно . . . чего-же? Изба только плохая у меня . . .

— Не избалована я! . . — безотчетно отвѣтила мать.

— Можно! — повторилъ мужикъ, мѣряя ее пытливымъ взглядомъ.

Уже стемнѣло, и въ сумракѣ глаза его блестѣли холодно, лицо казалось очень блѣднымъ. Мать, точно спускаясь подъ гору, сказала негромко:

— Значитъ, я сейчасъ и пойду . . . а ты . . . чемоданъ мой возьмешь . . .

— Ладно.

Онъ передернулъ плечами, снова запахнулъ кафтанъ и тихо проговорилъ:

— Вотъ — подвода ѣдетъ . . .

На крыльцѣ волости появился Рыбинъ, руки у него снова были связаны, голова и лицо окутаны чѣмъ-то сѣрымъ.

— Прощайте, добрые люди! — звучалъ его голосъ въ холодѣ вечернихъ сумерекъ. — Ищите правды, берегите ее, вѣрьте человѣку, который принесетъ вамъ чистое слово, не жалѣйте себя ради правды! . .

— Молчать, собака! — крикнулъ откуда-то голосъ станового. — Сотскій, гони лошадей, дуракъ!

— Чего вамъ жалѣть? Какая ваша жизнь? . .

Подвода тронулась. Сидя на ней съ двумя сотскими по бокамъ, Рыбинъ глухо кричалъ:

— Чего ради погибаете въ голодѣ? Старайтесь о волѣ, она дастъ и хлѣба, и правды . . . прощайте, люди добрые! . .

Торопливый шумъ колесъ, топотъ лошадей, голосъ станового обняли его рѣчь, запутали и задушили ее.

— Кончено! — сказалъ мужикъ, тряхнувъ головой, и, обратясь къ матери, негромко продолжалъ: — Вы тамъ посидите немного на станціи . . . а я, погодя, приду . . .

Мать вошла въ комнату, сѣла за столъ передъ самоваромъ, взяла въ руку кусокъ хлѣба, взглянула на него и медленно положила обратно на тарелку. Ѣсть не хотѣлось,

подъ ложечкой снова росло ощущеніе тошноты. Противно теплое, оно обезсиливало, высасывая кровь изъ сердца и кружило голову. Передъ нею стояло лицо голубоглазаго мужика — странное, точно недоконченное, оно не возбуждало довѣрія. Ей почему-то не хотѣлось подумать прямо, что онъ выдастъ ее, но эта мысль уже возникла у нея и тягостно лежала на сердцѣ, тупая и неподвижная.

— Замѣтилъ онъ меня! — лѣниво и безсильно соображала она. — Замѣтилъ . . . догадался . . :

А дальше мысль не развивалась, утопая въ томительномъ уныніи, вязкомъ чувствѣ тошноты.

Робкая, притаившаяся за окномъ тишина, смѣнивъ шумъ, обнажала въ селѣ что-то подавленное, запуганное, обостряла въ груди ощущеніе одиночества, наполняя душу сумракомъ, сѣрымъ и мягкимъ, какъ зола.

Вошла дѣвочка и, остановясь у двери, спросила:

— Яичницу принести?

— Не надо . . . Не хочется ужъ мнѣ . . . напугали меня крикомъ-то . . .

Дѣвочка подошла къ столу, возбужденно, но негромко разсказывая:

— Какъ становой-то билъ! . . я близко стояла, видѣла . . . всѣ зубы ему выкрошилъ . . . плюетъ онъ, а кровь густая-густая, темная! . . Глазовъ-то совсѣмъ нѣту, да-а. Дегтярникъ онъ . . . Урядникъ тамъ у насъ лежитъ . . . пьянехонекъ и все еще вина требуетъ . . . говоритъ — ихъ шайка цѣлая была . . . а этотъ, бородатый-то, старшій . . . атаманъ, значитъ . . . Троихъ поймали, а одинъ убѣжалъ, слышь . . . . еще учителя поймали тоже, да-а . . . тоже съ ними . . . Въ Бога они не вѣрятъ и другихъ уговариваютъ . . . чтобы церкви ограбить всѣ . . . вотъ они какіе! А наши мужики, которые жалѣли его, этого-то, а другіе говорятъ — прикончить-бы! . . У насъ есть такіе злые мужики — ай-ай!

Мать внимательно вслушивалась въ безсвязную, быструю рѣчь, стараясь подавить свою тревогу, разсѣять уны-

лое ожиданіе. А дѣвочка, должно быть, была рада тому, что ее слушали и, захлебываясь словами, все съ большимъ оживленіемъ болтала, понижая голосъ:

— Тятька говоритъ — все это отъ неурожая, все! Второй годъ не родитъ у насъ земля, замаялись всѣ . . . Теперь отъ этого такіе мужики заводятся — бѣда! Кричатъ на сходкахъ, дерутся . . . Намедни, когда Васюкова за недоимки продавали, онъ ка-акъ треснетъ старосту по рожѣ. Вотъ тебѣ моя недоимка, говоритъ . . .

За дверью раздались тяжелые шаги. Упираясь руками въ столъ, мать поднялась на ноги . . .

Вошелъ голубоглазый мужикъ и, не снимая шапку, спросилъ:

— Гдѣ багажъ-то?

Онъ легко поднялъ чемоданъ, тряхнулъ имъ и сказалъ:

— Пустой! . . Марька, проводи пріѣзжую ко мнѣ въ избу . . .

И ушелъ не оглядываясь.

— Здѣсь ночуете? — спросила дѣвочка.

— Да! За кружевами я . . . кружева покупаю . . .

— У насъ не плетутъ! Это въ Тиньковѣ плетутъ, въ Дарьиной . . . а у насъ — нѣтъ! — объяснила дѣвочка.

— Я туда завтра . . .

Заплативъ дѣвочкѣ за чай, она дала ей три копѣйки и очень обрадовала ее этимъ. На улицѣ, быстро шлепая босыми ногами по влажной землѣ, дѣвочка говорила:

— Хотите, я въ Дарьину сбѣгаю, скажу бабамъ, чтобы сюда несли кружева? Онѣ придутъ, а вамъ не надо ѣхать туда . . . Двѣнадцать верстъ, всетаки . . .

— Не нужно этого, милая! — отвѣтила мать, шагая рядомъ съ ней. Холодный воздухъ освѣжилъ ее и въ ней медленно зарождалось неясное рѣшеніе. Смутное, но что-то обѣщавшее, оно развивалось туго, и женщина, желая ускорить ростъ его, настойчиво спрашивала себя:

— Какъ быть? . . Если прямо, на совѣсть . . .

Было темно, сыро и холодно. Тускло свѣтились окна

избъ красноватымъ, неподвижнымъ свѣтомъ. Въ тишинѣ дремотно мычалъ скотъ, раздавались короткіе окрики. Темная, подавленная задумчивость окутала село . . .

— Сюда! — сказала дѣвочка. — Плохую ночевку выбрали вы . . . бѣденъ больно мужикъ . . .

Она нащупала дверь, отворила ее, бойко крикнула въ избу:

— Тетка Татьяна! Постоялка пришла . . .

И убѣжала. Изъ темноты долетѣлъ ея голосъ:

— Прощайте! . .

XVII.

Мать остановилась у порога и, прикрывъ глаза ладонью, осмотрѣлась. Изба была тѣсная, маленькая, но чистая — это сразу бросалось въ глаза. Изъ-за печки выглянула молодая женщина, молча поклонилась и исчезла. Въ переднемъ углу на столѣ горѣла лампа.

Хозяинъ избы сидѣлъ за столомъ постукивая пальцемъ по его краю и пристально смотрѣлъ въ глаза матери.

— Проходите! . . — не вдругъ сказалъ онъ. — Татьяна, ступай-ка, позови Петра . . . живѣе!

Женщина быстро ушла, не взглянувъ на гостью. Сидя на лавкѣ противъ хозяина, мать осматривалась — ея чемодана не было видно. Томительная тишина наполняла избу, только огонь въ лампѣ чуть слышно потрескивалъ. Лицо мужика, озабоченное, нахмуренное, неопредѣленно качалось въ глазахъ матери, вызывая въ ней унылую досаду.

— Ну, говори что-ли! . . Скорѣе ужъ . .

— А гдѣ мой чемоданъ? — вдругъ и неожиданно для самой себя громко спросила она.

Мужикъ повелъ плечами и задумчиво отвѣтилъ:

— Не пропадетъ . . .

Понизивъ голосъ, хмуро продолжалъ:

— Я давеча при дѣвчонкѣ нарочно сказалъ, что пустой онъ . . . нѣтъ, онъ не пустой! Тяжело въ немъ положено!

— Ну? — спросила мать. — Такъ что?

Онъ всталъ, подошелъ къ ней, наклонился и тихо спросилъ:

— Человѣка этого знаете?

Мать вздрогнула, но твердо отвѣтила:

— Знаю!

Это краткое слово какъ будто освѣтило ее изнутри и сдѣлало яснымъ все извнѣ. Она облегченно вздохнула, подвинулась на лавкѣ, сѣла тверже . . .

Мужикъ широко усмѣхнулся.

— Я доглядѣлъ . . . когда знакъ вы ему дѣлали, и онъ тоже . . . Я спросилъ его на ухо ему — знакомая, молъ, на крыльцѣ-то стоитъ?

— А онъ что? — быстро спросила мать.

— Онъ? Сказалъ — много насъ . . . Да! Много, говоритъ . . .

Вопросительно взглянулъ въ глаза гостьи и, снова улыбаясь, продолжалъ:

— Большой силы человѣкъ! . . Смѣлый . . . прямо говоритъ — я! Бьютъ его . . . и все . . . а онъ свое ломитъ . . .

Его голосъ, неувѣренный и несильный, неконченное лицо и свѣтлые, открытые глаза все болѣе успокаивали мать. Мѣсто тревоги и унынія въ груди ея постепенно занималось ѣдкой, колющей жалостью къ Рыбину. Не удерживаясь, со злобой, внезапной и горькой, она воскликнула подавленно:

— Разбойники . . . изувѣры!

И всхлипнула.

Мужикъ отошелъ отъ нея, угрюмо кивая головой.

— Нажило себѣ начальство дружковъ . . . да-а!

И, вдругъ снова повернувшись къ матери, онъ тихо сказалъ ей:

— Я вотъ что . . . я такъ догадываюсь, что въ чемоданѣ — газета . . . вѣрно?

— Да! — просто отвѣтила мать, отирая слезы. — Ему везла.

Онъ, нахмуривъ брови, забралъ бороду въ кулакъ и, глядя въ сторону, помолчалъ.

— Доходила она и до насъ . . . книжки тоже доходили разныя . . . Все это — нужно . . . все это — такъ . . . вѣрно! Сáмъ я мало грамоту знаю, у меня дружокъ есть . . . онъ, вотъ . . . Баба моя тоже читаетъ мнѣ . . .

Мужикъ остановился, подумалъ, потомъ спросилъ:

— Теперь, значитъ, что вы будете дѣлать съ этимъ . . . съ чемоданомъ?

Мать посмотрѣла на него и сказала съ вызовомъ:

— Вамъ оставлю! . .

Онъ не удивился, не протестовалъ, только кратко повторилъ:

— Намъ . . .

Утвердительно кивнувъ головой, выпустилъ бороду изъ кулака, расчесалъ ее пальцами и сѣлъ.

Съ неумолимой упорной настойчивостью память выдвигала передъ глазами матери сцену истязанія Рыбина, образъ его гасилъ въ ея головѣ всѣ мысли, боль и обида за человѣка заслоняли всѣ чувства, она уже не могла думать о чемоданѣ и ни о чемъ болѣе. Изъ глазъ ея безудержно текли слезы, а лицо было угрюмо и голосъ не вздрагивалъ, когда она говорила хозяину избы:

— Грабятъ, давятъ, топчутъ въ грязь человѣка . . . окаянные!

— Сила! — тихо отозвался мужикъ. — Силища у нихъ большая . . .

— А гдѣ берутъ? — воскликнула мать съ досадой. — Отъ насъ-же берутъ, отъ народа, все отъ насъ взято! . . .

Ее раздражалъ этотъ мужикъ своимъ свѣтлымъ, но непонятнымъ лицомъ.

— Да-а! — задумчиво протянулъ онъ. — Колесо . . .

Чутко насторожился, наклонилъ голову къ двери и послушавъ тихонько сказалъ:

— Идутъ . . .

— Кто?

— Свои . . . надо быть . . .

Вошла его жена, за нею въ избу шагнулъ мужикъ съ веснушками. Бросилъ въ уголъ шапку, быстро подошелъ къ хозяину и спросилъ его:

— Ну, какъ?

Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

— Степанъ! — сказала женщина, стоя у печи. — Можетъ, онѣ, проѣзжая, поѣсть хотятъ?

— Не хочу, спасибо, милая моя! — отвѣтила мать.

Мужикъ съ веснушками подошелъ къ матери и быстрымъ, надорваннымъ голосомъ заговорилъ:

— Значитъ, позвольте познакомиться . . . Зовутъ меня Петръ Егоровъ Рябининъ, по прозвищу Шило. Въ дѣлахъ вашихъ я нѣсколько понимаю . . . Грамотенъ и не дуракъ, такъ сказать . . .

Онъ схватилъ протянутую ему руку матери и, потрясая ее, обратился къ хозяину:

— Вотъ, Степанъ, гляди! Варвара Николаевна барыня добрая, вѣрно! А говоритъ насчетъ всего этого — пустяки, бредни! . . Мальчишки, будто, и разные тамъ студенты по глупости народъ мутятъ . . . Однако, мы съ тобой видимъ — давеча солиднаго, какъ слѣдуетъ быть, мужика заарестовали, теперь вотъ — онѣ, женщина пожилая и, какъ видать, не господскихъ кровей. Не обижайтесь — вы изъ какихъ родовъ будете?

Говорилъ онъ торопливо, внятно, не переводя дыханія, бородка у него нервно дрожала и глаза, щурясь, быстро ощупывали лицо и фигуру женщины. Оборванный, всклокоченный, со спутанными волосами на головѣ, онъ, казалось, только что подрался съ кѣмъ-то, одолѣлъ противника и весь охваченъ радостнымъ возбужденіемъ побѣды. Онъ понравился матери своей бойкостью и тѣмъ, что сразу заговорилъ такъ прямо и просто. Ласково глядя въ лицо ему, она отвѣтила на вопросъ — онъ-же еще разъ сильно тряхнулъ ея руку и тихонько, суховато засмѣялся ломающимся смѣхомъ.

— Дѣло чистое, Степанъ, видишь? Дѣло отличное! . . .

Я тебѣ говорилъ — это народъ собственноручно, такъ сказать, начинаетъ . . . А барыня, она правды не скажетъ, ей это вредно . . . Я ее уважаю, что-же говорить! Человѣкъ хорошій и добра намъ хочетъ . . . ну, немножко и чтобы безъ убытка для себя! . . Народъ-же — онъ желаетъ прямо идти и ни убытка, ни вреда не боится — видалъ? Ему вся жизнь вредна, вездѣ — убытокъ, ему некуда повернуться, кругомъ — ничего, кромѣ — стой! — кричатъ со всѣхъ сторонъ.

— Я вижу! — сказалъ Степанъ, кивая головой, и тотчасъ-же добавилъ: — Насчетъ багажа она безпокоится . . .

Петръ хитро подмигнулъ матери и снова заговорилъ, успокоительно помахивая рукой:

— Не безпокойтесь! Все будетъ въ порядкѣ, мамаша! Чемоданчикъ вашъ у меня . . . Давеча, какъ онъ сказалъ мнѣ про васъ, что, дескать, вы тоже съ участіемъ въ этомъ и человѣка того знаете — я ему говорю — гляди, Степанъ! . . . Нельзя ротъ разѣвать въ такомъ строгомъ случаѣ! Ну, и вы, мамаша, видно тоже почуяли насъ, когда мы около стояли. У честныхъ людей рожи замѣтныя, потому — немного ихъ по улицамъ ходитъ, прямо сказать! Чемоданчикъ вашъ у меня . . .

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и, просительно заглядывая въ глаза ея, продолжалъ:

— Ежели вы желаете выпотрошить его — мы вамъ въ этомъ поможемъ съ удовольствіемъ! . . Книжки намъ требуются . . .

— Она все хочетъ намъ отдать! — замѣтилъ Степанъ.

— И отлично, мамаша! Мѣсто всему найдемъ! . .

Онъ вскочилъ на ноги, засмѣялся и, быстро шагая по избѣ взадъ и впередъ, говорилъ, довольный:

— Случай, такъ сказать, удивительный! . . Хоша вполнѣ простой . . . Въ одномъ мѣстѣ порвалось, въ другомъ захлестнулось . . . Ничего . . А газета, мамаша, хорошая и дѣло свое она дѣлаетъ — протираетъ глаза . . . Господамъ — непріятна . . . Я тутъ верстахъ въ семи у

барыни одной работаю, по столярному дѣлу — хорошая женщина, надо сказать, книжки даетъ разныя . . . иной разъ очень простыя книжки . . . прочитаешь — такъ и осѣнитъ! Вообще — мы ей благодарны . . . Но показалъ я ей газеты номерокъ — она даже обидѣлась нѣсколько. Бросьте, говоритъ, это, Петръ! Да! Это, говоритъ, мальчишки безъ разума дѣлаютъ. И отъ этого только горе ваше выростетъ . . . тюрьма и Сибирь, говоритъ, за этимъ . . .

Онъ снова неожиданно замолчалъ, подумалъ и спросилъ:

— А, скажите, мамаша, онъ . . . этотъ человѣкъ — родственникъ вашъ?

— Чужой! — отвѣтила мать.

Петръ беззвучно засмѣялся, чѣмъ-то очень довольный и закивалъ головой, но въ слѣдующую секунду матери показалось, что слово чужой не на мѣстѣ по отношенію къ Рыбину и обижаетъ ее.

— Не родня я ему — сказала она — но знаю его давно и уважаю . . . какъ родного брата . . . старшаго . . .

Нужное слово не находилось, это было непріятно больно ей, и снова она не могла сдержать тихаго рыданія. Угрюмая, ожидающая тишина наполнила избу, Петръ, наклонивъ голову на плечо, стоялъ точно прислушиваясь къ чему-то. Степанъ, облокотясь на столъ, все время задумчиво постукивалъ пальцемъ по доскѣ. Жена его прислонилась у печи въ сумракѣ, мать чувствовала ея неотрывный взглядъ и порою сама смотрѣла въ лицо ей — овальное, смуглое, съ прямымъ носомъ и круто обрѣзаннымъ подбородкомъ. Внимательно и зорко свѣтились зеленоватые глаза.

— Другъ, значитъ . . . — тихо молвилъ Петръ. — Съ характеромъ онъ . . . н-да! . . Оцѣнилъ себя высоко . . . какъ слѣдуетъ . . . Вотъ, Татьяна, человѣкъ, а? Ты говоришь . . .

— Онъ женатый? — спросила Татьяна, перебивая его рѣчь, и тонкія губы ея небольшого рта плотно сжались.

— Вдовый! — отвѣтила мать грустно.

— Оттого и смѣлъ! — сказала Татьяна низкимъ, груд-

нымъ голосомъ. — Женатый такой дорогой не пойдетъ — забоится . . .

— А я? Женатъ и все . . . — воскликнулъ Петръ.

— Полно, кумъ! — не глядя на него и скрививъ губы, говорила женщина. — Ну, что ты такое? Только говоришь да рѣдко книжку прочитаешь. Немного людямъ пользы оттого, что ты со Степаномъ по угламъ шушукаешь.

— Меня, братъ, многіе слышатъ! . . — возразилъ мужикъ обиженно и тихо. — Я — вродѣ дрожжей тутъ . . . ты это напрасно . . .

Степанъ молча взглянулъ на жену и снова опустилъ голову . . .

— И зачѣмъ мужики женятся? — спросила Татьяна. — Работница нужна, говорятъ . . . чего работатъ?

— Мало тебѣ еще! — глухо вставилъ Степанъ.

— Какой толкъ въ этой работѣ? Впроголодь живешь изо дня въ день, все равно. Дѣти родятся — поглядѣть за ними время нѣтъ . . . изъ-за работы, которая хлѣба не даетъ.

Она подошла къ матери, сѣла рядомъ съ нею, говоря настойчиво, безъ жалобы и грусти . . .

— У меня — двое было . . . Одинъ, двухлѣтній, сварился кипяткомъ, другого — не доносила, мертвый родился . . . изъ-за работы этой треклятой! . . Радость мнѣ? Я говорю — напрасно мужики женятся, только вяжутъ себѣ руки . . . жили-бы свободно, добивались-бы нужнаго всѣмъ порядка . . . вышли-бы за правду прямо, какъ тотъ человѣкъ . . . Вѣрно говорю, матушка? . .

— Вѣрно! — сказала мать. — Вѣрно, милая — иначе не одолѣешь жизни . . .

— У васъ муженекъ-то есть?

— Померъ . . . Сынъ у меня . . .

— А онъ гдѣ, съ вами живетъ?

— Въ тюрьмѣ сидитъ! — отвѣтила мать.

И почувствовала, что эти слова, вмѣстѣ съ привычной грустью, всегда вызываемой ими, налили грудь ея спокойной гордостью.

— Второй разъ сажаютъ его! . . все за то, что онъ понялъ Божью правду и открыто сѣялъ ее, не щадя себя . . . Молодой онъ, красавецъ . . . умный! Газету — онъ придумалъ и Михайла Ивановича онъ на путь поставилъ . . . хоть и вдвое старше его Михайло-то! . . Теперь вотъ — судить будутъ за это сына моего и — засудятъ . . . а онъ уйдетъ изъ Сибири и снова будетъ дѣлать свое дѣло . . .

Она говорила, а гордое чувство все росло въ груди у нея и, создавая образъ героя, требовало словъ себѣ, стискивало горло. Ей необходимо было уравновѣсить чѣмъ либо яркимъ и разумнымъ то мрачное, что она видѣла въ этотъ день и что давило ей голову безсмысленнымъ ужасомъ, безстыдной жестокостью. Безсознательно подчиняясь этому требованію здоровой души, она собирала все, что видѣла свѣтлаго и чистаго, въ одинъ огонь, ослѣплявшій ее своимъ чистымъ горѣніемъ . . .

— Уже ихъ много родилось такихъ людей, все больше рождается, и всѣ они до конца своего будутъ стоять за свободу для людей, за правду . . .

Она забыла осторожность и, хотя не называла именъ, но разсказывала все, что ей было извѣстно о тайной работѣ для освобожденія народа изъ цѣпей жадности. Рисуя образы дорогіе ея сердцу, она влагала въ свои слова всю силу, все обиліе любви, такъ поздно разбуженной въ ея груди тревожными толчками жизни, и сама съ горячей радостью любовалась людьми, которые вставали въ памяти освѣщенные и украшенные ея чувствомъ.

— Работа идетъ общая по всей землѣ, во всѣхъ городахъ . . . силѣ хорошихъ людей — нѣтъ ни мѣры, ни счета, все ростетъ она и будетъ рости до побѣднаго нашего часа . . .

Голосъ ея лился ровно, слова она находила легко и быстро низала ихъ, какъ разноцвѣтный, блестящій бисеръ, на крѣпкую нить своего желанія очистить сердце отъ крови и грязи этого дня. Она видѣла, что мужики точно вросли тамъ, гдѣ застала ихъ рѣчь ея, не шевелятся, смотрятъ въ

лицо ей серьезно, она слышала прерывистое дыханіе женщины, сидѣвшей рядомъ съ ней, и все это увеличивало силу ея вѣры въ то, что она говорила и обѣщала людямъ . . .

— Всѣ, кому трудно живется, кого давитъ нужда и беззаконія, одолѣли богатые и прислужники ихъ — всѣ, весь народъ долженъ идти встрѣчу людямъ, которые за него въ тюрьмахъ погибаютъ, на смертныя муки идутъ . . . Безъ корысти объяснятъ они, гдѣ лежитъ путь къ счастью для всѣхъ людей, безъ обмана скажутъ — трудный путь — и насильно никого не поведутъ за собой, но какъ встанешь рядомъ съ ними — не уйдешь отъ нихъ никогда, видишь — правильно все, эта дорога, а не другая!

Ей пріятно было осуществлять давнее желаніе свое — вотъ она говорила людямъ о правдѣ сама!

— Съ такими людьми можно идти народу, они на маломъ не помирятся, не остановятся, пока не одолѣютъ всѣ обманы, всю злобу и жадность, они не сложатъ рукъ, покуда весь народъ не сольется въ одну душу, пока онъ въ одинъ голосъ не скажетъ — я владыка, я самъ построю законы для всѣхъ равные! . .

Усталая, она замолчала, оглянулась. Въ грудь ей спокойно легла увѣренность, что ея слова не пропадутъ здѣсь безполезно . . . Мужики смотрѣли на нее, ожидая еще чего-то. Петръ сложилъ руки на груди, прищурилъ глаза, и на пестромъ лицѣ его дрожала улыбка. Степанъ, облокотясь одной рукой на столъ, весь подался впередъ, вытянулъ шею и какъ-бы все еще слушалъ . . . Тѣнь лежала на лицѣ его, и отъ этого оно казалось болѣе законченнымъ . . . Его жена, сидя рядомъ съ матерью, согнулась, положивъ локти на колѣна и смотрѣла подъ ноги себѣ.

— Вотъ какъ . . . — шопотомъ сказалъ Петръ и осторожно сѣлъ на лавку, покачивая головой.

Степанъ медленно выпрямился, посмотрѣлъ на жену и развелъ въ воздухѣ руками, какъ-бы желая обнять что-то . . .

— Ежели за это дѣло браться — задумчиво и негромко началъ онъ — то уже, дѣйствительно, надо всей душой . . .

Петръ робко вставилъ:

— Н-да . . . назадъ не оглядывайся! . .

— Затѣяно это широко . . . — продолжалъ Степанъ.

— На всю землю! . . — снова добавилъ Петръ.

XVIII.

Мать оперлась спиной о стѣну и, закинувъ голову, слушала ихъ негромкія, взвѣшивающія слова. Встала Татьяна, оглянулась и снова сѣла. Ея зеленые глаза блестѣли сухо, когда она недовольно и съ пренебреженіемъ на лицѣ посмотрѣла на мужиковъ.

— Много, видно, горя испытали вы? — вдругъ сказала она, обращаясь къ матери.

— Было! — отозвалась мать.

— Хорошо говорите . . . тянетъ, тянетъ сердце за вашей рѣчью . . . Думаешь — Господи! хоть-бы въ щелку посмотрѣть на такихъ людей и на жизнь. Что живешь? . . овца! . . Я вотъ грамотная, читаю книжки . . . думаю много . . . иной разъ и ночь не спишь . . . отъ мыслей. А что толку? Не буду думать — зря исхизну и буду — тоже зря . . . И все какъ-то зря . . . Вотъ мужики — работаютъ, трясутся надъ кускомъ для дома . . . а ничего нѣтъ . . . обижаетъ это ихъ, злятся, пьютъ, дерутся, опять работаютъ . . . работаютъ . . . Ну, что-же? Ничего . . .

Она говорила съ усмѣшкой въ глазахъ и въ голосѣ, низко, плавно и порой останавливаясь, точно вдругъ перекусывала свою рѣчь, какъ нитку . . . Мужики молчали. Вѣтеръ гладилъ стекла оконъ, шуршалъ соломой по крышѣ, порой тихонько гудѣлъ въ трубѣ. Выла собака. И неохотно, изрѣдка въ окно стучали капли дождя. Огонь въ лампѣ дрогнулъ, потускнѣлъ, но черезъ секунду снова разгорѣлся ровно и ярко.

— Послушала ваши рѣчи — вотъ для чего люди живутъ! . . И такъ чудно — слушаю я васъ и вижу — да

вѣдь я это знаю! А до васъ ничего я этакого не слыхала и мыслей у меня такихъ не было . . .

— Поѣсть-бы надо, Татьяна, да погасить огонь! — сказалъ Степанъ хмуро и медленно. — Замѣтятъ люди — у Чумаковыхъ огонь долго горѣлъ. Намъ это неважно . . . а для гостьи можетъ нехорошо окажется . . .

Татьяна встала и пошла къ печкѣ.

— Да-а! — тихонько и съ улыбкой заговорилъ Петръ. — Теперь, кумъ, держи ухо востро! Какъ появится въ народѣ газета . . .

— Я не про себя говорю . . . Меня и заарестуютъ — не велика бѣда . . .

Жена его подошла къ столу и сказала:

— Уйди . . .

Онъ всталъ, отошелъ въ сторону и, глядя, какъ она накрываетъ на столъ, съ усмѣшкой заявилъ:

— Цѣна нашему брату — пятачекъ пучекъ, да и то, когда въ пучкѣ сотня . . .

Матери вдругъ стало жалко его, онъ больше нравился ей теперь. Послѣ рѣчи своей она чувствовала себя отдохнувшей отъ грязной тяжести дня, была довольна собой и хотѣла всѣмъ добраго, хорошаго.

— Неправильно вы судите, хозяинъ! — сказала она. — Не нужно человѣку соглашаться съ тѣмъ, какъ его снаружи цѣнятъ тѣ люди, которымъ кромѣ крови его ничего не надо. Вы должны сами себя оцѣнить, изнутри, не для враговъ, а для друзей . . .

— Какіе у насъ друзья? — тихо воскликнулъ мужикъ. — До перваго куска . . .

— А я говорю — есть друзья у народа . . .

— Есть, да не здѣсь . . . вотъ оно что! — задумчиво отозвался Степанъ.

— А вы ихъ здѣсь заведите . . .

Степанъ подумалъ и тихо сказалъ:

— Н-да, надо-бы . . .

— Садитесь за столъ! — пригласила Татьяна.

За ужиномъ Петръ, подавленный рѣчами матери и какъ будто растерявшійся, снова оживленно и быстро говорилъ:

— Вамъ, мамаша, для незамѣтности, такъ сказать, нужно выѣхать отсюда пораньше... И поѣзжайте вы на слѣдующую станцію, а не въ городъ... на почтовыхъ поѣзжайте...

— Зачѣмъ? Я свезу... — сказалъ Степанъ.

— Не надо! Въ случаѣ чего — спросятъ тебя — ночевала? Ночевала. Куда дѣвалась? Я ее отвезъ... Ага-а, ты отвезъ? Иди-ка въ острогъ!.. Понялъ? А въ острогъ торопиться зачѣмъ-же? Всему свой чередъ — время придетъ — и царь помретъ, какъ говорится... А тутъ просто — ночевала, наняла лошадей, уѣхала... Мало-ли кто ночуетъ у кого? Село проѣзжее...

— Гдѣ это ты, Петръ, бояться учился? — насмѣшливо спросила Татьяна.

— Все надо знать, кума! — ударивъ себя по колѣну, воскликнулъ Петръ. — Умѣй бояться, умѣй и смѣлымъ быть! Ты помнишь, какъ изъ-за этой газеты земскій Ваганова трепалъ? Теперь Ваганова-то за большія деньги не уговоришь книгу въ руки взять... да! Вы, мамаша, мнѣ вѣрьте, я на всякія штуки шельма острая, это очень всѣмъ извѣстно... Книжки и бумажки я вамъ посѣю въ лучшемъ видѣ... сколько угодно! Народъ у насъ, конечно, не очень грамотенъ и пугливъ, ну, однако, время такъ поджимаетъ бока, что человѣкъ поневолѣ глаза таращитъ — въ чемъ дѣло? А книжка ему совершенно просто отвѣчаетъ — а вотъ въ чемъ: думай, соображай! Есть примѣры, что неграмотный больше грамотнаго понимаетъ... особенно ежели грамотный-то сытый!.. Я тутъ вездѣ хожу, много вижу — ничего! Жить можно, но требуется мозгъ и большая ловкость, чтобы сразу въ лужу не сѣсть... Начальство — оно тоже носомъ чувствуетъ, что какъ будто холодкомъ подуло отъ мужика — улыбается онъ мало и совсѣмъ неласково... вообще отвыкать отъ начальства хочетъ... Намедни въ Смоляково — тутъ недалеко дере-

венька такая — пріѣхали подати выбивать, а мужички — на дыбы, да за колья . . . Становой прямо говоритъ — ахъ вы, сукины дѣти! Да вѣдь это противъ царя?! Былъ тамъ мужикъ одинъ, Спивакинъ, онъ и скажи — »а ну васъ къ нехорошей матери съ царемъ-то! Какой тамъ царь, когда послѣднюю рубаху съ плечъ тащитъ? . . .« Вотъ оно куда пошло, мамаша! Конечно, Спивакина зацапали и въ острогъ . . . а слово — оно осталось и даже мальчишки малые знаютъ его . . . оно кричитъ, живетъ.

Онъ не ѣлъ, а все говорилъ быстрымъ шопоткомъ, бойко поблескивая темными, плутоватыми глазами и щедро высыпая передъ матерью, точно мѣдную монету изъ кошеля, безчисленныя мелкія наблюденія надъ жизнью деревни.

Раза два Степанъ говорилъ ему:

— Ты-бы поѣлъ . . .

Петръ хваталъ кусокъ хлѣба, ложку и снова заливался разсказами, точно щегленокъ пѣсней. Наконецъ послѣ ужина онъ, вскочивъ на ноги, заявилъ:

— Ну, мнѣ пора домой! . .

Всталъ передъ матерью и, кивая головой, трясъ ея руку, говоря:

— Прощайте, мамаша! Можетъ, никогда и не увидимся . . . Долженъ вамъ сказать, что все это очень хорошо . . . Встрѣтить васъ и рѣчи ваши . . . очень хорошо! Въ чемоданчикѣ у васъ кромѣ печатнаго еще что-нибудь есть?.. Платокъ шерстяной? Чудесно... шерстяной платокъ, Степанъ, помни! Сейчасъ онъ принесетъ вамъ чемоданчикъ . . . Идемъ, Степанъ! . . Прощайте! Всего вамъ хорошаго! . .

Когда они ушли, стало слышно, какъ шуршатъ тараканы, вѣтеръ возится по крышѣ и стучитъ заслонкой трубы, мелкій дождь монотонно бьется въ окно. Татьяна приготовляла постель для матери, стаскивая съ печи и съ полатей одежду и укладывая ее на лавкѣ.

— Живой человѣкъ! — замѣтила мать.

Хозяйка, взглянувъ на нее исподлобья, отвѣтила:

— Легкій онъ . . . звенитъ, звенитъ, а недалеко слышно.

— А какъ мужъ вашъ? — спросила мать.

— Да ничего . . . Хорошій мужикъ . . . не пьетъ, живемъ дружно . . . ничего! Только характера онъ слабаго . . .

Она выпрямилась и, помолчавъ, спросила:

— Вѣдь теперь что надо — бунтовать надо народу? Конечно! Объ этомъ всѣ думаютъ, только каждый въ особицу, про себя . . . а нужно, чтобы вслухъ заговорили . . . и сначала долженъ кто-нибудь одинъ рѣшиться . . .

Она сѣла на лавку и вдругъ спросила:

— Говорите — и молодыя барышни занимаются этимъ, ходятъ по рабочимъ, читаютъ . . . не брезгаютъ, не боятся?

И внимательно выслушавъ отвѣтъ матери, глубоко вздохнула. Потомъ, опустя вѣки и наклонивъ голову, снова заговорила:

— Въ одной книжкѣ прочитала я слова — безсмысленная жизнь . . . Это я очень поняла . . . сразу! Знаю я такую жизнь — мысли есть, а не связаны и бродятъ, какъ глупыя овцы безъ пастуха . . . бродятъ, бродятъ . . . нечѣмъ, некому ихъ собрать . . . нѣтъ у людей понятія — что надо дѣлать? Это и есть — безсмысленная жизнь. Бѣжала-бы я отъ нея, да и не оглянулась . . . такая тоска, когда что-нибудь понимаешь!

Мать видѣла эту тоску въ сухомъ блескѣ зеленыхъ глазъ женщины, на ея худомъ лицѣ, слышала въ голосѣ. Ей захотѣлось утѣшить ее, приласкать.

— Вы-то, милая, понимаете что дѣлать . . .

Татьяна тихо перебила ее:

— Умѣть надо . . . Готово вамъ, ложитесь!

Отошла къ печкѣ и молча встала тамъ, прямая, сурово сосредоточенная . . . Мать не раздѣваясь легла, почувствовала ноющую усталость въ костяхъ и тихо застонала. Татьяна погасила лампу и, когда избу тѣсно наполнила тьма, раздался ея низкій, ровный голосъ. Онъ зву-

чалъ такъ, точно стиралъ что-то съ плоскаго лица душной тьмы.

— Не молитесь вы . . . Я тоже думаю, что нѣтъ Бога . . . и чудесъ нѣтъ! Все это для страха намъ придумано, для глупости нашей . . .

Мать безпокойно повернулась на лавкѣ — прямо на нее въ окно смотрѣла бездонная тьма, и въ тишину настойчиво вползалъ едва слышный шорохъ, шелестъ . . . Она заговорила почти шопотомъ и боязливо:

— Насчетъ Бога — не знаю я . . . а въ Христа вѣрю, въ батюшку . . . И словамъ Его вѣрю — возлюби ближняго, яко себя . . . да, въ это вѣрю! . .

И вдругъ недоумѣнно спросила:

— Но ежели — Богъ, почто оставилъ Онъ насъ силой своей доброй? Почто допустилъ раздѣлиться людямъ на два міра . . . зачѣмъ терпитъ, коли милостивъ, муки человѣческія, издѣвательства другъ надъ другомъ . . . зло всякое и звѣрство?

Татьяна молчала. Въ темнотѣ мать видѣла слабый контуръ ея прямой фигуры, сѣрой, на черномъ фонѣ печи. Она стояла неподвижно. Мать въ тоскѣ закрыла глаза.

Вдругъ раздался угрюмо стонущій, холодный голосъ:

— Смерти дѣтокъ моихъ не могу я простить ни Богу, ни людямъ . . . никогда! . . .

Ниловна безпокойно привстала, сердцемъ понявъ силу боли, вызвавшей эти слова.

— Вы молодая, еще будутъ дѣтки . . . — ласково сказала она.

Шопотомъ и не сразу женщина отвѣтила:

— Нѣтъ! Испорчена я, докторъ говоритъ никогда не рожу больше . . .

Мышь пробѣжала по полу. Что-то сухо и громко треснуло, разорвавъ неподвижность тишины невидимой молніей звука. И снова стали ясно слышны шорохи и шелесты осенняго дождя на соломѣ крыши, они шарили по ней, какъ чьи-

[redacted]

то испуганные тонкіе пальцы. И уныло падали на землю капли воды, отмѣчая медленный ходъ осенней ночи . . .

Сквозь тяжелую дрему мать услыхала глухіе шаги на улицѣ, въ сѣняхъ. Осторожно отворилась дверь, раздался тихій окрикъ:

— Татьяна . . . легла что-ли?

— Нѣтъ.

— А она спитъ?

— Видно спитъ.

Вспыхнулъ огонь, задрожалъ и утонулъ во тьмѣ. Мужикъ подошелъ къ постели матери, поправилъ тулупъ, окутавъ ея ноги. Эта ласка мягко тронула мать своей простотой, и, снова закрывъ глаза, она улыбнулась. Степанъ молча раздѣлся, влѣзъ на полати. Стало тихо.

Чутко вслушиваясь въ лѣнивыя колебанія дремотной тишины, мать неподвижно лежала, а передъ нею во тьмѣ качалось облитое кровью лицо Рыбина . . .

На полатяхъ раздался сухой шопотъ.

— Видишь, какіе люди берутся за это . . . пожилые ужъ, испили горя до сыта, работали, отдыхать-бы имъ пора, а они — вотъ! . . Ты-же молодой, разумный . . . эхъ, Степа . . .

Влажный и густой голосъ мужика отвѣтилъ:

— За такое дѣло не подумавъ нельзя взяться . . . ты погоди . . .

— Слышала я это . . .

Звуки оборвались и возникли снова — загудѣлъ голосъ Степана:

— Надо такъ — сначала поговорить съ мужиками отдѣльно . . . вотъ, напримѣръ, Маковъ, Алеша . . . бойкій, грамотный и начальствомъ обиженъ . . . Шоринъ, Сергѣй — тоже разумный мужикъ . . . Князевъ человѣкъ честный, смѣлый . . . и, пока что, будетъ! Потомъ соберемся компаніей, поглядимъ, да . . . Надо узнать, какъ ее найти . . . да и вообще надо самому поглядѣть на людей . . . про которыхъ она говорила . . . Я вотъ возьму топоръ,

да самъ махну въ городъ . . . будто дрова колоть . . . на заработки, молъ, пошелъ . . . Тутъ надо осторожно . . . она вѣрно говоритъ — цѣна человѣку — дѣло его . . . А это такое дѣло — надо себя высоко цѣнить, если за него браться. Вотъ, какъ мужикъ-то этотъ . . . Что ему? Его хоть передъ Богомъ ставь, не то, что передъ становымъ, онъ не сдастъ . . . Стоитъ на своемъ крѣпко, по колѣна врылся . . . А Никитка-то, а? Засовѣстился . . . чудеса! Нѣтъ, народъ, если онъ за что дружно возьмется, всѣхъ за собой потянетъ . . .

— Дружно! При васъ бьютъ человѣка, а вы — рты разинули . . .

— Ты погоди . . . Ты скажи — слава Богу, что мы сами его не били, человѣка-то . . . вотъ что! Бываетъ вѣдь — заставятъ — бей! И бьютъ. Можетъ, внутри плачутъ отъ жалости, а бьютъ . . . не смѣютъ люди отъ звѣрства отказаться, ихъ за такой отказъ самихъ изобьютъ. Приказано — будь, чѣмъ я хочу . . . волкомъ, свиньей . . . а человѣкомъ быть запрещено . . . а кто осмѣлится — сживаютъ со свѣту. Нѣтъ, надо такъ догадаться, чтобы сразу многіе осмѣлѣли и вдругъ всѣ встали . . .

Онъ шепталъ долго, то понижая голосъ такъ, что мать едва слышала его слова, то сразу начиналъ гудѣть сильно и густо. Тогда женщина останавливала его:

— Тише! Разбудишь . . .

Мать заснула тяжелымъ сномъ — онъ сразу душной тучей навалился на нее, обнялъ и увлекъ.

Татьяна разбудила ее, когда въ окна избы еще слѣпо смотрѣли пустыми глазами сѣрые сумерки утра и надъ селомъ въ холодной тишинѣ сонно плавалъ и таялъ мѣдный звукъ сторожевого колокола церкви.

— Я самоваръ поставила, попейте чаю, а то холодно будетъ прямо со сна ѣхать . . .

Степанъ, расчесывая спутанную бороду, дѣловито спрашивалъ мать, какъ ее найти въ городѣ, а ей казалось, что

сегодня лицо мужика стало лучше, законченнѣе . . . За чаемъ онъ, усмѣхаясь, замѣтилъ:

— Какъ это случилось чудно! . .

— Что? — спросила Татьяна.

— Да вотъ знакомство! . . Просто такъ . . .

Мать задумчиво, но увѣренно сказала:

— Въ этомъ дѣлѣ удивительная простота во всемъ . . .

Разстались съ ней хозяева сдержанно, скупо тратя слова, щедро обнаруживая множество мелкихъ заботъ объ ея удобствахъ.

Сидя въ бричкѣ мать думала, что этотъ мужикъ начнетъ работать осторожно, безшумно, точно кротъ, и неустанно. И всегда будетъ звучать около него недовольный голосъ жены, будетъ сверкать сухой и жгучій блескъ ея зеленыхъ глазъ и не умретъ въ ней, пока жива она, мстительная, волчья тоска матери о погибшихъ дѣтяхъ . . .

Вспомнился Рыбинъ, его кровь, лицо, горячіе глаза, слова его — сердце снова сжалось въ горькомъ чувствѣ безсилія передъ звѣрями. И всю дорогу до города, на тусклом фонѣ сѣраго дня, передъ матерью стояла крѣпкая фигура чернобородаго Михайлы въ разорванной рубахѣ, со связанными за спиной руками, всклокоченной головой, одѣтая гнѣвомъ и вѣрою въ свою правду . . . Мать думала о безчисленныхъ деревняхъ, робко прижавшихся къ землѣ, о людяхъ, тайно ожидавшихъ прихода правды и о тысячахъ людей, которые безмысленно и молча работаютъ всю жизнь, ничего не ожидая.

Жизнь представлялась невспаханнымъ, холмистымъ полемъ, которое натужно и нѣмо ждетъ работниковъ и молча обѣщаетъ свободнымъ, честнымъ рукамъ:

— Оплодотворите меня сѣменами разума и правды — я взращу вамъ ихъ сторицею!

Вспоминая успѣхъ свой, она глубоко въ груди чувствовала тихій трепетъ радости и стыдливо подавляла его, стараясь не думать о встрѣчѣ со Степаномъ и его женой.

Когда вдали она увидала колокольни и дома города,

теплое чувство оживило и успокоило ея встревоженное, уставшее сердце — въ памяти замелькали озабоченныя лица людей, которые, изо дня въ день неустанно и увѣренно разжигая огонь мысли, разбрасываютъ искры его по землѣ. И душа женщины наполнялась спокойнымъ желаніемъ отдать этимъ людямъ всѣ силы свои — и вдвойнѣ — любовь матери, оживленную мыслями этихъ людей . . .

XIX.

Дома дверь ей отперъ Николай, растрепанный, съ книгой въ рукахъ.

— Уже? — воскликнулъ онъ радостно. — Скоро вы . . . Ну, чудесно! Я радъ . . . очень!

Глаза его ласково и живо мигали подъ очками, онъ помогалъ ей раздѣваться и, съ ласковой улыбкой заглядывая въ лицо, говорилъ:

— А у меня ночью, видите-ли, обыскъ былъ, я подумалъ — какая причина? Не случилось-ли чего съ вами? . . Но — не арестовали . . . Вѣдь если-бы васъ арестовали, такъ и меня не оставили-бы! . .

Онъ ввелъ ее въ столовую, оживленно продолжая:

— Однако — предложили прогнать меня со службы. Это — не огорчаетъ . . . Мнѣ уже надоѣло считать безлошадныхъ крестьянъ и — некогда . . .

Комната имѣла такой видъ, точно кто-то сильный въ глупомъ припадкѣ озорства толкалъ съ улицы въ стѣны дома, пока не растрясъ все внутри его. Портреты валялись на полу, обои были отодраны и торчали клочьями, въ одномъ мѣстѣ приподнята доска пола, вывороченъ подоконникъ, на полу у печи разсыпана зола. Мать покачала головой при видѣ знакомой картины и пристально посмотрѣла на Николая, чувствуя въ немъ что-то новое.

На столѣ стоялъ погасшій самоваръ, немытая посуда, колбаса и сыръ на бумагѣ вмѣсто тарелки, валялись куски

и крошки хлѣба, книги и самоварные угли. Мать усмѣхнулась, Николай тоже сконфуженно улыбнулся.

— Это ужъ я дополнилъ картину погрома . . . но ничего, Ниловна, ничего. Я думаю, они опять придутъ, оттого и не убиралъ все это. Ну, какъ вы съѣздили?

Вопросъ тяжело толкнулъ ее въ грудь — передъ нею всталъ Рыбинъ, и она почувствовала себя виноватой, что сразу не заговорила о немъ. Наклонясь на стулѣ, она подвинулась къ Николаю и, стараясь сохранить спокойствіе, боясь позабыть что-нибудь, начала разсказывать.

— Схватили его . . .

Лицо Николая дрогнуло.

— Да? Какъ?

Мать остановила его вопросъ движеніемъ руки и продолжала такъ, точно она сидѣла предъ лицомъ самой справедливости, принося ей жалобу на истязаніе человѣка. Николай откинулся на спинку стула, поблѣднѣлъ и, закусивъ губу, слушалъ. Онъ медленно снялъ очки, положилъ ихъ на столъ, провелъ по лицу рукой, точно стирая съ него невидимую паутину. Лицо его сдѣлалось острымъ, странно высунулись скулы, вздрагивали ноздри — мать впервые видѣла его такимъ, и онъ немного пугалъ ее.

Когда она кончила, онъ всталъ, съ минуту молча ходилъ по комнатѣ, сунувъ кулаки глубоко въ карманы. Потомъ сквозь зубы пробормоталъ:

— Крупный человѣкъ, должно быть . . . такая красота! Ему будетъ трудно въ тюрьмѣ, такіе, какъ онъ, плохо чувствуютъ себя тамъ! — И, остановясь противъ матери, воскликнулъ звенящимъ голосомъ:

— Конечно, всѣ эти становые, урядники — ничтожество, палка въ рукѣ умнаго мерзавца, дрессировщика животныхъ, да, да . . . Но слѣдуетъ убить животное за то, что оно позволило сдѣлать изъ себя звѣря! Надо убить взбѣсившуюся свинью! . .

Онъ все глубже пряталъ руки, сдерживая свое волненіе, но всетаки оно чувствовалось матерью и передавалось ей.

Глаза у него стали узкими, точно концы ножей. Снова шагая по комнатѣ онъ говорилъ холодно и гнѣвно.

— Вы посмотрите какой ужасъ! Кучка глупыхъ людей, защищая свою пагубную власть надъ народомъ, бьетъ, душитъ, давитъ всѣхъ . . . Растетъ одичаніе, жестокость становится закономъ жизни — подумайте! Одни бьютъ и звѣрѣютъ отъ безнаказанности, заболѣваютъ сладострастной жаждой истязаній, отвратительной болѣзнью рабовъ, которымъ дана свобода проявлять всю силу рабьихъ чувствъ и скотскихъ привычекъ. Другіе отравляются местью, третьи, забитые до отупѣнія, становятся нѣмы и слѣпы . . . Народъ развращаютъ, весь народъ!

Онъ остановился, схватилъ себя за голову и замолчалъ, стиснувъ зубы.

— Невольно самъ звѣрѣешь въ этой звѣриной жизни! — тихо сказалъ онъ.

Но, овладѣвъ своимъ возбужденіемъ, почти спокойно, съ твердымъ блескомъ въ глазахъ, взглянулъ въ лицо матери, залитое безмолвными слезами.

— Намъ, однако, нельзя терять времѐни, Ниловна... Давайте, дорогой товарищъ, попробуемъ взять себя въ руки . . .

Грустно улыбаясь онъ подошелъ къ ней и, наклонясь, спросилъ, пожимая ея руку:

— Гдѣ вашъ чемоданъ?

— Въ кухнѣ! — отвѣтила она.

— У нашихъ воротъ стоятъ шпіоны — такую массу бумаги мы не сумѣемъ вынести изъ дому незамѣтно . . . спрятать негдѣ, а я думаю, они снова придутъ сегодня ночью. Я не хочу, чтобы васъ арестовали . . . Значитъ, какъ ни жаль труда — давайте, сожжемъ все это.

— Что? — спросила мать.

— Все, что въ чемоданѣ.

Она поняла его и — какъ ни грустно было ей — чувство гордости своею удачей вызвало на лицѣ у нея улыбку.

— Ничего тамъ нѣтъ, ни листика! — сказала она и,

постепенно оживляясь, начала разсказывать о своей встрѣчѣ съ Чумаковымъ. Николай слушалъ ее, сначала безпокойно хмуря брови, потомъ съ удивленіемъ и наконецъ вскричалъ, перебивая разсказъ:

— Слушайте — да это отлично! Вы удивительно счастливый человѣкъ . . .

Онъ смущенно замялся и, стиснувъ ея руку, тихо воскликнулъ:

— Вы такъ трогаете вашей вѣрой въ людей . . . у васъ такая хорошая душа . . . я, право, люблю васъ, какъ мать родную не любилъ . . .

Она обняла его за шею, счастливо всхлипнувъ, прижала его голову къ своимъ губамъ.

— Можетъ быть . . . — бормоталъ онъ, взволнованный и смущенный новизной своего чувства — можетъ быть, я говорю очень глупо . . . .

Видя, что онъ обновился, чувствуя въ немъ большую радость, она съ мягкимъ любопытствомъ улыбаясь слѣдила за нимъ и хотѣла понять — отчего онъ сталъ такой яркій и живой.

— Вообще — чудесно! — потирая руки говорилъ онъ и смѣялся тихимъ, ласковымъ смѣхомъ. — Я, знаете, послѣдніе дни страшно хорошо жилъ — все время съ рабочими, читалъ, говорилъ, смотрѣлъ . . . И въ душѣ накопилось такое . . . удивительно здоровое, чистое . . . Какіе хорошіе люди, Ниловна! Точно майскіе дни! Я говорю о молодыхъ рабочихъ — крѣпкіе, чуткіе . . . полные жажды все понять . . . Смотришь на нихъ и видишь — Россія будетъ самой яркой демократіей земли!

Онъ утвердительно поднялъ руку, точно давалъ клятву, и помолчавъ продолжалъ:

— Я сидѣлъ тутъ, писалъ и — какъ-то окисъ, заплѣсневѣлъ на книжкахъ и цифрахъ . . . Почти годъ такой жизни — это уродство . . . Я вѣдь привыкъ быть среди рабочаго народа и, когда отрываюсь отъ него, мнѣ дѣлается неловко . . . знаете, натягиваюсь я, напрягаюсь для этой

жизни . . . А теперь снова могу жить свободно, буду съ ними видѣться, заниматься . . . Вы понимаете — буду у колыбели новорожденныхъ мыслей, предъ лицомъ юной, творческой энергіи. Это удивительно просто, красиво и страшно возбуждаетъ . . . дѣлаешься молодымъ и твердымъ, свѣтлѣешь и живешь богато!

Онъ засмѣялся, смущенно и весело, и его радость захватывала сердце матери, понятная ей.

— А потомъ — ужасно вы хорошій человѣкъ! — воскликнулъ Николай. — Есть у васъ какая-то великая, мягкая сила . . . она властно влечетъ къ вамъ сердце . . . Какъ вы ярко рисуете людей . . . какъ хорошо ихъ видите! . .

— Я вижу вашу жизнь, понимаю, дорогой мой . . .

— Васъ —любишь . . . а это такъ чудесно любить человѣка . . . такъ хорошо . . . вы знаете! . .

— Это вы воскрешаете людей изъ мертвыхъ, вы! — горячо шептала мать, гладя его руку. — Дорогой мой, думаю я, вижу — много труда, много терпѣнія надо! И хочу, чтобы не падали силы ваши . . . Вы послушайте-ка, какъ дальше было . . . Женщина тамъ, говорю, жена этого . . .

Николай сѣлъ рядомъ съ ней, смущенно отвернувъ въ сторону радостное лицо и приглаживая волосы, но скоро повернулся и, глядя на мать, жадно слушалъ ея плавный, простой и яркій разсказъ.

— Удивительная удача! — воскликнулъ онъ. — У васъ была полная возможность попасть въ тюрьму и вдругъ . . . Да, видимо, пошевеливается и крестьянинъ . . . это естественно, впрочемъ. Эта женщина — удивительно четко вижу я ее! . . чувствую гнѣвное сердце . . . вы вѣрно сказали, оно — не погаснетъ . . . никогда! Намъ нужно пристроить къ деревенскимъ дѣламъ спеціальныхъ людей . . . Людей! Ихъ не хватаетъ намъ . . . нигдѣ! Жизнь требуетъ сотни рукъ . . .

— Вотъ-бы Пашѣ-то выйти на волю . . . и Андрюшѣ! — тихонько сказала она.

Онъ взглянулъ на нее и опустилъ голову.

— Видите-ли, Ниловна . . . это вамъ тяжело будетъ слышать, но я, всетаки, скажу . . . я хорошо знаю Павла — изъ тюрьмы онъ не уйдетъ! Ему нуженъ судъ, ему нужно встать во весь ростъ . . . онъ отъ этого не откажется. И не надо! . . Онъ уйдетъ изъ Сибири.

Мать вздохнула и тихо отвѣтила:

— Ну, что-же . . . Онъ знаетъ, какъ лучше . . .

Николай быстро вскочилъ на ноги и вдругъ, снова охваченный радостью, сказалъ, наклонивъ голову:

— Благодаря вамъ, Ниловна, я сегодня пережилъ великолѣпныя минуты . . . можетъ быть, лучшія въ моей жизни . . . Спасибо вамъ . . . и давайте — поцѣлуемся!

Они обнялись, молча глядя въ глаза другъ другу.

— Вотъ — хорошо! — тихо сказалъ онъ.

Мать разжала руки, обнимавшія его шею и засмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

— Гмъ! — говорилъ Николай въ слѣдующую минуту, глядя на нее черезъ очки. — Кабы этотъ вашъ мужичекъ поторопился придти къ намъ! . . Видите-ли, о Рыбинѣ необходимо написать бумажку для деревни, ему это не повредитъ, разъ онъ ведетъ себя такъ смѣло, а дѣлу — поможетъ . . . Я сегодня-же напишу, Людмила живо ее напечатаетъ . . . А вотъ какъ она, бумажка, попадетъ туда?

— Я свезу . . .

— Нѣтъ, благодарю! . . — быстро воскликнулъ Николай. — Я думаю — не годится-ли Вѣсовщиковъ для этого, а?

— Поговорить съ нимъ?

— Вотъ, попробуйте-ка ! . . И поучите его.

— А что-же я-то буду дѣлать?

— Не безпокойтесь!

Онъ сѣлъ писать. Она прибирала на столѣ, поглядывая на него, и видѣла, какъ дрожитъ перо въ его рукѣ, покрывая бумагу рядами черныхъ словъ. Иногда кожа на шеѣ у него вздрагивала, онъ откидывалъ голову, закрывъ глаза, у него дрожалъ подбородокъ. Это волновало ее.

— Казни ихъ! — тихо бормотала она. — Не жалѣй злодѣевъ . . .

— Вотъ и готово! — сказалъ онъ, вставая. — Вы спрячьте эту бумажку гдѣ-нибудь на себѣ . . . Но знайте, если придутъ жандармы, васъ тоже обыщутъ . . .

— Песъ съ ними! — спокойно отвѣтила она.

Вечеромъ пріѣхалъ докторъ Иванъ Даниловичъ.

— Почему это начальство вдругъ такъ обезпокоилось? — говорилъ онъ, бѣгая по комнатѣ. — Семь обысковъ было ночью. Гдѣ-же больной, а?

— Онъ ушелъ еще вчера! — отвѣтилъ Николай. — Сегодня, видишь-ли, суббота, у него чтеніе . . . такъ онъ не можетъ пропустить . . .

— Ну, это глупо съ расколотой головой на чтеніяхъ сидѣть . . .

— Доказывалъ я ему, но безуспѣшно . . .

— Похвастаться охота передъ товарищами — замѣтила мать — вотъ, молъ, глядите — я уже кровь свою пролилъ . . .

Докторъ взглянулъ на нее, сдѣлалъ свирѣпое лицо и сказалъ, стиснувъ зубы:

— У-у, кровожадная . . .

— Ну, Иванъ, тебѣ здѣсь дѣлать нечего, а мы ждемъ гостей — уходи! Ниловна, дайте-ка ему бумажку . . .

— Еще бумажка? — воскликнулъ докторъ.

— Вотъ! Возьми и передай въ типографію.

— Взялъ. Передамъ. Все?

— Все. У воротъ — шпіонъ.

— Видѣлъ. У моей двери тоже. Ну, до свиданья! До свиданья, свирѣпая женщина . . . А знаете, друзья, драка на кладбищѣ — хорошая вещь, въ концѣ концовъ! О ней говоритъ весь городъ, она волнуетъ, заставляетъ думать . . . Твоя бумажка по этому поводу очень хороша и поспѣла во время . . . Я всегда говорилъ, что хорошая ссора лучше худого мира . . .

— Ладно, ты иди . . .

— Не весьма любезно! Ручку, Ниловна! А паренекъ поступилъ глупо, всетаки . . . Ты знаешь, гдѣ онъ живетъ?

Николай далъ адресъ.

— Завтра надо съѣздить къ нему . . . славный ребенокъ, а?

— Очень . . . Чудесное сердце . . .

— Надо его поберечь . . . у него мозги здоровые! — говорилъ докторъ, уходя. — Именно изъ такихъ ребятъ должна вырости истинно пролетарская интеллигенція, которая смѣнитъ насъ, когда мы отыдемъ туда, гдѣ, вѣроятно, нѣтъ уже классовыхъ противорѣчій . . .

— Ты сталъ много болтать, Иванъ . . .

— А мнѣ весело, это потому . . . Ну, иду . . . Значитъ — ожидаешь тюрьмы? Желаю тебѣ отдохнуть тамъ.

— Благодарю. Я не усталъ.

Мать слушала ихъ разговоръ, и ей была пріятна забота о рабочемъ.

Проводивъ доктора, Николай и мать стали пить чай и закусывать, ожидая ночныхъ гостей и тихо разговаривая. Николай долго разсказывалъ ей о своихъ товарищахъ, жившихъ въ ссылкѣ, о тѣхъ, которые уже бѣжали оттуда и продолжаютъ свою работу подъ чужими именами. Голыя стѣны комнаты отталкивали тихій звукъ его голоса, какъ-бы изумляясь и не довѣряя этимъ исторіямъ о скромныхъ герояхъ, безкорыстно отдавшихъ свои силы великому дѣлу обновленія міра. Теплая тѣнь ласково окружала женщину, грѣя сердце чувствомъ любви къ невѣдомымъ людямъ, и они складывались въ ея воображеніи всѣ — въ одного огромнаго человѣка, полнаго неисчерпаемой мужественной силы. Онъ медленно, но неустанно идетъ по землѣ, очищая съ нея влюбленными въ свой трудъ руками вѣковую плѣсень лжи, обнажая передъ глазами людей простую и ясную правду жизни. И великая правда, воскресая, всѣхъ одинаково привѣтно зоветъ къ себѣ, всѣмъ равно обѣщаетъ свободу отъ жадности, злобы и лжи, трехъ чудовищъ, которыя поработили и запугали своей циничной, жесткой силой весь міръ . . .

Этотъ образъ вызывалъ въ душѣ ея чувство, подобное тому, съ которымъ она, бывало, становилась передъ иконой, заканчивая радостной и благодарной молитвой тотъ день, который казался ей легче другихъ дней ея жизни. Теперь она забыла эти дни, а чувство, вызываемое ими, расширилось, стало болѣе свѣтлымъ и радостнымъ, глубже вросло въ душу и, живое, разгоралось все ярче.

— А жандармы не идутъ! — вдругъ прерывая свой разсказъ, воскликнулъ Николай.

Мать взглянула на него и помолчавъ съ досадой отозвалась:

— А ну ихъ ко псамъ!

— Разумѣется! Но вамъ пора спать, Ниловна, вы, должно быть, отчаянно устали . . . удивительно крѣпкая вы, слѣдуетъ сказать! Сколько волненій, тревогъ . . . и такъ легко вы переживаете все! Только вотъ волосы быстро сѣдѣютъ . . . Ну, идите, отдыхайте.

Пожали другъ другу руки и разошлись.

XX.

Мать заснула быстро, спокойно и проснулась утромъ, разбуженная громкимъ стукомъ въ дверь кухни. Стучали непрерывно, съ терпѣливымъ упорствомъ. Было еще темно, тихо, и въ тишинѣ упрямая дробь стука текла быстрымъ, мутнымъ ручьемъ, вызывая тревогу. Наскоро одѣвшись, мать быстро вышла въ кухню и, стоя передъ дверью, спросила:

— Кто тамъ?

— Я! — отвѣтилъ незнакомый голосъ.

— Кто?

— Отоприте! — просительно и тихо отвѣтили изъ-за двери.

Мать подняла крючокъ, толкнула дверь ногой — вошелъ Игнатъ и радостно сказалъ:

— Ну, не ошибся! Попалъ . . .

Онъ былъ по поясъ забрызганъ грязью, лицо у него

посѣрѣло, глаза ввалились, и только кудрявые волосы буйно торчали во всѣ стороны, выбиваясь изъ-подъ шапки.

— У насъ — бѣда! — заперевъ дверь, шопотомъ произнесъ онъ.

— Я знаю . . .

Это удивило парня. Мигнувъ глазами, онъ спросилъ:

— Какъ . . . Откуда?

Она кратко и торопливо разсказала.

— А тѣхъ двухъ взяли? Товарищей-то?

— Ихъ не было. Они на явку пошли . . . рекрута! Пятерыхъ взяли, считая дядю Михайла . . .

Онъ потянулъ воздухъ носомъ и ухмыляясь сказалъ:

— А я остался . . . Должно — ищутъ меня. Пускай ищутъ! Я ужъ туда не пойду . . . ни за что! Тамъ еще есть народъ — человѣкъ семь парней и дѣвица одна . . . ничего! Все надежные . . .

— Какъ-же ты уцѣлѣлъ? — спросила мать. Дверь изъ комнаты тихо пріотворилась.

— Я? — сидя на лавкѣ и оглядываясь воскликнулъ Игнатъ. — А они ночью прилѣзли, на заводъ прямо . . . ну, за минуту передъ ними лѣсникъ прибѣгъ — стучитъ въ окно — держись, ребята, говоритъ, лѣзутъ на васъ . . .

Онъ тихонько засмѣялся, вытеръ лицо полой кафтана и продолжалъ:

— Ну, дядю Михайла и молоткомъ не оглушишь, не то что! . . Сейчасъ онъ мнѣ: Игнатъ, въ городъ, живо! . . Помнишь женщину пожилую? А самъ записку строчитъ . . . — На, иди . . . Прощай, братъ! — Толкнулъ меня въ спину. Я, значитъ, выбросился изъ избы, да ползкомъ, да кустами, а слышу — лѣзутъ! Много ихъ, должно быть, со всѣхъ сторонъ шумятъ дьяволы! Петлей вокругъ завода . . . я легъ въ кустахъ . . . прошли мимо! Тутъ я всталъ и давай шагать, и давай! Двѣ ночи шелъ и весь день безъ отдыха. Вотъ до чего усталъ — на недѣлю! Ноги — гудутъ . . .

Видно было, что онъ доволенъ собой, въ его карихъ

глазахъ свѣтилась улыбка, крупныя красныя губы вздрагивали.

— Сейчасъ я тебя чаемъ напою! — торопливо говорила мать, схвативъ самоваръ. — Ты умойся пока . . . легче будетъ . . .

— Вы записку-то получите . . .

Онъ съ трудомъ поднялъ ногу, согнулъ ее, морщась и покрякивая поставилъ на лавку.

— Испугался я . . . ну, думаю, пропалъ! . .

Въ дверяхъ явился Николай. Игнатъ конфузливо спустилъ ногу на полъ, хотѣлъ встать, но пошатнулся и снова грузно сѣлъ, упираясь руками въ лавку.

— Ну и усталъ . . . ахъ ты . . .

— Здравствуйте, товарищъ! — сказалъ Николай, ласково щуря глаза и кивая головой. — Позвольте, я вамъ помогу.

Опустившись передъ нимъ на полъ, онъ сталъ быстро разматывать грязную онучу.

— Ну! — тихо воскликнулъ парень, дергая ногой, и, удивленно мигая глазами, поглядѣлъ на мать.

Не замѣчая его взгляда, она сказала:

— Надо ему водкой ноги-то растереть . . . это помогаетъ!

— Конечно! — молвилъ Николай.

Игнатъ смущенно фыркнулъ.

Николай нашелъ записку, расправилъ ее, посмотрѣлъ и протянулъ матери.

— Вамъ.

— Читайте . . .

Приблизивъ сѣрую, измятую бумажку къ лицу, Николай прочиталъ:

— »Не оставляй дѣла, мать, безъ вниманія, скажи высокой барынѣ, чтобы не забывала, чтобы больше писали про наши дѣла, прошу. Прощай. Рыбинъ.«

— Голубчикъ мой! — грустно сказала мать. — Его уже за горло взяли, а онъ . . .

[redacted]

Николай медленно опустилъ руку съ запиской и негромко молвилъ:

— Это великолѣпно!..

Игнатъ смотрѣлъ на нихъ, тихонько шевеля грязными пальцами разутой ноги, мать, скрывая лицо смоченное слезами, подошла къ нему съ тазомъ воды, сѣла на полъ и протянула руки къ его ногѣ — онъ быстро сунулъ ее подъ лавку, испуганно воскликнувъ:

— Чего?

— А ты давай скорѣе ногу...

— Сейчасъ я принесу спиртъ — сказалъ Николай.

Паренъ засовывалъ ногу все дальше подъ лавку и бормоталъ:

— Что вы?.. Это не полагается...

Тогда она молча начала разувать другую. Круглое лицо Игната удивленно вытянулось, онъ безпомощно оглянулся широко открытыми глазама и тихо заявилъ:

— Да вѣдь мнѣ... щекотно будетъ!..

— Потерпишь! — отвѣтила мать, принимаясь мыть. Игнатъ громко сапнулъ носомъ и, неуклюже двигая шеей, смотрѣлъ на нее сверху внизъ, смѣшно распустивъ губы.

— А ты знаешь — заговорила она вздрагивающимъ голосомъ — били Михаила Ивановича...

— Ну? — тихо и пугливо воскликнулъ парень.

— Да. И привели его избитаго, и въ Никольскомъ урядникъ билъ, становой... и по лицу, и пинками... въ кровь!

Мать замолчала, сдавленная воспоминаніями.

— Они это умѣютъ! — отозвался парень, хмуря брови. Плечи у него вздрогнули. — То есть — боюсь я ихъ — какъ чертей!.. А мужики... не били?

— Одинъ ударилъ, становой приказалъ ему. А всѣ — ничего, вступились даже — нельзя, говорятъ, бить...

— Н-да-а... мужики-то начинаютъ понимать, гдѣ кто стоитъ и зачѣмъ...

— Тамъ тоже есть разумные...

— Гдѣ ихъ нѣтъ? Нужда! Вездѣ они есть — найти трудно. Позабились въ щели и сосутъ себѣ сердце, каждый свое. А собраться въ кучу — не хватаетъ рѣшимости . . .

Николай принесъ бутылку спирта, положилъ углей въ самоваръ и молча ушелъ. Проводивъ его любопытными глазами, Игнатъ спросилъ мать тихонько:

— Баринъ?

— Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ господъ, всѣ — товарищи . . .

— Чудно мнѣ! — сказалъ Игнатъ недовѣрчиво и растерянно улыбаясь.

— Что чудно?

— Да такъ . . . На одномъ концѣ рожи бьютъ, на другомъ — ноги моютъ . . . а середина есть какая нибудь?

Дверь изъ комнаты распахнулась, и Николай, стоя на порогѣ, сказалъ:

— А въ серединѣ стоятъ люди, которые лижутъ руки тѣмъ, кто рожи бьетъ и сосутъ кровь тѣхъ, чьи рожи бьютъ — вотъ середина!

Игнатъ уважительно взглянулъ на него и помолчавъ проговорилъ:

— Это — планъ!

— Ниловна — сказалъ Николай — вы устали, давайте я . . .

Парень тревожно дернулъ ногами . . .

— Будетъ ужъ! — отвѣтила мать, вставая. — Ну, Игнатій, ты теперь умывайся . . .

Парень всталъ, переступилъ съ ноги на ногу, твердо упираясь ими въ полъ, и замѣтилъ:

— Какъ новыя стали! Спасибо вамъ . . . ну, такое спасибо . . .

Лицо у него скривилось, губы дрогнули, и покраснѣли глаза. Помолчавъ и глядя въ тазъ съ черной водой, онъ тихо прошепталъ:

— И даже не знаю — какое . . .

Потомъ сидѣли въ столовой и пили чай, а Игнатъ разсказывалъ солиднымъ голосомъ:

— Я разносчикомъ былъ, ходить я очень здоровъ. Мнѣ дядя Михайло препоручилъ — неси ты! И пропадешь, такъ одинъ . . .

— Много народа читаетъ? — спросилъ Николай.

— Всѣ, которые грамотные . . . даже богачи нѣкоторые читаютъ . . . они, конечно, не у насъ берутъ . . . насъ-бы они живо связали! Они вѣдь понимаютъ — петля имъ это . . .

Николай взглянулъ на него и спросилъ:

— Отчего — петля?

— А какъ-же? — удивленно воскликнулъ Игнатъ. — Вѣдь крестьяне сами землю отнимутъ ото всѣхъ, своей кровью вымоютъ ее изъ-подъ баръ и богачей . . . значитъ, сами и дѣлить ее будутъ, а ужъ они такъ раздѣлятъ, чтобы не было больше ни хозяевъ, ни работниковъ . . . какъ-же! Изъ-за чего и въ драку лѣзть, коли не изъ-за этого!

Онъ даже какъ-бы обидѣлся и смотрѣлъ на Николая недовѣрчиво вопросительно. Николай молча улыбался.

— А ежели сегодня подрались всѣмъ міромъ, одолѣли, значитъ, а завтра опять — одинъ богатъ, другой бѣденъ . . . тогда — покорно благодарю! Иди снова въ драку? . . Мы хорошо понимаемъ — богатство, какъ сыпучій песокъ, оно смирно не лежитъ, пока живетъ, а опять потечетъ во всѣ стороны, опять начнетъ хапать землю . . . Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ-же!

— А ты не сердись! — шутя сказала мать.

Николай задумчиво воскликнулъ:

— Какъ-бы намъ поскорѣе направить туда листокъ объ арестѣ Рыбина!

Игнатъ насторожился.

— Я сегодня поговорю! — сказала мать.

— А ужъ есть листокъ? — спросилъ Игнатъ.

— Да.

— Давайте — я снесу! — предложилъ парень, поти-

рая руки и блестя глазами. — Я знаю, куда и какъ . . . давайте!

Мать тихонько засмѣялась, не глядя на него.

— Да вѣдь усталъ ты и боишься, и сказалъ, что никогда ужъ не пойдешь туда . . .

Игнатъ, приглаживая широкой ладонью кудрявые волосы на головѣ, дѣловито и спокойно сказалъ:

— Усталъ — отдохну . . . А, конечно, боюсь! . . Они вонъ какъ — въ кровь бьютъ, сами вы говорите . . . кому-же охота увѣчье получить? Ну, я ночью какъ-нибудь . . . пройду, ничего! Давайте . . . вечеркомъ сегодня и двинусь . . .

Онъ помолчалъ, подумалъ, хмуря брови.

— Я дойду до лѣса и тамъ спрячу, а потомъ извѣщу своихъ — идите, берите! Это — лучше . . . А ежели самому разносить, да попадешься — жалко будетъ бумажку-то . . . Тутъ надо осторожно дѣлать, ихъ не больно много бумажекъ-то . . .

— А какъ-же страхъ твой? — снова замѣтила мать съ улыбкой. Ее веселилъ этотъ кудрявый, крѣпкій парень искренностью, звучавшей въ каждомъ словѣ его, и своимъ круглымъ упрямымъ лицомъ.

— Страхъ — страхомъ, а дѣло — дѣломъ! — отвѣтилъ онъ, оскаливая зубы. — Вы чего надо мной насмѣхаетесь? Ишь вы, тоже . . . Развѣ не боязно? Ну, а надо будетъ — и въ огонь полѣзешь . . . такое дѣло! . . Требуетъ . . .

— Эхъ ты . . . дитя ты мое! — невольно воскликнула мать, поддаваясь чувству радости, вызванному имъ. Онъ ухмыльнулся, сконфуженный.

— Ну, вотъ . . . дитя!

Заговорилъ Николай, все время разглядывавшій парня добродушно прищуренными глазами.

— Вы не пойдете туда . . .

— А что мнѣ дѣлать? Куда-же я? — безпокойно спросилъ Игнатъ.

— Вмѣсто васъ пойдетъ другой, а вы ему подробно разскажете, что надо дѣлать и какъ — хорошо?

— Ладно! — сказалъ Игнатъ, не вдругъ и неохотно.

— А вамъ мы достанемъ хорошій паспортъ и устроимъ васъ лѣсникомъ . . .

Парень быстро вскинулъ голову и спросилъ, обезпокоенный:

— А ежели мужики за дровами пріѣдутъ или тамъ... вообще . . . какъ-же я? Вязать? Это — не подойдетъ мнѣ . . .

Мать засмѣялась и Николай тоже, это снова смутило и огорчило парня.

— Не безпокойтесь! — утѣшилъ его Николай. — Не придется вамъ вязать мужиковъ . . . вы ужъ повѣрьте! . .

— Ну, то-то! — молвилъ Игнатъ и успокоился, довѣрчиво и весело улыбаясь Николаю. — Мнѣ-бы вотъ на фабрику, тамъ, говорятъ, ребята довольно умные . . .

Въ немъ, въ его широкой груди все время точно горѣлъ огонь, неровный, еще неувѣренный въ своей силѣ. Онъ ярко мелькалъ въ его глазахъ, отражаясь изнутри, и, вдругъ пугливо угасая, покрывалъ ихъ дымомъ недоумѣнной тревоги и растерянности.

Мать поднялась изъ-за стола и, задумчиво глядя въ окно, проговорила:

— Эхъ, жизнь . . . пять разъ въ день насмѣешься, пять наплачешься... хорошо! Ну, кончилъ, Игнатій? Иди спать . . .

— Да я не хочу . . .

— Иди, иди . . .

— Строго у васъ! Ну, иду . . . Спасибо за чай-сахаръ, за ласку . . .

Ложась на постель матери, онъ бормоталъ, почесывая голову:

— Теперь ото всего дегтемъ будетъ вонять у васъ . . . эхъ! Напрасно все это . . . баловство одно . . . спать мнѣ не хочется . . . А хорошіе люди . . . Даже какъ-то не-

понятно . . . словно за сто тысячъ верстъ отъ деревни-то ушелъ . . . Какъ онъ насчетъ середины-то хватилъ . . . А въ серединѣ . . . люди, которые лижутъ руки . . . тѣмъ, кто рожи бьетъ . . . черти . . .

И, вдругъ громко всхрапнувъ, онъ заснулъ съ высоко поднятыми бровями и полуоткрытымъ ртомъ . . .

XXI.

Поздно вечеромъ онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ подвальнаго этажа на стулѣ противъ Вѣсовщикова и пониженнымъ тономъ, наморщивъ брови, говорилъ ему:

— Въ среднее окошко четыре разъ . . .

— Четыре? — озабоченно повторилъ Николай.

— Сначала — три, вотъ такъ . . .

И ударилъ согнутымъ пальцемъ по столу, считая:

— Разъ, два, три. Потомъ, обождавъ, еще разъ.

— Понимаю.

— Отопретъ рыжій мужикъ, спроситъ — за повитухой? Вы ему скажете — да, отъ заводчика! Больше ничего, ужъ онъ пойметъ дѣло.

Они сидѣли, наклонясь другъ къ другу головами, оба плотные, твердые и, сдерживая голоса, разговаривали, а мать, сложивъ руки на груди, стояла у стола, разглядывая ихъ. Всѣ эти тайные стуки, условные вопросы и отвѣты заставляли ее внутренно улыбаться и она думала:

— Дѣти еще . . .

На стѣнѣ горѣла лампа, освѣщая, на полу валялись измятыя ведра, обрѣзки кровельнаго желѣза. Запахъ ржавчины, масляной краски и сырости наполнялъ комнату.

Игнатъ былъ одѣтъ въ толстое осеннее пальто изъ мохнатой матеріи, и оно ему нравилось, мать видѣла, какъ любовно гладилъ онъ ладонью рукавъ, какъ осматривалъ себя, тяжело ворочая крѣпкой шеей. И въ груди ея мягко билось:

— Дѣти . . . милые . . . родные мои . . .

— Вотъ! — сказалъ Игнатъ вставая. — Значитъ, помните — сначала къ Муратову, спросите дѣдушку . . .

— Я запомнилъ! — отвѣтилъ Вѣсовщиковъ.

Но Игнатъ, повидимому, не повѣрилъ ему, снова повторилъ всѣ стуки, слова и знаки и, наконецъ, протянулъ руку:

— Теперь кончено! Прощайте, товарищъ! Кланяйтесь имъ! Игнатъ, молъ, живъ, здоровъ! Народы хорошіе — увидите . . .

Онъ окинулъ себя довольнымъ взглядомъ, погладилъ пальто руками и спросилъ мать:

— Идти?

— Найдешь дорогу-то?

— Ну! Найду . . . До свиданья, значитъ, дорогіе товарищи!

И ушелъ, высоко приподнявъ плечи, выпятивъ грудь, въ новой шапкѣ набекрень, солидно засунувъ руки въ карманы. А на лбу и на вискахъ у него весело дрожали свѣтлыя, юныя кудри.

— Ну вотъ и я при дѣлѣ! — сказалъ Вѣсовщиковъ, мягко подходя къ матери. — Мнѣ ужъ скучно стало . . . выскочилъ изъ тюрьмы — зачѣмъ? Только и дѣлаю, что прячусь . . . А тамъ я учился . . . тамъ Павелъ такъ нажималъ на мозги — одно удовольствіе! И Андрей шлифовалъ нашего брата тоже усердно . . . А что, Ниловна, не слыхала, какъ насчетъ побѣга рѣшили — будутъ устраивать?

— Послѣзавтра узнаю! — отвѣтила она и невольно, вздохнувъ, повторила: — Послѣзавтра еще . . .

Положивъ ей на плечо тяжелую руку и приблизивъ къ ней лицо, Николай заговорилъ:

— Ты скажи имъ, старшимъ-то, они тебя послушаютъ, ужъ очень легко это! Ты погляди сама, вотъ — стѣна тюрьмы . . . около фонарь. Напротивъ пустырь, налѣво кладбище, направо улицы, городъ. Къ фонарю подходитъ фонарщикъ — днемъ, лампы чиститъ — ставитъ лѣстницу къ стѣнѣ, влѣзъ, зацѣпилъ за гребень стѣны крючья веревочной лѣстницы, спустилъ ее во дворъ тюрьмы и — маршъ!

Тамъ, за стѣной, знаютъ время, когда это будетъ сдѣлано, попросятъ уголовныхъ устроить шумъ или сами устроятъ, а тѣ, кому надо, въ это время по лѣстницѣ черезъ стѣнку — разъ, два — готово! И спокойно идутъ въ городъ, потому что погоня прежде всего бросится на пустырь, на кладбище . . .

Онъ быстро размахивалъ передъ лицомъ матери руками, рисуя свой планъ, и все у него выходило просто, ясно, ловко. Она знала его тяжелымъ, неуклюжимъ, и ей странно было видѣть его рябое лицо живымъ и подвижнымъ. Узкіе глаза Николая прежде смотрѣли на все съ угрюмой злобой и недовѣріемъ, а теперь точно прорѣзались заново, приняли овальную форму и свѣтились ровнымъ, теплымъ свѣтомъ, убѣждая и волнуя мать . . .

— Ты подумай, вѣдь это будетъ — днемъ! . . Непремѣнно днемъ. Кому въ голову придетъ, что заключенный рѣшится бѣжать днемъ, на глазахъ всей тюрьмы? . .

— А его застрѣлятъ! — вздрогнувъ, молвила женщина.

— Кто? Солдатъ — нѣтъ, надзиратели револьверами гвозди вколачиваютъ . . .

— Ужъ очень . . . просто все . . .

— И увидишь — вѣрно! Нѣтъ, ты поговори съ ними. У меня ужъ все готово, веревочная лѣстница, крючья для нея . . . я говорилъ хозяину, онъ будетъ фонарщикомъ . . .

За дверью кто-то возился, кашлялъ, гремѣло желѣзо.

— Вотъ хозяинъ! — воскликнулъ Николай.

Въ открытую дверь просунулась жестяная ванна, и хриплый голосъ сказалъ:

— Лѣзь, чортъ . . .

Потомъ явилась круглая сѣдая голова безъ шапки съ выпучеными глазами, усатая и добродушная.

Николай помогъ втащить ванну, въ дверь шагнулъ высокій, сутулый человѣкъ, закашлялъ, надувая бритыя щеки, плюнулъ и хрипло поздоровался:

— Добраго здоровья . . .

— Вотъ, спроси его! — воскликнулъ Николай.

— Меня? О чемъ?

— О побѣгѣ . . .

— А-а! — сказалъ хозяинъ, вытирая усы черными пальцами.

— Вотъ, Яковъ Васильевичъ, не вѣритъ она, что это просто.

— Мм . . . не вѣритъ? Не вѣритъ, значитъ — не хочетъ. А мы съ тобой хотимъ, ну, и — вѣримъ! — спокойно сказалъ хозяинъ и, вдругъ перегнувшись пополамъ, началъ глухо кашлять. Откашлялся, растирая грудь, долго стоялъ среди комнаты, сопя и разглядывая мать вытаращенными глазами.

— Да вѣдь это не мнѣ рѣшать, Николай! — замѣтила Ниловна.

— А ты поговори съ ними, ты скажи имъ — все готово! Эхъ, ка-бы я могъ повидаться . . . я-бы ужъ заставилъ ихъ!

Онъ широкимъ жестомъ развелъ руки и стиснулъ ихъ, точно крѣпко обнимая кого-то, а въ голосѣ его горячо прозвучало чувство, удивившее женщину своей силой. — Ишь какой! — подумала она, а вслухъ сказала:

— Рѣшать это Пашѣ и товарищамъ . . .

Николай задумчиво опустилъ голову.

— Это кто — Паша? — спросилъ хозяинъ садясь.

— Сынъ мой.

— Какъ фамилія?

— Власовъ.

Онъ кивнувъ головой, досталъ кисетъ, вынулъ трубку и, набивая ее табакомъ, отрывисто говорилъ:

— Слышалъ. Мой племяшъ знаетъ его. Онъ тоже въ тюрьмѣ, племяшъ — Евченко, слыхали? А моя фамилія — Годунъ . . . Вотъ скоро всѣхъ молодыхъ въ тюрьму запрутъ, то-то намъ, старикамъ, раздолье будетъ! Жандармскій мнѣ обѣщаетъ племянника-то даже въ Сибирь заслать . . . Зашлетъ, собака.

Закуривъ, онъ обратился къ Николаю, часто поплевывая на полъ.

— Такъ не хочетъ? Ея дѣло . . . Человѣкъ свободенъ, усталъ сидѣть — иди, усталъ идти — сиди. Ограбили — молчи, бьютъ — терпи, убили — лежи . . . Это извѣстно . . . А я Савку вытащу. Вытащу.

Его короткія, лающія фразы возбуждали у матери недоумѣніе, а послѣднія слова вызвали зависть.

Идя по улицѣ встрѣчу холодному вѣтру и дождю, она думала о Николаѣ.

— Какой сталъ . . . поди-ка ты!

И вспоминая Годуна, почти молитвенно размышляла:

— Видно не одна я зáново живу! . .

А вслѣдъ за этимъ въ сердцѣ ея выросла дума о сынѣ.

— Ка-бы онъ согласился . . .

XXII.

Въ воскресенье, прощаясь съ Павломъ въ канцеляріи тюрьмы, она ощутила въ своей рукѣ маленькій бумажный шарикъ. Вздрогнувъ, точно онъ ожегъ ей кожу ладони, она взглянула въ лицо сына, прося и спрашивая, но не нашла отвѣта. Голубые глаза Павла улыбались обычной, знакомой ей улыбкой, спокойной и твердой.

— Прощай! — сказала она вздыхая.

Сынъ снова протянулъ ей руку, и что-то ласковое, милое дрогнуло въ его лицѣ.

— Прощай, мама!

Она ждала, не выпуская руки.

— Не безпокойся . . . не сердись! — проговорилъ онъ.

Эти слова и упрямая складка на лбу отвѣтили ей.

— Ну, что ты? — бормотала она, опустивъ голову. — Чего тамъ . . .

И торопливо ушла, не взглянувъ на него, чтобы не выдать своего чувства слезами на глазахъ и дрожью губъ. Дорогой ей казалось, что кости руки, въ которой она крѣпко

сжала отвѣтъ сына, ноютъ, и вся рука отяжелѣла, точно отъ удара по плечу. Дома, сунувъ записку въ руку Николая, она встала передъ нимъ и, ожидая когда онъ расправитъ туго скатанную бумажку, вдругъ снова ощутила трепетъ надежды. Но Николай сказалъ:

— Конечно! Вотъ, что онъ пишетъ: — »Мы не уйдемъ, товарищи, не можемъ. Никто изъ насъ. Потеряли-бы уваженіе къ себѣ. Обратите вниманіе на крестьянина, арестованнаго недавно. Онъ заслужилъ ваши заботы, достоинъ траты силъ. Ему здѣсь слишкомъ трудно. Ежедневныя столкновенія съ начальствомъ. Уже имѣлъ сутки карцера. Его замучаютъ. Мы всѣ просимъ за него. Утѣшьте, приласкайте мою мать. Разскажите ей, она все пойметъ. Павелъ.«

Мать подняла голову и тихо вздрогнувшимъ голосомъ сказала:

— Ну . . . чего-же разсказывать мнѣ? Я понимаю!

Николай быстро отвернулся въ сторону, вынулъ платокъ, громко высморкался и пробормоталъ:

— Схватилъ насморкъ, видите-ли . . . .

Потомъ, закрывъ глаза руками, чтобы поправить очки, и расхаживая по комнатѣ, онъ заговорилъ:

— Видите-ли, мы не успѣли-бы, все равно . . .

— Ничего! Пусть судятъ! — говорила мать, нахмуривъ брови, а грудь наливалась сырой, туманной тоской.

— Вотъ, я получилъ письмо отъ товарища изъ Петербурга . . .

— Вѣдь онъ и изъ Сибири можетъ уйдти . . . можетъ?

— Конечно! . . Товарищъ пишетъ — дѣло скоро назначатъ, приговоръ извѣстенъ — всѣхъ на поселеніе. Видите? Эти мелкіе жулики превращаютъ свой судъ въ пошлѣйшую комедію . . . Вы понимаете — приговоръ составленъ въ Петербургѣ, раньше суда . . .

— Вы оставьте это, Николай Ивановичъ! — рѣшительно сказала мать. — Не надо меня утѣшать, не надо объяс-

нять . . . Паша худо не сдѣлаетъ . . . даромъ мучить ни себя . . .

Она остановилась, передохнула.

— Ни другихъ — онъ не будетъ! . . И меня онъ любитъ . . . да! Вы видите — думаетъ обо мнѣ . . . Разъясните, пишетъ, утѣшьте, а? . .

Сердце у нея стучало быстро, а голова немного кружилась отъ возбужденія.

— Вашъ сынъ прекрасный человѣкъ! — воскликнулъ Николай несвойственно громко. — И я очень люблю . . . уважаю его!

— Вотъ что, давайте-ка насчетъ Рыбина подумаемъ! — предложила она.

Ей хотѣлось что-нибудь дѣлать сейчасъ-же, идти куда-то, ходить до усталости и потомъ уснуть довольной работой дня.

— Да . . . хорошо! — отвѣтилъ Николай, все расхаживая по комнатѣ. — Такъ что-же? . . Нужно-бы Сашеньку . . .

— Она придетъ сейчасъ . . . Она всегда приходитъ въ тотъ день, когда я вижу Пашу . . .

Задумчиво опустивъ голову, покусывая губы и крутя бородку, Николай сѣлъ на диванъ рядомъ съ матерью.

— Жалъ — нѣтъ сестры . . . она-бы должна заняться дѣломъ Рыбина . . .

— Хорошо устроить это сейчасъ, пока Паша тамъ . . . ему пріятно будетъ! — говорила мать.

Помолчали, и вдругъ мать сказала, медленно и тихо:

— Не понимаю . . . отчего онъ не хочетъ . . . если можно?

Николай вскочилъ на ноги, но раздался звонокъ. Они сразу взглянули другъ на друга.

— Это Саша . . . гм! — тихонько произнесъ Николай.

— Какъ ей скажешь? — такъ-же тихо спросила мать.

— Да-а, знаете . . .

— Очень жалко ее . . .

Звонокъ повторился менѣе громко, точно человѣкъ за дверью тоже задумался и не рѣшался. Николай и мать встали и пошли вмѣстѣ, но у двери въ кухню Николай отшатнулся въ сторону, сказавъ:

— Лучше — вы . . .

— Не согласенъ? — твердо спросила дѣвушка, когда мать открыла ей дверь.

— Нѣтъ.

— Я знала это! — просто выговорила Саша, но лицо у нея поблѣднѣло. Она разстегнула пуговицы пальто и, снова застегнувъ двѣ, попробовала снять его съ плечъ. Это не удалось ей. Тогда она сказала:

— Дождь, вѣтеръ . . . противно! Онъ — здоровъ?

— Да.

— Здоровъ и веселъ . . . — Негромко сказала Саша, разсматривая свою руку.

— Пишетъ, чтобы Рыбина освободить! — сообщила мать, не глядя на дѣвушку.

— Да? Мнѣ кажется — мы должны использовать этотъ планъ! — медленно проговорила дѣвушка.

— Я тоже такъ думаю! — сказалъ Николай, появляясь въ двери. — Здравствуйте, Саша!

Протянувъ руку, дѣвушка спросила:

— Въ чемъ-же дѣло? Вѣдь всѣ согласны, что планъ удаченъ? Я знаю — всѣ . . .

— А кто организуетъ? Всѣ заняты . . .

— Давайте мнѣ! — быстро сказала Саша, вставая на ноги. — У меня есть время.

— Берите! Но надо спросить другихъ . . .

— Хорошо . . . я спрошу! Я сейчасъ-же и пойду.

И снова начала застегивать пуговицы пальто увѣренными движеніями тонкихъ пальцевъ.

— Вы отдохнули-бы . . . — предложила мать.

Она тихонько улыбнулась и отвѣтила, смягчая голосъ:

— Не безпокойтесь обо мнѣ, я не устала . . .

И, молча пожавъ имъ руки, ушла, снова холодная и строгая.

Мать и Николай, подойдя къ окну, смотрѣли, какъ дѣвушка прошла по двору и скрылась подъ воротами. Николай тихонько засвисталъ, сѣлъ за столъ и началъ что-то писать.

— Займется этимъ дѣломъ и будетъ легче ей! — сказала мать, задумчиво и тихо.

— Да, конечно . . . — отозвался Николай и, обернувшись къ матери, съ улыбкой на добромъ лицѣ спросилъ: — А васъ, Ниловна, миновала эта чаша . . . вы не знали тоски по любимомъ человѣкѣ?

— Ну! — воскликнула она, махнувъ рукой. — Какая тамъ тоска? Страхъ былъ — какъ-бы вотъ за того или этого замужъ не выдали.

— И никто не нравился?

Она подумала и отвѣтила:

— Не помню, дорогой мой... Какъ не нравиться?.. Вѣрно кто-нибудь нравился . . . но — не помню!

Посмотрѣла на него и просто, со спокойной грустью закончила:

— Много билъ меня мужъ, и все, что до него было — какъ-то стерлось въ душѣ . . .

Онъ отвернулся къ столу, а она на минуту вышла изъ комнаты, и, когда вернулась, Николай, ласково поглядывая на нее, заговорилъ, тихонько и любовно гладя словами свои воспоминанія.

— А у меня, видите-ли, тоже, вотъ, какъ у Саши, была исторія! Любилъ дѣвушку — удивительный человѣкъ она, чудесный . . . Лѣтъ двадцати встрѣтилъ я ее и съ той поры люблю . . . и сейчасъ люблю, говоря правду! Люблю все такъ-же . . . всей душей, благодарно и навсегда . . .

Стоя рядомъ съ нимъ, мать видѣла глаза, освѣщенные теплымъ и яснымъ свѣтомъ. Положивъ руки на спинку стула, а на нихъ голову свою, онъ смотрѣлъ куда-то далеко,

и все тѣло его, худое и тонкое, но сильное, казалось, стремится впередъ, точно стебель растенія къ свѣту солнца.

— Что-же вы . . . женились-бы! — посовѣтовала мать.

— О! Она уже пятый годъ замужемъ . . .

— А раньше-то чего-же? Не любила?

Подумавъ, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, вѣроятно любила . . . я даже увѣренъ въ этомъ! Но, видите-ли, у насъ все какъ-то такъ выходило — она въ тюрьмѣ — я на волѣ, я на волѣ — она въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ. Это очень похоже на положеніе Саши, право! Наконецъ, ее сослали на десять лѣтъ въ Сибирь, страшно далеко! Я хотѣлъ ѣхать за ней даже . . . Но стало совѣстно и ей, и мнѣ . . . И я остался. А она тамъ встрѣтила другого человѣка . . . товарищъ мой, очень хорошій парень! Потомъ они бѣжали вмѣстѣ . . . теперь живутъ заграницей, да . . .

Николай кончилъ говорить, снялъ очки, вытеръ ихъ, посмотрѣлъ стекла на свѣтъ и сталъ вытирать снова.

— Эхъ, милый вы мой! — покачивая головой, любовно воскликнула женщина. Ей было жалко его и въ тоже время что-то въ немъ заставляло ее улыбаться теплой, материнской улыбкой. А онъ перемѣнилъ позу, снова взялъ въ руку перо и заговорилъ, отмѣчая взмахами руки ритмъ своей рѣчи.

— Семейная жизнь понижаетъ энергію революціонера, всегда понижаетъ! Дѣти, необезпеченность, необходимость много работать для хлѣба . . . А революціонеръ долженъ развивать свою энергію неустанно, все глубже и шире. Этого требуетъ время — мы должны идти всегда впереди всѣхъ, потому что мы — рабочіе, призванные силою исторіи разрушить старый міръ, создать новую жизнь. А если мы отстаемъ, поддаваясь усталости или увлеченные близкой возможностью маленькаго завоеванія — это плохо, это почти измѣна дѣлу. Нѣтъ никого, съ кѣмъ-бы мы могли идти рядомъ, не искажая нашей вѣры, и никогда мы не должны забывать, что наша задача — не маленькія завоеванія, а только полная побѣда.

Голосъ у него сталъ крѣпкимъ, лицо поблѣднѣло и въ глазахъ загорѣлась обычная, сдержанная и ровная сила. Снова громко позвонили, прервавъ на полусловѣ рѣчь Николая — это пришла Людмила въ легкомъ не по времени пальто, съ покраснѣвшими отъ холода щеками. Снимая рваныя галоши, она сердитымъ голосомъ сказала:

— Назначенъ судъ . . . черезъ недѣлю!

— Это вѣрно? — крикнулъ Николай изъ комнаты.

Мать быстро пошла къ нему, не понимая — испугъ или радость волнуютъ ее, Людмила, идя рядомъ съ нею, съ ироніей говорила своимъ низкимъ голосомъ:

— Вѣрно! Товарищъ прокурора Шостакъ сейчасъ отвезъ обвинительные акты. Въ судѣ совершенно открыто говорятъ, что приговоръ уже готовъ. Но что-же это? Правительство боится, что его чиновники мягко отнесутся къ его врагамъ? Такъ долго, такъ усердно развращая своихъ слугъ, оно все еще не увѣрено въ ихъ готовности быть подлецами? . .

Людмила сѣла на диванъ, потирая худыя щеки ладонями, въ ея матовыхъ глазахъ горѣло презрѣніе, голосъ все больше наливался гнѣвомъ.

— Вы напрасно тратите порохъ, Людмила! — успокоительно сказалъ Николай. — Вѣдь они не слышатъ васъ . . .

Черные круги подъ глазами у нея вздрогнули, покрывъ лицо зловѣщей тѣнью и, кусая губы, она продолжала:

— Я иду противъ тебя — убей меня! Это — твое право, я — твой врагъ. Но, защищая власть твою, не развращай людей, не заставляй меня невольно презирать ихъ, не смѣй отравлять моей души твоимъ цинизмомъ!

Николай посмотрѣлъ на нее черезъ очки и прищурилъ глаза, качнувъ головой. А она продолжала говорить, какъ будто тѣ, кого она ненавидѣла, стояли передъ нею. Мать напряженно вслушивалась въ ея рѣчь, но ничего не понимала, невольно повторяя про себя одни и тѣ-же слова:

— Судъ . . . черезъ недѣлю судъ . . .

Она не могла себѣ представить что будетъ, какъ судьи

станутъ обращаться съ Павломъ, но вдругъ почувствовала приближеніе чего-то неумолимаго, не человѣчески строгаго, жесткаго. Думы мутили ей голову, застилали глаза сѣрой дымкой, погружая ее во что-то липкое и вязкое, вызывавшее въ тѣлѣ ознобъ и недомоганіе. Это ощущеніе росло, всасывалось въ кровь, охватывало сердце и тяжело давило его, отравляя въ немъ все живое и доброе.

XXIII.

Такъ, въ этой тучѣ недоумѣнія и унынія, подъ тяжестью тоскливыхъ ожиданій, она молча жила день, два, а на третій явилась Саша и сказала Николаю:

— Все готово! Сегодня въ часъ . . .

— Уже готово? — удивился онъ.

— Да вѣдь чего-же? Мнѣ нужно было только достать мѣсто и одежду для Рыбина, все остальное взялъ на себя Годунъ . . . Рыбину придется пройти всего одинъ кварталъ. Его на улицѣ встрѣтитъ Вѣсовщиковъ — загримированный, конечно, накинетъ на него пальто, дастъ шапку и укажетъ путь . . . Я буду ждать его, переодѣну и увезу.

— Недурно! А кто это Годунъ? — спросилъ Николай.

— Вы видѣли его. Въ его квартирѣ вы занимались со слесарями.

— А! Помню . . . Чудаковатый старикъ . . .

— Онъ отставной солдатъ, кровельщикъ . . . Мало развитой человѣкъ, съ неисчерпаемой ненавистью ко всякому насилію . . . и ко всѣмъ насильникамъ. Философъ немножко — задумчиво говорила Саша, глядя въ окно. Мать молча слушала ее, и что-то неясное медленно назрѣвало въ ней.

— Годунъ хочетъ освободить племянника своего, помните, вамъ нравился кузнецъ Евченко, такой щеголь и чистюля?

Николай кивнулъ головой.

— У него все налажено хорошо — продолжала Саша

— но я начинаю сомнѣваться въ успѣхѣ . . . Прогулки общія, я думаю, что когда заключенные увидятъ лѣстницу — многіе захотятъ бѣжать . . .

Она, закрывъ глаза, помолчала, мать подвинулась ближе къ ней.

— И помѣшаютъ другъ другу . . .

Они всѣ трое стояли передъ окномъ, мать — позади Николая и Саши. Ихъ быстрый говоръ все будилъ и будилъ въ сердцѣ ея смутное чувство . . .

— Я пойду туда! — вдругъ сказала она.

— Зачѣмъ? — спросила Саша.

— Не ходите, голубчикъ! Еще какъ-нибудь попадетесь! Не надо! — посовѣтовалъ Николай.

Мать посмотрѣла на него и тише, но настойчивѣе повторила:

— Нѣтъ, я пойду . . .

Они быстро переглянулись, и Саша, пожимая плечами, сказала:

— Это понятно . . .

Обернувшись къ матери, она взяла ее подъ руку, покачнулась къ ней и заговорила простымъ и близкимъ сердцу матери голосомъ:

— Я, всетаки, скажу вамъ, вы напрасно ждете . . .

— Голубушка! — воскликнула мать, прижавъ ее къ себѣ дрожащей рукой. — Возьмите меня . . . не помѣшаю! Мнѣ — нужно. Не вѣрю я, что можно это . . . убѣжать!

— Она пойдетъ! — просто сказала дѣвушка Николаю.

— Это ваше дѣло! — отвѣтилъ онъ, наклоняя голову.

— Намъ нельзя быть вмѣстѣ. Вы идите въ поле, къ огородамъ . . . Оттуда видно стѣну тюрьмы . . . Но если спросятъ васъ, что вы тамъ дѣлаете?

Обрадованная мать увѣренно отвѣтила:

— Найду, что сказать! . .

— Не забывайте, что васъ знаютъ тюремные надзиратели! — говорила Саша. — И если они увидятъ васъ тамъ . . .

— Не увидятъ! — воскликнула мать.

Въ ея груди вдругъ болѣзненно ярко вспыхнула все время незамѣтно тлѣвшая надежда и оживила ее . . .

— А, можетъ быть, и онъ . . . тоже . . . — думала она, поспѣшно одѣваясь.

Черезъ часъ мать была въ полѣ за тюрьмой. Рѣзкій вѣтеръ леталъ вокругъ нея, раздувалъ ей платье, бился о мерзлую землю, раскачивалъ ветхій заборъ огорода, мимо котораго шла она и съ размаха ударялся о невысокую стѣну тюрьмы. Опрокинувшись за стѣну, взметалъ со двора чьи-то крики, разбрасывалъ ихъ по воздуху, уносилъ въ небо. Тамъ быстро бѣжали облака, открывая маленькіе просвѣты въ синюю высоту.

Сзади матери былъ огородъ, впереди кладбище, а направо, саженяхъ въ десяти, тюрьма. Около кладбища солдатъ гонялъ на кордѣ лошадь, а другой, стоя рядомъ съ нимъ, громко топалъ въ землю ногами, кричалъ, свистѣлъ и смѣялся . . . Больше никого не было около тюрьмы.

Повинуясь неощутимому толчку инстинкта, мать пошла прямо на солдатъ и, подойдя близко, крикнула:

— Служивые! Вы не видали — коза не проходила тутъ?

Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Не видали . . .

Она медленно пошла дальше мимо нихъ къ оградѣ кладбища, искоса поглядывая направо и назадъ. И вдругъ почувствовала, что ноги у нея дрогнули, отяжелѣли, точно примерзли къ землѣ — изъ-за угла тюрьмы спѣшно, какъ всегда ходятъ фонарщики, вышелъ сутулый человѣкъ съ маленькой лѣстницей на плечѣ. Мать, испуганно мигнувъ, быстро взглянула на солдатъ — они топтались на одномъ мѣстѣ, а лошадь бѣгала вокругъ нихъ, посмотрѣла на человѣка съ лѣстницей — онъ уже поставилъ ее къ стѣнѣ и влѣзалъ не торопясь . . . Махнувъ во дворъ рукой, быстро спустился, исчезъ за угломъ. Сердце матери билось торопливо, секунды шли медленно . . . На темной стѣнѣ тюрьмы линіи лѣстницы были едва замѣтны въ пятнахъ грязи

и осыпавшейся штукатурки, обнажившей кирпичъ . . . И вдругъ надъ стѣной явилась черная голова Михайлы, выросло все его тѣло, перевалилось черезъ стѣну, сползло по ней . . . Показалась другая голова въ мохнатой шапкѣ, на землю скатился черный комъ, быстро исчезъ за уголъ . . . Михайло выпрямился, оглянулся, тряхнулъ головой . . .

— Бѣги, бѣги! — шептала мать, топая ногой.

Въ ушахъ у нея гудѣло, доносились громкіе крики — вотъ надъ стѣной явилась третья голова . . . Мать, схватившись руками за грудь, смотрѣла, замирая . . . ждала . . . Свѣтловолосая голова безъ бороды рвалась вверхъ, точно хотѣла оторваться и вдругъ — исчезла за стѣной. Кричали все громче, буйнѣе, вѣтеръ разносилъ по воздуху тонкія трели свистковъ . . . Михайло шелъ вдоль стѣны, вотъ онъ уже миновалъ ее, переходилъ открытое пространство между тюрьмой и домами города. Ей казалось, что онъ идетъ слишкомъ медленно и напрасно такъ высоко поднялъ голову — всякій, кто взглянетъ въ лицо его, запомнитъ это лицо навсегда . . . И она зашептала:

— Скорѣе . . . скорѣе . . .

За стѣною тюрьмы сухо хлопнуло что-то . . . былъ слышенъ тонкій звонъ разбитаго стекла. Солдатъ, упираясь ногами въ землю, тянулъ къ себѣ лошадь, другой, приложивъ ко рту кулакъ, что-то кричалъ по направленію тюрьмы и, крикнувъ, поворачивалъ туда голову бокомъ, подставляя ухо.

Напрягаясь, мать вертѣла шеей во всѣ стороны, ея глаза, видя все, ничему не вѣрили — слишкомъ просто и быстро совершилось то, что она представляла себѣ страшнымъ и сложнымъ, и эта быстрота, ошеломивъ ее, усыпляла сознаніе. Въ улицѣ уже не видно было Рыбина, шелъ какой-то высокій человѣкъ въ длинномъ пальто, бѣжала дѣвочка . . . Изъ-за угла тюрьмы выскочило трое надзирателей, они бѣжали тѣсно другъ къ другу и всѣ вытягивали впередъ правыя руки. Одинъ изъ солдатъ бросился имъ встрѣчу, другой бѣгалъ вокругъ лошади, стараясь вскочить на нее,

она не давалась, прыгала, и все вокругъ тоже подпрыгивало вмѣстѣ съ нею. Непрерывно, захлебываясь звукомъ, воздухъ рѣзали свистки. Ихъ тревожные, отчаянные крики разбудили у женщины сознаніе опасности, вздрогнувъ, она пошла вдоль ограды кладбища, слѣдя за надзирателями, но они и солдаты забѣжали за другой уголъ тюрьмы и скрылись. Туда-же слѣдомъ за ними пробѣжалъ знакомый ей помощникъ смотрителя тюрьмы въ разстегнутомъ мундирѣ . . . Откуда-то появилась полиція, сбѣгался народъ.

Вѣтеръ кружился, метался, точно радуясь чему-то, и доносилъ до слуха женщины разорванные, спутанные крики.

— Она все время тутъ стоитъ!

— Лѣстница?

— Такъ что-же вы, чортъ васъ побери . . .

И снова свистъ . . . Эта сумятица радовала ее, и она зашагала быстрѣе, думая:

— Значитъ — можно . . . могъ-бы и онъ!

Навстрѣчу ей, изъ-за угла ограды, вдругъ вынырнулъ околоточный и двое полицейскихъ.

— Стой! — крикнулъ околоточный, тяжело дыша. — Человѣка . . . съ бородой — не видала? Не пробѣгалъ?

Она указала рукой на огороды и спокойно отвѣтила:

— Туда прошелъ . . .

— Егоровъ! Бѣги . . . свисти! — закричалъ околоточный. — Давно?

— Да такъ, минутъ . . .

Но голосъ ея заглушилъ свистъ, околоточный, не ожидая отвѣта, бросился бѣжать по кочкамъ мерзлой грязи, махая руками по направленію къ огородамъ. За нимъ, наклонивъ головы и свистя, помчались полицейскіе . . .

Она кивнула головой вслѣдъ имъ и пошла домой. Было ей жалко чего-то, но ни о чемъ не думалось, а просто на сердцѣ лежало нѣчто горькое, досадное. Когда она входила съ поля въ улицу, дорогу ей перерѣзалъ извозчикъ. Поднявъ голову, она увидала въ пролеткѣ молодого человѣка съ свѣтлыми усами и блѣднымъ, усталымъ лицомъ.

Онъ тоже посмотрѣлъ на нее. Сидѣлъ онъ косо и, должно быть, отъ этого, правое плечо у него было выше лѣваго.

Николай встрѣтилъ ее радостно.

— Жива! Ну, что тамъ?

— Какъ будто удалось . . .

Стараясь возстановить въ своей памяти всѣ мелочи, она начала разсказывать о бѣгствѣ и говорила такъ, точно передавала чей-то разсказъ, сомнѣваясь въ правдѣ его.

— Видите — намъ везетъ! — сказалъ Николай, потирая руки. — Но — какъ я боялся за васъ! Чортъ знаетъ какъ! Знаете, Ниловна, примите мой дружескій совѣтъ — не бойтесь суда! Чѣмъ скорѣе онъ, тѣмъ ближе свобода Павла, повѣрьте! Можетъ быть — онъ уйдетъ съ дороги . . . А судъ, это приблизительно, такая штука . . .

Онъ началъ рисовать ей картину засѣданія суда, она слушала и понимала, что онъ чего-то боится, хочетъ ободрить ее.

— Можетъ, вы думаете, я тамъ скажу что-нибудь судьямъ? — вдругъ спросила она. — Попрошу ихъ о чемъ-нибудь?

Онъ вскочилъ, замахалъ на нее руками и обиженно вскричалъ:

— Что вы! Вы обижаете меня . . .

— Я боюсь, вѣрно! Чего боюсь — не знаю! . . — Она помолчала, блуждая глазами по комнатѣ.

— Иной разъ кажется — начнутъ они Пашу обижать, измываться надъ нимъ . . . Ахъ ты, мужикъ, скажутъ, мужицкій ты сынъ! Что затѣялъ? А Паша — гордый . . . онъ имъ такъ отвѣтитъ . . . Или — Андрей посмѣется надъ ними . . . И всѣ они тамъ горячіе, честные . . . Вотъ и думаешь — вдругъ что-нибудь . . . одинъ не стерпитъ, другіе поддержатъ . . . и засудятъ ихъ . . . такъ, что ужъ и не увидишь никогда!

Николай хмуро молчалъ, дергая свою бородку.

— Этихъ думъ не выгонишь изъ головы! — тихо сказала мать. — Страшно это — судъ! Какъ начнутъ все

разбирать, да взвѣшивать гдѣ правда?.. Очень страшно! Не наказаніе страшно, а — судъ — оцѣнка правды — страшна мнѣ... Не умѣю я этого сказать...

Николай, она чувствовала, не понимаетъ ея страха, и это еще болѣе затрудняло ея желаніе разсказать о страхѣ своемъ.

XXIV.

Этотъ страхъ, подобный плѣсени, стѣснявшій дыханіе тяжелой сыростью, разросся въ ея груди за три дня, и, когда насталъ день суда, она внесла съ собою въ залъ засѣданія тяжелый, темный грузъ, согнувшій ей спину и шею.

На улицѣ съ нею здоровались слободскіе знакомые, она молча кланялась, спѣшно пробираясь сквозь ихъ угрюмую толпу. Въ корридорахъ суда и въ залѣ ее встрѣтили родственники подсудимыхъ и тоже что-то говорили пониженными голосами. Слова казались ей ненужными, и она не понимала ихъ. Всѣ люди были угрюмы, охвачены однимъ и тѣмъ-же скорбнымъ чувствомъ — это передавалось матери и еще болѣе угнетало ее.

— Садись рядомъ! — сказалъ Сизовъ, подвигаясь на лавкѣ.

Послушно сѣла, оправила платье, взглянула вокругъ... Передъ глазами у нея слитно поплыли какія-то зеленыя и малиновыя полосы, пятна, засверкали тонкія желтыя нити...

— Погубилъ твой сынъ нашего Гришу! — тихо проговорила женщина, сидѣвшая рядомъ съ ней.

— А ты молчи ужъ, Наталья! — отвѣтилъ Сизовъ угрюмо.

Мать посмотрѣла на женщину, это была Самойлова, дальше сидѣлъ ея мужъ, лысый, благообразный человѣкъ, съ окладистой рыжей бородой. Лицо у него было костлявое, прищуривъ глаза, онъ смотрѣлъ впередъ, и борода его дрожала.

Сквозь высокія окна залъ ровно наливался мутнымъ свѣ-

томъ, снаружи по стекламъ скользилъ снѣгъ. Между окнами висѣлъ большой портретъ царя въ толстой, жирно блестѣвшей золотой рамѣ, тяжелыя малиновыя драпировки оконъ прикрывали раму съ боковъ прямыми складками. Передъ портретомъ, почти во всю ширину зала, вытянулся столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, направо у стѣны стояли за рѣшеткой двѣ деревянныя скамьи, налѣво два ряда малиновыхъ креселъ. По залу безшумно бѣгали служащіе съ зелеными воротниками и золотыми пуговицами на груди и животѣ. Въ мутномъ воздухѣ робко блуждалъ тихій шопотъ, носился смѣшанный запахъ аптеки. Все это — цвѣта, блески, звуки и запахи — давило на глаза, вторгалось вмѣстѣ съ дыханіемъ въ грудь и, вытѣсняя живыя чувства, наполняло опустошенное сердце неподвижной, пестрой мутью унылой боязни.

Вдругъ одинъ изъ людей громко сказалъ что-то, мать вздрогнула, всѣ встали, она тоже поднялась, схватившись за руку Сизова.

Въ лѣвомъ углу зала отворилась высокая дверь, изъ нея качаясь вышелъ старичекъ въ очкахъ. На его сѣромъ личикѣ тряслись бѣлыя рѣдкія баки, верхняя бритая губа завалилась въ ротъ, острыя скулы и подбородокъ опирались на высокій воротникъ мундира, казалось, что подъ воротникомъ нѣтъ шеи. Его поддерживалъ сзади подъ руку высокій молодой человѣкъ съ фарфоровымъ лицомъ, румянымъ и круглымъ, а слѣдъ за ними медленно двигались еще трое людей въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и трое штатскихъ.

Они долго возились за столомъ, усаживаясь въ кресла, а когда сѣли, одинъ изъ нихъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, съ лѣнивымъ, бритымъ лицомъ, что-то началъ говорить старичку, беззвучно и тяжело шевеля пухлыми губами. Старичекъ слушалъ, сидя странно прямо и неподвижно, за стеклами его очковъ мать видѣла два маленькія, безцвѣтныя пятнышка.

На концѣ стола у конторки стоялъ высокій лысоватый человѣкъ, покашливалъ, шелестѣлъ бумагами.

Старичекъ покачнулся впередъ, заговорилъ. Первое слово онъ выговаривалъ ясно, а слѣдующія какъ-бы расползались у него по губамъ, тонкимъ и сѣрымъ.

— Открываю . . .

— Гляди! — шепнулъ Сизовъ, тихонько толкая мать и всталъ.

Въ стѣнѣ за рѣшеткой открылась дверь, вышелъ солдатъ съ обнаженной шашкой на плечѣ, за нимъ явился Павелъ, Андрей, Федя Мазинъ, оба Гусевы, Самойловъ, Букинъ, Сомовъ и еще человѣкъ пять молодежи, незнакомой матери по именамъ. Павелъ ласково улыбался, Андрей тоже, оскаливъ зубы, кивалъ ей головой; въ залѣ стало какъ-то свѣтлѣе и проще отъ ихъ улыбокъ, оживленныхъ лицъ и движенія, внесеннаго ими въ натянутое, чопорное молчаніе. Жирный блескъ золота на мундирахъ потускнѣлъ, сталъ мягче, вѣяніе бодрой увѣренности, дуновеніе живой силы коснулось сердца матери, будя его. И на скамьяхъ сзади нея, гдѣ до той поры люди подавленно ожидали, теперь тоже выросъ отвѣтный, негромкій гулъ.

— Не трусятъ! — услыхала она шопотъ Сизова, а съ правой стороны тихо всхлипнула мать Самойлова.

— Тише! — раздался суровый окрикъ.

— Предупреждаю . . . — сказалъ старичекъ.

Павелъ и Андрей сѣли рядомъ, вмѣстѣ съ ними на первой скамьѣ сѣли Мазинъ, Самойловъ и Гусевы. Андрей обрилъ себѣ бороду, усы у него отросли и свѣшивались внизъ, придавая его круглой головѣ сходство съ головой кошки. Что-то новое появилось на его лицѣ, острое и ѣдкое въ складкахъ рта, темное въ глазахъ. На верхней губѣ Мазина чернѣли двѣ полоски, лицо стало полнѣе, Самойловъ былъ такой-же кудрявый, какъ и раньше, и такъ-же широко ухмылялся Иванъ Гусевъ.

— Эхъ, Федька, Федька! — шепталъ Сизовъ, опустивъ голову.

Мать замѣтила, что ей дышется свободнѣе. Она слушала невнятные вопросы старичка — онъ спрашивалъ, не

глядя на подсудимыхъ, и голова его лежала на воротникѣ мундира неподвижно — слышала спокойные, короткіе отвѣты сына. Ей казалось, что старшій судья и всѣ его товарищи не могутъ быть ни злыми, ни жестокими людьми. Внимательно осматривая лица судей, она, пытаясь что-то предугадать, тихонько прислушивалась къ росту новой надежды въ своей груди.

Фарфоровый человѣкъ безучастно читалъ бумагу, его ровный голосъ наполнялъ залъ скукой, и люди, облитые ею, сидѣли неподвижно, какъ-бы оцѣпенѣвъ. Четверо адвокатовъ тихо, но оживленно разговаривали съ подсудимыми, всѣ они двигались сильно, быстро и напоминали собой большихъ, черныхъ птицъ.

По одну сторону старичка наполнялъ кресло своимъ тѣломъ толстый, пухлый судья, съ маленькими, заплывшими глазами, по другую — сутулый, съ рыжеватыми усами на блѣдномъ лицѣ. Онъ устало откинулъ голову на спинку стула и, полуприкрывъ глаза, о чемъ-то думалъ. У прокурора лицо было тоже утомленное, скучное и ничего не ожидавшее. Сзади судей сидѣлъ, задумчиво поглаживая щеку, городской голова, полный, солидный мужчина; предводитель дворянства, сѣдой, большебородый и краснолицый человѣкъ, съ большими, добрыми глазами; волостной старшина въ поддевкѣ, съ огромнымъ животомъ, который, видимо, конфузилъ его — онъ все старался прикрыть его полой поддевки, а она сползала.

— Здѣсь нѣтъ преступниковъ, нѣтъ судей — раздался твердый голосъ Павла — здѣсь только плѣнные и побѣдители . . .

Стало тихо, нѣсколько секундъ ухо матери слышало только тонкій, торопливый скрипъ пера по бумагѣ и біеніе своего сердца.

И старшій судья тоже какъ будто прислушивался къ чему-то, ждалъ. Его товарищи пошевелились. Тогда онъ сказалъ:

— М-да . . . Андрей Находка! . . Признаете вы . . .

Кто-то шепнулъ:

— Встань . . . Встаньте! . .

Андрей медленно приподнялся, выпрямился и, дергая себя за усы, исподлобья смотрѣлъ на старичка.

— Да въ чемъ-же я могу признать себя виновнымъ? — пѣвуче и неторопливо, какъ всегда, заговорилъ хохолъ, пожавъ плечами. — Я не убилъ и не укралъ, я просто не согласенъ съ такимъ порядкомъ жизни, въ которомъ люди принуждены и грабить, и убивать другъ друга . . .

— Отвѣчайте короче — да, нѣтъ . . . — съ усиліемъ, но внятно сказалъ старикъ.

На скамьяхъ, сзади себя, мать чувствовала оживленіе, люди тихо шептались о чемъ-то и двигались, какъ-бы освобождая себя изъ паутины сѣрыхъ словъ фарфороваго человѣка.

— Слышишь, какъ они? — шепнулъ Сизовъ.

— Да . . .

— Федоръ Мазинъ, отвѣчайте . . .

— Нс хочу! — ясно сказалъ Федя, вскочивъ на ноги. Лицо его залилось румянцемъ волненія, глаза засверкали, онъ, почему-то, спряталъ руки за спину.

Сизовъ тихонько ахнулъ, мать изумленно расширила глаза.

— Я отказался отъ защиты . . . я ничего не буду говорить . . . судъ вашъ считаю незаконнымъ! . . Кто вы? Народъ-ли далъ вамъ право судить насъ? Нѣтъ, онъ не давалъ! Я васъ не знаю!

Онъ сѣлъ и скрылъ свое разгорѣвшееся лицо за плечомъ Андрея.

Толстый судья наклонилъ голову къ старшему и что-то прошепталъ. Судья съ блѣднымъ лицомъ поднялъ вѣки, окосилъ глаза на подсудимыхъ, протянулъ руку на столъ и черкнулъ карандашемъ на бумагѣ, лежавшей передъ нимъ. Волостной старшина покачалъ головой, осторожно переставивъ ноги, положилъ животъ на колѣни и прикрылъ его

руками. Не двигая головой, старичекъ повернулъ корпусъ къ рыжему судьѣ, беззвучно поговорилъ съ нимъ, тотъ выслушалъ его, наклонивъ голову. Предводитель дворянства бесѣдовалъ съ прокуроромъ, голова слушалъ и улыбался, потирая щеку. Вновь зазвучала тусклая рѣчь старшаго судьи.

Адвокаты всѣ четверо внимательно слушали, подсудимые перешептывались между собой, Федя, смущенно улыбаясь, прятался.

— Каково отрѣзалъ? . . прямо — лучше всѣхъ! — удивленно шепталъ Сизовъ на ухо матери. — Ахъ ты, мальченка! . .

Мать недоумѣвая улыбалась. Все происходившее сначала казалось ей лишнимъ и нуднымъ предисловіемъ къ чему-то страшному, что появится и сразу раздавитъ всѣхъ холоднымъ ужасомъ. Но спокойныя слова Павла и Андрея прозвучали такъ безбоязненно и твердо, точно они были сказаны въ маленькомъ домикѣ слободки, а не передъ лицомъ суда. Горячая, юная выходка Феди показалась ей забавной. Что-то смѣлое и свѣжее росло въ залѣ, и мать, по движенію людей сзади себя, догадывалась, что не она одна чувствуетъ это.

— Ваше мнѣніе? — сказалъ старичекъ.

Лысоватый прокуроръ всталъ и, держась одной рукой за конторку, быстро заговорилъ, приводя цифры. Въ его голосѣ не слышно было ничего страшнаго.

Но въ то-же время сухой, колющій налетъ бередилъ и тревожилъ сердце матери — было смутное ощущеніе чего-то враждебнаго ей. Оно не угрожало, не кричало, а развивалось невидимо, неуловимо. Лѣниво и тупо оно колебалось гдѣ-то вокругъ судей, какъ-бы окутывая ихъ непроницаемымъ облакомъ, сквозь которое не достигало до нихъ ничто извнѣ. Она смотрѣла на судей, и всѣ они были непонятны ей. Они не сердились на Павла и на Федю, какъ она ждала, не обижали ихъ словами, но все, о чемъ они спрашивали, казалось ей ненужнымъ для нихъ, они какъ

будто нехотя спрашиваютъ, съ трудомъ выслушиваютъ отвѣты, все заранѣе знаютъ, ничѣмъ не интересуются.

Вотъ передъ ними стоитъ жандармъ и говоритъ басомъ:

— Павла Власова называли главнымъ зачинщикомъ всѣ . . .

— А Находку? — лѣниво и негромко спросилъ толстый судья.

— И его тоже . . .

Одинъ изъ адвокатовъ всталъ, говоря:

— Могу я? . .

Старичекъ спрашиваетъ кого-то:

— Вы ничего не имѣете?

Всѣ судьи казались матери нездоровыми людьми. Болѣзненное утомленіе сказывалось въ ихъ позахъ и голосахъ, оно лежало на лицахъ у нихъ — болѣзненное утомленіе и надоѣдная, сѣрая скука. Видимо, имъ тяжело и неудобно все это — мундиры, залъ, жандармы, адвокаты, обязанность сидѣть въ креслахъ, спрашивать и слушать. Она вообще мало видѣла господъ, давно уже совсѣмъ почти не видала ихъ и теперь разсматривала лица судей, какъ что-то совершенно новое, непонятное, но скорѣе жалостное, чѣмъ страшное.

Стоитъ передъ ними знакомый желтолицый офицеръ и важно, растягивая слова, громко разсказываетъ о Павлѣ, объ Андреѣ . . . Мать, слушая его, невольно думала:

— Не много ты знаешь, батюшка . . .

И смотрѣла на людей за рѣшеткой уже безъ страха за нихъ, безъ жалости къ нимъ — они не возбуждали страха, къ нимъ не приставала жалость, всѣ они одинаково вызвали у нея только удивленіе и любовь, тепло обнимавшую сердце, и удивленіе было спокойно, любовь — радостно ясна. Молодые, крѣпкіе, они сидѣли въ сторонѣ у стѣны и почти не вмѣшивались въ однообразный разговоръ свидѣтелей и судей, въ споры адвокатовъ съ прокуроромъ. Порою ктонибудь презрительно усмѣхался, что-то говорилъ товарищамъ, по ихъ лицамъ тоже пробѣгала насмѣшливая улыбка. Ан-

дрей и Павелъ почти все время тихо бесѣдовали съ однимъ изъ защитниковъ — мать наканунѣ видѣла его у Николая, и Николай называлъ его товарищемъ. Къ ихъ бесѣдѣ прислушивался Мазинъ, оживленный и подвижный болѣе другихъ, Самойловъ что-то порою говорилъ Ивану Гусеву, и мать видѣла, что каждый разъ Иванъ, незамѣтно отталкивая товарища локтемъ, едва сдерживаетъ смѣхъ, лицо у него краснѣетъ, щеки надуваются, онъ наклоняетъ голову. Раза два онъ уже фыркнулъ, а послѣ этого нѣсколько минутъ сидѣлъ надутый, стараясь быть болѣе солиднымъ. И въ каждомъ такъ или иначе играла и пѣнилась молодость, легко одолѣвая усилія сдержать ея живое броженіе. Она смотрѣла, сравнивала, думала и не могла поймать и заключить въ слова безпокойнаго ощущенія враждебности.

Сизовъ легонько тронулъ ее за локоть, она обернулась къ нему — лицо у него было довольное и немного озабоченное. Онъ шепталъ:

— Ты погляди, какъ они укрѣпились, материны дѣти, а? Бароны, а? Ну, и засудятъ-же ихъ! .. Не лѣзь на рожонъ!

Мать слушала, невольно повторяя про себя:

— Засудятъ . . .

А въ залѣ говорили свидѣтели — торопливо обезцвѣченными голосами, судьи — неохотно и безучастно. Толстый судья зѣвалъ, прикрывая ротъ пухлой рукой, рыжеусый поблѣднѣлъ еще болѣе, иногда онъ поднималъ руку и, туго нажимая на кость виска пальцемъ, слѣпо смотрѣлъ въ потолокъ жалобно расширенными глазами. Прокуроръ изрѣдка черкалъ карандашемъ по бумагѣ и снова продолжалъ беззвучную бесѣду съ предводителемъ дворянства, а тотъ, поглаживая сѣдую бороду, выкатывалъ огромные красивые глаза и улыбался, важно сгибая шею. Городской голова сидѣлъ, закинувъ ногу на ногу, безшумно барабанилъ пальцами по колѣну и сосредоточенно наблюдалъ за движеніями пальцевъ. Только волостной старшина, утвердивъ животъ на колѣняхъ и заботливо поддерживая его руками, сидѣлъ наклонивъ го-

лову и, казалось, одинъ вслушивался въ однообразное журчаніе голосовъ, да старичекъ, воткнутый въ кресло, торчалъ въ немъ неподвижно, какъ флюгеръ въ безвѣтряный день. Продолжалось это долго, и снова оцѣпенѣніе скуки ослѣпило людей.

Мать чувствовала, что въ этомъ большомъ залѣ все еще нѣтъ той холодной, грозной справедливости, которая сурово раздѣваетъ душу, разсматриваетъ ее и, все видя, все оцѣниваетъ неподкупными глазами, строго взвѣшиваетъ честной рукой, нѣтъ ничего, что пугало ее своей силой и величіемъ. Безкровныя лица, угасшіе глаза, усталые голоса — тусклая безучастность холоднаго вечера осени.

— Объявляю . . . — внятно сказалъ старичекъ и, раздавивъ тонкими губами слѣдующія слова, всталъ.

Шумъ, вздохи, тихія восклицанія, кашель и шарканье ногъ наполнили залъ. Подсудимыхъ увели, уходя, они улыбаясь кивали головами роднымъ и знакомымъ, а Иванъ Гусевъ негромко крикнулъ кому-то:

— Не робѣй, Егоръ! . .

Мать и Сизовъ вышли въ корридоръ.

— Чай пить въ трактиръ пойдешь? — заботливо и задумчиво спросилъ ее старикъ. — Полтора часа время-то у насъ!

— Не хочу . . .

— Ну, и я не пойду . . . Нѣтъ, каковы ребята, а? Сидятъ вродѣ того, какъ будто они только и есть настоящіе люди, а остальные всѣ — не при чемъ! Федька-то, а?

Къ нимъ подошелъ отецъ Самойлова, держа шапку въ рукѣ. Онъ угрюмо улыбался и говорилъ:

— Мой-то Григорій? Отъ защитника отказался и разговаривать не хочетъ . . . Первый онъ, слышь, выдумалъ это. Твой-то, Пелагея, стоялъ за адвокатовъ . . . а мой говоритъ — не желаю! И тогда четверо отказались . . .

Рядомъ съ нимъ стояла жена. Часто моргая глазами,

она вытирала носъ концомъ платка. Самойловъ взялъ бороду въ руку и продолжалъ, глядя въ полъ.

— Вѣдь вотъ штука! Глядишь на нихъ, чертей, понимаешь — зря они все это затѣяли . . . напрасно себя губятъ . . . И вдругъ начнешь думать, а, можетъ, ихъ правда? . . Вспомнишь, что на фабрикѣ они все ростутъ, да ростутъ, ихъ то и дѣло хватаютъ, а они, какъ ерши въ рѣкѣ, не переводятся, нѣтъ! Опять думаешь — а, можетъ, и сила за ними?

— Трудно намъ, Степанъ Петровъ, понять это дѣло! — сказалъ Сизовъ.

— Трудно . . . да! — согласился Самойловъ.

Его жена, сильно потянувъ воздухъ носомъ, замѣтила:

— Здоровы всѣ, окаянные . . .

И, не сдержавъ улыбки на широкомъ, дрябломъ лицѣ, продолжала:

— Ты, Ниловна, не сердись . . . давеча я тебѣ бухнула, что, молъ, твой виноватъ . . . А песъ ихъ разберетъ, который виноватѣе, если по правдѣ говорить! Вонъ что про нашего-то Григорія жандармы со шпіонами говорили. Тоже, постарался . . . рыжій бѣсъ!

Она, видимо, гордилась своимъ сыномъ, быть можетъ, не понимая своего чувства, но ея чувство было знакомо матери, и она отвѣтила на ея слова доброй улыбкой, тихими словами:

— Молодое сердце всегда ближе къ правдѣ . . .

По корридору бродили люди, собирались въ группы, возбужденно и вдумчиво разговаривая глухими голосами. Почти никто не стоялъ одиноко, на всѣхъ лицахъ было ясно видно желаніе говорить, спрашивать, слушать. Въ узкой бѣлой трубѣ между двухъ стѣнъ, люди мотались взадъ и впередъ, точно подъ ударами сильнаго вѣтра и, казалось, всѣ искали возможности стать на чемъ-то твердо и крѣпко.

Старшій братъ Букина, высокій и тоже выцвѣтшій, размахивалъ руками быстро вертясь во всѣ стороны и доказывалъ:

— Волостной старшина Клепановъ въ этомъ дѣлѣ не на мѣстѣ . . .

— Молчи ты, Константинъ! — уговаривалъ его отецъ, маленькій старичекъ и опасливо оглядывался.

— Нѣтъ, я скажу! Про него идетъ слухъ, что онъ въ прошломъ году приказчика своего убилъ . . . изъ-за его жены . . . Какой онъ судья, позвольте? Приказчикова жена съ нимъ живетъ — это какъ понимать? И къ тому-же онъ извѣстный воръ . . .

— Ахъ, ты, батюшки мои . . . Константинъ!

— Вѣрно! — сказалъ Самойловъ. — Вѣрно! Судъ — не очень правильный . . .

Букинъ услыхалъ его голосъ, быстро подошелъ, увлекая за собой всѣхъ и размахивая руками, красный отъ возбужденія, закричалъ:

— За кражу, за убійство — судятъ присяжные, простые люди . . . крестьяне, мѣщане, позвольте! А людей, которые противъ начальства, судитъ начальство . . . какъ такъ?

— Константинъ! Да они . . . развѣ они противъ начальства? Ахъ, ты!

— Нѣтъ, погоди! Ежели ты меня обидишь, а я тебѣ дамъ въ зубы, а ты меня за это судить будешь — конечно, я окажусь виноватъ, а первый обидѣлъ кто — ты? Ты!

Сторожъ, сѣдой, горбоносый, съ медалями на груди, растолкалъ толпу и сказалъ Букину, грозя пальцемъ:

— Эй . . . не кричи! Кабакъ тутъ?

— Позвольте, кавалеръ . . . я понимаю! Послушайте — ежели я васъ ударю, а вы-меня и я-же васъ буду судить, какъ вы полагаете . . .

— А вотъ я тебя вывести велю отсюда! — строго сказалъ сторожъ.

— Куда-же? Зачѣмъ?

— На улицу. Чтобы ты не оралъ . . .

Букинъ осмотрѣлъ всѣхъ и негромко проговорилъ:

— Имъ, главное, чтобы люди молчали . . .

— А ты какъ думалъ!? — крикнулъ старикъ строго и грубо. Букинъ развелъ руками и сталъ говорить тише.

— И опять-же, почему не допущенъ на судъ народъ, а только родные? Ежели ты судишь справедливо, ты суди при всѣхъ — чего бояться?

Самойловъ повторилъ, но уже громче:

— Судъ не вполнѣ по совѣсти, это вѣрно! . .

Матери хотѣлось сказать ему то, что она слышала отъ Николая о незаконности суда, но она плохо поняла это и частью позабыла слова. Стараясь вспомнить ихъ, она отодвинулась въ сторону отъ людей и замѣтила, что на нее смотритъ какой-то молодой человѣкъ со свѣтлыми усами. Правую руку онъ держалъ въ карманѣ брюкъ, отъ этого его лѣвое плечо было ниже, и эта особенность фигуры показалась знакомой матери. Но онъ повернулся къ ней спиной, а она была озабочена воспоминаніями и тотчасъ-же забыла о немъ.

Но черезъ минуту слуха ея коснулся негромкій вопросъ:

— Эта? Налѣво . . .

И кто-то громче, радостно отвѣтилъ:

— Да!

Она оглянулась. Человѣкъ съ косыми плечами стоялъ бокомъ къ ней и что-то говорилъ своему сосѣду, чернобородому парню въ короткомъ пальто и въ сапогахъ по колѣно.

Снова память ея безпокойно вздрогнула, но не создала ничего яснаго. Въ груди ея повелительно разгоралось желаніе говорить людямъ о правдѣ сына, ей хотѣлось слышать, что скажутъ люди противъ этой правды, хотѣлось по ихъ словамъ догадаться о рѣшеніи суда.

— Развѣ такъ судятъ? — осторожно и негромко начала она, обращаясь къ Сизову. — Не понимаю я что-то порядка такого . . . Вотъ, допытываются судьи о томъ — что кѣмъ сдѣлано, а зачѣмъ сдѣлано — не спрашиваютъ. Справедливо-ли такъ-то? . . И старые они всѣ . . . молодыхъ — молодымъ судить надо . . .

— Да — сказалъ Сизовъ — трудно намъ понять это дѣло . . . трудно! — И задумчиво покачалъ головой.

Сторожъ, открывъ дверь зала, крикнулъ:

— Родственники . . . ступай! Показывайте билеты . . .

Угрюмый голосъ неторопливо проговорилъ:

— Билеты . . . словно въ циркъ!

Во всѣхъ людяхъ теперь чувствовалось глухое раздраженіе, смутный задоръ, они стали держаться развязнѣе, шумѣли, спорили со сторожами.

XXV.

Усаживаясь на скамью, Сизовъ что-то ворчалъ.

— Ты что? — спросила мать.

— Такъ! Дуракъ народъ . . . Ничего не знаетъ . . . живетъ ощупью . . .

Позвонилъ колокольчикъ. Кто-то равнодушно объявилъ:

— Судъ идетъ . . .

Снова всѣ встали и снова, въ томъ-же порядкѣ, вошли судьи, усѣлись. Ввели подсудимыхъ.

— Держись! — шепнулъ Сизовъ. — Прокуроръ говорить будетъ.

Мать вытянула шею, всѣмъ тѣломъ подалась впередъ и замерла въ новомъ ожиданіи страшнаго.

Стоя бокомъ къ судьямъ, повернувъ къ нимъ голову, опираясь локтемъ на конторку, прокуроръ вздохнулъ и, отрывисто взмахивая въ воздухѣ правой рукой, заговорилъ. Первыхъ словъ мать не разобрала, голосъ у прокурора былъ плавный, густой и текъ онъ не ровно, то — медленно, то — быстрѣе. Слова однообразно вытягивались въ длинный рядъ, точно стежки нитки и вдругъ вылетали торопливо, кружились, какъ стая черныхъ мухъ надъ кускомъ сахара. Но она не находила въ нихъ ничего страшнаго, ничего угрожающаго. Холодныя, какъ снѣгъ и сѣрыя, точно пепелъ, они сыпались, сыпались, наполняя залъ чѣмъ-то досадно надоѣдающимъ, какъ тонкая, сухая пыль. Эта рѣчь, скупая

чувствами, обильная словами, должно быть, не достигала до Павла и его товарищей, она, видимо, никакъ не задѣвала ихъ — всѣ сидѣли спокойно и по прежнему беззвучно бесѣдуя, порою улыбались, порою хмурились, чтобы скрыть улыбку.

— Вретъ! — шепталъ Сизовъ.

Она не могла-бы этого сказать. Она слышала слова прокурора, понимала, что онъ обвиняетъ всѣхъ, никого не выдѣляя; проговоривъ о Павлѣ, онъ начиналъ говорить о Федѣ, а поставивъ его рядомъ съ Павломъ, настойчиво пододвигалъ къ нимъ Букина — казалось, онъ упаковываетъ, зашиваетъ всѣхъ въ одинъ мѣшокъ, плотно укладывая другъ къ другу. Но внѣшній смыслъ его словъ не удовлетворялъ, не трогалъ и не пугалъ ее, она, всетаки, ждала страшнаго и упорно искала его за словами — въ лицѣ, въ глазахъ, въ голосѣ прокурора, въ его бѣлой рукѣ, неторопливо мелькавшей по воздуху. Что-то страшное было, она это чувствовала, но, неуловимое, оно не поддавалось опредѣленію, вновь покрывая ея сердце сухимъ и ѣдкимъ налетомъ.

Она смотрѣла на судей — имъ, несомнѣнно, было скучно слушать эту рѣчь. Неживыя, желтыя и сѣрыя лица ничего не выражали. Болѣзненно толстыя или слишкомъ худыя, неподвижныя, странно мертвыя пятна, они все болѣе тускнѣли въ мутной скукѣ, наполнявшей залъ. Слова прокурора разливали въ воздухѣ незамѣтный глазу туманъ, онъ все росъ и сгущался вокругъ судей, плотнѣе окутывая ихъ облакомъ равнодушія и утомленнаго ожиданія. Старшій судья не двигался, засохъ въ своей прямой позѣ, и сѣрыя пятнышки за стеклами его очковъ порою исчезали, расплываясь по лицу.

И, видя это мертвое безучастіе, это беззлобное равнодушіе, мать недоумѣнно спрашивала себя:

— Судятъ? . .

Вопросъ стискивалъ ей сердце и, постепенно выжимая изъ него ожиданіе страшнаго, щипалъ горло острымъ ощущеніемъ обиды.

Рѣчь прокурора порвалась какъ-то неожиданно — онъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ, мелкихъ стежковъ, поклонился судьямъ и сѣлъ, потирая руки. Предводитель дворянства закивалъ ему головой, выкатывая свои глаза, городской голова протянулъ руку, а старшина глядѣлъ на свой животъ и улыбался.

Но судей рѣчь его, видимо, не обрадовала, они не шевелились.

— Слово . . . — заговорилъ старичекъ, поднося къ своему лицу какую-то бумагу — защитнику . . . Федосѣева, Маркова и Загарова.

Всталъ адвокатъ, котораго мать видѣла у Николая. Лицо у него было добродушное, широкое, его маленькіе глазки лучисто улыбались — казалось, изъ-подъ рыжеватыхъ бровей высовываются два острія и, точно ножницы, стригутъ что-то въ воздухѣ. Заговорилъ онъ неторопливо, звучно и ясно, но мать не могла вслушиваться въ его рѣчь — Сизовъ шепталъ ей на ухо.

— Поняла, что онъ говорилъ? Поняла? Люди, говоритъ, плохіе, разстроенные, безумные . . . Это — Федоръ?

Она не отвѣчала, подавленная тягостнымъ разочарованіемъ. Обида росла, угнетая душу. Теперь Власовой стало ясно, почему она ждала справедливости, думала увидать строгую, честную тяжбу правды сына съ правдой судей его. Ей представлялось, что судьи будутъ спрашивать Павла долго, внимательно и подробно о всей жизни его сердца, они разсмотрятъ зоркими глазами всѣ думы и дѣла сына ея, всѣ дни его. И, когда увидятъ они правоту его, то справедливо, громко скажутъ:

— Человѣкъ этотъ правъ!

Но ничего подобнаго не было — казалось, что подсудимые невидимо далеко отъ судей, а судьи — лишніе для нихъ. Утомленная напряженіемъ ожиданія, мать потеряла интересъ къ суду и, не слушая словъ, обиженно думала:

— Развѣ такъ судятъ? Судъ . . .

И слово это казалось ей гулкимъ, пустымъ, оно звучало, какъ треснувшій глиняный горшокъ.

— Такъ ихъ! — одобрительно шепталъ Сизовъ.

— Мертвые они какіе-то! — вздыхая замѣтила она.

— Оживаютъ!

Она посмотрѣла на нихъ и, дѣйствительно, увидала тѣни безпокойства на лицахъ судей. Уже говорилъ другой адвокатъ, маленькій, съ острымъ, блѣднымъ и насмѣшливымъ лицомъ, а судьи мѣшали ему.

Вскочилъ прокуроръ, быстро и сердито сказалъ что-то о протоколѣ, потомъ увѣщевая заговорилъ старичекъ, защитникъ почтительно наклонивъ голову, послушалъ ихъ и снова продолжалъ рѣчь.

— Ковыряй! — замѣтилъ Сизовъ. — Расковыривай... гдѣ душа-то? . .

Въ залѣ зарождалось оживленіе, сверкалъ боевой задоръ, адвокатъ нападалъ со всѣхъ сторонъ, раздражая острыми словами старую кожу судей. Судьи какъ будто сдвинулись плотнѣе или вдругъ надулись и распухли, чтобы отражать колкіе и рѣзкіе щелчки словъ всей массой мягкаго, рыхлаго тѣла.

Мать слѣдила за ними, и ей казалось, что они все надуваются, точно боясь, чтобы удары рѣчи адвоката не вызвали эха въ ихъ грудяхъ, не нарушили ихъ безстрастія.

Но вотъ поднялся Павелъ, и вдругъ стало неожиданно тихо. Мать качнулась всѣмъ тѣломъ впередъ. Павелъ заговорилъ спокойно:

— Человѣкъ партіи, я признаю только судъ моей партіи и буду говорить не въ защиту свою, а — по желанію моихъ товарищей, тоже отказавшихся отъ защиты — попробую объяснить вамъ то, чего вы не поняли . . . Прокуроръ назвалъ наше выступленіе подъ знаменемъ соціаль-демократіи — бунтомъ противъ верховной власти и все время разсматривалъ насъ, какъ бунтовщиковъ противъ царя. Я долженъ заявить, что для насъ царь не является единст-

венной цѣпью, оковавшей тѣло страны, онъ только первая и ближайшая цѣпь, которую мы обязаны сорвать съ народа . . .

Тишина углублялась подъ звуками твердаго голоса, онъ какъ-бы расширялъ стѣны зала, и Павелъ точно отодвигался отъ людей далеко въ сторону и становился ярче, выпуклѣе.

Ей стало холодно.

Судьи зашевелились тяжело и безпокойно. Предводитель дворянства что-то прошепталъ судьѣ съ лѣнивымъ лицомъ, тотъ кивнулъ головой и обратился къ старичку, а съ другой стороны въ тоже время ему говорилъ въ ухо больной судья. Качаясь въ креслѣ вправо и влѣво, старичекъ что-то сказалъ Павлу, но голосъ его утонулъ въ ровномъ и широкомъ потокѣ рѣчи Власова.

— Мы — соціалисты. Это значитъ, что мы враги частной собственности, которая разъединяетъ людей, вооружаетъ ихъ другъ противъ друга, создаетъ непримиримую вражду интересовъ, лжетъ, стараясь скрыть или оправдать эту вражду, и развращаетъ всѣхъ ложью, лицемѣріемъ и злобой . . . Мы говоримъ — общество, которое разсматриваетъ человѣка только, какъ орудіе своего обогащенія — противочеловѣчно, оно враждебно намъ, мы не можемъ примириться съ его моралью, двуличной и лживой, цинизмъ и жестокость его отношенія къ личности противны намъ, мы хотимъ и будемъ бороться противъ всѣхъ формъ физическаго и моральнаго порабощенія человѣка такимъ обществомъ, противъ всѣхъ пріемовъ дробленія человѣка въ угоду корыстолюбію . . . Мы, рабочіе — люди, трудомъ которыхъ создается все — отъ гигантскихъ машинъ до дѣтскихъ игрушекъ, мы — люди, лишенные права бороться за свое человѣческое достоинство, насъ каждый старается и можетъ обратить въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей, мы хотимъ теперь имѣть столько свободы, чтобы она дала намъ возможность современемъ завоевать всю власть. Наши лозунги просты — долой частную собственность, всѣ средства производства — народу,

вся власть — народу, трудъ — обязателенъ для всѣхъ. Вы видите — мы не бунтовщики!

Павелъ усмѣхнулся, медленно провелъ рукой по волосамъ, огонь его голубыхъ глазъ вспыхнулъ свѣтлѣе.

— Прошу васъ . . . ближе къ дѣлу! — сказалъ председатель внятно и громко. Онъ повернулся къ Павлу грудью, смотрѣлъ на него, и матери казалось, что его лѣвый тусклый глазъ разгорается нехорошимъ, жаднымъ огнемъ. И всѣ судьи смотрѣли на ея сына такъ, что, казалось, ихъ глаза прилипаютъ къ его лицу, присасываются къ тѣлу, жаждутъ его крови, чтобы оживить ею свои изношенныя тѣла. А онъ, прямой, высокій, стоя твердо и крѣпко, протягивалъ къ нимъ руку и негромко, четко говорилъ:

— Мы — революціонеры и будемъ таковыми до поры, пока существуетъ частная собственность, пока одни — только командуютъ, другіе — только работаютъ. Мы стоимъ противъ общества, интересы котораго вамъ приказано защищать, какъ непримиримые враги его и ваши, и примиреніе между нами невозможно до поры, пока мы не побѣдимъ. Побѣдимъ мы, рабочіе! Ваши довѣрители совсѣмъ не такъ сильны, какъ имъ кажется. Та-же собственность, накопляя и сохраняя которую они жертвуютъ милліонами порабощенныхъ ими людей, та-же сила, которая даетъ имъ власть надъ нами, возбуждаетъ среди нихъ враждебныя тренія, разрушаетъ ихъ физически и морально. Собственность требуетъ слишкомъ много напряженія для своей защиты и, въ сущности, всѣ вы, наши владыки, болѣе рабы, чѣмъ мы — вы порабощены духовно, мы — только физически. Вы не можете отказаться отъ гнета предубѣжденій и привычекъ, гнета, который духовно умертвилъ васъ, намъ ничто не мѣшаетъ быть внутренно свободными, яды, которыми вы отравляете насъ, слабѣе тѣхъ противоядій, которыя вы — не желая — вливаете въ наше сознаніе . . . Оно ростетъ, оно развивается безостановочно, все быстрѣе оно разгорается и увлекаетъ за собой все лучшее, все духовно здоровое даже изъ вашей среды. Посмотрите — у васъ уже нѣтъ

людей, которые могли-бы идейно бороться за вашу власть, вы уже израсходовали всѣ аргументы, способные оградить васъ отъ напора исторической справедливости, вы не можете создать ничего новаго въ области идей, вы духовно безплодны. Наши идеи ростутъ, онѣ все ярче разгораются, онѣ охватываютъ народныя массы, организуя ихъ для борьбы за свободу. Сознаніе великой роли рабочаго сливаетъ всѣхъ рабочихъ міра въ одну душу — вы ничѣмъ не можете задержать этотъ процессъ обновленія жизни, кромѣ жестокости и цинизма. Но цинизмъ — очевиденъ, жестокость — раздражаетъ. И руки, которыя сегодня насъ душатъ, скоро будутъ товарищески пожимать наши руки. Ваша энергія — механическая энергія роста золота, она объединяетъ васъ въ группы, призванныя пожрать другъ друга, наша энергія — живая сила все ростущаго сознанія солидарности всѣхъ рабочихъ. Все, что дѣлаете вы — преступно, ибо направлено къ порабощенію людей, наша работа освобождаетъ міръ отъ призраковъ и чудовищъ, рожденныхъ вашею ложью, злобой, жадностью и запугавшихъ народъ. Вы оторвали человѣка отъ жизни и разрушили его, соціализмъ соединяетъ разрушенный вами міръ во единое великое гармоническое цѣлое и это — будетъ!

Павелъ остановился на секунду и повторилъ тише, сильнѣе:

— Это — будетъ!

Судьи перешептывались странно гримасничая и все не отрывали жадныхъ глазъ отъ Павла, а мать чувствовала, что они грязнятъ его гибкое, крѣпкое тѣло своими взглядами, завидуя здоровью, силѣ, свѣжести. Подсудимые внимательно слушали рѣчь товарища, лица ихъ поблѣднѣли, глаза сверкали радостно. Мать глотала слова сына, и они врѣзывались въ памяти ея стройными рядами. Старичекъ нѣсколько разъ останавливалъ Павла, что-то разъяснялъ ему, однажды даже печально улыбнулся, Павелъ молча выслушивалъ его и снова начиналъ говорить сурово, но спокойно, заставляя слушать себя, подчиняя своей волѣ — волю судей.

Это длилось долго, но наконецъ старикъ закричалъ, протягивая руку къ Павлу, въ отвѣтъ ему, немного насмѣшливо, лился голосъ Павла.

— Я кончаю. Обидѣть лично васъ я не хотѣлъ, напротивъ — присутствуя невольно при этой комедіи, которую вы называете судомъ, я чувствую почти состраданіе къ вамъ. Всетаки — вы люди, а намъ всегда обидно видѣть людей, хотя и враждебныхъ нашей цѣли, но такъ позорно приниженныхъ служеніемъ насилію, до такой степени утратившихъ сознаніе своего человѣческаго достоинства . . .

Онъ сѣлъ, не глядя на судей, мать сдерживая дыханіе, пристально смотрѣла на судей, ждала.

Андрей, весь сіяющій, крѣпко стиснулъ руку Павла, Самойловъ, Мазинъ и всѣ оживленно потянулисъ къ нему, онъ улыбался, немного смущенный порывами товарищей, взглянулъ туда, гдѣ сидѣла мать и кивнулъ ей головой, какъ-бы спрашивая:

— Такъ?

Она отвѣтила ему глубокимъ вздохомъ радости, вся облитая горячей волной любви.

— Вотъ . . . начался судъ! — прошепталъ Сизовъ. — Ка-акъ онъ ихъ . . . а?

Она молча кивала головой, довольная тѣмъ, что сынъ такъ смѣло говорилъ — быть можетъ еще болѣе довольная тѣмъ, что онъ кончилъ. Въ головѣ ея трепетно бился вопросъ:

— Ну? Какъ-же вы теперь?

XXVI.

То, что говорилъ сынъ, не было для нея новымъ, она знала эти мысли, но первый разъ здѣсь, передъ лицомъ суда, она почувствовала странную, увлекающую силу его вѣры. Ее поразило спокойствіе Павла, и рѣчь его слилась въ ея груди звѣздоподобнымъ, лучистымъ комомъ крѣпкаго убѣжденія въ его правотѣ и въ побѣдѣ его. Она ждала

теперь, что судьи будутъ жестоко спорить съ нимъ, сердито возражать ему, выдвигая свою правду. Но вотъ всталъ Андрей, покачнулся, исподлобья взглянулъ на судей и заговорилъ:

— Г. г. защитники . . .

— Передъ вами судъ, а не защита! — сердито и громко замѣтилъ ему судья съ больнымъ лицомъ. По выраженію лица Андрея мать видѣла, что онъ хочетъ дурить, усы у него дрожали, въ глазахъ свѣтилась хитрая кошачья ласка, знакомая ей. Онъ крѣпко потеръ голову длинной рукой и вздохнулъ.

— Развѣ-жъ? — сказалъ онъ, покачивая головой. — Я думаю — это не такъ, вы не судьи, а только защитники . . .

— Я попрошу васъ говорить по существу дѣла! — сухо замѣтилъ старичекъ.

— По существу? Хорошо! Я уже заставилъ себя подумать, что вы, дѣйствительно, судьи, люди независимые, честные . . .

— Судъ не нуждается въ вашей характеристикѣ . . .

— Въ такой — не нуждается? . . Гм . . . ну, все-же я буду продолжать . . . вы люди, для которыхъ нѣтъ ни своихъ, ни чужихъ, вы — свободные люди. Вотъ стоятъ передъ вами двѣ стороны и одна жалуется — онъ меня ограбилъ и замордовалъ совсѣмъ! А другая отвѣчаетъ — имѣю право грабить и мордовать, потому что у меня ружье есть . . .

— Вы имѣете сказать что-нибудь по существу? — повышая голосъ спросилъ старичекъ. У него дрожала рука, и матери было пріятно видѣть, что онъ сердится. Но поведеніе Андрея не нравилось ей — оно не сливалось съ рѣчью сына — ей хотѣлось серьезнаго и строгаго спора.

Хохолъ молча посмотрѣлъ на старичка, потомъ, потирая голову, сказалъ серьезно:

— По существу? . . Да зачѣмъ-же я съ вами буду говорить по существу? Что нужно было вамъ знать — товарищъ сказалъ. Остальное вамъ доскажутъ, будетъ время, другіе . . .

Старичекъ привсталъ и объявилъ:

— Лишаю васъ слова! Григорій Самойловъ.

Плотно сжавъ губы, хохолъ лѣниво опустился на скамью, рядомъ съ нимъ всталъ Самойловъ, тряхнувъ кудрями.

— Прокуроръ называлъ товарищей дикарями, врагами культуры . . .

— Нужно говорить только о томъ, что касается вашего дѣла . . .

— Это — касается . . . Нѣтъ ничего, что не касалось-бы честныхъ людей . . . И я прошу не прерывать меня . . . Я спрашиваю васъ — что такое ваша культура?

— Мы здѣсь не для диспутовъ съ вами! Къ дѣлу! — обнажая зубы, говорилъ старичекъ.

Поведеніе Андрея явно измѣнило судей, его слова какъ-бы стерли съ нихъ что-то, на сѣрыхъ лицахъ явились пятна, въ глазахъ горѣли холодныя, зеленыя искры. Рѣчь Павла раздражила ихъ, но сдерживала раздраженіе своей силой, невольно внушавшей уваженіе, хохолъ сорвалъ эту сдержанность и легко обнажилъ то, что было подъ нею. Они перешептывались со странными ужимками и стали двигаться слишкомъ быстро для себя.

— Вы воспитываете шпіоновъ, вы развращаете женщинъ и дѣвушекъ, вы ставите человѣка въ положеніе вора и убійцы, вы отравляете его водкой . . . международныя бойни, всенародная ложь, развратъ и одичаніе — вотъ культура ваша! Да, мы враги этой культуры!

— Прошу васъ! — крикнулъ старичекъ, встряхивая подбородкомъ. Но Самойловъ, весь красный, сверкая глазами тоже кричалъ:

— Но мы уважаемъ и цѣнимъ ту, другую культуру, творцовъ которой вы гноили въ тюрьмахъ, сводили съ ума . . .

— Лишаю слова! . . Федоръ Мазинъ.

Маленькій Мазинъ поднялся, точно вдругъ высунулось шило, и срывающимся голосомъ сказалъ:

— Я . . . я клянусь! . . Я знаю — вы осудили меня . . .

Онъ задохнулся, поблѣднѣлъ, на лицѣ у него остались одни глаза и, протянувъ руку, онъ крикнулъ:

— Я — честное слово! . . Куда вы ни пошлете меня — убѣгу, ворочусь, буду работать всегда . . . всю жизнь. Честное слово!

Сизовъ громко крякнулъ, завозился. И вся публика, поддаваясь все выше восходившей волнѣ возбужденія, гудѣла странно и глухо. Плакала какая-то женщина, кто-то удушливо кашлялъ. Жандармы разсматривали подсудимыхъ съ тупымъ удивленіемъ, публику — со злобой. Судьи качались, старикъ тонко кричалъ:

— Гусевъ Иванъ!

— Не хочу говорить!

— Василій Гусевъ!

— Не хочу!

— Букинъ Федоръ!

Тяжело поднялся бѣлесоватый, выцвѣтшій парень и, качая головой, медленно сказалъ:

— Стыдились-бы . . . Я человѣкъ тяжелый и то понимаю справедливость! . . — Онъ поднялъ руку выше головы и замолчалъ, полузакрывъ глаза, какъ-бы присматриваясь къ чему-то вдали.

— Что такое? — раздраженно, съ изумленіемъ, вскричалъ старикъ, опрокидываясь въ креслѣ.

— А, ну васъ . . .

Букинъ угрюмо опустился на скамью. Было огромное важное въ его темныхъ словахъ, было что-то грустно укоряющее и наивное. Это почувствовалось всѣми, и даже судьи прислушивались, какъ будто ожидая, не раздастся-ли эхо, болѣе ясное, чѣмъ эти слова. И на скамьяхъ для публики все замерло, только тихій плачъ колебался въ воздухѣ. Потомъ прокуроръ, пожавъ плечами, усмѣхнулся, предводитель дворянства гулко кашлянулъ, и снова постепенно родились шопоты, возбужденно извиваясь по залу.

Мать, наклонясь къ Сизову, спросила:

— Будутъ судьи говорить?

— Все кончено . . . только приговоръ объявятъ . . .

— Больше ничего?

— Да . . .

Она не повѣрила ему.

Самойлова безпокойно двигалась по скамьѣ, толкая мать плечомъ и локтемъ, и тихо говорила мужу:

— Какъ-же это? Развѣ такъ можно?

— Видишь — можно . . .

— Что-же будетъ ему, Гришѣ-то? . .

— Молчи . . . отвяжись . . .

Во всѣхъ чувствовалось что-то сдвинутое съ мѣста, нарушенное, разбитое, люди недоумѣнно мигали ослѣпленными глазами, какъ будто передъ ними загорѣлось нѣчто яркое, неясныхъ очертаній, непонятнаго значенія, но страшной, вовлекающей силы. И не понимая внезапно открывшагося великаго, люди торопливо расходовали новое для нихъ чувство на мелкое, очевидное, понятное имъ. Старшій Букинъ не стѣсняясь громко шепталъ:

— Позвольте . . . почему не даютъ говорить? Прокуроръ можетъ говорить все и сколько хочетъ . . .

У скамей стоялъ чиновникъ и, махая руками на людей, вполголоса говорилъ:

— Тише . . . тише . . .

Самойловъ откинулся назадъ и за спиной жены гудѣлъ, отрывисто выбрасывая слова.

— Конечно . . . они виноваты, скажемъ . . . А ты дай объяснить! Противъ чего пошли они? Противъ всего? . . Я желаю понять! Я тоже имѣю свой интересъ . . . Гдѣ правда? Я желаю понять . . . дайте говорить!

— Тише! — грозя ему пальцемъ, воскликнулъ чиновникъ.

Сизовъ угрюмо кивалъ головой.

А мать неотрывно смотрѣла на судей и видѣла — они все болѣе возбуждались, разговаривая другъ съ другомъ невнятными голосами. Звукъ ихъ говора, холодный и скольз-

зкій, касался ея лица и вызывалъ своимъ прикосновеніемъ дрожь въ щекахъ, недужное, противное ощущеніе во рту. Матери почему-то казалось, что они всѣ говорятъ о тѣлѣ ея сына и товарищей его, о крѣпкомъ, голомъ тѣлѣ, о мускулахъ и членахъ юношей, полныхъ горячей крови, живой силы. Это тѣло зажигаетъ въ нихъ нехорошую, безсильную зависть нищихъ, липкую жадность истощенныхъ и больныхъ. Они чмокаютъ губами и жалѣютъ эти тѣла, способныя работать и обогащать, наслаждаться и творить. Теперь тѣла уходятъ изъ дѣловаго оборота жизни, отказываются отъ нея, уносятъ съ собой возможность владѣть ими, использовать ихъ силу, пожрать ее. И поэтому юноши вызываютъ у старыхъ судей мстительное, тоскливое раздраженіе ослабѣвшаго звѣря, который видитъ свѣжую пищу, но уже не имѣетъ силы схватить ее, потерялъ способность насыщаться чужою силой и болѣзненно ворчитъ, уныло воетъ, видя, что уходитъ отъ него источникъ сытости.

Эта мысль, грубая и странная, принимала тѣмъ болѣе яркую форму, чѣмъ внимательнѣе разглядывала мать судей. Они не скрывали, казалось ей, возбужденной жадности и безсильнаго озлобленія голодныхъ, которые когда-то много могли пожрать. Ей, женщинѣ и матери, которой тѣло сына всегда и всетаки дороже того, что зовется душой, ей было страшно видѣть, какъ эти липкіе, потухшіе глаза ползали по его лицу, ощупывали его грудь, плечи, руки, терлись о горячую кожу, точно искали возможности вспыхнуть, разгорѣться и согрѣть кровь въ отвердѣвшихъ жилахъ, въ изношенныхъ мускулахъ полумертвыхъ людей, теперь нѣсколько оживленныхъ уколами жадности и зависти къ молодой жизни, которую они должны были осудить и отнять у самихъ себя . . . Ей казалось, что сынъ чувствуетъ эти сырыя, непріятно щекочущія прикосновенія и, вздрагивая, смотритъ на нее.

Павелъ смотрѣлъ въ лицо матери немного усталыми глазами спокойно и ласково. Порою кивалъ ей головой, улыбался.

— Скоро свобода! — говорила ей эта улыбка и точно гладила сердце матери мягкими прикосновеніями.

Вдругъ судьи встали всѣ сразу. Мать тоже невольно поднялась на ноги.

— Пошли! — сказалъ Сизовъ.

— За приговоромъ? — спросила мать.

— Да . . .

Ея напряженіе вдругъ разсѣялось, тѣло обняло душной истомой усталости, задрожала бровь, и на лбу выступилъ потъ. Тягостное чувство разочарованія и обиды хлынуло въ сердце и быстро переродилось въ угнетающее душу презрѣніе къ судьямъ и суду. Ощущая боль въ бровяхъ, она крѣпко провела ладонью по лбу, оглянулась — родственники подсудимыхъ подходили къ рѣшеткѣ, залъ наполнился гуломъ разговора. Она тоже подошла къ Павлу и, крѣпко стиснувъ его руку, заплакала, полная обиды и радости, путаясь въ хаосѣ разнорѣчивыхъ чувствъ. Павелъ говорилъ ей ласковыя слова, хохолъ шутилъ и смѣялся.

Всѣ женщины плакали, но больше по привычкѣ, чѣмъ отъ горя. Горя, ошеломляющаго внезапнымъ, тупымъ ударомъ, неожиданно и невидимо падающаго на голову, не было, было печальное сознаніе необходимости разстаться съ дѣтьми, но и оно тонуло, растворялось въ впечатлѣніяхъ, вызванныхъ этимъ днемъ. Отцы и матери смотрѣли на дѣтей со смутнымъ чувствомъ, гдѣ недовѣріе къ молодости, привычное сознаніе своего превосходства надъ дѣтьми, странно сливалось съ другимъ чувствомъ, близкимъ уваженію къ нимъ, и печальная, безотвязная дума, какъ теперь жить, притуплялась о любопытство, возбужденное юностью, которая смѣло и безстрашно говоритъ о возможности другой, хорошей жизни. Чувства сдерживались неумѣніемъ выражать ихъ, слова тратились обильно, но говорили о простыхъ вещахъ, о бѣльѣ и одеждѣ, о необходимости беречь здоровье и не раздражать по пустому поводу начальство.

— Всѣ, братъ, устаютъ! — говорилъ Самойловъ сыну. — И мы, и они . . .

А братъ Букина, взмахивая руками, убѣждалъ младшаго брата:

— Именно — справедливость! И больше ничего! Будетъ! Этого они не могутъ принять.

Младшій Букинъ отвѣчалъ:

— Ты скворца береги . . . любилъ я его . . .

— Возвращайся! Будетъ цѣлъ! . .

— Мнѣ тамъ дѣлать нечего . . .

А Сизовъ держалъ племянника за руку и медленно говорилъ:

— Такъ, Федоръ . . . значитъ, поѣхалъ ты . . .

Федя наклонился и прошепталъ ему что-то на ухо, плутовато улыбаясь. Конвойный солдатъ тоже улыбнулся, но тотчасъ-же сдѣлалъ суровое лицо и крякнулъ.

Мать говорила съ Павломъ, какъ и другіе о томъ-же — о платьѣ, о здоровьѣ, а въ груди у нея толкались десятки вопросовъ о Сашѣ, о себѣ, о немъ. Но подо всѣмъ этимъ лежало и медленно разросталось чувство избытка, любви къ сыну, напряженное желаніе нравиться ему, быть ближе его сердцу. Ожиданіе страшнаго умерло, оставивъ по себѣ только непріятную дрожь при воспоминаніи о судьяхъ, да гдѣ-то въ сторонѣ темную мысль о нихъ. Чувствовала она въ себѣ зарожденіе большой, свѣтлой радости, не понимала ее и смущалась. Видя, что хохолъ говоритъ со всѣми, понимая, что ему нужна ласка болѣе, чѣмъ Павлу, она заговорила съ нимъ:

— Не понравился мнѣ судъ!

— А почему, ненько? — благодарно улыбаясь, воскликнулъ хохолъ. — Стара мельница, а не бездѣльница . . .

— И не страшно . . . и не понятно людямъ — чья-же правда? — нерѣшительно сказала она.

— Ого, чего вы захотѣли! — воскликнулъ Андрей. — Да развѣ здѣсь о правдѣ тягаются? . .

Вздохнувъ и улыбаясь, она сказала:

— Я вѣдь думала, что страшно . . . страшнѣе церкви . . . служба будетъ правдѣ . . .

— Ты знаешь, мама, гдѣ служатъ правдѣ! — тихо и какъ бы прося о чемъ-то сказалъ Павелъ.

— И нигдѣ, кромѣ ненько! — добавилъ хохолъ.

— Судъ идетъ!

Всѣ быстро кинулись на мѣста.

Упираясь одною рукою о столъ, старшій судья, закрывъ лицо бумагой, началъ читать ее слабо жужжавшимъ, шмелинымъ голосомъ.

— Приговариваетъ! — сказалъ Сизовъ, вслушиваясь.

Стало тихо. Всѣ встали, глядя на старика. Маленькій, сухой, прямой, онъ имѣлъ что-то общее съ палкой, которую держитъ невидимая рука, опираясь на нее. Судьи тоже стояли, волостной — наклонивъ голову на плечо и глядя въ потолокъ; голова — скрестивъ на груди руки; предводитель дворянства — поглаживая бороду. Судья съ больнымъ лицомъ, его пухлый товарищъ и прокуроръ смотрѣли въ сторону подсудимыхъ. А сзади судей, съ портрета, черезъ ихъ головы, смотрѣлъ царь, въ красномъ мундирѣ, съ безразличнымъ бѣлымъ лицомъ и по лицу его ползало какое-то насѣкомое или дрожалъ комокъ паутины.

— На поселеніе! — облегченно вздохнувъ, сказалъ Сизовъ. — Ну, кончено, слава Тебѣ, Господи! Говорилось — каторга! Ничего, мать . . . Это ничего!

— Я вѣдь знала . . . — отвѣтила мать усталымъ голосомъ.

— Всетаки . . . Теперь ужъ вѣрно! . . А то кто ихъ знаетъ? — Онъ обернулся къ осужденнымъ, которыхъ уже уводили и громко сказалъ:

— До свиданья, Федоръ! И всѣ . . . Дай вамъ Богъ!

Мать молча кивала головой сыну и всѣмъ. Хотѣлось заплакать, но было совѣстно.

XXVII.

Она вышла изъ суда и удивилась, что уже ночь надъ городомъ, фонари горятъ на улицѣ и звѣзды въ небѣ. Око-

ло суда толпились кучки людей, въ морозномъ воздухѣ хрустѣлъ снѣгъ, звучали молодые голоса, пересѣкая другъ друга. Человѣкъ въ сѣромъ башлыкѣ заглянулъ въ лицо Сизова и торопливо спросилъ:

— Какой приговоръ?

— Поселеніе.

— Всѣмъ?

— Всѣмъ.

— Спасибо!

Человѣкъ отошелъ.

— Видишь? — сказалъ Сизовъ. — Спрашиваютъ . . .

Вдругъ ихъ окружило человѣкъ десять юношей и дѣвушекъ, и быстро посыпались восклицанія, привлекавшія людей. Мать и Сизовъ остановились. Спрашивали о приговорѣ, о томъ, какъ держались подсудимые, кто говорилъ рѣчи, о чемъ — и во всѣхъ вопросахъ звучала одна и та-же нота жаднаго любопытства — искреннее и горячее, оно возбуждало желаніе удовлетворить его.

— Господа! Это мать Павла Власова! — негромко крикнулъ кто-то, и не сразу, но быстро всѣ замолчали.

— Позвольте пожать вамъ руку!

Чья-то крѣпкая рука стиснула пальцы матери, чей-то голосъ взволнованно заговорилъ.

— Вашъ сынъ будетъ примѣромъ мужества для всѣхъ насъ . . .

— Да здравствуетъ русскій рабочій! — раздался звонкій крикъ.

— Да здравствуетъ революція!

Крики росли, умножались, вспыхивали тамъ и тутъ, отовсюду бѣжали люди, сталкиваясь вокругъ Сизова и матери. Запрыгали по воздуху свистки полиціи, но трели ихъ не заглушали криковъ. Старикъ смѣялся, а матери все это казалось милымъ сномъ. Она улыбалась, пожимала руки, кланялась, и хорошія, свѣтлыя слезы сжимали горло, ноги ея дрожали отъ усталости, но сердце, насыщенное радостью, все поглощая, отражало впечатлѣнія подобно свѣтлому лику

озера. А близко отъ нея чей-то ясный голосъ нервно говорилъ:

— Товарищи! Друзья! Чудовище, пожирающее русскій народъ, сегодня снова проглотило своей бездонной, жадной пастью . . .

— Однако, мать, идемъ! — сказалъ Сизовъ.

И въ тоже время откуда-то явилась Саша, взяла мать подъ руку и быстро потащила за собой на другую сторону улицы, говоря:

— Идите . . . пожалуй, будутъ бить . . . Или арестуютъ . . . Что? Поселеніе? Въ Сибирь?

— Да, да . . .

— А какъ онъ . . . говорилъ? Я, впрочемъ, знаю. Онъ былъ всѣхъ сильнѣе и проще . . . всѣхъ суровѣе, конечно, да? Онъ чуткій, нѣжный, но только стыдится открыть себя . . . И прямой, ясный, твердый, какъ сама правда . . . Въ немъ все есть . . . все! Но во многомъ онъ нарочно сжимаетъ себя . . . боясь, что это помѣшаетъ дѣлу, я вѣдь знаю . . .

Ея горячій полушопотъ, слова любви ея, успокаивая волненія матери, поднимали ея упавшія силы.

— Когда поѣдете къ нему? — тихонько и ласково спросила она Сашу, прижимая ея руку къ своему тѣлу. Увѣренно глядя впередъ, дѣвушка отвѣтила:

— Какъ только найду кого-нибудь, кто-бы взялъ мою работу . . . Вѣдь я тоже жду приговора. Вѣроятно, они меня тоже въ Сибирь . . . я заявлю тогда, что желаю быть поселенной въ той мѣстности, гдѣ будетъ онъ.

Сзади раздался голосъ Сизова:

— Кланяйтесь тогда ему отъ меня!.. Сизовъ, молъ . . . Онъ знаетъ . . . Дядя Федора Мазина . . .

Саша остановилась, обернулась, протягивая руку.

— Я знакома съ Федей. Меня зовутъ Александра.

— А по батюшкѣ?

Она взглянула на него и отвѣтила:

— У меня нѣтъ отца.

— Померъ, значитъ . . .

— Нѣтъ, онъ живъ! — возбужденно отвѣтила дѣвушка, и что-то упрямое, настойчивое прозвучало въ ея голосѣ, явилось на лицѣ. — Онъ помѣщикъ, теперь — земскій начальникъ, онъ обворовываетъ крестьянъ . . . и бьетъ ихъ.

— Та-акъ! — подавленно отозвался Сизовъ и, помолчавъ, сказалъ, идя рядомъ съ дѣвушкой и поглядывая на нее сбоку.

— Ну, мать, прощай! Мнѣ налѣво идти . . . Зайди когда потолковать, чайку попить . . . До свиданья, барышня . . . строго вы насчетъ отца-то! . . Конечно, ваше дѣло . . .

— Вѣдь если вашъ сынъ — дрянной человѣкъ, вредный людямъ, противный вамъ — вы это скажете? — страстно крикнула Саша.

— Ну . . . скажу! — не вдругъ отвѣтилъ старикъ.

— Значитъ, вамъ справедливость — дороже сына . . . а мнѣ она — дороже отца . . .

Сизовъ улыбнулся, качая головой, потомъ сказалъ вздохнувъ:

— Ну-ну! Ловко вы! Коли надолго васъ хватитъ — одолѣете вы стариковъ . . . напоръ у васъ большой! . . Прощайте, желаю вамъ всякаго добраго . . . И къ людямъ — подобрѣе, а? Ну, Господь съ вами . . . Прощай, Ниловна! Увидишь Павла, скажи — слышалъ, молъ, рѣчь его. Не все понятно . . . даже страшно иное, но, скажи, вѣрно!

Онъ приподнялъ шапку и степенно повернулъ за уголъ улицы.

— Хорошій, должно быть, человѣкъ! — замѣтила Саша, проводивъ его улыбающимся взглядомъ своихъ большихъ глазъ.

Матери показалось, что сегодня лицо дѣвушки мягче и добрѣе, чѣмъ всегда.

Дома онѣ сѣли на диванъ, плотно прижавшись другъ къ другу, и мать, отдыхая въ тишинѣ, снова заговорила о поѣздкѣ Саши къ Павлу. Задумчиво приподнявъ густыя

брови, дѣвушка смотрѣла вдаль большими, мечтающими глазами, по ея блѣдному лицу разлилось спокойное созерцаніе.

— Потомъ, когда родятся у васъ дѣти — пріѣду я къ вамъ, буду няньчиться съ ними. И заживемъ мы тамъ не хуже здѣшняго-то . . . Работу Паша найдетъ, руки у него золотыя . . .

Окинувъ мать пытливымъ взглядомъ, Саша спросила:

— А вамъ развѣ не хочется сейчасъ ѣхать за нимъ?

Вздохнувъ, мать сказала:

— На что я ему? Только помѣшаю, въ случаѣ побѣга . . . Да и не согласился-бы онъ . . .

Саша кивнула головой.

— Не согласится . . .

— Къ тому-же я — при дѣлѣ! — добавила мать съ легкой гордостью.

— Да! — задумчиво отозвалась Саша. — Это хорошо . . .

И вдругъ, вздрогнувъ, какъ-бы сбрасывая съ себя что-то, заговорила просто и негромко:

— Жить онъ тамъ не станетъ. Онъ — уйдетъ, конечно . . .

— А какъ-же вы? . . И дитя, въ случаѣ? . .

— Я не знаю. Тамъ увидимъ. Онъ не долженъ считаться со мной, и я не буду стѣснять его. Онъ свободенъ въ любой моментъ, я — его товарищъ . . . Мнѣ будетъ, я это знаю, тяжело разстаться съ нимъ, но, разумѣется, я справлюсь . . . Я не стѣсню его, нѣтъ.

Мать почувствовала, что Саша способна сдѣлать такъ, какъ говоритъ, ей стало жалко дѣвушку. Обнявъ ее, она сказала:

— Милая вы моя, трудно вамъ будетъ!

Саша мягко улыбнулась, прижимаясь къ ней всѣмъ тѣломъ. Голосъ у нея звучалъ тихо, но сильно и на лицѣ явился румянецъ.

— До этого далеко . . . но вы не думайте, тутъ нѣтъ жертвъ . . . я знаю, что дѣлаю, знаю, чего могу ждать . . .

я буду счастлива, если ему будетъ хорошо со мной. Моя задача, мое желаніе — увеличить его энергію, дать ему столько счастья, сколько я могу . . . много! Я очень люблю его . . . и онъ меня, — я знаю! Мы обмѣняемся чувствомъ, обогатимъ другъ друга всѣмъ, чѣмъ можемъ и, если будетъ нужно, разстанемся друзьями . . .

Счастливо улыбаясь, мать медленно проговорила:

— Пріѣду я къ вамъ . . . а, можетъ, тоже пошлютъ . . .

И долго обѣ онѣ молча, тѣсно прижавшись другъ къ другу, думали о любимомъ человѣкѣ. Было тихо, сладко-грустно и тепло.

Явился Николай усталый и, раздѣваясь, торопливо заговорилъ:

— Ну, Сашенька, вы убирайтесь, пока цѣлы! За мной съ утра гуляютъ два шпіона и такъ открыто-скрыто, что дѣло пахнетъ арестомъ . . . У меня предчувствіе . . . Что-то гдѣ-то случилось . . . Кстати, вотъ у меня рѣчь Павла, ее рѣшено напечатать . . . Несите ее къ Людмилѣ, умоляйте работать быстрѣе . . . Павелъ говорилъ славно, Ниловна! . . Берегитесь шпіоновъ, Саша . . . Подождите, эти бумажки тоже спрячьте . . . Ивану ихъ, напримѣръ . . .

Говоря, онъ крѣпко растеръ озябшія руки и, подойдя къ столу, началъ поспѣшно выдвигать ящики, выбирая изъ нихъ бумаги, однѣ рвалъ, другія откладывалъ въ сторону, озабоченный и растрепанный.

— Давно-ли я все вычистилъ, а ужъ опять вотъ сколько накопилось всякой всячины . . . чортъ! Видите-ли, Ниловна, вамъ, пожалуй, тоже лучше не ночевать дома, а? Присутствовать при этой музыкѣ довольно скучно, а они могутъ и васъ посадить . . . вамъ-же необходимо будетъ поѣздить туда и сюда съ рѣчью Павла . . .

— Ну, на что я имъ? — сказала мать. — Да и вы, можетъ, еще ошибаетесь . . .

Николай, помахивая кистью руки передъ глазами, увѣренно сказалъ:

— У меня есть нюхъ . . . Къ тому-же, вы могли бы помочь Людмилѣ, а? Идите-ка подальше отъ грѣха . . .

Возможность принять участіе въ печатаніи рѣчи сына была пріятна ей, она отвѣтила:

— Коли такъ — я уйду . . . Только я — не боюсь . . .

И неожиданно для себя самой, сказала увѣренно, но негромко:

— Теперь я ничего не боюсь . . . слава Тебѣ, Христе! Вѣдь теперь ужъ знаю . . .

То, что она знала, вызвало на ея лицѣ спокойную улыбку.

— Чудесно! — воскликнулъ Николай, не глядя на нее. — Вотъ что — вы мнѣ скажите, гдѣ чемоданъ мой и мое бѣлье . . . а то вы забрали все въ свои хищническія руки, и я совершенно лишенъ возможности свободно распоряжаться личной собственностью . . . Я приготовлюсь вполнѣ, это ихъ непріятно поразитъ . . .

Саша молча жгла въ печкѣ обрывки бумагъ и, когда они сгорали, тщательно мѣшала пепелъ съ золой.

— Вы, Саша, уходите! — сказалъ Николай, протянувъ ей руку. — До свиданья! Не забывайте книгами, если явится что-нибудь новое, интересное . . . Ну, до свиданья, дорогой товарищъ! Будьте осторожнѣе . . .

— Вы разсчитываете на долго? — спросила Саша.

— А чортъ ихъ знаетъ! Вѣроятно . . . за мной кое-что есть . . . Ниловна, идите вмѣстѣ, а? За двоими труднѣе слѣдить . . . хорошо?

— Иду! — отвѣтила мать. — Сейчасъ одѣнусь . . . Она внимательно слѣдила за Николаемъ, но кромѣ озабоченности, заслонившей обычное, доброе и мягкое выраженіе лица, не замѣчала ничего. Ни лишней суетливости движеній, никакого признака волненія не видѣла она въ этомъ человѣкѣ, дорогомъ ей болѣе другихъ. Ко всѣмъ одинаково внимательный, со всѣми ласковый и ровный, всегда спокойно одинокій, онъ для всѣхъ оставался такимъ-же, какъ и прежде, живущимъ тайною жизнью внутри себя и гдѣ-то впереди людей.

Но она знала, что онъ подошелъ къ ней ближе всѣхъ, и любила его осторожной и какъ-бы въ самое себя невѣрящей любовью. Теперь ей было нестерпимо жаль его, но она сдерживала свое чувство, зная, что если покажетъ его — Николай растеряется, сконфузится и станетъ, какъ всегда, смѣшнымъ немного — ей не хотѣлось видѣть его такимъ.

Она снова вошла въ комнату, онъ, пожимая руку Саши, говорилъ:

— Чудесно! Это, я увѣренъ, очень хорошо для него и для васъ. Немножко личнаго счастья, это не вредно . . . но немного, знаете-ли, чтобы не потерять ему цѣну . . . Вы готовы, Ниловна?

Онъ подошелъ къ ней улыбаясь и поправляя очки.

— Ну, до свиданья . . . я хочу думать — мѣсяца на три, на четыре . . . на полгода, наконецъ! Полгода — это очень много жизни . . . въ полгода можно передѣлать массу дѣлъ! . . Берегите себя, пожалуйста, а? Давайте, обнимемся . . .

Худой и тонкій, онъ охватилъ ея шею своими крѣпкими руками, взглянулъ въ ея глаза и засмѣялся, говоря:

— Я, кажется, влюбился въ васъ . . . все обнимаюсь!

Она молчала, цѣлуя его лобъ и щеки, а руки у нея тряслись. Чтобы онъ не замѣтилъ этого, она разжала ихъ.

— Идете? . . Отлично! Смотрите, завтра осторожнѣе! Вы вотъ что, пошлите утромъ мальчика — тамъ у Людмилы есть такой мальчуганъ — пускай онъ посмотритъ . . . Ну, до свиданья, товарищи! Все хорошо! . .

На улицѣ Саша тихонько сказала матери:

— Вотъ такъ-же просто онъ пойдетъ на смерть, если будетъ нужно . . . и такъ-же, вѣроятно, немножко заторопится . . . А когда смерть взглянетъ въ его лицо, онъ поправитъ очки, скажетъ — чудесно — и умретъ.

— Люблю я его! — прошептала мать.

— Я удивляюсь . . . а любить . . . нѣтъ! Уважаю — очень. Онъ какъ-то сухъ, хотя добръ и даже, пожалуй, нѣженъ иногда, но все это — недостаточно человѣческое . . .

Ка[illegible] за нами слѣдятъ? Давайте разойдемся . . . И не в[illegible]е къ Людмилѣ, если вамъ покажется, что есть шпіонъ.

— Я[illegible]о! — сказала мать. Но Саша настойчиво прибавила:

— Не в[illegible]е . . . Тогда — ко мнѣ. Прощайте, пока!

Она быстр[illegible]ернулась и пошла обратно.

Мать крикну[illegible]слѣдъ ей:

— Прощайте!

[illegible]XVIII.

И черезъ нѣсколько[illegible]тъ сидѣла, грѣясь у печки въ маленькой комнаткѣ Л[illegible]ы. Хозяйка въ черномъ платьѣ, подпоясанномъ ремн[illegible]медленно расхаживала по комнатѣ, наполняя ее шелесто[illegible]звуками своего командующаго голоса.

Въ печи трещалъ и вылъ ого[illegible]втягивая воздухъ изъ комнаты, ровно звучала рѣчь женщины.

— Люди гораздо болѣе глупы, чѣмъ злы. Они умѣютъ видѣть только то, что близко къ нимъ, что можно взять сейчасъ . . . А все близкое — дешево, дорого — далекое. Вѣдь въ сущности, всѣмъ было-бы выгодно и пріятно, если-бы жизнь стала иной, болѣе легкой, люди — болѣе разумными. Но для этого сейчасъ-же необходимо побезпокоить себя . . .

Вдругъ, остановясь противъ матери, она сказала тише и какъ-бы извиняясь:

— Рѣдко вижу людей . . . и когда кто-нибудь заходитъ, начинаю говорить . . . Смѣшно?

— Почему-же? — отозвалась мать. Она старалась догадаться, гдѣ эта женщина печатаетъ и не видѣла ничего необычнаго. Въ комнатѣ, съ тремя окнами на улицу, стоялъ диванъ и шкафъ для книгъ, столъ, стулья, у стѣны постель, въ углу около нея умывальникъ, въ другомъ — печь, на стѣнахъ фотографіи картинъ. Все было новое, крѣпкое, чи-

стое, и на все монашеская фигура хозяйки бросала холодную тѣнь. Чувствовалось что-то затаенное, спрятанное, но было непонятно гдѣ. Мать осмотрѣла двери — черезъ одну она вошла сюда изъ маленькой прихожей, около печи была другая дверь, узкая и высокая.

— Я къ вамъ по дѣлу! — смущенно сказала она, замѣтивъ, что хозяйка наблюдаетъ за нею.

— Я знаю! Ко мнѣ не ходятъ иначе . . .

Что-то странное почудилось матери въ голосѣ Людмилы, она взглянула ей въ лицо, та улыбалась углами тонкихъ губъ, за стеклами очковъ блестѣли матовые глаза. Отводя свой взглядъ въ сторону, мать подала ей рѣчь Павла.

— Вотъ, просятъ напечатать поскорѣе . . .

И стала разсказывать о приготовленiяхъ Николая къ аресту.

Людмила, молча сунувъ бумагу за поясъ, сѣла на стулъ, на стеклахъ ея очковъ отразился красный блескъ огня, его горячiя улыбки заиграли на неподвижномъ лицѣ.

— Когда они придутъ ко мнѣ — я буду стрѣлять въ нихъ! — негромко и рѣшительно проговорила она, выслушавъ разсказъ матери. — Я имѣю право защищаться отъ насилiя и я должна бороться съ нимъ, если другихъ призываю къ этому. Я не понимаю спокойствiя. И не люблю его!

Отблески огня соскользнули съ лица ея, и снова оно сдѣлалось суровымъ, немного надменнымъ.

— Нехорошо тебѣ живется! — вдругъ ласково подумала мать.

Людмила начала читать рѣчь Павла нехотя, потомъ все ближе наклонялась надъ бумагой, быстро откидывая прочитанные листки въ сторону, а прочитавъ, встала, выпрямилась, подошла къ матери.

— Это — хорошо! Такъ — я люблю! Все — ясно . . .

Она подумала, опустивъ на минуту голову.

— Я не хотѣла говорить съ вами о вашемъ сынѣ — не встрѣчалась съ нимъ и не люблю печальныхъ разговоровъ . . . Я знаю, что это значитъ, когда близкiй идетъ въ

ссылку! Но — мнѣ хочется спросить васъ — хорошо имѣть такого сына? . .

— Да, хорошо! — сказала мать.

— И — страшно, да?

Спокойно улыбаясь, мать отвѣтила:

— Теперь ужъ — не страшно . . .

Людмила, поправляя смуглой рукой гладко причесанные волосы, отвернулась къ окну. Легкая тѣнь трепетала на ея щекахъ, можетъ быть, тѣнь подавленной улыбки.

— Мы это напечатаемъ . . . Вы мнѣ поможете?

— Конечно!

— Я живо наберу . . . Вы ложитесь, у васъ былъ трудный день, устали. Ложитесь здѣсь, на кровати, я не буду спать, и ночью, можетъ быть, разбужу васъ помочь мнѣ . . . Когда ляжете, погасите лампу.

Она подбросила въ печь два полѣна дровъ, выпрямилась и ушла въ узкую дверь около печи, плотно притворивъ ее за собой. Мать посмотрѣла вслѣдъ ей и стала раздѣваться, неохотно думая о хозяйкѣ.

— Строга . . . о чемъ-то тоскуетъ . . .

Усталость кружила ей голову, а на душѣ было странно спокойно и все въ глазахъ освѣщалось мягкимъ и ласковымъ свѣтомъ, тихо и ровно наполнявшимъ грудь. Она уже знала это спокойствіе, оно являлось къ ней всегда послѣ большихъ волненій и раньше немного тревожило ее, но теперь только расширяло душу, укрѣпляя ее большимъ и сильнымъ чувствомъ. Она погасила лампу, легла въ холодную постель, съежилась подъ одѣяломъ и быстро уснула крѣпкимъ сномъ . . .

А когда открыла глаза — комната была полна холоднымъ бѣлымъ блескомъ яснаго зимняго дня, хозяйка съ книгою въ рукахъ лежала на диванѣ и, улыбаясь непохоже на себя, смотрѣла ей въ лицо.

— Ой, батюшки! — смущенно воскликнула мать. — Вотъ какъ я . . . много время-то, а?

— Доброе утро! — отозвалась Людмила. — Скоро десять, вставайте, будемъ чай пить.

— Что-же вы меня не разбудили?

— Хотѣла. Подошла къ вамъ, а вы такъ хорошо улыбались во снѣ . . .

Гибкимъ движеніемъ всего тѣла она поднялась съ дивана, подошла къ постели, наклонилась къ лицу матери, и въ ея матовыхъ глазахъ мать увидала что-то родное, близкое и понятное.

— Мнѣ стало жалко помѣшать вамъ . . . можетъ быть вы видѣли счастливый сонъ . . .

— Ничего не видѣла!

— Ну, все равно . . . Но мнѣ понравилась ваша улыбка. Спокойная такая, добрая . . . большая!

Людмила засмѣялась, и смѣхъ ея звучалъ негромко, бархатисто.

— Я и задумалась о васъ . . . о вашей жизни! Вѣдь трудно вамъ живется!

Мать, двигая бровями, молчала, думая.

— Конечно, трудно! — воскликнула Людмила.

— Не знаю ужъ! — осторожно сказала мать. — Иной разъ покажется трудно . . . какъ будто. А всего такъ много . . . все такое серьезное, удивительное . . . и двигается одно за другимъ скоро, скоро такъ . . .

Знакомая ей волна бодраго возбужденія поднималась въ груди, наполняя сердце образами и мыслями. Она сѣла на постели, торопливо одѣвая мысли словами.

— Идетъ, идетъ, идетъ — все къ одному и точно огонь, когда домъ загорѣлся — вверхъ! Тутъ пробивается, тамъ заблеститъ, все свѣтлѣе, все сильнѣе . . . Много тяжелаго, знаете! Люди страдаютъ, бьютъ ихъ, жестоко бьютъ и всѣмъ стѣсняютъ, стерегутъ . . . прячутся они, живутъ монахами . . . и многія радости запретны имъ . . . очень это тяжело!

Людмила, быстро вскинувъ голову, взглянула на нее обнимающимъ взглядомъ и замѣтила.

— Вы говорите не о себѣ!

Мать посмотрѣла на нее, встала съ постели и, одѣваясь, говорила, спрашивая:

— Не о себѣ? . . Да какъ-же отодвинешь себя въ сторону, когда и того любишь, и этотъ дорогъ, и за всѣхъ боязно, каждаго жалко . . . все толкается въ сердце . . . и ко всѣмъ его тянетъ . . . Какъ отойдешь въ сторону?

Стоя среди комнаты полуодѣтая, она на минуту задумалась. Ей вдругъ показалось, что нѣтъ ея, той, которая жила тревогами и страхомъ за сына, мыслями объ охранѣ его тѣла, нѣтъ ея теперь такой, она отдѣлилась, отошла далеко куда-то, а, можетъ быть, совсѣмъ сгорѣла на огнѣ волненія, и это облегчило, очистило душу, обновило сердце новой силой. Она прислушивалась къ себѣ, желая заглянуть въ свое сердце и боясь снова разбудить тамъ что-либо старое, тревожное.

— О чемъ задумались? — ласково спросила хозяйка, подходя къ ней.

— Не знаю! — отвѣтила мать.

Помолчали, глядя другъ на друга, улыбнулись обѣ, потомъ Людмила пошла изъ комнаты, говоря:

— Что-то дѣлаетъ мой самоваръ?

Мать посмотрѣла въ окно, на улицѣ сіялъ холодный, крѣпкій день, въ груди ея тоже было свѣтло, но жарко. Хотѣлось говорить обо всемъ, много, радостно, со смутнымъ чувствомъ благодарности кому-то неизвѣстному за все, что сошло въ душу и рдѣло тамъ вечернимъ, предзакатнымъ свѣтомъ. Давно не возникавшее желаніе молиться волновало ее. Чье-то молодое лицо вспомнилось, звонкій голосъ крикнулъ въ памяти — »это мать Павла Власова! . .« Сверкнули радостно и нѣжно глаза Саши, встала темная фигура Рыбина, улыбалось бронзовое, твердое лицо сына, смущенно мигалъ Николай и вдругъ все всколыхнулось глубокимъ, легкимъ вздохомъ, слилось и спуталось въ прозрачное, разноцвѣтное облако, обнявшее всѣ мысли чувствомъ покоя.

— Николай былъ правъ! — сказала Людмила входя. — Его арестовали, несомнѣнно. Я посылала туда мальчика, какъ вы сказали. Онъ говорилъ, что на дворѣ полиція, видѣлъ полицейскаго, который прятался за воротами. И ходятъ сыщики, мальчикъ ихъ знаетъ.

— Такъ! — сказала мать, кивая головой. — Ахъ, бѣдный . . .

И вздохнула, но безъ печали и тутъ-же тихонько удивилась этому.

— Онъ послѣднее время страшно много читалъ среди городскихъ рабочихъ и вообще ему пора было провалиться! — хмуро и спокойно замѣтила Людмила. — Товарищи говорили — уѣзжай! Не послушалъ! По моему — въ такихъ случаяхъ надо заставлять, а не уговаривать . . .

Въ двери всталъ черноволосый и румяный мальчикъ съ красивыми синими глазами и горбатымъ носомъ.

— Я внесу самоваръ? — звонко спросилъ онъ.

— Пожалуйста, Сережа! . . Мой воспитанникъ. Вы его видали раньше?

— Нѣтъ.

— Онъ иногда заходилъ къ Николаю, я посылала...

Матери казалось, что Людмила сегодня иная, проще и ближе ей. Въ гибкихъ колебаніяхъ ея стройнаго тѣла было много красоты и силы, нѣсколько смягчавшей строгое и блѣдное лицо. За ночь увеличились круги подъ ея глазами. И чувствовалось въ ней напряженное усиліе, туго натянутая струна въ душѣ.

Мальчикъ внесъ самоваръ.

— Знакомься, Сережа! Пелагея Ниловна, мать того рабочаго, котораго вчера осудили.

Сережа молча поклонился, пожалъ руку матери, вышелъ, принесъ булки и сѣлъ за столъ. Людмила, наливая чай, убѣждала мать не ходить домой до поры, пока не выяснится, кого тамъ ждетъ полиція.

— Можетъ быть — васъ . . . Васъ, навѣрное, будутъ допрашивать . . .

— Пускай допрашиваютъ! — отозвалась мать. — И арестуютъ — не велика бѣда. Только-бы сначала Пашину рѣчь разослать.

— Она уже набрана. Завтра можно будетъ имѣть ее для города и слободы . . . Да и въ уѣздъ хватитъ. Вы знаете Наташу?

— Какъ-же!

— Вотъ отвезете ей . . .

Мальчикъ читалъ газету и какъ будто не слышалъ ничего, но порою глаза его смотрѣли изъ-за листа въ лицо матери, и, когда она встрѣчала ихъ живой взглядъ, ей было пріятно, она улыбалась. Людмила снова вспоминала Николая безъ сожалѣнія объ его арестѣ, а матери казался вполнѣ естественнымъ ея тонъ. Время шло быстрѣе, чѣмъ въ другіе дни, когда кончили пить чай, было уже около полудня.

— Однако! — воскликнула Людмила.

И въ тоже время торопливо постучали. Мальчикъ всталъ, вопросительно взглянулъ на хозяйку, красиво прищуривъ глаза.

— Отопри, Сережа. Кто-бы это?

И спокойнымъ движеніемъ она опустила руку въ карманъ юбки, говоря матери:

— Если жандармы, вы Пелагея Ниловна, встаньте вотъ сюда, въ этотъ уголъ . . . А ты, Сережа . . .

— Я знаю! — тихо отвѣтилъ мальчикъ, исчезая.

Мать улыбнулась. Ее эти приготовленія не взволновали — въ ней не было предчувствія бѣды.

Вошелъ маленькій докторъ. Онъ торопливо говорилъ:

— Во-первыхъ, Николай арестованъ . . . Ага, вы здѣсь, Ниловна? . . Васъ не было во время ареста?

— Онъ меня отправилъ сюда.

— Гм . . . я не думаю, что это полезно для васъ! . . Во-вторыхъ, сегодня въ ночь разные молодые люди напечатали на гектографахъ штукъ пятьсотъ рѣчи . . . Я ви-

дѣлъ — сдѣлано недурно, четко, ясно. Они хотятъ вечеромъ разбросать по городу. Я противъ — для города удобнѣе печатные листки, а эти слѣдуетъ отправить куда-нибудь.

— Вотъ я и отвезу ихъ Наташѣ! — живо воскликнула мать. — Давайте-ка!

Ей страшно захотѣлось скорѣе распространить рѣчь Павла, осыпать всю землю словами сына, и она смотрѣла въ лицо доктора ожидающими отвѣта глазами, готовая просить.

— Чортъ знаетъ, насколько удобно вамъ теперь взяться за это! — нерѣшительно сказалъ докторъ и вынулъ часы. — Теперь одиннадцать сорокъ три . . . поѣздъ въ два пять, дорога туда — пять пятнадцать . . . Вы пріѣдете вечеромъ, но недостаточно поздно . . . И не въ этомъ дѣло . . .

— Не въ этомъ! — повторила хозяйка, нахмуривъ брови.

— А въ чемъ? — спросила мать, подвигаясь къ нимъ. — Только въ томъ, чтобы хорошо сдѣлать . . . а ужъ я — съумѣю!

Людмила пристально взглянула на нее и, потирая лобъ, замѣтила:

— Вамъ — опасно . . .

— Почему? — горячо и требовательно воскликнула мать.

— Вотъ почему! — заговорилъ докторъ быстро и неровно. — Вы исчезли изъ дому за часъ до ареста Николая. Вы уѣхали на заводъ, гдѣ васъ знаютъ, какъ тетку учительницы. Послѣ вашего пріѣзда на заводѣ явились вредные листки. Все это захлестывается въ петлю вокругъ вашей шеи.

— Меня тамъ не замѣтятъ! — убѣждала мать, разгораясь. — А ворочусь, арестуютъ, спросятъ гдѣ была . . .

Остановясь на секунду, она воскликнула:

— Я знаю, какъ сказать! Оттуда я проѣду прямо въ слободу, тамъ у меня знакомый есть, Сизовъ . . . такъ я скажу, что, молъ, прямо изъ суда пришла къ нему . . .

горе, молъ, привело . . . а у него тоже горе — племянника осудили . . . И все время была у него . . . Онъ покажетъ такъ-же . . . Видите?

Чувствуя, что они уступятъ силѣ ея желанія, стремясь скорѣе побудить ихъ къ этому, она говорила все болѣе настойчиво. И они уступили.

— Что-жъ, поѣзжайте! — неохотно согласился докторъ.

Людмила молчала, задумчиво прохаживаясь по комнатѣ. Лицо у нея потускнѣло, осунулось, а голову она держала, замѣтно напрягая мускулы шеи, какъ будто голова вдругъ стала тяжелой и невольно опускалась на грудь. Мать замѣтила это. Неохотное согласіе доктора заставило ее вздохнуть.

— Все вы бережете меня! — улыбаясь сказала она. — Себя не бережете . . .

— Не вѣрно! — отвѣтилъ докторъ. — Мы себя бережемъ, должны беречь! И очень ругаемъ того, кто безполезно тратитъ силу свою, да-съ! Теперь вотъ что — рѣчь вы получите на вокзалѣ . . .

Онъ объяснилъ ей, какъ это будетъ сдѣлано, потомъ взглянулъ въ лицо ея, сказалъ:

— Ну, желаю успѣха! Вы — счастливая, да?

И ушелъ, всетаки, недовольный чѣмъ-то. Когда дверь закрылась за нимъ, Людмила подошла къ матери, беззвучно смѣясь.

— Славная . . . Я понимаю васъ . . .

Взявъ ее подъ руку, она снова тихо зашагала по комнатѣ.

— У меня тоже есть сынъ. Ему уже тринадцать лѣтъ, но онъ живетъ у отца. Мой мужъ товарищъ прокурора, можетъ быть, прокуроръ уже теперь. И мальчикъ — съ нимъ . . . Чѣмъ онъ будетъ, часто думаю я . . .

Ея влажный голосъ дрогнулъ, потомъ снова задумчиво и тихо полилась рѣчь.

— Его воспитываетъ сознательный врагъ тѣхъ людей, которые мнѣ близки, которыхъ я считаю лучшими людьми

земли. И мальчикъ можетъ выросги врагомъ моимъ . . . Со мною жить ему нельзя, я живу подъ чужимъ именемъ. Восемъ лѣтъ не видѣла я его . . . это много — восемь лѣтъ!

Остановясь у окна, она смотрѣла въ блѣдное, пустынное небо, продолжая:

— Если-бы онъ былъ со мной — я была-бы сильнѣе, не имѣла-бы этой раны въ сердцѣ, которая всегда болитъ. И даже если-бы онъ умеръ — мнѣ легче было-бы . . .

И, помолчавъ, добавила громко:

— Тогда я знала-бы, что онъ — только мертвъ, но не врагъ того, что выше чувства матери, всего нужнѣе и дороже въ жизни.

— Голубушка вы моя! — тихонько сказала мать, чувствуя, какъ состраданіе жжетъ ей сердце.

— Вы счастливая! — съ усмѣшкой молвила Людмила. — Это великолѣпно — мать и сынъ рядомъ . . . это рѣдко!

Власова неожиданно для себя самой воскликнула:

— Да, хорошо! — И, точно сообщая тайну, понизивъ голосъ, продолжала: — Другая жизнь! . . Всѣ — вы, Николай Ивановичъ, всѣ люди правды — тоже рядомъ! . . Вдругъ люди стали родными . . . понимаю всѣхъ . . . словъ не понимаю, а все другое — понимаю . . . все! . .

— Вотъ какъ! — промолвила Людмила. — Вотъ какъ . . .

Мать положила руку на грудь ей и, тихонько толкая ее, говорила почти шопотомъ и точно сама созерцая то, о чемъ говоритъ.

— Міромъ идутъ дѣти! Вотъ, что я понимаю — въ мірѣ идутъ дѣти, по всей землѣ, всѣ, отовсюду — къ одному! Идутъ лучшіе сердца, честнаго ума люди, наступаютъ неуклонно на все злое, на все темное, идутъ, топчутъ ложь крѣпкими ногами . . . Молодые, здоровые, несутъ силы свои, необоримыя силы свои всѣ къ одному — къ справедливости! Идутъ на побѣду всего горя человѣческаго, на уничтоженіе несчастій всей земли ополчились, идутъ одолѣть безобразное и — одолѣютъ! Новое солнце зажгемъ, говорилъ мнѣ

одинъ, и — зажгутъ! Соединимъ разбитыя сердца всѣ въ одно — соединятъ!

Она взмахнула рукой въ небо.

— Тамъ — солнце!

И ударила себѣ въ грудь.

— Здѣсь зажгутъ другое, величайшее небеснаго, солнце счастья человѣческаго и навѣки оно освѣтитъ землю — всю ее и всѣхъ живущихъ на ней — свѣтомъ любви каждаго человѣка ко всѣмъ и ко всему!

Ей вспоминались слова забытыхъ молитвъ, зажигая новой вѣрой, она бросала ихъ изъ своего сердца точно искры.

— Ко всему несутъ любовь дѣти, идущія путями правды и разума, и все облачаютъ новыми небесами, все освѣщаютъ огнемъ нетлѣннымъ — отъ души, изъ глубинъ ея исходящимъ. Такъ совершается жизнь новая, въ пламени любви дѣтей ко всему міру. И кто погаситъ эту любовь, кто? Какая сила выше этой, кто поборетъ ее? Земля ее родила, и вся жизнь хочетъ побѣды ея . . . вся жизнь!

Она отшатнулась отъ Людмилы, утомленная волненіемъ и сѣла, тяжело дыша. Людмила тоже отошла, безшумно, осторожно, точно боясь разрушить что-то. Она гибко двигалась по комнатѣ, смотрѣла передъ собой глубокимъ взглядомъ матовыхъ глазъ и стала какъ будто еще выше, прямѣе, тоньше. Худое, строгое лицо ея было сосредоточено и губы нервно сжаты. Тишина въ комнатѣ быстро успокоила мать, замѣтивъ настроеніе Людмилы, она спросила виновато и негромко:

— Я, можетъ, что-нибудь не такъ сказала? . .

Людмила быстро обернулась, взглянула на нее, какъ бы въ испугѣ, и торопливо заговорила, протянувъ руки къ матери, точно желая остановить нѣчто.

— Все такъ . . . такъ! . . Но — не будемъ больше говорить объ этомъ . . . Пусть оно останется такимъ, какъ сказалось . . . пусть останется . . . да? — И болѣе спокойно продолжала: — Вамъ уже скоро ѣхать надо . . . далеко вѣдь!

— Да, скоро! Рада я! Ахъ, какъ рада, ка-бы вы знали! Слово сына повезу, слово крови моей! Вѣдь это — какъ своя душа!

Она улыбалась, но ея улыбка неясно отразилась на лицѣ Людмилы. Мать чувствовала, что Людмила охлаждаетъ ея радость своей сдержанностью, и у нея вдругъ возникло упрямое желаніе перелить въ эту суровую душу огонь свой, зажечь ее, — пусть она тоже звучитъ согласно строю сердца, полнаго радостью. Она взяла руки Людмилы, крѣпко стиснула ихъ, говоря:

— Дорогая вы моя! Какъ хорошо это, когда знаешь, что уже есть въ жизни свѣтъ для всѣхъ людей и — будетъ время — увидятъ они его, обнимутся съ нимъ душой и всѣ, всѣ — загорятся пламенемъ неугасимымъ . . .

Ея доброе большое лицо вздрагивало, глаза лучисто улыбались и брови трепетали надъ ними, какъ-бы окрыляя ихъ блескъ. Ее охмѣляли большія мысли, она влагала въ нихъ все, чѣмъ горѣло ея сердце, все, что успѣла пережить, и сжимала мысли въ твердые, ёмкіе кристаллы свѣтлыхъ словъ. Онѣ все сильнѣе рождались въ осеннемъ сердцѣ, освѣщенномъ творческой силой солнца весны, все ярче цвѣли и рдѣли въ немъ.

— Вѣдь это — какъ новый Богъ родится намъ, людямъ! Все — для всѣхъ, всѣ — для всего, вся жизнь — въ одномъ, въ каждомъ — вся жизнь! И каждый — для всей жизни! Такъ понимаю я всѣхъ васъ, для этого вы есть на землѣ, вижу я! Воистину, всѣ вы — товарищи, всѣ — родные, ибо всѣ — дѣти одной матери — правды, правда родила васъ и ея силою живете вы!

Снова захлестнутая волной возбужденія своего, она остановилась, перевела духъ и широкимъ жестомъ разведя руки, какъ-бы для объятія, сказала:

— И когда я говорю про себя слово это — товарищи! — слышу сердцемъ — идутъ! Идутъ отовсюду, множество, всѣ — къ одному! Слышу шумъ такой радостный, какъ звонъ праздничный со всѣхъ церквей земли . . .

Она добилась, чего хотѣла — лицо Людмилы удивленно вспыхнуло, дрожали губы и одна за другой изъ ея матовыхъ глазъ по щекамъ катились слезы, большія прозрачныя.

Мать крѣпко обняла ее, беззвучно засмѣялась, мягко гордясь побѣдою своего сердца . . .

Когда онѣ прощались, Людмила заглянула въ лицо ей и тихо спросила:

— Вы знаете, что съ вами — хорошо?

И сама себѣ отвѣтила:

— Очень! Точно — утромъ, высоко на горѣ . . .

XXIX.

На улицѣ морозный воздухъ сухо и крѣпко обнялъ тѣло, проникъ въ горло, защекоталъ въ носу и на секунду сжалъ дыханіе въ груди. Остановясь, мать оглянулась: близко отъ нея на углу стоялъ извозчикъ въ мохнатой шапкѣ, далеко — шелъ какой-то человѣкъ, согнувшись, втягивая голову въ плечи, а впереди него въ припрыжку бѣжалъ солдатъ, потирая уши.

— Должно быть въ лавочку послали солдатика! — подумала она и пошла, съ удовольствіемъ слушая, какъ молодо и звучно скрипитъ снѣгъ подъ ея ногами. На вокзалъ она пришла рано, еще не былъ готовъ ея поѣздъ, но въ грязномъ, закопченомъ дымомъ залѣ третьяго класса уже собралось много народа — холодъ согналъ сюда путейскихъ рабочихъ, пришли погрѣться извозчики и какіе-то плохо одѣтые, бездомные люди. Были и пассажиры, нѣсколько крестьянъ, толстый купецъ въ енотовой шубѣ, священникъ съ дочерью, рябой дѣвицей, человѣкъ пять солдатъ, суетливые мѣщане. Люди курили, разговаривали, пили чай, водку. У буфета кто-то раскатисто смѣялся, надъ головами носились волны дыма. Визжала открываясь дверь, дрожали и звенѣли стекла, когда ее съ шумомъ захлопывали. Запахъ табаку и соленой рыбы густо билъ въ носъ.

Мать сѣла у входа на виду и ждала. Когда откры-

валась дверь — на нее налетало облако холоднаго воздуха, это было пріятно ей, и она глубоко вдыхала его полною грудью. Входили люди съ узлами въ рукахъ — тяжело одѣтые, они неуклюже застревали въ двери, ругались и, бросивъ на полъ или на лавку вещи, стряхивали сухой иней съ воротниковъ пальто и съ рукавовъ, отирали его съ бороды, усовъ, крякали . . .

Вошелъ молодой человѣкъ съ желтымъ чемоданомъ въ рукахъ, быстро оглянулся и пошелъ прямо къ матери.

— Въ Москву? — негромко спросилъ онъ.

— Да. Къ Танѣ.

— Вотъ!

Онъ поставилъ чемоданъ около нея на лавку, быстро вынулъ папиросу, закурилъ ее и, приподнявъ шапку, молча ушелъ къ другой двери. Мать погладила рукой холодную кожу чемодана, облокотилась на него и довольная начала разсматривать публику. Черезъ минуту она встала и пошла на другую скамью ближе къ выходу на перронъ. Чемоданъ она легко держала въ рукѣ, онъ былъ не великъ, и шла, поднявъ голову, разсматривая лица мелькавшія передъ нею.

Какой-то молодой человѣкъ въ короткомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ столкнулся съ нею и молча отскочилъ, взмахнувъ рукою къ головѣ. Ей показалось что-то знакомое въ немъ, она оглянулась и увидала, что онъ однимъ свѣтлымъ глазомъ смотритъ на нее изъ-за воротника. Этотъ внимательный глазъ укололъ ее, рука, въ которой она держала чемоданъ, вздрогнула и ноша вдругъ отяжелѣла.

— Я гдѣ-то видѣла его! — подумала она, заминая этой думой непріятное и смутное ощущеніе въ груди, не давая другимъ словамъ опредѣлить чувство, тихонько, но властно сжимавшее сердце холодомъ. А оно росло и поднималось къ горлу, наполняло ротъ сухой горечью, ей нестерпимо захотѣлось обернуться, взглянуть еще разъ. Она сдѣлала это — человѣкъ, осторожно переступая съ ноги на ногу, стоялъ на томъ-же мѣстѣ, казалось, онъ чего-то хочетъ и не рѣ-

шается. Правая рука у него была засунута между пуговицъ пальто, другую онъ держалъ въ карманѣ, отъ этого правое плечо казалось выше лѣваго.

Она не торопясь подошла къ лавкѣ и сѣла, осторожно, медленно, точно боясь что-то порвать въ себѣ. Память, разбуженная острымъ предчувствіемъ бѣды, дважды поставила передъ нею этого человѣка — одинъ разъ въ полѣ, за городомъ, послѣ побѣга Рыбина, другой — вчера, въ судѣ. Тамъ рядомъ съ нимъ стоялъ тотъ околодочный, которому она ложно указала путь Рыбина. Ее знали, за нею слѣдили — это было ясно.

— Попалась? — спросила она себя. А въ слѣдующій мигъ отвѣтила, вздрагивая:

— Можетъ быть еще нѣтъ . . . .

И тутъ-же, сдѣлавъ надъ собой усиліе, строго сказала:

— Попалась!

Оглядывалась и ничего не видѣла, а мысли одна за другою искрами вспыхивали и гасли въ ея мозгу.

— Оставить чемоданъ . . . уйти . . .

Но болѣе ярко мелькнула другая искра:

— Сыновнее слово . . . бросить? Въ такія руки . . .

Она прижала къ себѣ чемоданъ.

— А — съ нимъ уйти? . . Бѣжать . . .

Эти мысли казались ей чужими, точно ихъ кто-то извнѣ насильно втыкалъ въ нее. Онѣ ее жгли, ожоги ихъ больно кололи мозгъ, хлестали по сердцу, какъ огненныя нити. И, возбуждая боль, обижали женщину, отгоняя ее прочь отъ самой себя, отъ Павла и всего, что уже срослось съ ея сердцемъ. Она чувствовала, что ее настойчиво сжимаетъ враждебная сила, давитъ ей на плечи и грудь, унижаетъ ее, погружая въ мертвый страхъ, на вискахъ у нея сильно забились жилы, и корнямъ волосъ стало тепло.

Тогда, однимъ большимъ и рѣзкимъ усиліемъ сердца, которое какъ-бы встряхнуло ее всю, она погасила всѣ эти хитрые, маленькіе, слабые огоньки, повелительно сказавъ себѣ:

— Стыдись! . .

Ей сразу стало лучше, и она совсѣмъ окрѣпла, добавивъ:

— Не позорь сына-то! Никто не боится.

Глаза ея встрѣтили чей-то унылый, робкій взглядъ. Потомъ въ памяти мелькнуло лицо Рыбина . . . Нѣсколько секундъ колебаній точно уплотнили все въ ней. Сердце забилось спокойнѣе.

— Что-жъ теперь будетъ? — думала она, наблюдая.

Шпіонъ подозвалъ сторожа и что-то шепталъ ему, указывая на нее глазами. Сторожъ оглядывалъ его и пятился назадъ. Подошелъ другой сторожъ, прислушался, усмѣхнулся, нахмурилъ брови. Онъ былъ старикъ, крупный, сѣдой, небритый. Вотъ онъ кивнулъ шпіону головой и пошелъ къ лавкѣ, гдѣ сидѣла мать, а шпіонъ быстро исчезъ куда-то.

Старикъ шагалъ не торопясь, внимательно щупая сердитыми глазами лицо ея. Она подвинулась вглубь скамьи.

— Только-бы не билъ . . . не били . . .

Онъ остановился рядомъ съ нею, помолчалъ и негромко, сурово спросилъ:

— Что глядишь?

— Ничего . . .

— То-то . . . воровка! . . Старая ужъ, а туда-же . . .

Ей показалось, что его слова ударили ее по лицу, разъ и два, злыя, хриплыя, они дѣлали больно, какъ будто рвали щеки, выхлестывали глаза . . .

— Я? Я не воровка, врешь! — крикнула она всею грудью, и все передъ нею закружилось въ вихрѣ ея возмущенія, опьяняя сердце горечью обиды. Она рванула чемоданъ, и онъ открылся.

— Гляди! Глядите всѣ! — кричала она, вставая, взмахнувъ надъ головою пачкой выхваченныхъ прокламацій. Сквозь шумъ въ ушахъ, она слышала восклицанія сбѣгавшихся людей и видѣла — бѣжали быстро, всѣ, отовсюду.

— Что такое?

— Вотъ, сыщикъ . . .

— Что это? . .

— Украла, говоритъ . . .

— Она?

— А она — кричитъ . . .

— Почтенная такая . . . ай-ай-ай!

— Кого поймали?

— Я не воровка! — говорила мать полнымъ голосомъ, немного успокаиваясь при видѣ людей, тѣсно напиравшихъ на нее со всѣхъ сторонъ.

— Вчера судили политическихъ, тамъ былъ мой сынъ — Власовъ, онъ сказалъ рѣчь — вотъ она! Я везу ее людямъ, чтобы они читали, думали о правдѣ . . .

Кто-то осторожно потянулъ бумаги изъ ея рукъ, она взмахнула ими въ воздухѣ и бросила въ толпу.

— За это тоже не похвалятъ! . . — воскликнулъ чей-то пугливый голосъ.

— За это ой-ой! — отозвался другой.

Мать видѣла, что бумаги хватаютъ, прячутъ за пазухи, въ карманы — это снова крѣпко поставило ее на ноги. Спокойнѣе и сильнѣе, вся напрягаясь и чувствуя, какъ въ ней ростетъ, поднимая ее надъ людьми, разбуженная гордость, разгорается подавленная радость, она говорила, выхватывая изъ чемодана пачки бумаги и разбрасывая ихъ налѣво и направо въ чьи-то быстрыя, жадныя руки.

— За что судили сына моего и всѣхъ, кто съ нимъ — вы знаете? Я вамъ скажу, а вы повѣрьте сердцу матери, сѣдымъ волосамъ ея — вчера людей за то судили, что они несутъ вамъ, всѣмъ людямъ, честную, святую правду! Вчера узнала я, что правда эта — не побѣдима . . . никто не можетъ спорить съ нею, никто!

Толпа замолчала и росла, становясь все болѣе плотной, слитно окружая женщину кольцомъ живого тѣла.

— Бѣдность, голодъ и болѣзни, вотъ, что даетъ людямъ ихъ работа. Все противъ насъ — мы издыхаемъ всю нашу жизнь день за днемъ въ работѣ, всегда въ грязи, въ обманѣ, а нашими трудами тѣшатся и объѣдаются другіе . . . и дер-

жать насъ, какъ собакъ на цѣпи, въ невѣжествѣ — мы ничего не знаемъ, и въ страхѣ — мы всего боимся! Ночь — наша жизнь, темная ночь! Страшный сонъ она! . . Развѣ не такъ?

— Такъ! — глухо раздалось въ отвѣтъ.

— Заткни глотку ей!

Сзади толпы мать замѣтила шпіона и двухъ жандармовъ, и она торопилась отдать послѣднія пачки, но когда рука ея опустилась въ чемоданъ, тамъ она встрѣтила чью-то чужую руку.

— Берите, все берите! . . — сказала она, наклоняясь.

— Чтобы измѣнить эту жизнь, чтобы освободить всѣхъ людей, воскресить ихъ изъ мертвыхъ, какъ я воскресла — уже пришли люди, дѣти Божіи, которые тайно сѣютъ святую правду въ жизни. Тайно, потому что — вы знаете — никто не можетъ сказать правды вслухъ, затравятъ, задавятъ, сгноятъ въ тюрьмѣ, изувѣчатъ. Богатство — сила, силѣ богатыхъ правда жизни — врагъ заклятый, врагъ непримиримый никогда! Въ міръ несутъ правду дѣти, вамъ несутъ ее свѣтлые люди, чистые люди, по ихъ сердцамъ она придетъ въ нашу трудную жизнь, согрѣетъ, оживитъ, освободитъ насъ отъ угнетенія жадными и всѣми, кто продалъ душу имъ. Вѣрьте этому!

— Браво, старуха! — крикнули ей. Кто-то хохоталъ.

— Разойдись! — кричали жандармы, расталкивая людей. Они уступали толчкамъ неохотно, зажимали жандармовъ своею массою, мѣшали имъ, быть можетъ, не желая этого. Ихъ властно привлекала сѣдая женщина съ большими честными глазами на добромъ лицѣ, и, разобщенные жизнью, оторванные другъ отъ друга, теперь они сливались въ нѣчто цѣлое, согрѣтое огнемъ слова, котораго, быть можетъ, давно искали и жаждали многія сердца, обиженныя несправедливостями жизни. Ближайшіе стояли молча, мать видѣла ихъ жадно внимательные глаза и чувствовала на своемъ лицѣ теплое дыханіе.

— Встань на лавку! — говорили ей.

— Уходи, старуха!

— Сейчасъ возьмутъ! . .

— Ахъ, дерзкая . . .

— Говори скорѣе . . . идутъ!

— Прочь! Разойдись! — все ближе раздавались крики жандармовъ. Ихъ уже стало больше, они сильнѣе толкались, и люди передъ матерью покачивались на ногахъ, хватаясь другъ за друга.

Ей казалось, что все вокругъ нея кипитъ, всѣ готовы понять ее, повѣрить ей, и она хотѣла, торопилась сказать людямъ все, что знала, всѣ мысли, силу которыхъ чувствовала. Онѣ легко всплывали изъ глубины ея сердца и слагались въ пѣсню, но она съ обидою чувствовала, что ей не хватаетъ голоса, хрипитъ онъ, вздрагиваетъ, рвется.

— Слово сына моего — чистое слово рабочаго человѣка, неподкупной души! Узнавайте неподкупное по смѣлости, безстрашно оно и даже противъ себя идетъ встрѣчу правды, если нужно это ему!

Чьи-то юные глаза смотрѣли въ лицо ея съ восторгомъ и со страхомъ . . .

Ее толкнули въ грудь, она покачнулась и сѣла на лавку. Надъ головами людей мелькали руки жандармовъ, они хватали за воротники и плечи, отшвыривали въ сторону тѣла, срывали шапки, далеко отбрасывая ихъ. Все почернѣло, закачалось въ глазахъ матери, но, превозмогая свою усталость, она еще кричала остатками голоса.

— Собирай, народъ, силы свои во единую силу!

Жандармъ большой красной рукой схватилъ ее за воротъ, встряхнулъ.

— Молчи!

Она ударилась затылкомъ о стѣну, сердце одѣлось на секунду ѣдкимъ дымомъ страха и снова ярко вспыхнуло, разсѣявъ дымъ.

— Иди! — сказалъ жандармъ.

— Не бойтесь ничего! Нѣтъ муки горше той, которой вы всю жизнь дышете . . .

— Молчать, говорю! — Жандармъ взялъ подъ руку ее, дернулъ. Другой схватилъ другую руку и, крупно шагая, они повели мать.

— Которая каждый день тихонько гложетъ сердце, сушитъ грудь!

Шпіонъ забѣжалъ впередъ и, грозя ей въ лицо кулакомъ, визгливо крикнулъ:

— Молчать, ты, сволочь!

Глаза у нея расширились, сверкнули, задрожала челюсть. Упираясь ногами въ скользкій камень пола, она крикнула:

— Душу воскресшую — не убьютъ! . .

— Собака!

Шпіонъ ударилъ ее въ лицо короткимъ взмахомъ руки.

— Такъ ее, стерву старую! — раздался злорадный крикъ.

Что-то черное и красное на мигъ ослѣпило глаза матери, соленый вкусъ крови наполнилъ ротъ.

Дробный, яркій взрывъ криковъ оживилъ ее.

— Не смѣй бить!

— Ребята!

— Что такое?

— Ахъ ты, мерзавецъ!

— Дай ему!

— Не зальютъ кровью разума!

Ее толкали въ шею, спину, били по плечамъ, по головѣ, все закружилось, завертѣлось темнымъ вихремъ въ крикахъ, воѣ, свистѣ, что-то густое, оглушающее лѣзло въ уши, набивалось въ горло, душило, полъ проваливался подъ ея ногами, колебался, ноги гнулись, тѣло вздрагивало въ ожогахъ боли, отяжелѣло и качалось, безсильное . . . Но глаза ея не угасали и видѣли много другихъ глазъ — они

горѣли знакомымъ ей смѣлымъ, острымъ огнемъ — роднымъ ея сердцу огнемъ.

Ее толкали куда-то въ двери.

Она вырвала руку, схватилась за косякъ.

— Морями крови не угасятъ правды . . .

Ударили по рукѣ.

— Только злобы накопите, безумные! На васъ она падетъ!

Жандармъ схватилъ ее за горло и сталъ душить.

Она хрипѣла.

— Несчастные . . .

Кто-то отвѣтилъ ей громкимъ рыданіемъ.

Конецъ.

DIE MUTTER
:: Roman von ::
MAXIM GORKI

Preis 4 Mark
Цѣна 4 мар.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

МАТЬ

РОМАНЪ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW
VERLAG

To renew the charge, book must be brought to the desk.

TWO WEEK BOOK

DO NOT RETURN BOOKS ON SUNDAY

DATE DUE

MAR 28 1955		
MAR 14 1956		

Form 7079 7-51 30M S

